

The background of the cover features a sepia-toned landscape. At the top, a wide, winding river flows through a valley. Below the river, a herd of reindeer is depicted in a stylized, line-art manner. The bottom half of the cover shows a dense forest of evergreen trees, with a path or streambed visible in the foreground.

ПО ПРЕДГОРЬЯМ УРАЛА

путевые очерки
конца XIX – начала XX века

ПО ПРЕДГОРЬЯМ
УРАЛА

путевые очерки

конца XIX – начала XX века

издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

Санкт-Петербург 2023

УДК 91(470.5)
ББК 26.89(235.5)
П41

Ответственный редактор Е. Г. Власова

По предгорьям Урала: путевые очерки конца XIX – начала XX века / П41 отв. ред. Е. Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электронные данные. – СПб.: Маматов, 2023. 260 с.

ISBN 978-5-91076-274-3

Книга представляет очерки и заметки о путешествиях по Пермской губернии, опубликованные в газетах и журналах конца XIX – начала XX века. Авторы этих материалов составляют цвет уральской дореволюционной публицистики – это журналисты А. Н. Скугарев, С. С. Геммельман и Н. М. Чукмалдин, писатели А. А. Городков и Ф. А. Мейер, знаменитый краевед Н. П. Белдыцкий. Маршруты путешествий широко охватывают пространство: Соликамск, Чердынь, Ныроб, Усть-Улс, Кунгур, Белая гора, Нижний Тагил, Верхотурье, Надеждинск, реки Кама, Вишера, Колва, Сылва, Чусовая и др. Путевые описания включают богатые исторические сведения, непосредственные наблюдения за жизнью людей, эмоциональные картины уральской природы, размышления о прошлом и настоящем края.

УДК 91(470.5)
ББК 26.89(235.5)

*Книга издана в рамках научно-исследовательской
и книгоиздательской деятельности
Лаборатории политики культурного наследия
Пермского государственного национального
исследовательского университета.*

*Поддержка данного проекта осуществлена
Министерством культуры Пермского края.*

**ТРИСТА ЛЕТ
ПЕРМИ**

ISBN 978-5-91076-274-3

© Е. Г. Власова, Е. С. Кризская,
составление и комментарии, 2023
© Е. Г. Власова, предисловие, 2023
© ООО «Маматов», оформление, 2023

«Мы склонны больше изучать чужие земли, чужие народы, а на свое родное мало обращаем внимания»: «дорожная» литература Перми начала XX века

Обилие путевых очерков, заметок, набросков, записок и этюдов на страницах местной прессы начала XX века заставило одного из самых влиятельных критиков Перми констатировать наличие целого литературного направления, которое он назвал «дорожной» литературой¹. Статья Черномора стала непосредственным свидетельством того, что путевые публикации составляли обязательную часть газетной периодики этого времени.

Действительно, развитие транспорта и туризма в начале XX века сформировало устойчивый интерес к путешествиям, в том числе по внутренним регионам России. Периодические издания быстро откликнулись на новый общественный запрос. Местная пресса активно поддерживала этот интерес, сыграв важную роль в процессе литературного открытия региона.

Пожалуй, ни один из литературных жанров тех лет не может сравниться с газетными дорожными отчетами по своей значимости в процессе местной литературной и геокультурной самоидентификации, формирование которой во многом протекало в сфере газетной публицистики. Путевые заметки и родственные им по природе этнографические очерки были самыми первыми художественно-публицистическими жанрами местной газетной периодики. Еще до выделения неофициальной части «Пермские губернские ведомости» (далее – ПГВ), которые оставались самым крупным изданием Перми вплоть до 1917 года, с удовольствием размещали путевые материалы на своих страницах. Авторами этих очерков были добровольные корреспонденты газеты из числа губернской интеллигенции. Так, например, в 1891 году ПГВ опубликовали цикл очерков за подписью В-н П. «Эксперсии по верхнекамским дебрям: из записной книжки горного техника» (1891, 26 янв. С. 2).

После открытия неофициальной части «Ведомостей» поток путевых публикаций начал заметно увеличиваться. И если на первых порах встречались публикации столичных авторов и перепечатки, то к концу 90-х годов ПГВ сформировали собственный путевой отдел. Для него писали ведущие пермские журналисты и литераторы: это Н. П. Белдыцкий, В. Я. Кричевский, Ф. А. Мейер, Н. Прус, А. Н. Скугарев, С. С. Геммельман и др., что определило достаточно высокий литературный уровень этих материалов. К пореволюционному периоду регулярность публикаций увеличивается (и уже не только в летний период), жанровая палитра путешествий обогащается.

Постепенно складывается своеобразная литературная карта с устойчивыми маршрутами пермских травелогов. В рамках каждого направления формируется повторяющийся набор пространственных образов, которые

¹ Черномор. «Дорожная» литература // ПГВ. 1914. 4 июля. С. 2.

закреплялись в представлении о Пермском крае. Этот процесс взаимодействия пространства и повествования сродни тому, о котором говорила Е. К. Созина, размышляя о специфике формирования «лица автора» в уральской литературе конца XIX века: «Тип пространства, претворяясь в геопоэтику текста, становится обязательным атрибутом авторского лица»². В литературе, связанной с путешествием, эта связь становится конструирующей. Ландшафт местности, определяя характер передвижения, влияет на способ восприятия окружающих реалий, что на уровне текста воплощается в приоритете тем, персонажей, жанровых форм, авторских амплуа. Остановимся на характеристике основных маршрутов, сложившихся в путевой очеркестике местных авторов конца XIX – начала XX века.

Северное, самое представительное, направление было связано с путешествиями по Колве и Вишеру. Заметим, что эта часть северного Прикамья, особенно вишерский вектор, раньше не так часто становилась предметом путевых описаний. Поэтому местные травелоги по большому счету послужили литературным открытием этих мест. Северные травелоги влились в русло классического этнографического и бытового очерка. Мотивы этих путешествий были связаны с общим движением российских литераторов второй половины XIX века вглубь России. «Не помню сейчас, – пишет автор, скрывшийся под инициалами *С. А. Н.*, – за который год, в одном из солидных наших ежемесячных журналов выдающийся писатель заметил, что мы, русские, склонны больше изучать чужие земли, чужие народы, а на свое родное почему-то мало обращаем внимания. Истина этого замечания справедлива: Азия, Африка, а про Америку и говорить нечего, действительно, каждому почти русскому интеллигентному человеку больше известны, чем не только одна из отдаленных от него губерний, но даже один из отдаленных от него уездов»³.

На волне этого интереса и успешного опыта Д. Н. Мамина-Сибиряка (имея в виду его путевые очерки «От Урала до Москвы» (1881–1882), «В камнях» (1882), «Бойцы» (1883), «Старая Пермь» (1889) и др.), на которого пермские авторы путевых очерков нередко ссылались, региональные литераторы как будто осознали, что местный материал может стать предметом литературного творчества. Местный ландшафт, а именно – малоисследованный уральский север, давал обильный материал для описания глухих уголков России.

Путешествие на север было связано с кибитками и санями, переправами, иногда с пешими переходами и сплавами на подручных средствах. Невысокая скорость передвижения определяла своего рода статичность рисуемого пейзажа: виды менялись нечасто, преобладало описание открывшейся за «стеной леса» панорамы, как правило, это были долина реки или вид на горы, а чаще то и другое вместе. Вот один из характерных фрагментов подобного путеше-

² Созина Е. К. «Лицо» и «образ» автора в произведениях писателей Урала конца XIX – начала XX века // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 3: материалы III Всерос. науч. конф. «Литература Урала: автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)»: в 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 14.

³ С. А. Н. По Чердынскому уезду: Наброски по личным впечатлениям // Пермские губернские ведомости (далее – ПГВ). 1895. 17 дек. С. 2–3.

ствия: «Под несмолкаемый звон колокольчиков, на паре лошадей, в обычном здесь коробке, покатыл по земскому тракту в направлении к Верх-Язьве. Первая станция – село Губдор в двадцати трех верстах от города. Дорога и погода чудные. Конец мая – и мощная зелень берез и придорожных кустов развернулась во всей красе...

Снова раздвинулся лес, и перед нами предстала деревенька Ябурова в восемнадцать дворов. С этого пункта открывается дивный вид на Помянёный камень, отрог Урала. До этого камня от Ябуровой по прямой линии верст двадцать – двадцать пять, и он виден весь, со своими причудливыми вершинами, со сверкающим снегом во впадинах.

Гордо возносятся навстречу голубому небу эти прихотливые вершины и отдельные скалы, то в виде столбов, то пирамид, то острых пик, которые рельефно выделяются на голубом фоне. Вместе с горами и сам как бы приближаешься к небесам. Простым глазом видно, как зеленая полоса лесов кончается, начинается серая масса известняка, кое-где, в углублениях, покрытая пятнами сверкающего белого снега. От самой Ябуровой до подножия камня идет непроницаемая стена хвойного леса. Воздух чист и ароматичен.

Насилу отрываюсь от этой величественной картины и продолжаю дальнейший путь. Снова лес поглощает нас, и снова он расступается перед деревенькой Бычиной на берегу той же реки Язьвы»⁴.

В группе северных путешествий представлено последовательное развитие авторской репрезентации – от традиционного ампула исследователя-этнографа до более актуальной роли туриста. **Николай Петрович Белдыцкий** (1869–1928) демонстрировал установку на пытливого наблюдателя-исследователя. Ему интересны человеческие типажи и нравы, история, экономика и культура места. Он общается с местными, пытается войти в жизнь тех людей, о которых пишет. **Федор Андреевич Мейер** (1851–1918), путешествующий к святым местам, тем не менее предстает как абсолютно светский турист, осознающий свою дистанцированность от описываемого. Постоянный корреспондент ПГВ служащий из Чердыни **Н. Прус**, целью своего путешествия выбравший раскольническую Пудьву, в основу отчетов положил описание мощи окружающей природы и локальную мифологию. Автор предстает, как бы сказали сегодня, экстремальным туристом, путешествующим в поисках приключений и острых ощущений.

Направление путешествия определяло не только специфику точки зрения и авторское ампула, но и выбор персонажей. Ключевыми героями северных путешествий становятся необычные персонажи: представители коренного населения Урала – коми-пермяки и манси, а также раскольники.

Северные путевые отчеты закрепили в образе Пермского края темы красоты северной природы, связанные с описаниями пармы, скал и быстрых горных рек (Вишеры прежде всего); древности, восходящей к истории коренного населения края, и язычества (хотя тема печального положения коренного населения лейтмотивом проходит сквозь все очерки), наконец, таинственности, связанной с жизнью местных раскольнических скитов. Вот как эти

⁴ Прус Н. В предгорьях Урала: наброски карандашом // ПГВ. 1906. 2 июля. С. 2.

мотивы переплелись в описании Н. Пруса: «Конечно, не эти фантастические рассказы служили для меня толчком к посещению Пудьвы, а желание увидеть еще мало тронутую нашей культурой девственную природу севера, непроходимые лесные дебри, вершины нашего милого Урала, убранные сверкающим чистым снегом, послушать журчание горных речек, с холодной кристальной водой, помечтать под шепот смолистых сосен, и, наконец, отдохнуть от лжи и условностей городской жизни среди простых и доверчивых обитателей лесных деревень» (1906, 2 июля. С. 2).

Другой крупный вектор путешествий был связан с Камой и пароходами. В описаниях камского путешествия доминирует неторопливое, фланерское повествование, сродни кинематографической фиксации. При описании вида с парохода очеркисты пользуются глаголами со значением динамики действия и специфической терминологией, впоследствии ставшей кинематографической: «Еще далее лес стал отступать на второй план. На горизонте мелькали поля и поля. Взор с удовольствием тонул в необъятной дали плоского берега. Вот показалась Елабуга, показалась как-то сбоку. Город этот стоит в неглубокой ложине, слегка прикрытой с двух сторон возвышенностями.

Вид довольно приятный. Перед глазами открываются на первом плане три церкви, а затем целый ряд каменных строений и домов весьма внушительных размеров...

Далее, в глубине, видна еще церковь меньших размеров, а впереди ее длинное каменное строение с чернеющими входами – “гостиный двор”, несомненно⁵.

В русле данного – пароходного – направления путешествий начал формироваться и жанр прогулки. Такого рода прогулки нередко превращались в злободневный репортаж, связанный с критикой местных проблем. Репортажностью отличаются, например, заметки о первой поездке на пароходе до Курьи⁶ и прогулке по рецепту врача⁷. Формула «На первом пароходе» стала обязательной для весенних выпусков пермской прессы. Под таким названием появлялись традиционные репортажи об открытии навигации. Интересно, что традиция описания речных путешествий стала предметом ироничной авторефлексии местных журналистов. В 1906 году известный пермский журналист **Александр Николаевич Скугарев** (1870–1912) пишет веселую пародию на пароходное путешествие вниз по Каме: «Постепенно становилось всё более и более далеким то “пермское”, которое таким неодолимым гнетом ложилось на мою душу и, как паутиной, облепляло мое «я» пошлой суетой бесцветного, полусонного существования...

Прощай, проза, здравствуй, поэзия! Я вздохнул полной грудью и заплакал, заплакал жуткими и радостными слезами свободы, словно узник, выпущенный на волю.

На оханской пристани мое внимание привлекли четыре дамы в шляпках, судейский кульбик, два студента, дама в платке, но с изящным несессером,

⁵ Н. Б-ов. По Каме и по Волге: (Дорожные наброски и заметки) // ПГВ. 1898. 3 июня. С. 2.

⁶ Наблюдатель. Первое путешествие в Курью // ПГВ. 1906. 23 апр. С. 3.

⁷ Незаметный. Прогулка по рецепту врача // ПГВ. 1909. 20 сент. С. 2.

замечательно картинный унтер-офицер, поп, дрова и бараны. Больше ничего замечательного не удалось увидеть, если не считать оханских кренделей и лепешек, которые оказались отменно вкусными»⁸. Между тем, пародийное начало этого травелога не помешало А. Н. Скугареву написать классический очерк, не лишенный точных наблюдений и выразительных оценок.

Ведущим авторским амплуа в речных путешествиях становится автор-турист, автор на отдыхе – летнем или воскресном. В репортажных прогулках, соответственно, актуализируются журналистские установки, связанные с критикой местных злоб.

Речные путешествия вводят в пермский литературный контекст представителей пароходного сообщества: пермских капитанов и моряков, грузчиков, а также пароходной публики – подгулявшего купца, бедного студента. Правда, нужно заметить, что последних не очень много: пароходный быт описан достаточно бегло. Главными героями этих отчетов становятся река и окружающий ландшафт. Темой для обязательного обсуждения, конечно же, служит волнительный для пермяков сюжет сопоставления Камы и Волги. Чаще всего подчеркиваются широта и мощь красновато-желтых вод Камы и поражающее на контрасте сложившегося представления и реальности мелководье зеленоватой Волги.

Отметим, что в большом пароходном травелоге пермского журналиста и писателя А. А. Городкова, опубликованном в столичном журнале «Светоч и дневник писателя», Кама становится главной магистралью западного Урала, связывая ключевые символические пространства – от исторических Ныроба и Чердыни до солеваренных Усоля и Березников, затем губернская Пермь и заводская Мотовилиха, Оса и башкирское Прикамье, хлебные пристани за Частыми и старинные города периода русской колонизации Казанского царства в нижнем течении Камы. Этот собирающий прикамское пространство очерк и открывает нашу подборку.

Продолжает речную тему прикамских путешествий раздел, посвященный поездке на Белую гору по реке Сылве и сплаву по реке Чусовой. Эти травелоги задают восточную, горнозаводскую траекторию уральского пространства, но, в отличие от железнодорожных путешествий в Зауралье, сохраняют свою органичную связь с Камой. Впервые становится самостоятельным предметом описания Сылва – «лесная артерия» и младший двойник Чусовой. Путешествие по Сылве на пути к Белогорскому монастырю стало для известного тюменского предпринимателя и журналиста **Николая Мартемьяновича Чукмалдина (1836–1901)** неожиданно ярким знакомством с прикамским Уралом: это мощные скалы, темные густые леса, зажиточные деревни и заводы, богатый торговый Кунгур и Белая гора – «духовный приют» и природное «чудо Западного Урала».

Очерк **В. М.** «По реке Чусовой (Впечатления туриста)» примечателен развитием темы уральских сплавов, которая складывалась в путевых отчетах приезжих ученых и литераторов XVIII–XIX веков и получила свое художественное воплощение в знаменитых очерках Д. Н. Мамина-Сибиряка

⁸ Скупой Гальба. Мое путешествие // ПГВ. 1906. 4 июля. С. 2.

«В камнях» и «Бойцы»⁹. «Если бы река Чусовая находилась где-либо за границей или хотя бы около наших столичных центров, то, несомненно, нашлись бы такие предприимчивые люди, которые организовали бы по ней весенние сплавные рейсы для любознательных путников, любителей природы и сильных ощущений и вообще туристов, и несомненно также, что подобные весенние поездки по этой редкой по красоте и исключительной своими особенностями реке привлекали бы массу путешественников, как их ежегодно привлекает какая-нибудь сравнительно жалкая Иматра или известный Рейнский водопад (Райнфаль) в северной Швейцарии, близ города Шафгаузена», – так описывает туристическую привлекательность Чусовой автор записок этого путешествия. Сплав по реке Чусовой, тем самым, предстает в качестве не просто локальной, но мировой достопримечательности, отражая формирование самодостаточного геокультурного статуса уральского пространства.

Остановимся еще на одном векторе пермских путешествий – по железной дороге на восток – от Перми до Нижнего Тагила, Невьянска, Екатеринбурга и Надеждинского завода.

Для железнодорожного путешествия характерны быстрая смена картинок, экспрессивные глаголы и синтаксические конструкции. Поезд заставляет авторов экспериментировать с еще более динамичной, чем в паровозных травелогах, стилистикой. Картинка меняется очень быстро, за окном мелькают уже не только пристани и заводы, но и целые населенные пункты: «Около нобелевской платформы мы потеряли, на время, Каму из виду, но дальше опять те же картины: Лёвшино – в воде, Ляды – в воде, Сылва – в воде, и везде, где путь проходил вблизи Камы и Сылвы, вы видите громадный разлив: острова, кусты, стога, избы – всё затоплено, и вода несет свои жертвы, среди которых и дрова, и бревна, и вымытые с корнями деревья, и снесенные крыши, и разный домашний скарб...»¹⁰.

Пожалуй, одним из самых точных определений этого типа описания может стать сопоставление его с калейдоскопом. В отличие от парохода поезд не располагает к расслабленному созерцанию, он требует активного участия.

Позднее это новое ощущение движения метафорически насыщено передал Б. Л. Пастернак в романе «Детство Люверс» (1917–1918), повествуя о путешествии девочки Жени Люверс по железной дороге из Перми в Екатеринбург: «Весь остаток пути она не отрываясь провела у коридорного окна. Она приросла к нему и поминутно высывалась. Она жадничала. Она открыла, что назад глядеть приятней, чем вперед. Величественные знакомцы туманятся и отходят вдаль. После краткой разлуки с ними, в течение которой с отвесным грохотом, на гремящих цепях, обдавая затылок холодом, подают перед самым носом новое диво, опять их разыскиваешь. Горная панорама раздалась и всё растет и ширится. Одни стали черны, другие освежены, те помрачены, эти

⁹ Подробнее о сплавных травелогах см.: Власова Е. Г. Сплав по реке в структуре дорожных дискурсов уральского травелога конца XVIII–XIX веков // Труды Русской антропологической школы. Вып. 13. М.: РГУ, 2013. С. 101–111.

¹⁰ Скупой Гальба. Из летних экскурсий: На разлив // ПГВ. 1902. 3 нояб. С. 2.

помрачают. Они сходятся и расходятся, спускаются и совершают восхождение. Всё это производится по какому-то медлительному кругу, как вращение звезд, с бережной сдержанностью гигантов, на волосок от катастрофы, с заботой о целостности земли»¹¹.

Персонажная структура железнодорожного путешествия включает не так много действующих лиц: это кондуктор и вокзальный сторож, которые функционально сближаются с образами камских капитанов и матросов из паровозных отчетов. Однако, в отличие от последних, железнодорожники лишены героического ореола – нередко они предстают в сниженном, фельетонном описании.

Авторы железнодорожных путешествий чаще всего пишут от лица «журналиста на задании», поэтому здесь преобладают прагматические установки. Так, например, один из первых пермских «железнодорожных» журналистов-путешественников **Сергей Сергеевич Геммельман** (1877–1938), рассказывая о поездке по Богословской дороге, рассуждал о «достаточной балластированности», что приводило к «упругому приседанию вагонов на рессорах» и «неимоверному качанию»¹².

Путевые рассказы о путешествиях по железной дороге вводят в местный литературный контекст образы уральской промышленности. За окнами поезда путешественники чаще всего наблюдают горный и заводской пейзаж: «Вся дорога идет по девственному лесу, местами выжженному постоянными лесными пожарами, местами дикому и запущенному. Но вот лес начинает редеть, всё больше и больше вырубленных пространств, и наконец открывается огромная ровная площадь, на которой не осталось ни одного дерева, а только торчат из земли голые пни и вдали виднеется громадный Надеждинский завод и широко раскинувшийся поселок. Большинство домиков чистенькие, похожие друг на друга, как родные братья. Громадные трубы с клубами черного дыма, высокие домны, выбрасывающие снопы пламени – всё это господствует над окружающей местностью»¹³.

Завершает подборку раздел «Пермская Башкирия» – это название башкирских земель на территории Пермской губернии было предложено С. С. Геммельманом, который посвятил башкирам целый цикл путевых и этнографических очерков. Благодаря этому автору читатели ПГВ знакомы с богатыми традициями и самобытной культурой башкирского народа, учились внимательному отношению к соседу и понимаю того, что за обобщенным, нередко искаженным представлением об «инородцах» стоят конкретные люди.

В целом «дорожная» литература представляла собой достаточно обширную и разнообразную по своим темам и стилистике сферу газетной публицистики. Главной ее заслугой стало участие местных авторов в литературном освоении пространства Пермского края. До этого времени Пермь была описана в основном пришлыми литераторами. Газетная публицистика не только закрепила

¹¹ Пастернак Б. Л. Детство Люверс // Пастернак Б. Л. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. М., 1991. С. 47.

¹² Г-н С. По Богословской дороге // ПГВ. 1906. 20 июля. С. 3.

¹³ Там же.

специфические пространственные значения, сложившиеся в представлении местного сообщества, но и начала вырабатывать язык их литературного описания. В частности, пермская «дорожная литература» сформировала несколько крупных повествовательных типов, специфика которых определялась природной и культурно-исторической спецификой прикамских и зауральских ландшафтов.

*Е. Г. Власова,
кандидат филологических наук,
заведующая Лабораторией политики
культурного наследия ПГНИУ*

КАМА

Кама

А. А. Городков

Чердынь

*...Болота моховые,
Без солнца яркого, без ласки небеса.
О чём-то шепчутся печально вековые
Непроходимые леса*

А. Круглов

– Вставайте, барин! Как в Чердыни будем, побудить велели.

Открываю глаза и говорю спросонок:

– Сейчас.

Стучавший в дверь моей каюты удаляется, а я начинаю поспешно одеваться.

Пароход наш пришел ночью, и все пассажиры уже успели съехать на берег, и потому на пароходе тихо и безлюдно, только прислуга в каютах, да откуда-то доносятся голоса грузчиков:

«Идет, идет, да вот пойдет!»

В столовой – ни души. В окно виден город на высоком крутом берегу реки... Много церквей, сгруппировавшихся на одной площади на самом венце горы, несколько солидных каменных строений, хорошие деревянные постройки – всё обличает старый город купеческой складки, от всего веет домовитостью. Яркое солнце играет на золоченых крестах и главах церквей, белые стены зданий и храмов блестят на солнце, и город смотрит на реку весело и приветливо.

Надо было покинуть пароход и искать временного пристанища. Пароходный лакей, человек бывалый, на мой вопрос о гостинице только усмехается.

– Какие номера-с! Здесь их и звания нету...

Пошел справиться на пристани.

– Никаких номеров действительно нету. Более на обывательских квартирах. Ведь здесь приезжает-то кто? Свой же брат «чердак»* или кто-нибудь знакомый. Ну, у них и останавливается.

– На земской квартире бы можно, – с расстановкой сказал какой-то купец, расплачивавшийся за фрахты. – Там, ежели свободно, так пустят.

– А вы надолго в Чердынь? – спрашивает кассир.

– Да не знаю, как удастся всё осмотреть. Я бы хотел на Полюд съездить или в Ныроб.

– На Полюде только намаетесь, – говорят в конторе. – Далеко, да и сдерут с вас дорого.

– А в Ныроб – дело святое, – одобряет купец.

– В Ныроб вам съездить в полсутки можно, – говорит кассир и прибавляет: – Так вы с парохода вещей не берите, а отправьтесь налегке, завтра к утру вернетесь и с ним же обратно побежите*.

Послушался доброго совета, вернулся на пароход, напился чаю, переоделся, запер каюту на ключ и сошел на берег.

У пристани, на набережной, несколько извозчиков с коробками (плетушками на дрогах) и гитарами-линейками предложили свои услуги, вызываясь во весь дух доставить меня в город и предлагая вполне удобное пристанище в известной уже мне земской квартире, но я предпочел отправиться по образу пешего хождения и полез по тропинке в гору.

Подъем довольно крутой и преодолевается не без труда, но зато с вершины открывается чудный вид на север и северо-запад. Море темно-зеленых лесов, которым глаз не видит конца, серебристая, светлая лента капризно извивающейся меж крутых берегов реки Колвы* и вдали сизые вершины отрогов Урала, обычно называемые «камнями». Самый большой из последних – Полюд, синеватый большой глыбой на фоне голубого, безоблачного неба, словно недвижимая, грозная туча, кажется, лежит так близко, а между тем до него считается от Чердыни свыше семидесяти верст.

Название «Полюд» – пермяцкое и производится от слова «пель», по-русски – ухо. Говорят, что абрис гор, если смотреть на них с утесов при слиянии Камы и ее притока Вишеры, напоминает острые уши лисицы. Верхнекамское предание прибавляет также, что в эти горы ушли старые пермяцкие богатыри со своими сокровищами при появлении русских колонистов, истреблявших местных аборигенов – «чудь белоглазую». Легенда не нова: на Волге вы услышите такие же предания о некоторых вершинах Жигулей.

Путешествие на Полюд очень интересно, но требует больших материальных затрат и большой выносливости со стороны туриста.

Дорога к Полюду не отличается хорошим состоянием, и потому ямщики берут за провоз очень дорого. При подъеме необходимы проводники; подъем требует большой сноровки и умения лазить по горам, так как малейшая неосторожность может повлечь катастрофу.

Подыматься приходится местами чуть не ползком, кое-где нужно обходить пропасти и расселины. Этим и объясняется сравнительно незначительное число туристов, побывавших на Полюде, хотя камень привлекал издавна ученых и о нём имеется специальная геологическая литература. Не так давно на одном из склонов Полюда были устроены каменоломни и вырабатывались жернова, но трудности работ заставили прекратить производство, и в настоящее время промыслы заброшены.

К северо-западу от Полюда тянется лесистый горный кряж, но, одетый хвойной порослью, он мало выделяется из общей темно-зеленой полосы

пихты, елей и сосен и обнажается лишь у Колвы, давая ряд живописных скал-камней, гордо высящихся над рекою и крутыми обрывами, спускающихся к глухо плещущей внизу волне.

Едва ли не самое красивое место в Чердыни занимает острог. Неподалеку, на самом венце горы, группа церквей, сохранившихся от бывшего кремля. Церкви не отличаются особенной древностью архитектуры: страшные пожары в городе сильно попортили памятники старины и все постройки или реставрировались, или возводились снова на месте погубленного огнем. Даже Иоанно-Богословская церковь, некогда Иоанно-Богословский мужской монастырь, не сохранилась в своем первоначальном виде: пощаженная огнем, она была перестроена князем Гагариным, бывшим сибирским генерал-губернатором, проезжавшим через Чердынь в Петербург, куда его вызывал Петр I, возмущенный хищениями вельможи в далекой Сибири.

– Грехи замолить думал, церковь обновил, – рассказывают на Каме. – Пленных шведов архитекторами поставил, денег не пожалел, да не принял Господь его жертву: много он слез сиротских пролил и у нищего последнее отнимал.

Действительно, приговор императора был суров: князь Гагарин в Петербурге был казнен через повешение и труп его на виселице был оставлен на значительный срок без погребения. Когда веревка перегнила и труп упал, родственники князя просили дозволения его похоронить.

– Повесить до срока на железной цепи! – ответил именным приказом государь.

Иоанно-Богословский монастырь основан святым Ионою, просветителем всего Чердынского края. История просвещения пермяков светом Христа-учения относится к XV веку. Святой Стефан Великопермский* никогда в пределах современной нам Пермской губернии не был: он проповедовал в Вологодском крае среди зырян и, в числе других храмов и монастырей в этой местности, основал на Вычегде Спасо-Ульяновскую пустынь.

Иноки ее продолжали миссионерскую деятельность своего учителя и основали на Печоре Троицкий монастырь для просвещения вогулов, но последние не хотели расстаться со своими верованиями, и от руки диких язычников пали ревностные проповедники слова Божия: святой Герасим, задушенный собственным келейником, новообращенным вогулом, и святой Питирим, зверски убитый вогульским князем Асыкой во время молебствия и крестного хода.

Сравнительно спокойнее стало в крае при преемнике святого Питирима – святом Ионе, и святитель обратил свое внимание на Пермь Великую – Чердынь.

«Лета 6970 Иона, архиепископ Пермский, крести Великую Пермь и князя их, и церкви постави, и игумены, и попы», – кратко отметили местные летописи это знаменательное событие.

В первый же год после крещения пермяков святой Иона основал в Чердыни мужской монастырь во имя святого апостола Иоанна Богослова, завещав инокам продолжение миссионерских трудов в полудиком, инородческом крае.

«Вся Москва прославила подвиг св. Ионы. Устюжане и Новгородцы поспешили выразить ему любовь свою богатыми дарами, и слава просвятителя Великой Перми пронеслась по земле Русской, ибо он довершил подвиг св. Стефана. Память св. Герасима, Питирима и Ионы – 29 января»*.

Московским правительством монастырь был сделан самостоятельной административной единицей, а Иоанн Грозный в своей грамоте монастырю постарался уберечь последний от возможных со стороны светских лиц насилий и притеснений:

«И вы б, Чердынцы, Богословского монастыря строителя игумена Варлаама с братиею от пермских наместников и от их тиунов и доводчиков берегли во всем, чтоб им и их крестьянам обид и насильств не чинили. Чтоб Богословский монастырь не запустел и наше богомолье не оскудело»*.

А теперь былой богатый монастырь – скромная, заброшенная церковь, даже не самостоятельная, а приписанная к Богоявленской, – обычное неуважение наше к памятникам седой старины.

Новокрещенная Чердынь сначала пользовалась самостоятельностью в отношении политическом и управлялась своими князьями. Иоанн III оставил крещеному князю Михаилу неприкосновенность его владений, но через десять лет князь Михаил признал свою зависимость от Москвы и переехал в городок Покчу (теперь село в пяти верстах от Чердыни). Вскоре он был убит в схватке с вогулами, а преемник его Матвей, по свидетельству Карамзина и Соловьёва, «был сведен с Перми Великой» и замещен первым русским наместником края, поселившимся в той же Покче. Страшный пожар, истребивший городок и его укрепления, заставил снова перенести административный центр в Чердынь.

Здесь были возведены новые укрепления – острог с башнями, бойницами и даже тайником к реке Колве. Помимо крепости, весь город был обнесен деревянным тыном с башнями, что указывает уже на важное стратегическое значение города для всего Прикамья.

С половины XVII века транзитный путь в Сибирь прошел через Соликамск (теперь уездный город неподалеку от Камы, на сто верст ниже Чердыни), и в последний перенесено управление краем, но, потерявши значение административного и военного пункта, Чердынь по-прежнему осталась торговым центром, средоточием меновой торговли с иностранцами Печоры и дальнего северо-востока.

Начало торгового обмена в крае археологи относят на основании многочисленных раскопок к V–VI векам от Р. Х. Первоначально торговали с Поволжьем, в XI веке завели сношения с новгородцами, в XVIII столетии город насчитывал восемьдесят пять торговых фирм.

В настоящее время Чердынь – торговый перевалочный пункт для грузов, идущих из центральной России по Волге и Каме на Печору. Предметы ввоза: чай, сахар, соль, керосин и, главным образом, хлеб.

– Своего хлеба Чердыни и на полгода не хватает, – говорили мне знатоки края.

Предметом вывоза являются семга, дичь, пушнина, ворвань.

Чердынские купцы ведут торговлю со всей Печорой, и потому в Чердыни много местных тузов, наживших на этом обмене большие средства. Фамилии

их любопытный путешественник может узнать... из надписей на водоразборных будках. Водопровод в Чердыни построен на частные средства купчихи Лунеговой, а остальные клиенты поставили собственные водоразборные будки и снабдили их на память потомству подобающими надписями: «Да ведают потомки православных...»

Теперь чердынцам в их торговле с Печорой явились конкуренты в лице архангельцев. Чердынские купцы идут с верховьев Печоры (от Якшинской пристани, куда товары доставляются из Чердыни зимою гужом, а весной – часть мелкими речушками, притоками Колвы, часть волоком), архангельцы же пошли с моря от устья Печоры к ее истокам. В противовес им чердынцы хлопочут о проведении железной дороги (от Чердыни около ста пятидесяти верст) через Соликамск и Чердынь до села Троицкого на Печоре и далее на Архангельск.

Получив северный отпускной порт для заграничной торговли, край, несомненно, оживится, печорцы получают возможность сбывать свое сырье в Архангельск, и новые пути еще более разовьют конкуренцию, что удешевит хлеб и слегка ослабит хищничество чердынцев в их торговле с инородцами. Наконец, путь пройдет по нефтеносным землям Печорского района (ухтинская нефть) и откроет возможность поселений в богатой, но пустынной стране.

– Наш край дикий, – говорят чердынцы. – И город-то у нас – берлога медвежья.

А в голосе слышна гордость:

– Ты посмотри-ка, как мы живем: водопровод, учебные заведения.

Действительно, в городе реальное и ремесленное училища, женская гимназия, городское четырехклассное училище и две начальных школы. Имеется даже археологическое общество и при нём музей, где собраны многие изделия местных аборигенов – чуди, найденные при раскопках множества могильников, валов и древних городищ.

Имеется в городе городская общественная библиотека, существует метеорологическая станция – недостатка в просветительных учреждениях нет.

Купечество на свои пожертвования основало богадельню и открыло приют для детей. Много пожертвований поступает и на церкви, и потому последние внутри отделаны очень хорошо, хотя снаружи их архитектура оставляет желать лучшего. Все они каменные, Спасо-Преображенская – двухэтажная. Около собора часовня-памятник над павшими в бою с инородцами при обороне села Кондратьевой слободы, на Вишере, близ Камы. Убитых было восемьдесят пять, среди них один инок, как гласит простая скромная надпись, перечисляющая имена погибших. Часовня относится к наиболее чтимым в Чердыни памятникам: здесь часто служат панихиды, и чердынские купцы без этого не едут в далекую дорогу или не заключают крупной сделки.

– Святые мученики, – с глубокой верой говорила мне одна старушка, – потерпели от нечестивых агарян, и молитва их к Богу доходчива...

Торговые обороты Чердыни, несмотря на незначительное число жителей (всего четыре тысячи), побудили открыть в городе два банка – общества взаимного кредита и городской. Обороты их весьма значительны.

– Ты не гляди, что у нас народ серый: капиталами ворочает, – вполне справедливо говорят чердынцы о самих себе, и нет сомнения, что торговля и промышленность в крае еще более увеличатся с проведением железной дороги.

Поездка в Ныроб

Осмотр Чердыни и ее достопримечательностей занял часа три, и я решил посвятить остальное время поездке в село Ныроб, где умер в заточении сосланный туда Борисом Годуновым Михаил Никитич Романов, родной дядя восшедшего на престол в 1613 году Михаила Фёдоровича Романова.

Найти земского ямщика оказалось делом нетрудным; запрягли мне лошадей очень быстро, и вскоре я на полной рыси выехал из Чердыни по Колвинскому тракту, идущему через Ныроб. Дорога прекрасная, пара резвых невысоких лошадок бежит легко и свободно, и ямщик везет на сибирский манер: визжит, гикает и, кажется, всего менее заботится о сохранении в целостности экипажа, лошадей и пассажира, не разбирая дороги и не признавая ни подъемов, ни спусков.

– Ты бы с горы попридержал, – попробовал обучить я своего возницу правилам настоящей кучерской езды.

– На гору легче, – возразил он, и пара карьером взмыла на гору.

Не прошло и получаса, как мы неслись по улицам Покчи, о которой я уже упоминал, описывая Чердынь. Селение было известно уже в глубокой древности: Никоновская, или Патриаршая, летопись, говоря о походе воевод Иоанна III в 1472 году на Пермь Великую, упоминает древние города Чердынь, Урос, Покчу.

«Прииде князь Феодоръ Пестрый на Усть Почки (Покчи), где впала в Колву. Срубившие ту городок, седе в нем и приведе всю землю ту за великого князя».

В этом городке поселился и первый русский наместник края – Василий Андреевич Ковер, но при нем Покча выгорела и административным пунктом сделалась Чердынь, а Покча превратилась в скромный погост, продолжавший, впрочем, быть местом обмена товарами русских с инородцами. Торговля эта теперь еще более усилилась, и грузообмен Покчи превышает двести тысяч пудов на сумму до восьмисот тысяч рублей.

В селе хорошие постройки, много изб в два этажа, попадаются богатые каменные дома; всё выстроено солидно, на широкую, купеческую ногу. Телеграф, двухклассное мужское и одноклассное земское училища, детский приют, богадельня – всё это приятно поражает путешественника. Красивая по архитектуре церковь построена известным пермским архитектором А. Е. Турчевичем, подарившим Пермской губернии много красивых церквей и построившим лучшие здания в самой Перми.

За Покчей тракт идет лесом. Густой чащей стоят по обеим сторонам дороги лапчатые пихты, стройные ели, кое-где промелькнет и пропадет в общей массе красноватый ствол сосны под густой, нависшей темно-зеленой кроной. Отовсюду обступила тракт сплошная стена хвойного леса, и только изредка вынырнет откуда-то просека, обнесенная жердевой изгородью, – поле с чахлой растительностью: ярицей, ячменем, полбой. Еще древние чердынцы,

по свидетельству пермского историка Дмитриева, жаловались на недороды и указывали московским царям, что у них «место подкаменное, студеное, хлеб не родится, побивает мороз по вся годы».

Невелики эти пашни. Быстро сменяет их лес, и снова едешь в зеленом царстве нескончаемой хвои, среди мрачной обстановки приуральской чащи, и, кажется, конца нет этой неприветливой заросли елей и пихты. Проглянут кое-где белые стволы берез, лиловатые осинки, рябина или бузина и поспешно прячутся в гущину.

«Мы не хозяева здесь... Выросли вот после порубки, пока не разрослась пихтовая поросль, и скоро исчезнем под ее напором».

И действительно, подымается хвойный молодняк, вымирают лиственные породы, и только некоторые наиболее сильные деревья чахнут в тени чащи, пока и их не постигнет участь более слабых.

Среди чащи вдруг открывается поляна, блеснула под обрывом река Вильгорт...

Село Вильгорт пермяцкое, как это показывает и само название. «Виль» значит новый, «горт» – дом. Село большое, размерами и числом жителей не меньше Покчи, но в торговом значении намного отстало от последней. В селе два училища, больница...

Меняют лошадей... Село осталось позади, снова потянулся однообразный лес, угрюмый, нахмурившийся, неприветный. Снова гикал ямщик, мчались лошади, и, вздрагивая, звякал колокольчик.

Местные возницы неразговорчивы и нелюбопытны: ни о чем не спрашивают пассажира и отвечают довольно неохотно. Причиной этому может быть та мрачная сосредоточенность и равнодушие к окружающему, которые прежде всего поражают вас во всяком пермяке, или прямо боязнь пред начальством, которого ямщик видит в каждом проезжающем.

Часа полтора проехали однообразным, скучным путем. Вдали показались какие-то постройки.

– Что это?

– Искор.

Опять одно из древнейших поселений края. Здешние раскопки дают повод археологам относить существование поселения чуть не к пятому веку от Р. Х.

«Князю Федору не дошедшие еще городка Искора сретоша его Пермь на Колве. Оттуда князь Федор поиде тако к Искору и взят его, воеводы же их поймал Бурмата да Мичкина. Поимал же и иные городки и пожегль...», – сообщает цитированная уже мною Никоновская летопись.

Этот летописный Искор был несколько в стороне от современного села Искора и, вероятно, был солидным укреплением: «Искор» на пермяцком языке значит «каменный город». Село находится в пустынной местности, на равнине, окаймленной лесистыми кряжами отрогов Урала. Жители занимаются хлебопашеством, рыболовством, извозом (через село идет тракт, ведущий на Якшинскую пристань, перевалочное место для грузов на Печору), охотой и постройкой разных судов для верховьев Колвы. В селе белая каменная церковь, земское училище. На выезде несколько кузниц.

Миновали Искор, опять пошел лес, снова глушь и безлюдье вокруг, и тоскливо звучит колокольчик в лесной глуши, повторяясь где-то в жалобном плаче стогласого эха.

– Скоро Ныроб?

– Десять верст.

Едем. Под колесами шуршит щебень, похрапывают лошади. Они уже давно взмылены, из-под ремней сбруи проступила пена, а ямщик знай себе подхлестывает их. Поле справа показалось.

Те же скудные посевы, что и раньше...

– Вас, ваше благородье, куда в Ныробе везти? – спрашивает вдруг ямщик.

– На земскую станцию. Я часа на два, не больше в Ныроб, а потом поеду обратно.

Лес поредел. Потянулись изгороди и поля, вдаль показалось на склоне село, белая колокольня и расписная церковь, потом другая церковь, невысокая, белая... Ямщик еще шибче погнал лошадей. Мелькнул последний верстовой столб. Мы переехали по мосту какую-то речушку, поднялись во весь дух в гору и остановились подле избы, выстроенной домовито и хозяйственно.

Я вышел из экипажа, хотел было войти в избу и напиться чаю, но в это время заблаговестили к вечерне, и я решил пойти в церковь.

Церквей в Ныробе две – Никольская и Богоявленская; обе они стоят в одной ограде, высокая белая колокольня отдельно, как ставились звонницы в старину. Никольская церковь снаружи очень красива: на белом фоне стены, словно цветное кружево, красивым орнаментом расположились разноцветные колонки; над окнами каменные кокошники, по карнизу бордюр красного и желтого цветов. Пять глав блестят на солнце золочеными крестами.

«Должно быть, главная церковь», – подумал я, входя в притвор.

Смутило наименование церкви: я знал о чудотворной иконе святого Николая Мирликийского и думал, что икона находится в Никольской церкви. Оказалось, что я ошибся: главные святыни Ныроба в зимней церкви – Богоявленской, небольшой и настолько простой по архитектуре, что я принял при въезде в село этот храм за часовню с богадельней.

Внутри Никольская церковь довольно мрачна: узкие окна дают слишком мало света, общий фон темно-синий, иконостас, высокий, шестиярусный, потускнел, и иконы слишком темны. Темно-синие стены расписаны изображениями святых, но лики их не византийского письма: говорят, что храм расписывали ссыльные поляки-католики. На одной из стен слева знаменитое изображение мученика Христофора.

Образ, несомненно, древний, но поражающий своим странным видом: типичный «песьеголовец». В житии святого мученика сказано: «Сый от страны человекоядец».

Этого было достаточно для того, чтобы наивные иконописцы придали святому такой странный вид. Одежда святого мученика иноземная, костюм средневекового пажа или миннезингера, но вместо человеческого лица художник изобразил собачью голову с оскаленными зубами, что в полутемном храме производит жуткое впечатление. Я был подготовлен к этой иконе рассказами о ней, видел фрески Софийского собора в Киеве, но вид

изображенного на стене мученика заставил меня пережить довольно неприятное ощущение. С одной стороны, я сознавал, что нахожусь в храме, с другой – меня возмущала нелепость изображения. Припомнились мне виданные где-то в Тульской или Рязанской губернии святые мученики Флор и Лавр в образе ражих конюхов в безрукавках с лошадьми в поводу, пророк Илия в коляске, на лихой четверке с наборной сбруей. Промелькнул в памяти протоиерей Туберозов из «Соборян» Лескова, нашедший в своем благочинии в одной из церквей Бога-Творца, почившего в седьмой день от дел своих, «в образе почтенных лет старца, возлежащего на ложе»...

Нет, таким иконами не место в храме! Народ наш и без того суеверен, к чему же поощрять в нём это такими изображениями?

– Да ведь вы же сами упрекали за неуважение к старине и небрежное отношение к памятникам ее! – возразят мне.

Да, я не отказываюсь от своих слов. Все памятники старины должны быть сохранены, но любопытное изображение, обломок седой старины, гораздо более выигрывает, если будет помещено в музее. Тот же святой Христофор в музее – клад для всякого иконографа и даже просто любителя старины, а в Ныробе он мало кому попадет на глаза и служит только для соблазна: охотники-пермяки заказывают молебны святому мученику, наивно считая его «собачьим богом».

– Как это у вас такую икону в церкви держат? – не удержался я.

– А попробуйте снять: весь край в раскол уйдет.

– Настолько чтимая икона?

– Да, всё верховье Вишеры молебны «собачьему богу» заказывает.

– Да ведь это же кощунство и поощрение язычества! – чуть не вырвалось у меня, но вовремя вспомнилась поговорка о чужом монастыре.

Церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая построена в 1705 году, но имя строителя осталось неизвестным. Позволю себе привести отрывок из брошюры Ив. Попова «Ныроб и его достопримечательности»: «Храм строился, по преданию, передаваемому местными старожилками, мастерами, неизвестно откуда пришедшими, неизвестно кем нанятыми. Когда постройка была почти окончена, мастера внезапно скрылись. И никаких лесов и подъемов у них не было, строили прямо от земли, а что за день настроят, то ночью в землю уходило. Утром, смотришь, опять стройку от земли начинают. И так до последу. А напослед, как мастера ушли, на утро церковь, вся, как есть, как следует вышла из земли и стоит до наших дней...»

Богоявленская церковь, такая скромная снаружи по сравнению с Никольской, внутри гораздо лучше последней: больше света, живопись художественнее, иконостас тонкой работы, резной. Справа от царских врат находится чудотворная икона Святителя Николая. Каждый год 8 июля, в день памяти священномученика Прокопия, покровителя Чердыни, икона торжественно переносится туда и перед ней служатся молебны как в городских храмах, так и в домах обывателей. Носят икону также и в Соликамск на девятую пятницу после Пасхи, но ввиду дальности расстояния крестный ход совершается раз в три года. Эта икона – несколько увеличенная с явленной, наиболее чтимой святыни Ныроба.

«В 1613 году в версте от деревни Ныробки явилась икона Святителя и Чудотворца Николая. Какие-то купцы проезжали мимо Ныробки (так звалась прежде деревня, из которой вырос погост, впоследствии село Ныроб). Проехав с версту от деревни, они увидели стоящую на пне икону. Должно быть, не считая себя достойными взять в руки святыню, они проехали в Чердынъ и объявили о виденном ими тамошним жителям. Чердынцы тотчас же поспешили в Ныробку, взяли новоявленную икону и увезли ее в Чердынъ. Но на следующее утро иконы в Чердыни не оказалось: ее нашли опять на том же месте, где она явилась. Чердынцы увезли ее во второй раз, но и в этот раз случилось то же самое. Тогда на месте явления построили маленькую деревянную часовню и поставили в ней явленную икону.

Известие о явлении в Ныробке иконы достигло до царя Михаила Федоровича. Он тотчас же велел построить в Ныробке деревянную церковь у могилы Михаила Никитича. В новоустроенной церкви, в память Михаила Никитича, устроена была гробница, покрытая сукном, на котором был вышит крест»*.

Этот деревянный храм сгорел, и на месте его выстроена каменная Богоявленская церковь. Над тем местом, где был погребен узник, находится гробница. Она помещена в северной стене, в глубокой нише под полукругом балдахинном, в виде часовенки с надписью по карнизу славянскими буквами:

«Смириша в оковах нозе его, железо пройде душа его».

Купол балдахина золоченый, с украшениями в виде золотых лучей, исходящих от святого креста. Несколько выше – книга, окруженная исходящими от нее сиянием и словами:

«Воззовет ко мне и услышу его, с ним есмь в скорби».

По карнизу идут фестонами зубцы с кистями, резная по дереву работа. Над гробницей икона святого Михаила и пред ней лампада.

Внутри балдахина надпись:

«Положиша мя в рове преисподнем и в темных сени смертной и аз к Тебе, Господи, воззвах».

Гробница покрыта парчовым покровом с бахромой.

Слева от гробницы в северной стене храма вделана доска с описанием заточения Михаила Никитича Романова:

«Прислание боярина Михаила Никитича Романова в Ныроб в 7109 году. Прислан был из Москвы царем Борисом Годуновым за стражею Романом Тушиным с командою в летнее время, в глухой кибитке, окован железами, в Пермь Великую, в Чердынский уезд, в погост Ныроб в заточение блаженный памяти боярин Михаил Никитич Романов, а по родству блаженный памяти государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея России самодержцу, был дядя родной, а святейшему патриарху Филарету Никитичу брат родной; в погосте Ныробе в заточении, в земляной темнице сидел год и представился. В 7110 году на той темнице построена часовня деревянная и погребен был у церкви Николая Чудотворца, подле алтарь на северной стороне и где тело его лежало построена была церковь и в ней гробница покрыта сукном и крест вышит, и повелением государя и царя и князя и великого князя Михаила Феодоровича, всея России Самодержца, тело его по представлении в пятое лето из земли взято, ничем не вредимо, только от руки от перста один член

земля взяла, и свезено к Москве, и положено в монастырь у Спаса на Новом, и где прежде тело лежало, та гробница и все строение от пожару сгорело, и после по указу преосвященного Ионы, архиепископа Вятского и Великопермского, такожде часовня, в ней гробница построена, покрыта сукном красным и крест вышит, а в 7237 году деревянная церковь и часовня, грех ради наших, Божиим попущением паки сгорели, а ныне на том же месте построена каменная церковь и в ней гробница, покрыта сукном зеленым и крест вышит; также и на семь месте построена сия каменная часовня* единственно в воспоминание zde преставльшагося страдальца боярина Михаила Никитича Романова. На семь невинном страдальце были железа 1 пуд. 39 фун., ручные железа 12 фун., кандалы или ножные железа 19 фун., замок 10 фун., – всего 3 пуда».

У той же стены, где помещена вышеприведенная надпись, внизу, на табулете, в особом ящике, напоминающем гроб, находятся оковы, в которых был привезен в Ныроб и сидел в темнице несчастный страдалец. Оков меньше, чем указано в списке: хищение в церквах и монастырях чтимых святынь – дело обычное повсеместно, начиная с юга и кончая далеким севером.

Впрочем, есть сообщение, что тело Михаила Никитича было увезено в Москву в ручных кандалах. Много писали о «железах», хранимых в Ныробе. Некоторые считали их подложными и указывали на их белизну и блеск, но оковам не мудрено было и отполироваться: каждую службу они идут из рук в руки, и паломники считают богоугодным простоять в веригах во время служения.

– Так во время службы оковы всю церковь и обойдут, – говорили мне.

– Я думаю, выдержать оковы долго на одних плечах было бы тяжело.

– Нет, выдержали бы, но каждому из паломников хочется постоять в веригах хоть недолго... Ну и меняются.

На месте темницы Михаила Никитича выстроена теперь каменная часовня. Она находится в селе против училища и обнесена каменной оградой. На часовне надпись:

«По указу Ея Императорского Величества, Вятской духовной преосвященного Лаврентия епископа Вятского и Великопермского, консистории (.), в 7109 году прислан был с Москвы от царя Бориса Годунова в Пермь Великую, в Чердынский уезд, в погост Ныроб в заточение блаженные памяти боярин Михаил Никитич Романов, святейшему патриарху Филарету Никитичу брат родной, а по родству блаженные памяти государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея Руси самодержцу, был дядя родной. В погосте Ныробе в заточении, в земляной темнице, сидел год; на том месте построена была деревянная часовня. Ныне, вместо одной деревянной, по указу Её Императорского Величества, в 1793 году построена сия каменная часовня единственно в память бывшего на том месте в заточении болярина Михаила Никитича Романова тцанием и коштом здешней волости крестьян, а усердием и старанием крестьянина Максима Пономарева».

Внизу, под полом часовни, темница боярина Михаила Никитича. При дрожащем свете воскового огарка вы видите небольшую яму, мрачную, сырую, тесную.

– Два с половиной аршина высоты, – предупредительно сказали мне, и я при своем росте спускаться вниз не рискнул.

Теперь стены выложены камнем, выведен свод, служащий фундаментом для часовни... А когда здесь сидел несчастный узник, темница была простой ямой, выкопанной в земле и застланной сверху досками и дерном. Ужасную, медленную казнь придумали в Москве для отправленного в ссылку боярина! Провести восьмимесячную зиму в полутемной яме в земле при таком холоде, что вымерзают посевы, при скудном питании, на снопе гнилой соломы мог только такой богатырь, какими были дети Никиты Романовича. Можно только удивляться, как он прожил в такой обстановке год, а не скончался через месяц! При этом существует предание, что боярин умер не своей смертью, а был задушен стражей.

Вряд ли ныробцы знали, кто такой их узник, но они старались всячески облегчить его тяжелую участь: дети тайком бросали ему в темницу пищу. По доносу одного из односельчан заподозренные в сочувствии к заключенному ныробцы в числе пяти человек (чуть не всё население тогдашней Ныробки) были высланы в Казань и там сгибли в застенках под рукой палача.

«Схоронили его близ села Ныроба в месте пустынном, где над могилою выросли два кедра», – заканчивает печальную повесть Карамзин.

Самая часовня над могилой внутри не представляет ничего особенного: простые выбеленные стены, на одной из которых написана та же летопись, что и на доске у гробницы. Пол выложен каменными плитами, освещение неважное. Иконостас грубой работы и живопись не блещет ни красками, ни тщательностью исполнения.

Ежегодно 6 сентября в часовне служитя панихида по Михаилу Никитичу, в Троицын день в часовню идет крестный ход и совершается торжественное молебствие архангелу Михаилу с провозглашением многолетия всему Царствующему дому и вечной памяти опочившему в заточении страдальцу.

Паломников в Ныробе всегда много. Подсчитавшее число богомольцев духовенство церкви определяет число их тысяч в шесть. Обычно служат молебен Святителю Николаю, потом панихиду по Михаилу Никитичу, стоят всенощную и обедню в веригах и идут обратно, захватив с собой песку из темницы и воды из целебного источника.

От Чердыни до Усоляя

Последний свисток... Убрали сходни, отдают чалки... «Лунегов» дергается всем корпусом, сначала дает задний ход, потом двигается вперед, сильно накрываясь на правый борт, круто поворачивает вниз по течению, обходит какой-то плот, совсем не у места приткнувшийся к отмели, и, наконец, попав на прямой путь, радостно дает салют – прощальный гудок. Пристань остается позади, город всё более и более удаляется.

Капитан и рулевые в штурвальной будке крестятся на чердынские церкви. Командир пожимает каждому руку – традиция, свято соблюдаемая на всех

пароходах при начале и окончании рейса. Рулевые берутся снова за штурвал, капитан садится на табуретку на мостике.

Отношения судовой команды к своему командиру и наоборот – самые дружеские: капитан редко не послушается совета рулевых и дорожит их расположением.

– Они лучше нашего фарватер знают, – сознаются сами командиры.

А особенно дружны команда и капитан здесь, на верхнем плесе Камы. Тут капитан – «свой», обычно выслужившийся из лоцманов, крестьянин села Слудки, родины большинства матросов Пермской губернии, с детства ставший к колесу и изучивший Каму не хуже, чем свою деревню.

Он знает здесь каждый кустик, каждый мыс, каждую песчаную косу, он замечает мельчайшие изменения в очертании берегов в фарватере. У него нет теоретических сведений речного училища, он не сможет объяснить преимущества теплохода перед пароходом, у него кругозор редко простирается шире интересов верхнекамского пароходства и базарных цен, но у него есть большой навык, и чердынские пароходчики предпочитают таких капитанов окончившим речное училище.

– Да ведь у тех специальное образование.

– По нашему делу не требуется...

– Что же, по-вашему, там никаких сведений не дают?

– Кто говорит, – чешет затылок записной «чердак». – Да только те образованные, а наши попроще. На нижнем плесе капитан всё больше за пассажирами усматривает, а наш на них не охоч.

Действительно, капитан верхнего плеса суров и несловоохотлив: с незнакомым пассажиром не заговаривает, на вопросы отвечает неохотно, дам избегает.

– От дам – одно беспокойство: слова лишнего сказать не могли.

А слова отпускают, действительно, такие, что подчас удивишься их изобретательности. Как сойдутся два парохода в узком месте, да еще один из них, буксирный с несколькими баржами, другому путь загородит, так капитаны до охриплости в рупора ругаются, не щадя ушей безвинных пассажиров.

Отошли от Чердыни бойко, полным ходом, но не прошло и десяти минут, как просвистали «к наметке», и начался промер.

– Шесть!..

– Средний ход!

– Пять с половиной!..

– Тихий!..

– Шесть!..

– Осадка четыре с половиной?

– Да, около того...

– Пять!

– Самый тихий...

Благополучно прошли перекат.

– Последний рейс до Чердыни идем, – вслух думает капитан.

– Да, до Серёгова ходить придется, – соглашаются рулевые.

Село Серёгово находится шестью верстами ниже Чердыни, на правом берегу Колвы, и после спада вод является последней пристанью, до которой поднимаются пассажирские пароходы вверх по Колве. К услугам пассажиров для дальнейшего следования в Чердынь является извозчий коробок, и жители пригородных слобод и Серёгова зарабатывают хорошие деньги извозом, благословляя с каждым годом всё более мелеющую реку.

За Серёговым Колва делает несколько крутых извивов и впадает в Вишеру. Берега последней похожи на Колву: так же обрывисты берега под зарослями хвойного леса, так же извилисто течение реки. Обступили ее камни недвижной стеной, как в тисках, сжали меж крутыми утесами, и борется с ними река, отыскивая себе русло, то пробивая путь в мягких породах, то обходя камни большими петлями по низине. Упорно и настойчиво пробивается река меж камней, и рушатся в воду целые глыбы, ставя новые преграды реке и заставляя менять течение. Сердито шумит Вишера, плещет злобно водою о камни, с корнями рвет в половодье вековые деревья и гневно бурлит в скалистых берегах. Мрачно высятся над рекой изборожденные водою скалы. Кажется, вот-вот рухнут в реку, а между тем десятки лет висят они над водой в прежнем положении. Может быть, сейчас сорвутся, может быть, непоколебимо простоят века...

– Неприятная река, – говорит капитан.

– Почему?

– Капризна больно: всегда через год фарватер меняет. От устья Колвы до Камы шестьдесят верст по ней считают, а пятнадцать перекатов.

– А там она судоходна? – спрашиваю я, показывая влево, где синее вдали Полуд с цепью других камней.

– Выше устья Колвы? Ходят пароходы маленькие в большую воду, а то там больше сплавом идут или шестиком пихаются. Тут лодки с гребцами как бы земскую гоньбу несут... с подставой. Есть участки, где и бабы везут... У нас ведь на Каме баба за мужика в веслах вполне работать может. Порогов на реке много, перекатов чуть не до сотни считают, камень подводное.

– Горная река...

– Да, потому и неудобство такое... Инженеры их динамитом взрывали, когда здесь пароходство заводить думали правильное.

– Значит, всё-таки предполагалось пароходное сообщение?

– На Кутимский завод ходили. Тут общество одно, Волжско-Вишерское, завод открыло.

– Успешно?

– Прогорели.

– А берега красивые?

– Кто был – хвалят. Только никаких удобств в поездке и вверх подыматься медленно: течение местами семь, а то и десять верст в час... Оно, конечно, ежели кто любит...

Он не кончает фразы и дает отрывистый свисток «к наметке».

– Перекат?

– Да, уж здесь этого достаточно.

Спускаюсь вниз в столовую пить чай.

Справа за столиком два чердынских купца говорят о торговле на Печоре.

– Иван-от (характерная приставка пермяка) Силыч на Ижму* поехал.

К лопарям.

– Добычливо?

– Платят.

– А как архангельские с устья?

– Конкуренция есть, но задатчики у нас все с искокон веков одни и те же.

Мы к ним, они к нам привыкли, дела у нас любовно да по-хорошему идут, а там дело-то внове.

– Вот погодите, дорога пройдет, конец вам будет, – заметил какой-то пассажир, сидевший с газетой у окна.

– На всё воля Божья... А только полагаю я, господин, что дорога нам в торговле большое пособие окажет. Теперь вот мы зимой груз на Якшу на Печоре гужом доставить должны, до весны его в амбарах продержат, по весне на барки да каюки* грузить. А рабочему по тамошним местам клади полтора, а то и все два рубля поденно, да на всём хозяйском... На три «выти»* мене он не пойдет, шти ему с солониной, в кашу он масла требует.

– Это так... Сидор-от Карпыч лонысь* чуть волком не взвыл: было вся артель не ушла, еле сдержал.

– Оно и у других теперь с рабочим-то так. Придет в худой лапотине*, а требует словно бы он тебе благодетель... А тут с Камы груз в Чердынь доставили, живым манером в Чердыни на чугунку перегрузили – и вези на Печору, горя не ведай.

– Согласен, что всё это так, – стоял на своем пассажир у окна. – Но ведь как только вашу ветку откроют да с Архангельском соединят, так сейчас оттуда да с Москвы купечество грянет. А там фирмы такие, что не вам тягаться с ними.

– Ну, это еще как посмотреть... У нас задатчики все в кредите, и им от нас уйти некуда.

– Закабалили?

– Ну, вот. Нешто ж мы им супротивники али на нас креста нет? У нас эти дела от отца к сыну переходят, и так это уж в роду преемственно. Ежели фирма с каким задатчиком дело ведет, так уж другой тут не суйся.

– У каждого свои кабальные?

– Ах, господин, сколь вы язвительно судите! Вон че (что), вон че выговариваете... Да ежели правильно рассудить, так мы лопарям-от этим выходим как бы благодетели. Ведь они бы без нас хлеб не видели да без нас бы и хлеб веревкой резали.

– Да, облагодетельствовали: на лопаре Чердынь и Покча миллионы нажили.

– Без прибыли и торговли бы не было. Известно – баланец.

– У вас сделки кредитные?

– Известно, мы им верим, потому не впервой к им едем.

– Без документов?

– У нас забор в кредит по книгам проведен.

– А документы с их стороны?

– Да что это мы с Москвой, что ли, торгуем там? На веру всегда, потому мы с ими как бы родные.

– Ну да... И обираете их по-родственному. Они полуграмотные звероловы, добродушные, доверчивые и честные, как дети, договора с вами не заключают и платят вам назначенную вами цену, отдавая свои продукты за бесценок. Ведь это не торговля, а хищничество!

Разговор грозил принять довольно острый характер, и я вышел на палубу.

Пустынные берега... Ели и пихты сбежали по отвесным уступам чуть не к самой реке и каким-то чудом лепятся по скатам на неприступной крутизне над шумливую, быстрой рекой. Тишь, безлюдье кругом, нигде ни деревушки, ни избенки, всюду зеленая щетина леса или голый камень – неприветная, тоскливая картина сурового северного ландшафта.

На реке такое же безлюдье: нигде не видно ни лодок, ни рыбаков... Обогнав плот, видели причаленную у берега барку... Попался навстречу пароходик буксирный, маленький, невзрачный, и юркнул куда-то в старицу или в затон.

Совершенно неожиданно из-за мыска показалась справа неширокая лента реки – Кама. Она здесь едва ли не уже Вишеры и кажется притоком последней. Выше впадения Вишеры она считается судоходной до села Бондюжского, на расстоянии около ста верст, но туда ходят лишь мелкосидящие буксирные пароходы, и то лишь в большую воду.

У слияния рек деревня Усть-Вишера. Частица «усть» очень распространена в названиях камских поселков: местные жители любили селиться при впадении рек в Каму, чтобы иметь возможность пользоваться удобными и подчас единственными путями сообщения.

Деревня Усть-Вишера, иначе Баранова, несмотря на выгодное положение в узле двух значительных судоходных рек, невелика, не имеет никакого торгово-промышленного значения, и даже пароходной пристани здесь нет.

– Кому здесь на пристани грузить? – с нескрываемым презрением в голосе ответил мне на мое недоумение капитан. – Вон в Тюлькине пристань, так чуть не со ста верст сгребают поклажу, чтоб было погрузить что.

Действительно, Тюлькино – деревушка крохотная. У села перевоз-баркас, идущий на веслах. На пристани пермяцкие лица и непонятный говор.

Пермяки – «коми», как они сами зовут себя, – народ финского племени. Название последнего, как и самое «Пермь», производят от слова «парма» – гора, поросшая лесом, типичный ландшафт Пермской губернии. Пермяки живут в Пермской губернии по правому берегу Камы, севернее города Перми – в Оханском, Соликамском и Чердынском уездах. Они невысокого роста, широкоплечие, коренастые, коротконогие, с толстыми руками и широкой кистью, напоминающей медвежью лапу. Маленькая голова, светлые, почти бесцветные волосы, безбровое, безбородое четырехугольное лицо, узкие глаза, в которых заметны упрямство и скрытность, – вот довольно точный портрет пермяка-коми. Они вялы, неповоротливы, неуклюжи, раздражительны, вне родного дома, в непривычной им обстановке, робки и трусливы, и этим пользуются подчас русские промышленники, эксплуатирующие бедных, неразвитых инородцев. Много делается за водку, страсть к которой у пермяков

необычайно сильна: здесь пьют все – от младенца в колыбели и до стариков включительно.

Пермяки – православные христиане, но не забыли своих языческих верований и обрядов и смешали их с учением православной церкви. В дни чтимых праздников пригоняют жертвенных баранов, режут их подле церкви и варят в общих жертвенных котлах (по свидетельству Ивана Попова в его брошюре о ныробских достопримечательностях, в церквях Ныроба существовал обычай съедания жертвенного мяса в церкви, но удар молнии в купол храма во время такого пиршества заставил отказаться ныробцев от дедовского обычая). Проходя с плотами мимо деревни Амбора и села Пянтежского, молятся: «Спаси, честной Амбор!» «Спаси, Пянтег, праведный!»*.

Они не изменяют православию и не уходят в сектантство и раскол (есть пермяки-старообрядцы, более развитые, чем их соотечественники, истовые начетчики, принявшие догматы старой веры от бежавших в леса при Петре Великом скитников), но в церкви бывают редко, молитв почти не знают или передают их по-своему.

Мне лично удалось записать одну из таких «молитв» в городе Перми от одной пермячки, молившейся по-русски:

«Ангел мой, хранитель мой, сохрани тело мое и освяти душу мою. Как на мне, рабе Божией Катерине, есть три креста: первый крест Святителя, второй крест Хранителя, третий крест Животворящего, врага отгоняющего. Враг Сатана, отступи от меня, от Духа Святого, Печателя Христова, во имя Отца. Аминь».

Почитание умерших развито очень сильно: в могилы льют водку, брагу, зарывают печеные яйца и шаньги (ватрушки с самым разнообразным содержимым). Женщины, не зная имен предков, молятся по-русски: «Помяни, Господи, старых бабушек и дедушек!»

Пермяки все очень суеверны, и потому у них пользуются большим почетом и уважением колдуны и знахари – «вежливцы», которых иногда бывает по несколько человек в селе. Без их совета пермяк не согласится свершить ни одного мало-мальски важного дела, к ним обращается он и в горе, и в радости, и со своими сомнениями.

Неряшливость пермяков изумительная: в селах вы не встретите ровно срубленных углов избы – одно бревно выдалось на вершок, другое выступило на целый аршин, в постройках брёвна не пригнаны одно к другому и не стесаны, благодаря чему образуются щели

– У пермяков своего лесу нет, всё строгановское, – возражали мне, когда я указывал на такую нехозяйственность.

Но ведь и у рязанских, и тульских крестьян нет лесу, а между тем там изба хоть и осиновая, плохонькая, а выглядит куда домовитее и приглядней.

Избы у пермяков не моются, топятся начерно; обитатели месяцами не сменяют одежды и как-то свыклись с этой грязью, хотя везде имеются бани.

Носят пермяки шабуры (род зипуна), лапти, чаще сапоги, женщины – сарафаны-дубасы и повойники-шамшуры; на работу надевают запон – нечто среднее между рубашкой и фартуком, костюм, перенятый всем населением Пермской губернии. Запон этот близок к занавеске, когда-то носившейся женщинами черноземной полосы средней России; если у докторского халата

отрезать задние полотнища ниже талии, то это будет настоящий пермяцкий запон.

Национальным кушаньем пермяков считаются пельмени («пель» – ухо, «мянь» – хлеб) – род вареников с самой разнообразной начинкой. Их отваривают в круто посоленной воде и подают горячими, без наваря, с уксусом и перцем. Перенятые русским населением края, пельмени являются излюбленным кушаньем почти повсеместно в губернии. В Перми среди аборигенов города это – событие в семье: на пельмени приглашают родных и знакомых, пельменями встречают и провожают приезжих, пельмени – необходимая принадлежность обеда и ужина в заговенье, пельмени готовятся чуть не всем женским персоналом семьи с приглашенными на помощь соседками, пельмени едят на пари до пятисот штук, от пельменей было несколько смертных случаев, словом, пельмени – самое яркое пятно в жизни пермяка.

Пермяки – народ, лишенный чувства поэзии, и потому песен у них мало, и большинство не блещет литературными достоинствами. Теперь быстро пошла в ход частушка, закинутая в эту глушь бойким фабричным, переделанная на свой лад пермяками с сохранением непонятных русских слов и подчас самого нецензурного содержания. Голоса у пермяков грубые, пение нестройное. Голоса женщин по тембру близки к мужским.

В настоящее время пермяки быстро русеют, но в свою очередь и влияние их на потомков былых новгородцев и вологжан не прошло без следа: население Пермской губернии носит все признаки смешения с финнами и говорит невозможным языком. Описывать его я не буду: «Подлиповцы» Решетникова живы на Каме до сих пор, и Пилы, и Сысойки остались такими же и до нашего времени.

За Тюлькиной – Усть-Боровая пристань для города Соликамска и солеварни на Каме, принадлежащие Рязанцевым и Касаткиным. У первой фирмы добыча соли два с половиной миллиона пудов при двухсот пятидесяти рабочих, у второй – полтора миллиона пудов при ста восьмидесяти рабочих. Соль вываривается фирмой Рязанцевых и в самом Соликамске, но добыча соли в последнем незначительна, да и вообще, местное солеварение намного уступает таким центрам солепромышленности, как Усолъе, Лёнва, Дедюхин, известные каждому по любому учебнику географии.

Соликамск, некогда Усолъе-Камское, основан русскими посадскими людьми – солеварями Калинниковыми в 1430 году, и из Чердынского пригорода сделался административным центром и таможей для товаров, ушедших из Сибири в Москву через Верхотурье. Город имеет много церквей и два монастыря, но все храмы много раз перестраивались после опустошительных пожаров. Уцелел, впрочем, старый воеводский дом с тайниками, указывающими на постоянные нападения на город сначала со стороны инородцев, а потом и воровских шаек, скрывавшихся в обширных лесах, окружавших Соликамск.

Воеводы пытались обезопасить город от нападения лихих людей, но это не всегда им удавалось, и летописи того времени упоминают о нападениях на город с целью грабежа.

«1793 г. генваря 31-го на 1-е число февраля в полночь в Соликамском городе ставропигиального монастыря настоятеля Иакинфа Далматского убили воровской партии Сенька Бурцов с товарищи и зверски умучен был»*.

Жителей в Соликамске четыре тысячи. В городе имеются женская гимназия, духовное училище, городское четырехклассное и несколько начальных школ. Торговля и промышленность развиты сравнительно с Чердынью слабо.

Ниже Боровой, при впадении Усолки, на которой в десяти верстах от пристани Усть-Боровой расположен Соликамск, Усть-Усолка, грузящая соль, сплавляемую на Волгу. Близь устья – солеварня Рязанцевых, недавно начавших здесь солеварение.

За Усолкой берега пооживленнее – кое-где деревеньки показываются, да как-то всё неожиданно. Смотришь на берег – голый утес, обрыв под шапкою сосен или лес щетиной, идущий по скату нагорного берега, безлюдье кругом, признака жилья не видно... А за поворотом лощинка, и в низине поселок.

На Каме все сёла в низинах.

– Потому на юру ежели, так при ветре – смерть, – объясняют туземцы.

– Ведь тут много народу скрывалось в былые времена, так и селились неприметнее, – существует другое предположение.

Село Пыскор не представляет исключения из общего типа прикамских поселений: равнина меж скатов гор, село в полугоре, одна церковь на пригорке, другая в низине... Село образовалось из крепостцы Строгановых, поставленной смелыми колонистами на месте пермяцкого поселения Камгорта для защиты от инородцев и разбойников. Подле горы еще до появления Строгановых спасались ушедшие от мира в скиты отшельники, вероятно, не имевшие даже храма.

Первый Строганов пришел на помощь инокам, пожертвовал им землю для обители, выстроил сам монастырь и постригся здесь, завещав своим детям не оставлять монастыря и впредь. Благодаря поддержке таких влиятельных и богатых людей, как Строгановы, обитель быстро развивалась и богатели: у нее были обширные лесные и земельные угодья, рыбные ловли, соляные варницы.

Богатства монастыря не могли не вызвать желания разбойничьих шаек воспользоваться монастырским имуществом, и обитель выдержала несколько нападений со стороны лихих людей.

«В 1756 году, сентября 13, шайка разбойников пыталась овладеть монастырем, и архимандрит Иуст Колотский едва успел спасти как сокровища обители, так и собственную жизнь»*.

Монастырь был перенесен на другое место, выше по течению Камы, и это вызвало всеобщее недовольство и многочисленные уходы из монастыря со стороны братии.

«Архимандрит Иуст соделал монастырь пуст», – сложилась поговорка на Каме, но настоятель под страхом постоянных нападений не мог поступить иначе.

Впрочем, монастырь не избавился от злоумышленников и на новом месте.

«В 1772 году, мая 23-го, разбойники вторично покушались овладеть монастырем и поджигали святыню, но не могли вторгнуться во внутрь хорошо укрепленной обители»*.

Вскоре монастырь перевели в Соликамск и потом в Пермь (теперь архиерейский дом), а все богатства были взяты в казну.

В настоящее время Пыскор – богатое торговое село, ведущее значительную торговлю хлебом.

– В 1910 году холера здесь была, – рассказывают мне. – Страсти Господни были, как косила! Один мужик с низовьев ее занес да помер, а невестка его за ним ходила и одежду его прибрала... Ну, вся изба и вымерла. А родственница у них одна была, так всю одежду с их в речке перемила, а оттоль всё село воду берет...

– Вероятно, санитарный отряд приезжал?

– Доктора были... Одна докторша, барышня Мальцева, так и померла за больными ходивши. Молоденькая была, только по весне на доктора кончила. Месяца она здесь не выжила, заразилась.

Одна из многочисленных жертв борьбы с эпидемиями...

Безвестная труженица, едва вступившая в жизнь и уже павшая жертвою долга, умершая на своем посту, на действительном служении народу...

Геройская смерть, завидная смерть!

«Больше сея любви никто же имат, да кто душу свою положит за други своя...»

За Пыскором – центр камского солеварения. Одно за другим идут большие солеварни и сёла: Дедюхин, Лёнва, Усолье, Березники...

Кто был первым пионером в этой области промышленности – неизвестно.

– Строгановы, – говорят обычно знатоки края и ссылаются на существующую до нашего времени в Усолье в Прикамье соляную варницу Строгановых. Но почтенный историк и исследователь края Дмитриев считает первыми солеварями в этом районе выходцев из Соликамска, вытесненных впоследствии Строгановыми с насиженных мест.

Продовольствие народа солью было в древности свободной ветвью промышленности, но уже указы конца XVII века ввели различные пошлины и строгий правительственный контроль, а Петр Великий присвоил казне исключительное право на соль, добываемую в России. Все частные предприниматели обязывались поставлять вываренный продукт особым приставам за определенную плату, причем деньги за представленную в казну соль выплачивались солепромышленникам лишь после продажи последней казною. В 1711 году продажа соли была сдана на откупа, но злоупотребления откупщиков заставили правительство через несколько лет снова взять продажу соли сначала в руки камер-коллегии, а потом соляной конторы, торговавшей солью через особых выборных голов и ларечников. Соляная контора не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий и в 1802 году была упразднена, заведывание же соляными промыслами перешло в Министерство внутренних дел по экспедиции государственного хозяйства. Манифест 1811 года объявил вольную продажу соли, но с условием покупки соли в казне и с правом последней продавать соль в розницу и из своих магазинов во избежание частной монополии, и, наконец, закон 1880 года о сложении с соли пошлин и акцизов дал соляному промыслу возможность самостоятельно выступить на рынке.

Выступление было не из удачных: дорогая ввиду больших расходов на топливо выварочная соль «пермянка» не выдержала конкуренции с самосадочной солью Астрахани и юга, и на Каме наступил ряд кризисов, заставивших местных солеваров сильно сократить производство. Винить в этом можно было лишь самих промышленников: в XX веке приемы добычи соли на Каме не много ушли вперед по сравнению с первыми варницами Строгановых 1606 года. Трудно поверить, что лишь недавно некоторые солезаводчики применили на своих варницах каменный уголь, что является почти необходимым ввиду полного обезлесения окрестных мест.

Камская выварочная соль добывается из глубоких скважин в виде выкачиваемого насосами рассола и вываривается на особых сковородах-чренах. Высокая температура в помещениях варниц, удушливые хлорные испарения, отсутствие света – всё это делает работу на промыслах чрезвычайно тяжелой, и можно лишь пожелать, чтобы усольские солевары наконец вошли в положение своих рабочих и облегчили их труд постановкой машин, давно уже нашедших применение на промыслах за границей. Расходы на переустройство варниц не обременили бы таких крупных промышленников, как Строгановы, Балашова (наследница Шуваловых), Голицыны, и, конечно, окупилась бы в несколько лет.

Дедюхин, некогда «горный город», теперь заштатный в Соликамском уезде, основан был под именем сельца Дедюхина первыми выходцами из Соликамска. Они заложили здесь трубы и начали варить соль, но Пыскорский монастырь при помощи Строгановых выселил настоящих хозяев с их промыслов и сам занялся солеварением.

После упразднения монастыря варницы перешли в казну, и завод работал весьма успешно до 1863 года. В этом году горнозаводское население освобождено от обязательного труда на заводах, и производительность дедюхинских варниц сразу понизилась. Тогда было решено сдавать завод в долгосрочную аренду частным предпринимателям – сначала знаменитому откупщику Кокореву, потом Любимову и Касаткину.

Теперь бывший Любимовский участок арендует Дедюхинская артель солеваров, молодая кооперация, энергично работающая над усовершенствованием предприятия.

– Белые варницы, каменноугольное топливо завели! – не без гордости говорили мне на пароходе.

– Ну а Строганов почему не заводит? – полюбопытствовал я.

– Да разве они свое дело знают? У них управляющие да служащие, а сами они в столицах и за границей, в здешних местах, почитай, и не бывали. Они, сказывают, и сами позабыли, сколько земли у них.

Село Усолье (Новое Усолье в отличие от Дедюхина, называвшегося некогда Старым Усольем) – большое промысловое селение Соликамского уезда, расположено на правом берегу Камы в заливаемой весной низине и по внешнему виду напоминает уездный город средней руки (тысяча двести дворов, восемь тысяч триста жителей обоюбого пола). Основанное в 1606 году Строгановыми, оно до сих пор сохранило некоторые памятники старины: Владимиро-Богородицкую церковь, Спасо-Преображенский собор и несколько современных

им каменных домов старинной постройки. Из уроженцев села сделался знаменитым архитектором Воронихин, построивший, между прочим, Казанский собор в Петербурге, некогда крепостной графа Строганова.

В селе ремесленное и несколько начальных училищ, земская и заводская больница, аптеки.

– У нас что твой город, – хвастаются усольцы. – Клуб, фотография, спектакли любительские... По два парохода в Пермь уходят и приходят, железная дорога насупротив – рукой подать!

Немного выше Усолья, на противоположном левом берегу, село Лёнва, основанное солеваром Соколовым, выходцем из Балахны, и отнятое у предприимчивого нижегородца Строгановыми. Теперь здесь промыслы Абамелек-Лазаревых, Строгановых, Голицыных, Балашовой, и ими живет население Лёнвы, не знающее земледелия.

– Варницы такие же, как в Усолье, или получше?

– Известно, такие же... Это вам не Березники.

Березники – солеварни и содовый завод Любимова, Сольве и Ко, основанные в 1881 году и оборудованные по последнему слову науки. Соляные варницы здесь «белые», устроенные по баварскому образцу. Обслуживает их триста человек рабочих. Выработка два с половиной миллиона пудов. Содовый завод, в настоящее время величайший в России, обслуживается семьями рабочими, причем замена ручного труда машинным проведена здесь до мельчайших подробностей. Рабочие помещаются в казармах, оседлого населения, домовладельцев, как это наблюдается повсеместно на Урале, здесь нет. Помещения устроены прекрасно: всюду электричество, паровое отопление. Имеется зал для обеда и отдыха рабочих, двухклассное училище, больница. Рабочим предоставлена возможность пользоваться всеми разумными развлечениями: имеется сцена и ставятся любительские спектакли.

Неподалеку от пристаней – станция «Солеварни» Луньевской ветки Пермской железной дороги.

От Усолья до Перми

За Усольем, на правом берегу Камы, в густом сосновом бору небольшая деревушка Огурдино, любимое дачное место усольцев. Прекрасный смолистый воздух хвойного леса, возможность купания в Каме и прогулок как в лесу, так и по реке, привлекает сюда множество дачников, и число их с каждым годом растет. Предприимчивый башкир пригоняет сюда летом табун, выделяет кумыс, и таким образом здесь возник курорт, превосходящий модные тем, что здесь можно жить просто и дешево.

Неподалеку от деревни озеро Чёрное, наполовину заросшее травами и нежной светло-зеленой ряской. Здесь много дичи, так как охота запрещена; встречаются лебеди, гуси и утки, в соседних болотах курлыкают журавли, кулички посвистывают. В озере много рыбы, в бору грибов, голубики, брусники, морошки.

Сосновый бор упирается в село Орёл.

– Первое Строгановское поселение, – указывают мне. – Сказывают, отец их царевич был татарский и в нашу веру перешел, на русской княжне женился. Послал его Грозный царь супротив рати татарской, и полонили его татаровья. А за то, что к русским от своих перешел, сострогали с него тело белое до кости... Оттого и пошли его дети Строгановы, и пожаловал их Грозный царь своими землями прикамскими.

Легенда представляет собою сплошной вымысел, показывающий, насколько большое впечатление производили здесь Строгановы и как велико было обаяние их имени. Беспристрастный исследователь пермской старины Дмитриев, доказывающий, что Строгановы были именитыми людьми Новгорода Великого, стоявшими на стороне Москвы перед падением Новгорода и за это награжденные Москвою, сообщает о пожаловании Строгановым земли на Каме следующее:

«4-го апреля 1558 г. Царь Иоанн Васильевич Грозный пожаловал Григорию Строганову места пустые, леса черные, речки и озера дикие, а всего пустого места 146 верст».

«И на том месте ему городок поставити собою и на горе пушки и пищали учинити, и пушкарей, и пищальщиков, и воротников устроить собою для береженья от Нагайских людей и иных орд. И около того места лес по речкам и до вершин, и по озерам велети сечи и пашни росчистя велеть пахати, и дворы ставити, и людей называти, и росолу искати; а где найдется росол и варницы ставити, и соль варити».

Предприимчивые новгородцы, именитые люди Строгановы сумели учесть богатства края и сразу же принялись за их разработку: поставили городок Канкор (теперь Пыскор) и Орёл-городок и принялись за солеварение, которым занимались и ранее в Устюжском уезде, где за уклонение их от борьбы с Москвою им были пожалованы «в Воднокурской волости лес дикий и соль Качаловская».

Рассолы оказались скудными, и потому варницы были перенесены в Усолье. Орёл же остался лишь стратегическим пунктом для отпора набегов со стороны инородцев и для защиты колонистов от разбойничьих шаек. Колонизация края шла крупными шагами вперед, природные богатства верхнего Прикамья щедро вознаграждали за понесенные труды, и вскоре Строгановы сделались одними из наиболее богатых людей на Руси. Англичанин Флетчер, торговый дипломатический агент, бывший послом в Москве при Феодоре Иоанновиче, определил их годовой доход в триста тысяч рублей. Для XVI века цифра громадная, и недаром сложилась поговорка на Каме: «Богаче Строгановых не будешь».

Теперь Орёл – село в триста дворов с древней церковью постройки Строгановых, родина многих капитанов, матросов, лоцманов.

– Тутока летом мужика не бывает: все с плотам аль бурлачат на пароходе... Одно слово, бабье царство! – посмеивались на пароходе.

– Огороды у их тут – первый сорт... Баба здесь – работница лихая.

– Да лучше их картови на всю округу нет.

При селе паровая лесопилка, затон для небольших судов и небольшая верфь, по-местному – «плотбище», где строят баржи.

– Вон где Кама-то прежде шла, – указывает влево капитан на небольшую речушку.

– Это что же?

– Старица, воложка, бывое течение.

Капризна северная красавица Кама: постоянно меняет она фарватер; то гору размоет, на луга уйдет, то песку нанесет и отмель устроит.

– Сама же себе вредит! – сокрушаются старики-прикамцы. – Ведь прежде, бывало, капитан войдет с Волги в Каму и крестится: «Слава Создателю, спать можно хоть всю ночь без просыпу: ни мелей, ни перекаатов более не встретится»... А теперь, как вода спадет, так по перекаатам мужики на телегах с одного берега на другой, того гляди, проедут... Сама же, непутевая, перекаатов наделала, да и обмелела. А нешто инженер со своей черпалкой поможет?

И пытливо вглядываются вдаль лоцманы, налегая на штурвал и стараясь по множеству мельчайших, им одним известных признаков угадать перемены фарватера своенравной и упрямой реки...

Усть-Пожва...

– Вот-с, образцовое дело, – указывает мне один из пассажиров в окно столовой, где я только что кончил обедать. Пароход с продолжительным гудком круто поворачивает против течения и подходит к пристани.

– Пожва?

– Да, Пожевской и Елизавето-Пожевской заводы. Тут от пристани шесть верст считают до них. Сначала эти заводы Всеволожских были. Вы слышали, наверное, о них?

– Да, случалось.

– Магнаты были местные, богачи, горнозаводчики. Заводов новых на Урале и по Каме основали множество, и не могу сказать, чего только на этих заводах не делали, какой отраслью горной промышленности не занимались... Например, у них на службе француз-инженер был, Пуодебар, что коноводку изобрел*.

– Положим, что идея русского механика-самоучки Кулибина, – поправил я.

– Да, приходилось слышать это... Обычная история у нас на Руси и судьба большинства русских изобретений... За коноводками в первых же годах прошлого столетия построили в Пожве пароходы, а, наконец, в царствование Николая Павловича и паровозы для Царскосельской дороги. Расходы были миллионные, жили так широко, как не жили люди и с большими средствами. Ну да и другие проживать помогали, что греха таить... И дошли таким образом Пожевские заводы до полного упадка. В пору всё дело бросать и прикрыть заводы на веки вечные, как это теперь на Урале сплошь да рядом случается! В это время приехал сюда князь Сергей Евгеньевич Львов. Тульский помещик, живой, энергичный, деятельный. Много работал по своей специальности, всю Францию и Германию исколесил, к делу присматриваясь. Приехал он управляющим к Всеволожским на завод, а в 1900 году с помощью каких-то капиталистов купил оба завода и стал работать на свой страх и риск. И словно чудо какое с заводами произошло: работают с возрастающим успехом и сразу в уральской железодельной промышленности выгодное место заняли... Везде из-за кризисов сокращают производство, крупнейшие

заводы в трубу летят и закрываются, оставляя тысячи людей без работы, а у князя Львова на заводах работа всю кипит и дело растёт. Теперь вот он заводы под Чердынью купил. Были они у Волжско-Вишерского общества, да прогорели... А у него пойдут! Потому он за состоянием рынка следит и всегда настороже держится. Кризис с железом листовым и чугуном на Урале – на Пожве вырабатывают ведра, лопаты, тазы, сковородки, льют котлы, чугуны... Весь Урал конкуренции с югом боится, а пожевские изделия по всей Волге идут, в Сибири употребляются, в Среднюю Азию пробились. Везде на Урале бельгийцы, французы, англичане в дело втерлись и лучше куски себе захватили, а тут русское предприятие, свое, родное... Как же не пожелать ему развития, а владельцу сил и бодрости для дальнейшей работы?!

Я, разумеется, поспешил согласиться.

– А всё отчего? – продолжал горячо мой собеседник. – Да потому, что здесь владелец завода сам с утра и до поздней ночи на заводе находится, сам печи оглядывает, за выплавкой лично наблюдает, в лицо знает всех своих рабочих и лодыря от труженика отличит, а другие заводчики за границей живут, свои заводы всего два в жизни видели... А ведь, сами знаете, хозяйский глаз алмаз! На Пожевском заводе и водяные двигатели, и турбинные, и паровые, а у Строгановых как были при дедах и прадедах варницы построены, так и стоят до сих пор и никаких усовершенствований на них не вводится. И потому Строгановы еле расходы покрывают, а Любимов в Березниках за последний год два миллиона чистого барышу имеет. Лень за дело взяться им, а то бы затратить теперь деньгу, а там и работой на славу. И производство бы не сократилось, и иностранцев бы на Урал не пустили.

Иньва, Косьва, Вильва, Майкор, Кудымкар... – совсем пермяцкое царство!

– Здесь народ дикий: по-русски не всякий умеет. Мужики кое-как говорят, а бабы ни единого слова не знают.

– Однако «худ пермяк, да два языка знает».

– Ну, какое это знание русского языка!

Действительно, дичь ужасная: лес да топь, ни проходу, ни проезду.

– Здесь местами и пути тележьего нет: или верхом, или на санях.

– А земская почта?

– Колесные экипажи имеют, да и то земство обязало телеги завести. Тут с выездной сессией окружного суда курьез был. Опрашивают свидетелей драки. Один и говорит:

– Так двоих избили, что на санях домой доволокли.

Председатель попался из петербуржцев, правовед.

– Значит, – говорит, – избитые остались до зимы? Ведь дело летом было.

– Летом.

– А ты говоришь на санях?

– А на чём же везти было, коли на конях верхом они не могли?!

Верхом здесь ездят все: священник с требой, доктор к больному, купец с товаром. Бабы и девки не уступают мужчинам, но, вообще, посадка у пермяков прескверная: мешковатые и неуклюжие, они еще более неповоротливы на лошади, страшно подпрыгивают при езде и взмахивают локтями.

Непроходимые места и болота здешних мест, конечно, всегда были самым удобным пристанищем для всякого сброда, и потому сюда вместе с первыми колонистами сходились и разные «воры и лихие люди» и держали мирное население края в не меньшем страхе, чем беспокойные инородческие племена, враждебно встречавшие русских пришельцев.

Разбои не уменьшались и в XVIII веке.

«В 1769 году шайка разбойников врывается в Пожевской и Майкорские горные заводы, ограбила кабаки и приказчиков. Из них пожевского Митятина варварски умертвили в глазах всех жителей».

«В 1776 году, 1 и 2 чисел мая, среди белого дня, ограблены злодеями села Слудское и Усть-Косьвенское... На Слудке, по наущению обывателей, убит управляющий господским хозяйством, немец неизвестной фамилии»*.

Прошло 130 лет... Повсюду приветствовали торжество науки, двигались по пути прогресса, делались культурные завоевания. На Урале прошли новые железнодорожные пути, открылись оборудованные по последнему слову техники заводы...

И вдруг снова начались убийства и разбой, ограбление винных лавок, церквей, заводских контор. В глуши пермьского края, по Каме, на былом разбойничьем гнезде, свирепствовала шайка Лбова, бывшего мастерового Мотовилихинского завода. Приемы шайки были прежние, но воззрения разбойников на их ремесло переменялись.

Лхие люди былых времен видели в своем занятии способ легкой наживы, экспроприаторы Лбова прикрывались партийным флагом и боролись против насилия и произвола рядом еще более возмутительных насилий над мирными людьми...

Усть-Косьва – пристань железоделательных заводов князей Абамелек-Лазаревых Чёрмозского и Екатерининского, отстоящих от Камы в нескольких верстах

Следующая пристань – село Слудка на правом берегу Камы, близ впадения в последнюю реки Обвы, судоходной в половодье до села Ильинского. Расположенная в узле водных путей, Слудка издревле была крупным торговым пунктом и до сих пор торгует бойко.

– Самая первая у нас по грузообороту пристань, – говорит мне капитан, спускаясь вниз на конторку*.

– Еще бы те Слудки не хвалить, когда вы все тутошние! – пускает вдогонку кто-то из пассажиров.

Слудка на Каме – те же Работки на Волге: в редкой судоходной команде камских и сибирских пароходов вы не найдете местных уроженцев.

– Что в Орле, что здесь летом всем делом бабы орудут.

– А много из села на заработки уходит народу?

– Да добрая половина всего населения. Старый да малый остается.

А инвалидов здесь много: холод на реке весной и осенью, туманы, пронизывающие до костей, непосильная кладь, переносимая крючником при нагрузке парохода на пристанях, где судовая команда несет обязанности крючников, вконец расшатывают здоровье матроса, быстро старят и награждают грыжей, ревматизмом и чахоткой.

Село красиво взбежало по взгорью высокого берега и живописно раскинулось на двух холмах, перерезанных глубокой низиной. В селе каменные строения, двухэтажная церковь старинной постройки, два училища. У пристани много амбаров, и погрузка на пристани мешков с мукой и кулей с овсом заставила нас простоять у пристани чуть не до рассвета. Я не дождался отвала и лег спать, попросив разбудить меня перед последней пристанью до Перми – Хохловкой, где над Камой высятся живописные меловые скалы.

Хохловка – небольшое село в семьдесят шесть дворов, некогда медеплавильный завод, затем железоделательный, навсегда закрытый в 1890 году, после чего население убыло наполовину. Остатки бывшего заводского пруда, полуразвалины былых строений... обычная картина опустевшего заводского поселения, когда владельцы прекращают выработку продуктов.

Почти сразу же за селом начинаются алебастровые утесы левого берега, едва ли не самое красивое место на всей Каме верхнего плеса.

Как колонны величайшего дворца, встают здесь отдельные утесы; целой балюстрадой небольших столбов размыла вешняя вода их вершины... Дальше высится огромная скала, словно обломки дивной статуи, разрушенной беспощадным временем, за ней идут стены какого-то древнего храма с высеченными из мрамора украшениями.

И всюду, куда только могли проникнуть занесенные ветром семена растений, зеленеют пихты и ели, темно-зелеными пятнами выделяющиеся на ослепительно-белом фоне камней и еще ярче подчеркивающие их контуры. Взошедшее солнце ударило целым снопом золотисто-розовых лучей в берега и превратило сказочную панораму берегов в настоящую феерию: вспыхнули и загорелись пурпурным огнем снежно-белые вершины утесов, словно облитые багрянцем, зарделись ели и пихты на выступах порозовевших гор, глубже стали расселины и впадины, где синеватой дымкой еще плыл туман... А у подножья розовых скал плескала волною золотистая Кама и целым каскадом искрящихся алмазов ударяли валы за кормою парохода о поросшие мхом прибрежные валуны.

Красивый пейзаж кончается довольно быстро: берег переходит в обычное глинистое плоскогорье, поросшее хвойным лесом. «Миг один – и нет волшебной сказки»...

На правом берегу несколько строений.

– Деревня Заозерье и затон Заозерский... Здесь в иную зиму до сотни пароходов отстаивается.

– Весело, я думаю?

– Больше спят... Да ведь тут Лёвшино в четырех верстах, а от него до Перми чугункой меньше часу езды.

Заозерский затон – воложка, огражденная дамбой и ледорезами, но место выбрано удобное и безопасное, а потому здесь ставятся на зиму все пароходы, не успевшие уйти из Перми до начала осеннего ледохода.

– Вот подумывают о телефоне, тогда хорошо будет. А то теперь ближе Лёвшина неоткуда известить паромщиков на случай несчастья. В ледоход, когда на левый берег переправы нет, прямо смерть!

Напротив Заозерского затона, на левом берегу Камы, Королёвский затон (от деревни Королёвой), устроенный казною для землечерпалок и судов Казанского округа водяных путей сообщения, в ведении которого находится и Кама с притоками.

Чусовая, впадающая в Каму несколько ниже Королёвского затона, типичная горная река: на протяжении своих семисот двадцати девяти верст она, будучи главной артерией, соединяющей речки Урала с Камой, и естественным путем сообщение для вывоза грузов с уральских заводов в центр России, почти несудоходна благодаря своим порогам, камням-утесам и бойцам – торчащим из воды скалам, так картинно описанным Маминым-Сибиряком. Прежде по Чусовой шли большие караваны барок с железом, но теперь железная дорога доставляет грузы скорее и дешевле, железа вырабатывается на Урале всё меньше, и по Чусовой идут лишь сплавом плоты и небольшие барки с камнем. Иногда, впрочем, вверх по реке поднимаются в полулю воду небольшие пароходы до села Верхних Чусовских Городков (здесь Строгановы снарядили Ермака к походу в Сибирь) или идут по Чусовой до впадения ее притока Сылвы, по которой доходят до уездного города Кунгура. Берега Чусовой замечательно красивы. Наиболее живописными из камней считаются Сплавицын, Олений, наиболее опасными бойцами считались Косой, Разбойник, Молоков... Теперь предполагается очистить русло реки и создать водный путь из Сибири через Урал и Чусовую. Сомневаться в выгоде такого грандиозного водного пути для Урала и Сибири не приходится, но окупятся ли расходы по выполнению этого грандиозного проекта, сказать трудно.

– Только денег переведут гибель, – пессимистически утверждают уральцы.

При устье Чусовой раскинулось село Лёвшино, некогда значительная деревушка, выросшая благодаря выгодному положению при слиянии двух рек и железной дороги, соединяющей Каму с Уралом, в большое торговое село.

Большинство горнозаводских грузов не доставляется в Пермь, а выгружается в Лёвшине, и потому все пароходы низового плеса (Пермь – Нижний) приходят сюда грузиться. Перевалка грузов собирает в Лёвшино на лето четырехтысячную армию грузчиков с Волги и Камы, и пристань на Чусовой едва ли не более оживлена, чем в Перми на Каме.

Несколько ниже Лёвшина Нобелевский склад керосина и нефти, перекачиваемой с наливных барж и шхун, идущих прямо с низовьев Волги (Мертвая пристань – двенадцать футов, где морские пароходы передают грузы речным) до Лёвшина. Здесь же керосин разливается в бочки: при складе паровой бондарный завод, выделяющий ежегодно до сорока тысяч бочек под керосин.

Левый берег за Лёвшином повышается, правый несколько ниже, но порос лесом в противоположность обнаженному левому. По последнему параллельно течению реки идет полотно железной дороги. Еще так недавно это была главная линия, единственный путь из Перми в Сибирь, а теперь здесь лишь горнозаводская линия, кратчайшая дорога из Сибири на Петербург прошла через Кунгур.

На правом берегу показались домики-дачи – Голицыно, Верхняя Курья, напротив – завод Мотовилиха и заводские здания Пермских пушечных заводов... Дымят трубы, воздух пропитан гарью и копотью, слышен стук молотов.

За поворотом Пермь, тоже окутанная гарью и облаком дыма от железнодорожных мастерских, сквозь которые видны церкви, строения.

На пароходе начинается движение: собирают вещи, спускаются вниз, чтобы поскорее сойти с парохода, поспешно расплачиваются в буфете.

Слышны отрывистые разговоры и последние сообщения:

– Так вы сначала к Пал Евсигнеичу, у него дешевле...

– А Петр Поликарпыч долго не продержится, на него нажимай...

Долгий гудок... Пароход делает крутой поворот и подходит к пристани. Летит легкость (груз на веревке, прикрепляемой к чалке-канату для удобства подачи последней на пристань), подаются чалки, ставят сходни... Потянулись вереницей пассажиры с парохода.

Путешествие по верхнему плесу Камы кончилось.

Пермь

Сойдя в Перми с парохода на берег, вы сразу же попадаете в сутолоку набережной. Громяхают телеги ломовиков, ездят вверх и вниз по горе извозчики и частные экипажи, слышится грохот сваливаемого груза, звучит «Дубинушка» работающих крючников, разгружающих пароходы или спешно заканчивающих нагрузку, гудят пароходы, свистят паровозы, снуют сотни рабочих и пассажиров. И немудрено: на небольшом участке понижающегося здесь берега, напротив пристаней, расположен пассажирский вокзал Пермь I, несколько выше по течению Камы – товарная станция. Здесь происходит перевалка миллионов пудов груза, пересадка тысяч пассажиров, едущих на Урал, в Сибирь и обратно.

– В Перми, знаете, так удобно переезжать с вокзала на пристань! – восхищаются туристы. – Взял артельщик вещи, перенес на пароход, и никакой заботы...

Через час мы уже ехали дальше.

– А Пермь-то вы видели?

– Нет, знаете ли, не пришлось: расписания согласованы... Потом, ехать в город, подыматься на гору... Но с парохода видели: живописный город. Вообще, из путешествия вынесли массу впечатлений... Кама, Урал – живописные места, такие дикие и мрачные... Очень красиво и поучительно!

Обычная манера всё смотреть с парохода или из окна вагона.

Едут по Волге с целью посмотреть ее красоты.

– Ну, какие же впечатление вынесли вы из вашего путешествия?

– Ах, прелестно... Такое общество собралось милое, на пароходах полный комфорт... Капитан, бывший моряк, такой джентльмен.

– А самая река вам понравилась?

– Живописная местность... Что-то грустное, убогое, серое, свое...

– Нижний Новгород осматривали?

– Нет, прямо с вокзала на пароход. Поезда согласованы... Впрочем, мы ехали по ярмарке и набережной... И с парохода видели кремль... Очень красиво. Коромыслова башня... Река былых легенд... Очень поэтично!

– Казань посетили?

– Что вы: там семь верст от Волги до города! В Симбирске – крутизны, в Самаре – песок... В Астрахани, где пароход стоит целые сутки, помешала жара... Выше Нижнего не ездят, Оки не знают, Вятка и Белая не по дороге... Долгое время не ездили по Каме.

– Не принято.

Теперь показались туристы на Каме... Ездят до Перми.

– В добрый час!

– Позвольте, но вы явно преувеличиваете! – воскликнет иной читатель. – Я лично знаю многих, путешествовавших с остановками в городах.

Радуюсь, если это так.

Но обычно осмотр города делается на скорую руку, с путеводителем в руках. Главная улица... Собор... Лучшие здания...

Помню, случилось мне встретить одного англичанина на Каме. Он ехал с Урала и вез с собой множество образчиков руд, камней, шлаков, стружек стальных и медных, фотографий и рисунков с натуры.

– Вы художник? – расспрашивали его.

– Нет, я не занимаюсь никакой профессией.

– Но зачем же вы везете с собой эту дрянь.

– Я изучаю страну.

На пристанях он покупал всё, что было характерно для той или иной местности. Местные промыслы знал в совершенстве, но был очень благодарен за мои указания... Собирал на берегу цветные камешки-гальки, обточенные волной и выкинутые на песок.

– Он – сумасшедший! – смеялись на пароходе.

– Англичанин, – снисходительно пожимали плечами другие.

«Мы не любопытны», – совершенно справедливо заметил Гончаров.

Мало ли москвичей, не бывавших в Грановитой палате?

«Велико незнание России посреди России»...

Давно написаны эти слова, а приложимы они к нам и в настоящее время... Нет города, где не было бы чего-нибудь любопытного, где старожилы не рассказали бы чего-нибудь не попавшего в путеводители и другие издания; повсюду найдется много характерного и незнакомого, только нужно суметь его найти, и тогда путешествие будет интересно и поучительно.

Но возвращаюсь к Перми.

По набережной от пристаней и вокзала вы подымаетесь в гору. Справа от вас у подножия нагорного берега, на котором расположена Пермь, бичевник с пристанями, слева – здание Управления Пермской железной дороги и выемка для железнодорожного полотна с переброшенным через нее мостом-улицей. Миновавши мост, вы проходите мимо красивейшего здания в городе – дома Мешкова*, расположенного на самом видном месте и привлекающего невольно внимание каждого, побывавшего в Перми. Далее, слева, на углу Обвинской и Набережной, почта и телеграф. Дом казарменного типа и желтой окраски, но на месте этого здания до пожара Перми в 1842 году был дом, где жил сосланный в 1812 году в Пермь Сперанский.

Далее по набережной, напротив почты, разбит сад, носящий среди обывателей название «Козьего Загона».

– Почему это? – спрашиваю я у одного скуластого пермяка.

– Потому что мы наших супружниц сюда для прохлады по вечерам загоняем.

Этот отрывок взят мною из книги Василия Ивановича Немировича-Данченко «Кама и Урал». Не описывая Перми детально, путешественник сделал несколько набросков физиономии города, не скажу, чтобы привлекательной и верной. Правда, автор был в Перми в 1876 году, а Пермь развивается не по дням, а по часам, но и для того времени, по рассказам старожилов, краски чересчур сгущены.

И пермяки не остались в долгу перед беллетристом: при его расспросах ему давали самые неверные сведения. Скуластый пермяк (Немирович-Данченко счел их, типичных финнов, типом сибиряка), если только он действительно ответил словами, приведенными мною выше, прямо дал нелепую и плоскую остроуту, которой никто в Перми не повторит.

– Коз и загоняли, потому что их много здесь было у первых жителей Перми, – ответят вам.

А в летописи города Перми, составленной историком края Дмитриевым, вы найдете даже историческую справку о садике: «9 марта получен достопамятный Высочайший манифест об освобождении крестьян из крепостной зависимости. В Пермь манифест доставлен особо командированным свиты Его Величества генерал-майором князем Багратионом. ... Пермское городское общество в знак признательности к доброму вестнику, князю Багратиону, постановило назвать его именем площадку для прогулок на берегу Камы...».

Название, впрочем, не привилось, как не прививается и современное – Набережный сад, красующееся на вывеске при входе. Внутри сада прекрасные цветники, фонтаны, много скамеечек для публики, по вечерам собирающейся полюбоваться красавицей-рекой. Приходит сюда, впрочем, публика попроще: интеллигенция ходит на пароходы и в загородный сад общественного собрания.

А вид из Набережного сада красивый на редкость. Далеко, далеко, насколько хватит глаз, словно безбрежное море, уходят леса Оханского уезда на противоположном берегу, и, кажется, нет конца этому темно-зеленому лесистому простору... Вдоль берега ряд домиков – Закамский поселок, сливающийся с Верхней Курьей, – дачные места пермяков; на горизонте слева – кружево железнодорожного моста, справа – пароходные пристани, и вдали, окутанная клубами черного дыма, Мотовилиха... Внизу на Каме множество лодок, барок, барж, иногда буксирный пароход пройдет или пассажирский. Встречать его всегда сходится множество пермяков, и любопытство обывателей часто делает пребывание на пароходке неприятным...

В полугоре под Набережным садом проложено полотно железной дороги, и проход дневного поезда также вызывает любопытство садовой публики: если в этот момент смотреть снизу от переезда-шлагбаума вверх на «Козий Загон», то можно увидеть поверх забора, окружающего сад, «живую изгородь» из обывательских голов. Иногда машинисты обдают эти головы клубами дыма,

но прокопченные зеваки только выругаются и снова при свистке паровоза бросаются смотреть на поезд.

Из ворот Набережного сада мы выходим на Сибирскую улицу.

– Наш Невский проспект, – говорят пермяки.

Впрочем, прилегающий к набережной квартал не отличается красотой и изяществом построек и даже не напоминает главную улицу города.

На углу Сибирской и Петропавловской улиц находится здание городской управы; верхний этаж занят общественным собранием. В доме же городского общества помещается городская библиотека, достаточно богатая для такого города, как Пермь (сорок пять тысяч домов). На противоположном углу – мужская гимназия: здание общеказарменного типа, мрачное, тесное и темное внутри. Теперь сделаны большие окна и неприятная желтая окраска стен заменена ласкающей взгляд сиреневой, но, несмотря на модный цвет, внутренность учебного заведения не стала пригляднее: потолки по-прежнему низки, классы тесны, коридоры нижнего этажа напоминают погреб своими сводами.

Рядом с гимназией на Сибирской улице – казначейство, выходящее углом на Покровскую улицу, и здесь зимою наибольшее оживление по всей улице. От шести часов вечера и до восьми густая толпа движется сплошным потоком на протяжении двух кварталов, от казначейства до дома губернатора, и пробиться через нее не представляется никакой возможности. На этом же протяжении двух кварталов находятся лучшие магазины, но красивых зданий на Сибирской нет, если не считать вновь перестроенного дома губернатора, выходящего на Екатерининскую улицу.

На последней, недалеко от дома губернатора, находится дом Любимовой, построенный А. Б. Турчевичем, но менее эффектный, чем дом Мешкова, благодаря садовой решетке, закрывающей его с улицы.

Кварталом дальше от дома губернатора на Сибирской улице находится Благородное собрание – дом с колоннами и фронтоном греческого стиля, а влево от собрания на Воскресенской площади находится Воскресенская церковь и реальное училище.

Церковь во имя святого Воскресения – первый по времени памятник освобождения крестьян от крепостной зависимости. Закладка церкви состоялась в 1864 году, и большая половина средств на постройку составила из добровольных пожертвований крестьян.

Сибирская улица заканчивается заставой – двумя обелисками с орлами наверху. Дальше идет Сибирский тракт, но город настолько разросся, что застава оказалась в центре, и до конца Старой слободки, начинающейся за заставой, расстояние едва ли не большее, чем от последней до Камы. На Сибирском тракте интересны пересыльный замок с его рвами и башнями, преобразованный теперь, с упразднением знаменитой «Владимирки», в арестантское исправительное отделение, и помещающееся напротив замка училище слепых детей.

Справа от сибирской заставы начинается бульвар, березовая аллея, некогда соединявшая Сибирский тракт с Казанским, и два прилегающих к бульвару сада: ботанический, где собраны (к сожалению, несистематично) представители местной и сибирской флоры, и сад Общественного собрания,

в просторечии – «сад за бульваром» – любимое место прогулки пермяков. Здесь с первого мая по сентябрь играет оркестр (теперь военный, но прежде бывали недурные симфонические), и под звуки его гуляют обыватели исключительно по главной аллее на пространстве двухсот сажен. Толпа серенькая, бесцветная и невеселая: в хмурой Перми на гуляние все словно несут неприятную обязанность и даже смех звучит как-то деланно, искусственно.

Казанская застава, с такими же обелисками, как и Сибирская, стоит на тракте, ведущем в Казань. Лет тридцать с небольшим этот тракт зимой представлял единственный путь из далекой Перми в Москву.

Неподалеку от Казанской заставы – земская больница, названная Александровской в память проезда императора Александра I через Пермь в 1824 году. Больничные здания занимают целый квартал. Главный корпус находится во дворе среди лиственниц, фасадом к обширной площади перед заставой. От этой площади начинается Красноуфимская улица, бойкая, торговая и оживленная, соединяющая два базара – Сенной рынок с Чёрным. На Сенном рынке находятся щепные ряды и толчок. Тут же, подле ограды Единоверческой церкви, торгуют кустари телегами, ходами, веялками и боронами. Образцы работ кустарей Юговского завода (в тридцати верстах от Перми) находятся на этой же площади в особом павильоне.

Миновав Чёрный рынок, где торгуют съестными припасами, бакалеей, галантерейными и мануфактурными товарами, и поднявшись на гору к контрольной палате, мы выйдем на Монастырскую улицу, где интересна по своей архитектуре очень изящная мечеть. Взявши от контрольной палаты направо, мы пройдем мимо духовной семинарии (большого неуклюжего здания, едва ли не более мрачного внутри, чем мужская гимназия) и выходим на Соборную площадь к кафедральному собору.

Прежде всего в соборе поражает его высокая колокольня. Но по проекту она должна была быть еще выше на целый ярус. Храм разделен на две половины: зимний собор во имя святого Стефана Великопермского и летний – Преображенский. В летнем соборе иконостас Пыскорского монастыря, о котором я уже упоминал, но иконы в нём не Строгановские: по свидетельству одного из бытописателей Перми Смышляева*, иконы написаны в 1762 году академиком Базилевским. В соборе хранятся знамена ополчения 1812 года.

Иконостас зимнего собора из разноцветного мрамора. Заказанный пермским вице-губернатором Борноволокным для церкви в его имении, иконостас, ввиду отдачи заказчика за лихоимство под суд, был взят в казну и предложен для Казанского собора в Петербурге, но император Александр I по ходатайству президента Академии художеств Строганова пожертвовал иконостас пермскому собору. Щедрый дар государя был дополнен пожертвованными Строгановым иконами работы Угрюмова, Боровиковского, Витберга и Егорова, но во время реставраций и чисток иконостаса по работам знаменитых художников пробежали резвые кисти пермских маляров, и произведения искусства, «исправленные и дополненные», наполовину утратили свою ценность.

От Соборной площади спускается под гору широкая улица с липовой аллеей посредине, официально – Кунгурская улица, но название это пермяками не усвоено и заменено «Проспектом» или «Широким проулком».

Готов поручиться, что ни один извозчик в Перми не повезет вас на Кунгурскую улицу.

– Нету такой! – сурово скажет он, поглядевши на вас с высоты козел.

Пройдя два квартала и миновав пересекающую «Проспект» Торговую улицу – центр торговой жизни города, но мало интересную для обозревателя, мы выйдем к часовне святого Стефана Великопермского.

Хотя сам святой Стефан и не был в пределах Пермской губернии, а подвизался в Усть-Сысольском и Яренском уездах нынешней Вологодской губернии по рекам Вычегде, Лузе, Сыsole и Выму, Пермь не может не чтить памяти его как своего апостола и просветителя: деятельность учеников святого Стефана, уже описанная мною ранее, озарила при святом Ионе светом Христова учения Пермь Великую – Чердынь. Святой Стефан дал зырянам богослужебные книги на их родном языке, близком к пермскому, и потому новообращенные пермяки легко усваивали молитвы и песнопения при богослужении, что, конечно, весьма облегчало проповедь просветителям края.

«И попове его, – пишет Епифаний Премудрый, составивший житие св. Стефана Великопермского, – пермским языком служаху обедню, заутреню же и вечерню, и канонархи его по пермским книгам канонархаша, певцы же всякое пение Пермски возглашаху»*.

Святой Стефан был родом из Устюга Великого; по свидетельству Епифания, «сын некоего христолюбца, мужа верна-христианина именем Симеона, единого от клирик великие соборные церкви святыя Богородицы, иже на Устюзе». Так как город вел меновую торговлю с зырянами-звероловами, то святой Стефан имел возможность говорить с последними и научиться их языку. Ознакомившись с верованиями зырян, бывших язычниками, он задумал привести ко Христу население обширного края и для подготовки к миссионерской деятельности ушел в Ростов Великий (теперь – уездный город Ярославской губернии) и поступил в Григорьевский монастырь, бывший в то время лучшей богословской школой на Руси.

«И изучися сам языку пермскому и грамоту нову пермску сложи и азбуки незнаемы счини, и книги русские на пермский язык преведе, преложи и преписа»...

Сорока лет, в сане иеромонаха, с крестом и евангелием в руках, горячей верой в Бога, Помощника и Покровителя, появился святой Стефан на Вычегде в Котласе, в шестидесяти верстах от Устюга Великого, своей родины. Он шел один с живым убедительным словом на устах к тысячам язычников, и его горячая, убедительная проповедь сразу же обратила ко Христу сердца многих туземцев. Успех первой проповеди окрылил святого Стефана, и он пошел на Вычегду в селение Усть-Вым, где стояла «Прокудливая (капризная) береза», отвечавшая скрипением на предлагаемые вопросы, как Додонский дуб в древней Греции. Срубив березу и посрамив жреца и князька зырянского Пама, мешавшего проповеди святого Стефана, но отказавшегося идти в огонь и воду для выяснения истинной веры, святой Стефан крестил зырян и поставил в Усть-Выме три церкви.

Рукоположенный во епископа Пермского святитель долго и много работал над устройством своей епархии и был защитником зырян от новгородской

вольницы – ушкуйников, вятичей и вогул, с одной стороны, и от притеснений и поборов московских сборщиков податей – с другой.

Восемнадцать лет неустанно потрудился святитель на своем посту, но умер он в Москве, куда был вызван для участия в церковном соборе в 1396 году. Мощи его почивают у Спаса на Бору, святительский посох находится в пермском кафедральном соборе.

В 1896 году Пермь торжественно праздновала пятисотлетие со дня кончины своего апостола, и был поднят вопрос о перенесении святых мощей его в Пермь. Возбуждались ходатайства об этом и в последующие годы, но ходатайство удовлетворено не было.

Часовня святого Стефана Великопермского заложена была в 1882 году. Построена она на средства Общества к поддержанию чистоты нравов в народе по духу православной Церкви, организованного протоиереем отцом Евгением Поповым, но просуществовавшего сравнительно недолго. В настоящее время в часовне ведутся духовно-нравственные беседы.

Повернувши налево от часовни по Петропавловской улице к Сибирской, мы дойдем до невзрачного дома, где помещается Научно-промышленный музей. Но если здание музея снаружи не богато, то богатство коллекций музея (сто сорок пять коллекций и шестнадцать тысяч четыреста тридцать пять предметов в девяти отделах) удовлетворит самого взыскательного обозревателя. Можно без преувеличения сказать, что музей собрал в своих стенах всё, что только можно было достать из предметов, относящихся к Пермскому краю и пермской старине.

В музее устраиваются чтения, собирающие большое число слушателей, члены музея работают не покладая рук, и исключительно благодаря их энергии музей за девятнадцать лет своего существования достиг блестящих результатов в своей культурно-просветительной деятельности: отношение города и земства к музею довольно безразличное, чтобы не сказать больше...

Идя далее по Петропавловской улице мимо управы и мужской гимназии, пересекаем Сибирскую улицу и выходим к Театральному саду, лучшему из городских садов в Перми (не считая загородного сада – «за бульваром»). Здесь разбиты прекрасные цветники, бьет фонтан с живой рыбой в бассейне, два раза в неделю играет духовой оркестр.

В подкове, образуемой садом, находится городской театр.

«В городе, несмотря на то что есть деревянный театр, строится громадный каменный», – писал Немирович-Данченко в 1876 году.

– Хоть в столицу, – хвастаются пермяки.

«Мне только непонятно, на какую публику рассчитывает строитель? Разве купцы с собой станут козлов брать – другое дело».

А в 1906 году пермяки роптали на строителя:

– Не могли театра выстроить побольше.

Пермь – город музыкальный: здесь ценят и любят хорошую оперу, здесь имеется отделение Императорского музыкального общества, филармоническое общество, музыкальный кружок.

– Обор в Пермь не повезешь, – еще недавно говорили антрепренеры перед сезоном в Перми. – Их там дирекция набаловала...

И действительно, «время дирекции», когда театром управляла выборная думой комиссия из лиц, преданных делу и знавших его, до сих пор с удовольствием вспоминается как пермяками, так и артистами, служившими тогда в Перми.

– Составчики были! – с восторгом говорят первые. – Несколько лет опера была и артисты одни лучше других.

– До последней копейки получили всё в сезоне, – с удовольствием вспоминают жрецы искусства. – Полным рублем платили и без задержки...

За театром женская гимназия: большое здание в русском стиле со светлыми классами, паркетными полами и большим актовым залом в два света. Красивая церковь женской гимназии выходит на Обвинскую улицу и хорошо видна с набережной от почты.

Идя дальше по Петропавловской улице, мы пройдем мимо епархиального училища, которое теперь не в состоянии вместить всех желающих учиться. Правда, выстроено большое здание рядом (со стороны Соликамской улицы), но «за скудостью средств» оно не закончено постройкой, и когда закончится – неизвестно.

Петропавловская улица упирается в Петропавловскую площадь, где находится старейшая церковь в Перми – Петропавловский собор. Когда-то здесь был центр города, и потому я позволю себе привести несколько исторических сведений о Перми.

«Лета от сотворение мира 7231, от воплощение же Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1723, по открытии в здешних местах медных руд начат строит медноплавильный завод по имянному повелению Великого Государя Императора Петра Первого бывшим тогда в Екатеринбурге главным Сибирских казенных заводов правителем, генерал-лейтенантом и кавалером Вильгельмом Ивановичем Дегенниным (де-Геннин), – сообщает пермский летописец о. Гавриил Сапожников. – Прежде же того на сем месте был лес, почти никем не обитаем, в котором тогда нередко укрывались разбойники, которые производили различные грабежи, как плывущим то вверх, то вниз по Каме, так и подле оной пешешествующим. А хотя и была деревня однодворка господ Строгановых, называемая Брюшинкиной (Брюханова – по другим источникам), но она отстояла от устья речки Егошихи более версты».

«В следующем 1724 году завод приведен в совершенное действие. По умножении в оном жителей в том же году заложена церковь деревянная во имя святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, в честь тезоименитства Императора Петра Великого.

В 1759 г. был пожалован Егошихинский завод Императрицей Елисаветой Петровной канцлеру графу Михаилу Ларионовичу Воронцову во владение».

7 ноября 1775 года был дан манифест «Учреждения о губерниях, начало административной реформы Екатерины II» и приступили к постройке новых городов. Командированный на Каму князь Мещерский указал на Егошихинский завод как удобный административный центр, и в 1781 году здесь был торжественно открыт город, названный Пермью и пожалован городу герб – «На красном поле белый медведь; на спине его Евангелие в золотом окладе и серебряный крест».

Таким образом, Перми всего 130 лет, и, глядя на теперешнюю Пермь, трудно представить себе город таким, каков он был до пожара 1842 года или даже в 1876 году по описанию Немировича-Данченко.

Правда, на окраинах существуют до сих пор незамощенные улицы и деревянные тротуары (особенность всех северных и северо-восточных городов), город летом страдает от пыли, но, с другой стороны, Пермь прекрасно распланирована, превосходно освещена электричеством, имеет водопровод (как последний, так и электричество – в руках города), подумывают о трамвае и канализации. В городе три мужских гимназий, четыре женских, реальное училище, железнодорожное, женское епархиальное, духовное училище, семинария, несколько прогимназий и начальных училищ – всего сорок девять учебных заведений. Мечтает Пермь и о высшем учебном заведении – политехникуме, но у нее здесь имеется опасный конкурент в лице Екатеринбурга.

– Приезжайте через десять лет, так Перми не узнаете, – с гордостью заявляют пермяки.

И глядя, как быстро растет и развивается город, невольно веришь этому и желаешь успеха энергичным пермякам.

Пермский пушечный завод

Быть в Перми и не осмотреть Мотовилихинского завода – то же, что в Астрахани не видеть рыбных промыслов, в Курске – фруктовых садов, в Крыму – виноградников.

Пропуск на завод сравнительно свободный, по особому разрешению, выдаваемому в конторе, сообщение удобное и недорогое (по железной дороге или на пароходе пять копеек), осмотр интересен и не для военных, так как помимо своей прямой специальности – орудий и снарядов, завод принимает и другие заказы: спайку колоколов электричеством, отливку машинных частей, паровых валов и пр.

В Мотовилиху можно попасть тремя путями: пароходом, по железной дороге и на лошадях или пешком (до завода четыре-пять верст). Пароход маленький, неуклюжий, обычно перегружается публикой до крайних пределов. Когда эта переполненная народом посуда следует по реке вдоль берега, смотреть страшно...

Впрочем, ездившие одобряют:

– В тесноте, да не в обиде... А что насчет опасности, ежели так за этим следят: как к одному борту шибко (очень) много народу насыдет, так сейчас их на другое место и погонят... Пароход опять и выправится.

Путь по железной дороге очень однообразен, но он по времени непродолжителен и предпочитается не располагающими свободным временем. Тем же, кому не жаль лишнего часа или двух, всего лучше отправиться через деревню Горки по Соликамскому тракту. Быть может, этот путь утомительнее, но он гораздо живописнее.

От Петропавловского собора вы направляетесь через площадь «Разгуляй», остаток былого Егошихинского медеплавильного завода, по дороге к старому кладбищу мимо тюрьмы. Оставив за собой город,

спускаетесь по Соликамскому тракту к реке Егошихе и, переехавши ее по мосту, начинаете подыматься на высокую гору. Дорога, прекрасное шоссе, идет вверх винтом по склонам горы, и с вершины последней, доминирующей над городом, вы видите всю Пермь с ее церквами, массой зданий, множеством садов, слободами и предместьями, окаймленными темной рамой хвойных лесов, где теряется Сибирский тракт, и широкой Камой с многочисленными судами у пристаней и ажурным силуэтом железнодорожного моста вдали. За Горками тракт идет среди полей до деревни Дальние Горки, откуда начинается спуск к Каме. Перейдя железнодорожный путь, тракт выходит на берег Камы, и вы едете между полотном железной дороги и забором пушечных заводов, огораживающим место дровяных складов. Здесь вас, несомненно, заинтересует высокая красная платформа под навесом на берегу Камы.

– Проба, – лаконично пояснят вам.

Здесь испытывается годность орудия перед приемщиками. Полигон находится на противоположном (оханском) берегу, и снаряд летит через Каму. Полигон тщательно огорожен и охраняется на время испытания. Повсюду вывешиваются флаги, предупреждающие о начале стрельбы. Канонада бывает слышна в Перми, и выстрелы очень смущают своей неожиданностью лиц, недавно приехавших в Пермь.

Вы проезжаете мимо ряда заводских зданий, и здесь ваше внимание, несомненно, привлечет большое здание с башней под шатровой пирамидальной крышей. Это кузнечно-молотовая пушечных заводов, где помещается самый большой молот не только Пермских пушечных заводов, но и первый в России по величине.

Вы получаете в управлении заводами пропуск и выходите на заводский двор с множеством строений, дымящихся труб, кузниц, печей. Откуда-то доносятся глухие удары молотов, где-то пыхтят паровики, слышен лязг железа. Во все стороны по двору, словно змеи, пробежали рельсы дорог, и по ним медленно передвигаются перегруженные вагонетки. Лошади в запряжке прекрасно выглядят: тяжеловозы, иной раз полуардены, в хорошем теле и, видимо, превосходно содержатся.

– Слепнут оне у нас, – жалуются служащие, – от печей или от раскаленного железа, но только долго не выдерживают.

– Может быть, от тяжелой работы?

– Нет, работа не тяжела: ведь вагон лишь с места взять трудно, а потом он пойдет. А железо и чугун при белом калении портят вообще глаза. У нас рабочие в некоторых цехах цветные стекла носят, а под конец и у них зрение никуда не годится... Рабочему приходится инвалидом на весь остаток дней быть, а слепые кони работают не хуже зрячих: дорогу они запоминают прекрасно и около печей не пугаются...

Осмотр завода обычно начинается с чугунно-стально- и медно-литейного цехов. В первом из них три отражательных печи и восемь вагранок, но они никогда не действуют все вместе, а лишь в случае особо большой работы на заводе. Обычно работает одна вагранка, выплавляющая в сутки до пятисот пудов чугуна. Работают здесь на антраците, причем пудом топлива проплавляется шесть-семь пудов металла. Отражательные печи (две на шестьсот пудов

металла и одна на тысячу пудов) работают на дровах. На одной кубической сажени дров плавится двести пятьдесят – триста пудов чугуна; угар металла (потеря его при выплавке) двенадцать с половиной фунтов на пуд.

Воздух для дутья в вагранки и печи доставляется особыми воздуходушными цилиндрами, в помощь которым ставится особый вентилятор системы Шилоносова.

Последний, бывший мастеровой Пермских пушечных заводов, один из многочисленных русских самородков, изобретатель остроумнейших приборов, оригинальных станков и машин. Под наблюдением Шилоносова на верфи Мотовилихи был выстроен в 1886 году для Лунегова пароход «Гражданин» с колесом сзади, по типу только что пущенных тогда на Волгу пароходов Зевеке. Шилоносов же построил и плавучую лесопилку, приводившуюся в движение естественным течением реки. Судьба изобретений Шилоносова – обычная судьба русских изобретений: они не получили распространения, изобретатель умер, и о нём забыли... Когда одно из его изобретений появится у нас как продукт заграничного мышления, быть может, кто-нибудь и вспомнит о родном изобретателе, да и то навряд ли...

«Мы не любопытны»...

Медно-литейный цех невелик и находится в пристройке к чугунно-литейному. Медь плавится в тигельных горнах на нефти. Ставится по два тигля вместимостью по три пуда каждый, процесс плавки длится два часа с небольшим, всего выплавляется восемнадцать-двадцать пудов в день.

– Вспомогательный цех, – объясняют вам. – Нам много меди не нужно.

Зато сталелитейный цех – центр всего плавильного производства: здесь зарождаются те предназначенные к истреблению человека человеком орудия, сооружению которых главным образом и посвящена вся деятельность завода. Сталь для отливки готовится или в печах Мартена, или в тигельных печах Сименса, благодаря чему сталь разделяется на мартеновскую и тигельную. Отливок пушечных болванок мне ни разу видеть не приходилось, и поэтому я беру описание этого интересного момента зарождения орудия из «Отчета о поездке министра земледелия и гос. имуществ Ермолова на Урал» П. А. Вологодина.

«Процесс отливки пушечных болванок в буквальном смысле – феерия. Действие происходит в верхнем этаже литейной башни. В переднем конце фабрики открывается круглое отверстие в полу, как бы конец трубы: это верхний конец формы, в которой должна отлиться болванка, т.е. целый стальной чурбан, веретенообразно утолщенный к одному концу. Форма в вертикальном положении находится под полом. Она нагрета. Далее идут ряды печей. Видны только раскаленные заслонки... Но вот, всё готово. К отверстию формы становится инженер, заведующий фабрикой и мастер. Дальше – около сотни рабочих парами, одна за другой, держат наготове железные носилки для тиглей. Одна за другой открываются заслонки печей, вынимаются добела раскаленные тигли. Носильщики чуть не бегом пара за парой бегут с ними к отверстию формы, в которую и выливают огненно-жидкий металл. Из формы взвивается пламя. От печей, ослепительно блестящей расплавленной стали и от раскаленных тиглей вся фабрика кажется в пламени. Кипучая

огненная работа продолжается до тех пор, пока форма не будет налита доверху».

Охлажденная и вынутая из формы болванка по конно-железной дороге доставляется в кузнечно-молотовый цех, или большую молотовую, едва ли не одно из самых грандиозных сооружений на заводе, где помещается главная достопримечательность Пермских пушечных заводов – пятидесятитонный (три тысячи сто пудов) молот.

– Таких молотов во всём мире больше пяти не насчитаете, – с гордостью говорят вам служащие на заводе.

В России это единственный паровой молот в пятьдесят тонн: одинакового веса молот Обуховского завода разобран и заменен гидравлическим прессом.

Пермский молот поставлен первым начальником и строителем Пермских пушечных заводов Н. В. Воронцовым (впоследствии бывшим директором Горного института), талантливым инженером и недюжинным математиком. Имея лишь простых мастеров и рабочих, он не задумался у себя на заводе отлить чугунный стул под наковальню в сорок тысяч пудов, поставил его на грандиозный фундамент из бутовых камней, огромных глыб в две тысячи пудов весом каждая, закончил остальные сооружения и сразу же, без предварительных испытаний, начал ковку казенной части одиннадцатидюймового орудия.

Результаты получились блестящие, и торжество математики и строительной техники было полное. А еще отраднее было сознание, что вся работа была сделана русским инженером при помощи русских рабочих и всё было выполнено на месте, в России, на далеком Урале, считавшемся чуть не краем света, в той самой Перми, где пьяные обыватели, по описанию Немировича-Данченко, первобытными людьми себя воображали и в одной квартире маститого беллетриста укусили за ногу.

Молот кует орудийные стволы, кольца, снаряды. Огромные, раскаленные добела болванки вздрагивают под его ударами и как будто глухо стонут. Снопки золотых искр огненным фейерверком взлетают вверх при каждом ударе, стены башни содрогаются, и, кажется, земля уходит из-под ног.. У молота двадцать четыре человека рабочих в смене. Какими пигмеями кажутся они перед этим гигантом и как ловко и быстро работают они вокруг!

После этого колосса остальные три молота – двенадцати-, восьми- и пяти-тонный* – кажутся уже незначительными, и удары их не производят особенного впечатление. Так, подле храма Христа Спасителя в Москве выглядит маленькая приходская церковь близ Каменного моста.

Меньшие молоты исполняют более мелкие работы, из которых особенно интересна разрубка мартеновских болванок, до смешного напоминающая колку сахара.

Закалочная фабрика – длинная зала, где в одном конце стоит большая облицованная железом печь, а перед ней бассейн с железными стенками, наполненный льняным маслом. Раскаленное в печи орудие при помощи крана, движущегося по рельсам под потолком, выводится из печи и погружается в масло, где и остается до полного охлаждения. Аналогичным образом производится и калка снарядов в снарядозакалочной фабрике.

Цехи – токарный, снарядный, слесарный и оружейный – показывают постепенное превращение грубо выкованного стального чурбана в блестящее орудие. Здесь пушки сверлятся, обтачиваются, полируются, нарезаются... Это самый большой отдел заводов, и входить в детальные описания в кратком очерке почти невозможно, тем более что отдел этот специальный. В этом цехе занято полторы тысячи рабочих, и протяжение всех галерей равняется одной версте. Все работы совершаются машинами, и рабочие только следят за правильностью их хода и подливают масла. В залах тихо, только свистят сверла, гудят шкивы колеса приводов, тянутся стружки и визжат напильники.

Словно тысячи пчел на пасеке гудят в ясный летний полдень...

После оружейных фабрик можно пройти на заброшенную верфь. Теперь судостроение оставлено, но прежде Мотовилиха исполняла заказы многих пароходовладельцев: помимо упомянутого мною «Гражданина», здесь были построены буксирный пароход-гигант «Редедя, кн. Коссогский» с машиной в пятьсот номинальных сил, по силе и размерам не имевший соперников на Волге, «Медведь» – первый опыт замены системы компаунд машиной тройного расширения, наконец, два пассажирских парохода «Боярин» и «Боярыня» для общества «По Волге».

В заключение рассмотрим наиболее интересный цех – электрический, обаянный своим существованием Н. Г. Славянову, изобретателю электрического плавления металлов, что дало возможность заводам производить починку и поправку самых разнообразных предметов: частей паровых машин, испорченных маховиков, сбитых зубцов колес, разбитых колоколов.

Не могу не привести описания, как был починен первый колокол по способу Славянова в Мотовилихе 18 февраля 1893 года*:

«Разбитый колокол был привезен в Мотовилиху из Уинского завода, Осинского уезда, весом в 48 пудов, отлитый в 1815 году и треснувший в 1878 году. Колокол имел трещину, проходившую от края до ушей в виде буквы S. Трещина эта была разрублена в виде канала около 3/4 дюйма шириною и разрубленный канал разделен на части пробками из прессованного кокса. Пред операцией заливки колокол был нагрет довольно сильно, но не до красного каления, разожженным кругом него углем. Когда описанным образом колокол был подготовлен к операции, его соединили помощью изолированного проводника-провода с динамо-машиной. Таким образом, колокол явился одним электродом, другим же был вставленный в паяльник стержень из однородного с колоколом металла. При приближении стержня к трещинам колокола мгновенно вспыхивала ослепительная звезда вольтовой дуги, при чем плавился не только конец стержня, но и стенки трещины... Вся операция продолжалась не более трех часов, вечером 18-го февраля.

На другой день, 19-го февраля, колокол был поднят на кран. Торжественна, достойна поэтического пера Шиллера, была картина, когда от удара молотом колокол издал совершенно чистый, как новый, звук. Находившиеся при этом привезшие колокол мужики-уинцы сняли шапки и осенили себя крестным знаменем, а один из них, почтенный старец, едва ли не одногодок с колоколом, восторженно произнес:

– Батюшка ты наш! Пятнадцать лет твоего голосу не слышали и опять запел, как новенький!

Трогательна была благодарность этих мужиков виновнику возрождения 78-летнего старца-колокола Н. Г. Славянову. Да и было за что: за переливку этого колокола на заводе Бакулева в г. Слободском (ближе нет заводов) просили 400 рублей, а в Мотовилихе им это стоило всего сто рублей».

Вслед за первым колоколом исправлены были десятки других из Пермской, Вятской, Уфимской и даже Казанской губерний. И загудели призывным благовестом на старых колокольных эти колокола в родной глуши, созывая, как и прежде, прихожан на молитву, и не один человек помянул добром изобретателя-инженера, давшего возможность бедным людям в далеких заброшенных углах восстановить убогие колокола бедных церквей за незначительную сравнительно плату.

При начале спайки в цехе вам дают деревянную дощечку с красным стеклом, предупреждая, что свет слишком силен для невооруженного глаза. Предназначенный для спайки предмет помещается на особых подставках в специальную печку из трех стенок – покоем. Рабочие надевают красные очки и включают штетсель. Вспыхивает белое пламя, перебегающее по краям излома, слышно какое-то шипенье. Вся операция кончается очень быстро, даже жаль, что так быстро кончается.

Не менее важно для металлургического производства изобретение Славянова в применении к уплотнению отливок, то есть избежание пустот, раковины и других пороков отлитых металлов путем прилива жидкого металла, заполняющего эти пустоты.

К сожалению, подробности этого в высшей степени интересного способа – предмет слишком специальный, и, не будучи в нём компетентным, я не берусь передать его читателю.

Электротехническим отделом обозрение Мотовилихинского завода обычно заканчивается.

Отъезд из Перми

Пассажирский пароход соединенного пароходства – Каменских и Любимова – отходит в десять часов вечера.

Белая ночь тихо и торжественно спускается на землю. Ярким багрянцем пылает заря над противоположным берегом Камы, и красно-золотистый отблеск озаряет живописно раскинувшуюся на берегу Пермь.

Вы приезжаете на пароход (каюту надо заказать накануне) и недоумеваете: пароход переполнен до того, что не только в классных помещениях, но и на палубе повернуться негде. Публика сидит в гостиных первого и второго классов; заняла все балконы и заполнила даже коридоры.

Вами овладевает робость, и вы торопливо нащупываете в кармане ключ от каюты.

– Кто знает, при таком наплыве пассажиров ее могли занять до вашего приезда!

Каюта заперта, и в ней никого нет. Вы начинаете устраиваться в ней поуютнее, и в то же время чувствуете на себе чей-то взгляд. Вы оборачиваетесь и видите стоящего у вашего окна любопытного. Ваш недоумевающий взгляд и, быть может, гневное восклицание ничуть не смутят его. Он постоит еще немного и потом отойдет как ни в чем не бывало. Такое назойливое любопытство надоедливо, но пермяков от их привычек отучить трудно.

Утешьтесь тем, что эти любопытные – провожающие или пришедшие на пароход людей посмотреть и себя показать. Дадут первый свисток, второй – и вся эта масса публики схлынет на берег

После второго свистка кругом палубы обойдет матрос.

– Ежели кто провожающие, пожалуйста на берег: пароход сейчас отходит.

Провожающие, сойдя с парохода на пристань, выстраиваются длинной лентой вдоль парапета на дебаркадере, отъезжающие подходят к сеткам палубных балконов. Начинаются разговоры наспех, поручения...

– Да, вот еще... совсем забыл.

– Послушайте, из головы вон передать вам пакетец.

Вы заметили, что у нас всего больше разговоров перед уходом или перед отъездом? Сидишь в гостях, разговариваешь долго и много, а начнешь в передней прощаться, и опять поговоришь.

Одна моя знакомая так даже стул в передней поставила.

– Всё равно гость сразу не уйдет, а разговаривать будет, так я в это время буду поддерживать беседу не стоя на ногах, а сидя на стуле.

– Прощайте! – кричат с парохода.

– Прощайте! – откликаются с пристани.

– Пишите!

– Пишите и вы...

Третий свисток...

Снимаются фуражки, вынимаются платки. Гул голосов, последние прощальные возгласы.

На капитанском мостике изящная фигура в белом, морского образца кителе и шикарнейшей форменной фуражке. Полная противоположность верхнекамскому мастодонту: элегантный костюм, хорошие манеры невольно располагают к себе пассажиров, и командир обычно – душа собравшегося на пароходе общества.

Сняли сходни, отдали чалки... Пристань и провожающие поплыли мимо. Пароход, сильно накренившись на бок, делает крутой поворот и направляется вниз по течению. Гулко звучит прощальный свисток-салют, подхватываемый эхом оханского берега.

Пароход идет параллельно набережной. словно в синематографе плывет мимо панорама города: дом Мешкова, Набережный сад, собор, семинария, мечеть, Слудская церковь, казенный винный склад, Заимка, кожевенный завод Алафузовых.

Впереди ажурной лентой перекинулся, словно из кружев сплетенный, железнодорожный мост через Каму. Длина его четыреста девятнадцать сажен при восьми пролетах.

Все пассажиры столпились на носу парохода. Всех интересует, как прошмыгнет пароход под этой громадой, кажущейся нависшей так низко над водой.

– Мы, господа, здесь не пройдем!

– А как же наш пароход в Пермь из Нижнего пришел?

– Наверное, трубу и мачту спустит: у нас, в Петербурге, все финляндцы под мостами трубу спускают.

– А на Каме трубы у пароходов не спускаются; да и надобности нет: как подойдем ближе, так вы увидите, что от мачты и трубы до полотна расстояние будет весьма и весьма значительное.

И действительно, мост как будто бы повышается, чтобы пропустить пароход, и полотно подымается всё выше и выше.

Пароход под мостом.

– Экая громадина!

– Да, грандиозная постройка.

– А страшновато немного: всё кажется, что обрушится эта махина и тебя раздавит, как червяка или ничтожную букашку.

– И потом какой-то неясный гул...

– Это что, а вот когда идет, знаете ли, поезд...

– Должно быть, это интересно.

– Страшно?

– Да, грохот тогда ужасный, и в ушах звенит.

– Сызранский мост больше?

– Да, тот длиною полторы версты.

После моста публика расходится по каютам. Сравнительно низкий правый берег меняет свою физиономию: издалека, из-за леса и болот, показывается цепь невысоких холмов и крутыми обрывами красной глины подходит к реке. На обрывах ряд домиков-дач, из которых невольно привлекает внимание путешественника красивая дача Синакевича в русском стиле, с кокошниками, кокетливо белеющая среди красных стволов и темно-зеленой хвои обступивших ее сосен.

Дачный поселок Нижние Курьи (Верхние расположены напротив Перми на оханском берегу) – излюбленная дачная местность, и поэтому Курья ширится и растет не по дням, а по часам. Как местность, облюбованная горожанами, Нижняя Курья носит характер города, обычную физиономию модных дач, начиная с Сокольников, Царицына, Люблина, Кускова, Перова и прочих подмосковных и кончая облюбованными горожанами провинциальными пригородными селами.

– Разве это дача, деревня, отдых? – жалуются любительницы сельского уединения. – Парк, спектакли, концерты, балы, корсет с утра до поздней ночи, прогулки на передней линейке по берегу Камы.

– Так зачем же вы живете там и подвергаетесь таким пыткам? Наконец, кто же мешает вам ходить одетой просто? – спрашивает такую страдалицу.

– Да как же иначе, если принято? – делает она удивленные глаза.

«Так принято»... Вот слово, которому подчинены все, не исключая наиболее либерально настроенных представителей человеческого рода, требующих с пеною у рта всяких свобод.

Другой бич Курьи и дачников – комары и мошки. Май и июнь дачники изнывают от первых, с июля появляются последние.

– Уж кажется, и гвоздичным-то маслом мажемся, и сетки купили, и карболовой водой опрыскиваемся, а толку ни на грош, – жалуются дачники.

– Надо просто подождать, пока комариный яд привьется, и тогда от укусов и следов не останется, – предлагают местные авторитеты и ходят, испытывая на себе свой метод, до конца дачного сезона в волдырях.

В Нижней Курье архиерейское подворье и церковь, выстроенная Преосвященным Иоанном, сделавшим много добра для Перми.

– Слава Богу, помолиться есть где, – обрадовались дачники, и, хотя таких было не так много, церковь пустой не бывает.

Сообщенье с городом очень удобное: рейсируют три парохода, верстах в двух с половиной от дачного поселка полустанок Пермской железной дороги.

С берега доносятся крики. Кто-то зажег ленту магния, и в ослепительно ярком, освещенном кругу вырисовалась на темном фоне елей чья-то большая дача и группа дачников, машущих платками и огромным белым флагом. Откуда-то взвилась ракета, с шуршанием и свистом поднялась в высоту и там разорвалась на тысячу разноцветных блесков, искрящимся дождем посыпавшихся вниз и погасших в воздухе.

– Напрасно стараетесь, – усмехается молодой помощник капитана, контролирующий билеты.

– А что?

– Да салютного свистка добиваются.

– А вы проходите молча?

– Не за что потакать. Из-за них того и гляди ответственности подвергнут, а мы без толку дудеть будем для их забавы?!

– Чем же курьинцы вас так прогневили?

– На валах качаются. Как завидят пароход издали, так сейчас же в лодки – и на волну от колеса. Под самый нос парохода подскочить готовы! Уж были случаи, что тонули, а всё нейметя. Ваши билеты, господа...

От Осы до Саранула

Около девяти часов утра. Пароход дает продолжительный свисток – признак близкой пристани.

Вдали, верстах в трех от Камы, за болотистой низиной, на взгорье, над чуть заметной речушкой, среди зелени, раскинулся небольшой уездный городок Оса. Город основан в середине XVII века как пригород и крепостца для отражения набегов инородцев, преимущественно башкир, но ему пришлось выдержать и нападение Пугачёва.

«18 июня 1774 года Пугачёв явился перед Осою. Скрыпицын выступил против него, но, потеряв три пушки в самом начале сражения, поспешно возвратился в крепость. Пугачёв велел своим спешиться и идти на приступ. Мятежники вошли в город и выжгли его, но от крепости отражены были пушками. На другой день Пугачёв со своими старшинами ездил по берегу Камы,

высматривая места, удобные для переправы. По его приказанию поправляли дорогу и мостили топкие места. 20-го снова приступил он к крепости и снова был отражен. Тогда Белобородов посоветовал ему окружить крепость возами сена, соломы и бересты и зажечь таким образом деревянные стены. Пятнадцать возов были подвезены на лошадях в близкое расстояние от крепости, а потом подвигаемы вперед людьми, безопасными под их прикрытием. Скрыпицын, уже колебавшийся, потребовал сроку на одне сутки и сдался на другой день, приняв Пугачёва на коленях, с иконами и хлебом-солью. Самозванец обласкал его и оставил при нём его шпагу. Несчастный, думая со временем оправдаться, написал обще с капитаном Смирновым и подпоручиком Минеевым письмо к казанскому губернатору и носил при себе в ожидании удобного случая тайно его отослать. Минеев донес о том Пугачёву. Письмо схвачено, Скрыпицын и Смирнов повешены, а доносчик назван от Пугачёва полковником». (А. С. Пушкин. История Пугачёвского бунта. Гл. 6).

Впрочем, Минееву недолго пришлось пробить полковником: в стычке с Михельсоном близ Казани он был взят в плен и по приговору военного суда прогнан сквозь строй.

Современная Оса – тихий, захолустный уголок со всеми достоинствами и недостатками последних. Город не лишен известного торгово-промышленного значения, но развитию торговли и промышленности препятствует отсутствие удобных путей сообщения: Кама семь месяцев подо льдом; ближайшая станция железной дороги в ста верстах. Памятников старины в городе не сохранилось; достопримечательностей нет, если не считать памятника-часовни царю-освободителю. В городе есть женская гимназия, открывается реальное училище.

– Нам давно хотелось бы открыть реальное, – вздыхают обыватели. – А то, сказать стыдно, в Оханске и то раньше нашего реального добились.

Оханск, самый малолюдный уездный город Пермской губернии, похожий на большое село, лежит на Каме, выше Осы на восемьдесят верст. Оса считает соседа неспособным ни на какие культурные улучшения, и потому все успехи Оханска в этом отношении неприятно поражают осинцев.

А Оханск действительно становится культурным центром на Каме.

– Жителей у нас летом три тысячи, а зимой четыре, – говорят оханцы.

И на ваше недоумение снисходительно объясняют:

– Учащихся тысяча съезжается.

А в 1912 году в Оханске были курсы для народных учителей и читали петербургские профессора.

В Осе пароход стоит долго, и пассажиры обычно жалуются на скуку.

Действительно, город далеко (версты три по высокой дамбе), а у пристани ничего интересного нет: несколько трактиров-гостиниц; лавчонки, торгующие всякой снедью; амбары с хлебом; крючники, под тяжестью мешков согнувшиеся чуть не до земли; извозчики на долгушах-гитарах и коробках; парная линейка-дилижанс с платой пять копеек до города да ямщики-башкиры на невзрачных клячонках.

Башкир в Осинском уезде очень много, но их трудно отличить как по костюму, так и по типу от татар, с которыми они почти слились.

Типичных башкир можно встретить лишь в глуши уезда, в Пермской Башкирии, куда мало проникла европейская культура. Былые кочевники, лишённые возможности скитаться по беспредельной степи, непривычные к земледелию, они с неохотой осели на землю, и теперь постепенно беднеют и вымирают. Их обвиняют в лени и апатии, но по натуре это народ очень подвижный, и интересующим их делом башкиры занимаются охотно: они прекрасные кучера, конюхи и, к сожалению, ловкие конокрады. Они магометане, но далеко не фанатики, и более соблюдают обрядовую сторону ислама, чем догматические и нравственные основы учения, проникающие во всю жизнь татарина. Башкиры невысокого роста, коренастые, смуглые брюнеты. Много красивых лиц, особенно среди женщины, которые в глухих углах не торопятся закрывать свои лица. Костюм везде татарский, но у женщин своеобразные головные уборы, нагрудники и пояса из разных монет. Наряды и украшения переходят по женской линии из рода в род, и здесь не редкость найти на головном уборе петровские и екатерининские рубли, не говоря уже о массе иностранных монет самых разнообразных европейских и азиатских государств.

Напротив Осы, на оханском берегу, у подножья поросшей лесом горы, серенькая деревянная церковь и ряд изб – село Монастырка. Когда-то здесь была обитель, но монастырь, как «малобратственный» и к тому же лишившийся после сильного пожара храма, был закрыт, оставив имя свое местности, где расположено село, любимое дачное место осинцев, хотя сюда приезжают на лето часто и из Перми.

Плес от Осы до Частых – один из наиболее живописных на Каме. Само название следующей за Осой пристани – «Частые» – дано от частых (по пермскому произношению «частЫх») островов на реке, дробящейся здесь на несколько воложек. Высокие берега то вздымаются обрывистыми крутизнами над водой, то переходят в пологие, покрытые ельником скаты. Мрачны и суровы глинистые, красно-бурые утесы под шапкой лесов, тихо шепчутся о чём-то задумчивые темно-зеленые пихты.

Иногда горы и леса прорежет узкий глубокий овраг, в котловине или на полугоре проглянет деревушка. Строятся здесь домовито, хозяйственно: избы из хорошего леса, всюду тесовые крыши, много железных.

Недалеко от Частых Кама дробится на два рукава, и пароход идет тесной и узкой воложкой. При спаде вод здесь трудно разойтись встречным пароходам, и потому у Частинской воложки стоит семафор.

Частые – село свыше ста дворов, богатое и торговое, лежит на правом берегу, в низине, неподалеку от паромных пристаней. Здесь много хлебных грузов, кудели и яиц; грузооборот села превышает двести тысяч пудов. С парохода видно всё село, с церковью в центре поселка. На общем сероватом фоне тесовых крыш выделяются красные и зеленые железные. Много каменных построек, лавки.

За Частыми опять холмы, леса... Елово, Толстик, Бабка – незначительные сёла, но крупные хлебные пристани.

За деревней Гамы Оханского уезда Кама правым своим берегом входит в Сарапульский уезд Вятской губернии. В пейзаже перемены нет. Те же

красно-бурые утесы с темно-зеленой шапкой хвои, те же ели и пихты, то поднимающиеся ровной щеткой в общей чаще, то разбившиеся на отдельные группы и одиночки.

Из-за поворота показались строения, баржи, подчаленные к берегу: это пристань отстоящего в двенадцати верстах от Камы Воткинского завода – Усть-Речка. На берегу несколько строений и лавок, а потом опять ели, сосны и пихты по крутым глинистым скатам.

– Тут после дождя на эти горы ни за что не взлезть, – говорят местные жители. – Скат глинистый, под ногою ползет, прямо – смерть! Ямщики отсюда осенью и везти не берутся, как дожди пойдут, не выезжают совсем к пароходу.

В Усть-Речке выгружают бакалею, мануфактурные товары и прочие продукты потребления; на пароход грузят изделия местных кустарей: тележные хода, сельскохозяйственные машины и орудия.

Казенный Воткинский завод основан графом Шуваловым в 1759 году и по смерти своего основателя перешел в казну. Пугачёв в своем движении на Казань пошел от Осы к Воткинскому и Ижевскому заводам и в их рабочих нашел сторонников поднятого им бунта.

«23 июня Пугачёв переправился через Каму и пошел на Ижевский и Воткинский заводы. Венцель, их начальник, был мучительно умерщвлен, заводы разграблены и все работники забраны в злодейскую толпу», – сообщает Пушкин, почему-то называющий оба завода винокуренными (История Пугачёвского бунта. Гл. 6).

В 1847 году на заводе начали строить пароходы, и это производство шло настолько успешно, что отделение судостроительной верфи перенесено в Сибирь для нужд местного пароходства.

В настоящее время деятельность завода очень разнообразна. Всех цехов двенадцать: сталелитейный, пудлинговый, кричный, железопрокатный, земледельческих орудий, сварочный, медно- и чугунолитейный, механический, пароходный, кузнечный, каменный и столярный. Был еще паровозный цех, но он сгорел недавно, и, кажется, работы на нём не возобновлены. Как поселенье, завод имеет свыше двадцати тысяч жителей, несколько церквей, женскую гимназию и несколько низших школ, магазины, аптеки, больницы. Памятников старины на заводе нет. Из уроженцев завода известен всей Руси композитор П. И. Чайковский, отец которого в 1837 году был назначен начальником завода. В Воткинске много интеллигенции и жизнь идет бойко и весело, несмотря на отдаленность завода от железной дороги (ближайшая станция – Чепца, Пермской железной дороги, в ста тридцати верстах). Правда, в Воткинском заводе есть и своя железная дорога, но рельсовый путь проложен лишь на расстояние восемнадцать верст, до пристани Галева на Каме, и поезда предназначены для подвоза казенных грузов.

Пристань Галево тремя верстами ниже Усть-Речки по течению Камы.

Крутая, поросшая лесом гора, небольшая пристань, неподалеку от пристани вокзал, рельсы, вагоны, крошечные паровозики... Несколько дальше ряд строений – судостроительная верфь, деятельность которой пока приостановлена, несмотря на ряд самых удачных работ в недавнем прошлом.

За Галевым Кама большим островом дробится на два рукава, и пароход вступает в узкий Костоватихинский проход, так близко подходя к берегу, что, кажется, ничего не стоит перескочить с палубы на сушу.

– Тут, избави Боже, что бывает, когда вода спадет, – говорят лощманы. – С одной стороны отмель, с другой – стена отвесная, и сунуться некуда.

Следующая пристань за Галевым – Сайгатка. Село раскинулось по скату гор, подошедших издали к Каме, левый берег которой (Осинский уезд) до Сайгатки низок и уныл. Красивое место выбрали первые поселенцы: поемный луг на Каме, маленькая речушка, над ней холмы и разбежавшиеся по склону избы сёла. Пароходы пристают несколько ниже, там, где горы обрывами спускаются к самой воде. Глинистые крутизны, готические вершины пихт на голубой эмали неба и нежно-зеленая липа среди однообразной хвои северного пейзажа. Население сумело извлечь пользу из липняков: Сайгатка – центр пчеловодства Осинского уезда; много жителей села занято драньем лык и мочала.

От Сайгатки недалеко и до Гольян.

Усть-Речка и Галево – ворота Камско-Воткинского завода, Гольяны – Ижевского.

Ижевский оружейный и сталелитейный завод лежит на расстоянии сорока верст от Камы, на реке Иже. Основан он одновременно с Камско-Воткинским заводом тем же графом Шуваловым, и дальнейшая судьба обоих заводов одинакова: по смерти своего основателя они переходят в казну и подвергаются разграблению Пугачёва. В 1806 году деятельность Ижевского завода изменена: он из железоделательного превращен в оружейный и из горного ведомства передан военному министерству. Последнее одно время сдавало завод в аренду частным лицам, с 1884 года управление заводом опять перешло в военное ведомство. Завод работает исключительно для надобностей последнего; вырабатываются ружья, стволы к ним и разные запасные части, шрапнели и части лафетов.

Специальность завода всегда отражается на промыслах окрестного населения, и потому все Ижевские кустари – оружейники. Некоторые из них имеют свои мастерские, у иных есть даже маленькие фабрики. Широко рекламируемые фабрики Петровых и Евдокимова получили повсеместную известность и имеют заказы из самых отдаленных уголков России.

По числу жителей Ижевский завод – самое большое поселение Вятской губернии, превосходя в этом отношении даже саму Вятку.

– Вы только посмотрите, как вырастет Ижевск, если железную дорогу через него проведут.

– Ижевск вырастет, а Гольяны пропадут.

Действительно, благосостояние Гольян зиждется исключительно на подвозе грузов в Ижевский завод, и с падением этого промысла в Гольянах обеднеют многие.

Село не велико и раскинулось в полугоре между обступившими его отовсюду холмами, распаханными под хлеба. Недалеко от пристани, в зелени деревьев, высится обнесенная каменной оградой белая церковь. Справа от церкви, вдоль глинистых обрывов, по берегу реки тянется ряд казарм и сараев – интендантские склады.

За Гольянами по правому берегу идут поселки и пашни. На оползнях горы лепятся деревушки. Избы взобрались на глинистые складки как бы наморщившихся утесов, всползли на крутые обрывы над самой рекой и держатся там каким-то чудом над угрюмой, нахмуренной Камой. Деревеньки все маленькие, по несколько дворов; только село Нечкино на полдороге от Гольян до Сарапула немного побольше. Леса здесь мало, далеко видна беспредельная даль полей. Параллельно реке идет аллея, липы и березы по сторонам тракта. Это знаменитая «Владимирка», по которой шли ссыльные, официально – Сибирский тракт. Впрочем, в этой местности ссыльных по тракту водили редко: обычно партии ждали в Нижнем Новгороде открытия навигации и потом перевозились водою до Перми.

Сарапул и Николо-Берёзовка

Сарапул как-то неожиданно вырастает на правом берегу из-за увенчанной сосновым бором горы. Город расположен частью в низине, частью на горе, и сразу же привлекает внимание путешественника своим цветущим видом.

– Камская столица, – с гордостью рекомендуют свой город обыватели.

Название чересчур громкое, но отрицать значение Сарапула как центра Среднего Прикамья невозможно. Здесь имеется окружный суд для Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов, викарная архиерейская кафедра, управление обширными имениями удельного ведомства. В городе молодой, но интересно обставленный музей, библиотека и много учебных заведений: реальное училище, женская гимназия, духовное училище, промышленная школа (по кожевенному делу) и свыше десятка низших учебных заведений. Сарапульское земство в стремлении дать народу дешевую книгу открыло в городе книжный склад, где за несколько копеек крестьянин может получить действительно полезные для него издания.

Имеется в Сарапуле и периодическое издание – газетка «Прикамский Край», серенькая и бессодержательная, но ярко либеральная по своей окраске. К сожалению, размеры газеты не позволяют ей высказаться во всей полноте: здесь печатаются только телеграммы и хроника, изредка фельетоны на злободневные темы. В фельетонах обычные потуги на остроумие и море помоев; местные сплетни, обычные выпады и перепечатки из «Русского слова» и «Речи». В конце концов становится даже жаль затраченного на газету пятака, и с досадой смотришь на юркого газетчика, предлагающего:

– Последний номер местной прессы... Столичные и местные новости... Любопытствуйте, господин.

Сарапул издавна славится своим кожевенным производством, и потому почти все заводы в городе заняты переработкой кож, а большинство ремесленников – сапожники. Сарапульские сапоги «некрасиво скроены, да крепко сшиты», и потому район их распространения громаден: их носит вся Сибирь, Приуралье, Прикамье. Носят, хвалят и уверяют, что для лесных и приисковых работ лучшей обуви по прочности не сыщешь. Сначала заводчики работали каждый за свой страх и риск и благодаря взаимной конкуренции сбивали

друга у друга цены, но теперь существует соглашение между крупными фирмами и цены поднялись.

Помимо больших кожевенных заводов (Пешехонова, Смагина, Барабанова и других), в Сарапуле большой канатный и маслособойный завод Зылева. На заводе работает свыше двухсот человек, и обороты завода весьма значительны.

В городе много больших магазинов и складов; встречаются красивые постройки, но исторических достопримечательностей нет. С 1912 года предложено устроить в городе электрическое освещение, года два-три тому назад провели водопровод.

Пристани стоят у города только в полую воду, а потом уводятся к Старцевой горе, у подножия которой лежит Сарапул. Пароход стоит обычно довольно долго, и можно успеть осмотреть город.

– Берегите карманы и бойтесь воров, – предупредит вас помощник капитана, прежде чем вы сойдете с парохода. – Здесь воровство страшное. Двери и окна каюты закрыли?

Вы сходите с парохода на пристань. Пассажиры, крючники, газетчики, шум и гам, окрики и выкрики. По мосткам вы сходите на берег и по лестнице подымаетесь на набережную. Здесь разбиты маленькие лавочки, оживленно торгуют с ларей и вразнос. Вам предложат купить булок, колбасы, прочей снеди и между прочим черного хлеба. Хлеб этот похож на пеклеванный и считается лучшим на Каме.

Вправо от пристаней на площадках, вырытых в полугоре, высится ряд эффектных ресторанов. Ночью они залиты электричеством, убраны разноцветными лампочками и оттуда доносится хрипенье граммофонов. Сюда стекается полгорода, и отсюда путешественники любят закамскими далями, но вид на город и его окрестности гораздо лучше со Старцевой горы, и я горячо советую каждому, кому придется проезжать через Сарапул, подняться на эту гору. Подъем крутой почти по отвесно избегающей вверх тропинке; место глухое, так как приходится идти по задворкам полуразваленных лачужек, дорожка не всегда чиста и опрятна, но открывающийся сверху вид заставит позабыть неудобства подъема. У ваших ног, под обрывом, оживленная набережная и пристани, широкая и могучая река, раздробленная ниже города большим островом на два рукава, баржи, плоты, пароходы и привольно раскинувшееся на противоположном берегу село Ершовка с горящими куполами большой каменной церкви среди села. А ширина кругозора какая! Глаз не видит конца безбрежному морю лесов и лугов... Мерещатся голубоватые далекие вершины, последние отроги Урала в Осинском уезде, на пермском берегу... Красив и Сарапул с гор: масса зданий, среди которых кое-где высятся колокольни церквей, множество садов, длинные дымящиеся трубы фабрик и заводов на окраинах, за речкой Сарапулкой, и широкая блестящая полоса Камы, словно лентой опоясывающая город.

Сарапул невелик, и осмотреть его можно в сравнительно короткое время. Сойдя с пристани на берег, вы поворачиваете влево по устланной досками набережной мимо обширных амбаров и складов сарапульских купцов. Тут же расположено и множество пивных всех имеющихся в России фирм.

– У нас через два шага пивная, – подтверждают сами сарапульцы. Народ у нас всё пьющий – сапожники, а про них насчет пьянства и поговорка сложена.

Неподалеку от пристани расположены гостиницы; в большом, неприглядном по внешности доме помещается чайная и столовая Попечительства о народной трезвости.

Взявши направо, вы выходите к собору. Последний стоит на юру среди базарной площади и по своей архитектуре ничего выдающегося не представляет: квадрат с крышей на четыре ската и пятью маленькими главками, длинный, похожий на дом, придел, невысокая колокольня в два яруса. Собор обнесен высокой каменной оградой, и в ней приютились лавки, торгующие совершенно чуждыми церкви товарами. Торг идет у алтаря, и часто голоса спорящих из-за купли-продажи мешают чтению и пению во время службы.

– Летом в базарные дни окон открыть нельзя из-за шума, – говорили мне.

Как будто бы не место магазинам в церковной ограде, но на Руси не один Сарапул грешит в этом отношении.

После собора осмотрите верхнюю часть города, чистенькую и нарядную, а потом спуститесь вниз к большой церкви (если не ошибаюсь, во имя Вознесения) близ берега Камы. Колокольня этой церкви, говорят, имеет небольшой уклон, и обитатели приравнивают ее к падающим башням Болоньи и Пизы. От церкви прямая и широкая улица приведет нас к пристаням, и вы взойдете на покинутый вами пароход, где невольно изумитесь количеству новых пассажи́ров. Они пьют пиво и водку в столовых, громко переругиваются с прислужгой, заглядывают в вашу каюту, наполняют шумом и гамом весь пароход и исчезают после второго свистка.

– У нас на пароход пойти, пару пива выпить или графинчик раздавить – первое удовольствие, – признаются сарапульцы. – В саду городском духота, в ресторанах над Камой не всякому сидеть удобно, ну и валит валом публика на пароходы. Опять же и то сказать: к своим-то горожанам мы уже присмотрелись, народ всё знакомый, лица примелькавшиеся, а здесь народ свежий, иногородний.

Пароход, отойдя от пристани, круто берет влево.

– По правому рукаву теперь пути нету, – объясняет кто-нибудь из бывалых. – Там пароходы лишь в полую воду идут.

– Весной тут всё под одно бывает и все луга водой зальет, а как вода схлынет, так на острове и в лугах по озерцам рыбы набиралось прежде до пропасти. Решетами, бывало, бабы собирали, ребята прямо пригоршнями таскали, а ежели усохнет озерце неприметное, рыба в нём вся стухнет, и тогда на покосе по близости от запаха не продохнешь...

Правый берег за Сарапулом напоминает волжский: безлесные глинистые утесы, повсюду пашни и кое-где на взлобке небольшие деревни.

В темно-красных и желто-коричневых громадах берегов есть пещеры.

– Чудь здесь жила белоглазая, – рассказывает народ. – Было царство у них тут обширное, богатое. Появились в крае русские, и ушла в горы чудь от духа христианского. Собирались они все в большой подкоп, снесли в пещеры весь скарб свой, всё золото, а потом подпорки вышибли и погибли под глиной осевшею.

Действительно, раскопки близ Сарапула указывают на существование в этой области какого-то весьма древнего племени. В здешних могильниках найдены костяки с металлическими браслетами, бусами и другими украшениями, пряжки, железные шарики.

Пристань Камбарка стоит на границе Осинского уезда Пермской губернии и Бирского – Уфимской. Здесь грузят «плетенки», те самые коробки, о которых я уже не раз упоминал, ходы к ним и готовые тарантасы, производством которых занято чуть не всё население Камбарского завода, расположенного от пристани верстах в десяти. Камбарские коробки славятся далеко за пределами Пермской губернии, и их нередко целыми партиями выписывают казанские экипажники в качестве лучших дорожных тарантасов.

От Камбарки полчаса ходу до Николо-Берёзовки. Это одна из крупнейших на Каме пристаней по числу хлебных грузов, большое торговое село с каменными домами, лавками и миллионными оборотами. Пристань невольно остается в памяти всякого, проехавшего мимо, и не только по количеству грузов.

Сквозь сутолоку и гам нагрузки, говор и «Дубинушку» крючников, вы слышите тихое молитвенное пение. На корме конторки-пристани открыта каюта-часовня... Небольшой образ в золотой ризе, яркий блеск восковых свечей, старик-иеромонах в темной фелони и несколько послушников, молебен на пристани – всё это так необычно и невольно трогает каждого.

Икона Святителя Николая Чудотворца прислана основателям села Иоанном Грозным и является наиболее чтимой в крае. Образ находится в Николо-Берёзовском монастыре (на пристани – копия), но икона подлинная редко бывает на месте, а почти всё время переносится по Среднему Прикамью.

– Бывало, икону в Сарапул на большой лодке доставляли, – вспоминают старики. – Большая лодка и вся изукрашенная... Ночью тихо на Каме, замрет всё... И вдруг видишь: светится что-то. Пение потом долетит тихое, стройное, согласное... Взбежишь на крутой берег, глянешь: лодки и гребцов не видно, а лик Святителя озарен. Так на душе станет светло да радостно, словно в светлую заутреню.

Икону чтут даже инородцы: вотяки Сарапульского уезда заставляют русских подтвердить договоры клятвой пред иконой Святителя, уфимские и пермские башкиры приезжают в монастырь решать жребием спорные дела, язычницы-вотячки приезжают помолиться.

– Приедет из своих лесов в своем уборе вотяцком, купит свечку, зажжет и стоит перед образом. А так ли стоит или молитву какую шепчет по своему, не разберешь... Догорит свечка – вотячка поклонится низко-низко и пойдет из храма, опять в родные болота возвращается, – рассказывал мне один капитан, бывший очевидцем такой молитвы.

Кончился молебен. Монах с холщовым мешочком на палке прошел вдоль борта, собирая добровольные пожертвования молившихся.

Третий свисток. Отчалили...

– Спаси, Господи, люди Твоя... – запели в часовне.

Старик-иеромонах вышел и осеняет крестом отходящий пароход... Дальше и дальше уходит от нас пристань, чуть заметной точкой блестят огоньки часовни, а на корме еще долго стоят пассажиры и смотрят в сторону Николю-Берёзовки.

Челны, Елабуга. Стахеевы

Челны. Пароход чуть не два часа стоит у пристани, десятки крючников снуют взад и вперед по сходням, а число мешков, сложенных на берегу, как будто ничуть не уменьшается. Большое село выглядывает из-за высокой горы, у подножья которой расположились паровые мельницы и несколько пристаней. Постройки солидные, хозяйственные, село богатое, сытое. Да и немудрено: село Бережные Челны – хлебная пристань чуть не всего Мензелинского уезда.

Торговое значение Челнов настолько велико, что казанское пароходство Савина держит специальную товаро-пассажирскую линию Казань – Челны, а иностранные фирмы присылают своих агентов для скупки хлеба из первых рук. Помимо крупной торговли хлебом, в селе процветает сборка сельскохозяйственных машин и выделываются прекрасные смольевые канаты. Около села большой удобный затон, и сюда ставится на зимовку много камских и бельских судов.

– Здесь народу жить можно, – говорят не без зависти на пароходе. – Тут и зимой и летом работы хоть отбавляй.

– Здесь купцы нажить деньгу умеют.

– Место на этот счет самое способное.

После Челнов Кама идет среди пустынных безлесных берегов. На полпути от Челнов до Елабуги, на невысоком плоскогорье левого берега, село Бетьки. Белая церковь среди соломенных крыш, почерневшие избы, риги, плетни – типичная картина земледельческого села средней черноземной полосы, так резко отличающаяся от сёл Среднего Урала и Верхней Камы, где на постройку идет исключительно лес, камень и железо.

– Что это за село, скажите пожалуйста? – спрашивает меня полная блондинка, сидящая на палубе с путеводителем в руках.

Называю.

– А Пьяный Бор мы уже проехали?

– Давно. Пьяный Бор у впадения Белой, верст на девяносто выше Челнов.

– Ах, как жаль! Я думала там купить земляники. Немирович-Данченко пишет, что там земляника растет пьяная... Как съешь, так легкое головокружение бывает. Вы не пробовали такую землянику?

– Пробовал.

– И что же?

– Никакого головокружения не ощущал. Может быть, потому, что мне никто не говорил о таком свойстве ягоды, а книги Немировича я тогда не читал. А впрочем, вон капитан идет... Это старый, бывалый человек, и для вас он более авторитетен, чем я.

Но старик-капитан, внимательно выслушав пассажирку, только поднимает вверх брови от изумления.

– Не знаю-с, сударыня... Земляника как земляника...

– А у Немировича...

По губам капитана пробегает усмешка.

– Да ведь как ему сказали, так он и записал. Ведь у нас всё так: раз проедутся, да и верят, что изучали Россию. Немирович-Данченко раз вверх по Каме до Перми поднялся и книжку написал. Мы с рулевыми с хохоту померли, как раз пассажир один нам прочел, что село Каракулино по обоим берегам Камы расположено. Есть, действительно, насупротив село Притыкино, но под одно с Каракулиным итти не может: Каракулино уезда Сарапульского, а Притыкино – Бирского.

– Почему же пристань «Пьяный Бор» названа?

– А так, слышал я, старики говорили, что имя такое вотяки дали. Рубили они тут леса на сплав и нашли в дупле мед. Задумали полакомиться, наелись и опьянели: мед-то на солнышке, должно быть, перебродил, это и в бортях у башкир наблюдается, ежели пчела вымрет, а старый мед в дупле останется. Проспались дровосеки, место запомнили и пьяным бором назвали... А земляника там самая обыкновенная. Если хотите, так можете сейчас в буфете заказать: в Пьяном Боре брали ягоду.

Вдали Елабуга показалась. Ярко-зеленые низины, неясные контуры далеких гор, и на темном фоне их большой белый город. Белые церкви, белые здания, множество садов, золотые кресты и купола, всё блестит на солнце, выглядит так красиво, выпукло, рельефно.

– Какое живописное место! – воскликнула блондинка, углубляясь в путеводитель.

– Нарядный город, – согласился капитан. – Только добраться к нему затруднительно: по этим зеленым понилям проезда нету – болото.

– Теперь по дамбе хорошо добраться можно, – рассказывает пожилой старик в крылатке. – А вот лет двадцать тому назад так действительно можно было задуматься над вопросом, как попасть с пристаней в город. Весной и до половины июня по речке Тойме в лодках добирались, летом в сухую погоду извозчики возили, а осенью хоть плачь: грязища невылазная, ни пешком, ни на лошади не проберешься, извозчики везти отказываются, а Тойма за лето пересохнет вся, и воды в ней самая малость... Зато, бывало, в полулю воду до Челнов лугами возили в лодке напрямки, всего десять верст считали.

– А теперь уже не возят?

– Теперь на пристань в Елабуге попасть и потом на пароходе подняться до Челнов ничего не стоит, а тогда дешевле брали до Челнов, чем до пристани

Елабужские пристани расположены у гор, обогнувших город и вышедших за ним к реке. Высокий берег из рухляков и известняка, кое-где поросший кустарником, – совсем волжские Столбичи под Камышиным. На крайнем утесе, на высоком мысу, одинокая круглая башня «Чёртово городище».

– Клятое место! – ответят на ваши расспросы.

Десятки легенд ходят в народе об этой постройке: по одной – это работа нечистой силы, по другой – жилище святого хана, по третьей – разбойничий

городок, погреб, где хранятся клады былых прикамских шаек. Вернее всего, это остаток бывшего укрепления болгарско-татарского происхождения. Башня, как и всё городище, до сих пор была в развалинах, но стараниями местного купца И. В. Шишкина, отца знаменитого пейзажиста, реставрирована лет двадцать пять тому назад. Некоторое время на месте городища был монастырь, но никаких следов от него не осталось, кроме названия пригородной слободы – Подмонастырья.

Елабуга не уступит Сарапулу в благоустройстве: она превосходно вымощена, прекрасно распланирована, имеет водопровод, телефон, электрическое освещение. Сильно препятствует развитию города его удаленность от реки (три версты от пристаней) и отсутствие железной дороги, но предполагается провести линию Казань – Екатеринбург через Елабугу и Сарапул, и это еще более разовьет торговлю города.

В городе реальное училище, женская гимназия и епархиальное училище. Все учебные заведения помещаются в прекрасных зданиях, и вообще город отстроен так, что хоть губернскому городу впору.

Елабуга – родина двух замечательных людей: художника-пейзажиста И. И. Шишкина и кавалерист-девицы Дуровой.

Шишкин вырос в купеческой семье, но далеко не такой, где его талант мог бы заглохнуть от тяжелой, меркантильной обстановки. Отец Шишкина, как я уже упомянул, был большой любитель и знаток старины. Он реставрировал башню на Чёртовом городище и этим спас остаток древней архитектуры от окончательной гибели, он первый указал археологам обширный Ананьинский могильник близ Елабуги, где целым рядом ученых было сделано много ценных раскопок. Молодой художник, поощряемый отцом, вступил в Академию художеств и с тех пор в Елабуге не жил, но бывал в ней не раз наездами и в своих картинах любил родной пейзаж – темные сосны, стройные пихты, мрачные ели. Чудные картины Шишкина составляют украшение лучших русских музеев и галерей, его гравюры известны каждому, но редко кто в России знает о родине художника.

Имя Дуровой известно меньше, и поэтому я позволяю себе привести биографию этой далеко не заурядной женщины.

Надежда Александровна Дурова была дочерью гусарского ротмистра и, как офицерская дочь того времени, с детства привыкла к коню и оружию. В восемнадцать лет она вышла замуж, но в 1806 году убежала из дома и в мужском платье явилась в Гродно, где под именем Александра вступила в число юнкеров Литовского конного полка (в настоящее время 5-й уланский Литовский полк). За свою храбрость в сражениях при Гутштадте и Фридланде юнкер Александров награжден солдатским Георгиевским крестом и произведен в первый офицерский чин. Вскоре после производства корнет Александров переведен в Мариупольский гусарский полк, и в его рядах Дурова участвовала в войне 1812–1813 годов, причем под Бородином была контужена.

В 1816 году Дурова вышла в отставку с мундиром и пенсией. До конца дней своих не снимала она мужского платья и с разрешения императора Александра I именовалась штабс-ротмистром Александровым. Записки Дуровой вызвали одобрение Пушкина и побудили автора к дальнейшей литературной

работе. В настоящее время романы и повести Дуровой забыты, как забыт и их автор. Погребена Дурова на приходском кладбище Елабуги, но могила ее посещается весьма редко.

Ниже Елабуги над обрывами правого берега обширный сосновый бор. Среди темной хвои и красных стволов кое-где мелькнет дачка. Немного дальше Танаевский курорт, кумысолечебное заведение доктора Кротова.

– Хорошо здесь, – рассказывали мне. – Целебный сосновый воздух, гористая местность. Вид с нагорья чудный, на десятки верст вокруг, внизу Кама шумит, пароходы снуют, плоты, баржи тянутся. Тут ничуть не хуже, чем на Аннаевской или Постниковской дачах под Самарой.

– Там ковыльная степь.

– Да, может быть, в кумысе некоторая разница, а по удобствам для больных ничуть не хуже, чем на Волге, и много дешевле.

– Большой съезд больных бывает?

– Порядочно. Мало только курорт рекламируют, а так он и комфортабельный, и удобный. Елабужскому уезду вообще на лечебницах везет. Варзи-Ятчинские грязи изволите знать?

– Это близ Пьяного Бора?

– Да, в вотяцком краю. Ушков, миллионер такой есть, в Тихих Горах у него завод химический, болото у вотяков купил и земству под лечебницу пожертвовал. Устроило земство там водо- и грязелечебницу, ванны тамошние по силе действия Пятигорску не уступят, а курорт безывестный и приезд на него самый незначительный. А с другой стороны, и рекламировать нельзя: пути сообщения самые неудобные, от Пьяного Бора в простом коробке тридцать верст по лесам и болотам проехать нужно, да и в лечебнице ни комфорта, ни развлечений.

– А вы считаете развлечения необходимыми?

– Да, конечно же, «курсовые» в первую голову поставят общество, театр, курзал и оркестр, чем лечебную пользу грязей и вод. Еще источник около Икского устья, верст на сорок ниже Пьяного Бора, у деревни Ижевки, Ижевский, или Спиридоновский, начали эксплуатировать с 1908 года. Исследования многих ученых дали самые благоприятные результаты, и многие называют источник «Русским Контрексевилем». Конечно, недалекое будущее покажет, будет ли пользоваться новый курорт популярностью, а пока дело только начато.

Низменный левый берег вдруг поднялся над рекою высоким мысом с гребнем хвойного леса на вершине. В густой зелени видна белая часовня и целый ряд домов самой разнообразной архитектуры. Ярко и нарядно выглядят красивые постройки среди чащи сосен; по склону горы, среди парка, змеями расползлись во все стороны дорожки. У воды пристани, лодки, купальни. Несколько дальше подчалена баржа и широкий мощный подъем уходит в гору.

Красивый уголок этот носит название Святого Ключа, так как здесь есть источник, считающийся целебным. Имение принадлежит купцам Стахеевым.

Собственно, мне следовало бы, еще говоря о Челнах или Елабуге, упомянуть эту фамилию местных крезов, но я умышленно отложил это до Святого

Ключа, чтобы не повторять через строчку имя этих королей Среднего Прикамья.

Вы видите на берегу мельницы.

– Чьи это?

– Стахеевых.

Встречается пароход.

– Стахеевых.

Обогнали баржи.

– Стахеевых.

В Елабуге имя Стахеевых на каждом шагу.

– Что это за здание? – спрашиваете вы, заметив с парохода большой дом.

– Епархиальное училище Стахеевых.

– А чьи дома лучшие в городе?

– Стахеевых.

– Кажется, в Елабуге есть реальное училище?

– Большое. Дом Стахеевы построили.

Электричество в городе – Стахеевы, водопровод – Стахеевы...

– А город не принадлежит Стахеевым?

– Все у Стахеевых в долгу.

– Поговаривают, что скоро и самую-то Елабугу в Стахеевщину переименуют, – пошутил кто-то.

– Захотели бы Стахеевы, так бы и было, – принял за чистую монету елабужец. – У них денег множество, они всё сделать могут. Ведь они чем только не занимаются: хлебное дело у них, винокурение, мануфактура, бакалея, своих баржей до сотни, пароходов свыше десятка. В имении у них и электричество, и лодки моторные, и автомобили. В чьи-нибудь именины иллюминацию устроят, так залюбуешься: весь берег в огнях, военная музыка играет, электричеством всё залито, пароходы публику отовсюду подвозят, а от пристаней вереницей кареты и автомобили тянутся.

– Давно они так богаты?

– Дед уже большие деньги имел. Торговля у них была меновая с Сибирью на бакалею, на водку. Теперь фирма самая солидная по здешнему краю. Молодые дело теперь ведут, и, надо правду сказать, редко у кого служащие так хорошо обставлены. И то сказать – люди они все с высшим образованием, многие курс за границей кончили, живут сами богато да и меньшую братию не забывают и родному городу помогают.

Соколки – Чистополь

За Святым Ключом пропадают сосны и пихты. Своеобразный камский ландшафт, дикий и суровый, но красивый и оригинальный, уступает место пейзажу Среднего Поволжья: крутой обрывистый яр правого берега; взбежавшие на самый верх обрыва сёла с белыми колокольнями; соломенные крыши; избы из плохого леса; плетневые риги; кучи навоза; пашни – всё переносит путешественника в Симбирскую или Самарскую губернию, ничто не напоминает северную, угрюмую красавицу Каму. Даже и течение реки как будто

изменилось, и глубина иная, и отмелей больше, и перекааты чаще, и фарватер испещрен белыми и красными конусами – бакенами. Два больших острова, Котловский и Свиногорский (по близлежащим селам, Котлове и Свиным Горам), всю реку загородили, и пароход еле пробирается по узкому проливу.

Из-за правого нагорного берега смутно вырисовываются очертания других, более далеких холмов – правый берег реки Вятки.

Вятка впадает, как-то неожиданно вырвавшись из-за мыса. По ней проходит граница Казанской и Вятской губерний: первой принадлежит правый берег реки, последней – левый. Если с устья Вятки всмотреться пристальнее вверх по ее течению, то в ясный солнечный день можно увидеть лежащий в пятнадцати верстах от устья на горах правого берега уездный город Казанской губернии Мамадыш.

При впадении Вятки, на крутом юру, первое поселение Казанской губернии на Каме – деревня Грахань.

– Самое глубокое место здесь на всём плесе, – говорят капитаны. – Сюда как попадет с Вятки пароход, так вся команда и пассажиры крестятся: слава Создателю, окончились наши мучения!

– Разве уж так плохо приходится?

– Да ведь до самой Вятки пароходы только в полуую воду идут.

За Граханью по горам широко и беспорядочно раскинулось село Соколки (Соколы Горы). Часть изб церковь окружили, другие к пристаням по скату сбежали, иные за выступ горы спрятались, кое-где даже из оврагов крыши торчат.

– Здесь народ на высоту лезет, – смеются капитаны. – На волжский образец.

– Кругозор шире.

– Именно. Здесь ведь перекаатов много, острова, отмели, так то снимать баржу, то разгружать приходится. Кто первый завидел, того и работа, ну и заботятся, чтобы издали заметить.

– Тут такой случай был. Посадил у Котловки буксирный пароход плоты на мель и, снимая их своими силами, сам засел. Положение скверное, доставка срочная, приходится обращаться за помощью на сторону. А Котловка уж вся на ногах, чуть не все мужики на реку в лодках выехали и вокруг парохода собрались на поживу. Предложил капитан тридцати человекам поработать у него поденно по полтора рубля за день. «Нет, мы на то не согласны. Вот ежели всем миром сообща и два рубля поденщины, так мы те сейчас на работу станем». Бился с ними капитан долго, видит, стоят на своем. А вода тогда уже на убыль пошла и сходила быстро, так что торопиться нужно было, чтобы не обсохнуть. Сдался командир, принял всё село на поставленных условиях. Проработали котловцы до вечера, разочли их по два целковых на брата, согласно заключенному условию. «Пользуйтесь случаем, ваше счастье!»

Выпили котловцы на полученные деньги и на другое утро опять всем селом к пароходу привалили. А пароход за ночь с мели при помощи другого парохода снялся, и работы пустяки осталось.

«Возьму только тридцать человек и по полтора целковых на брата», – говорит командир. А котловцы на своем стоят:

«Или всем миром и по два рубля на брата, иль мы на работу не станем. Мы так порешили, чтобы сообща». – «Ну а я по два рубля не дам». – «А не дашь, так и обсыхай на песке. Мы тоже своего упускать не желаем. Тоже не каждый день такая работа наклюнется». Ну, конечно, с обеих сторон ругань, взаимные угрозы, пожелания...

Уплыли котловцы восвояси, сели на бережку и ругаются. «Вот уж, поглядим, что запоешь, как обсохнешь!». – «Не всё вам с мужика драть, теперь и нам подавай денежки». – «Еще сутки постоишь, так и по пятишне дашь». – «Мы те измором дойдем...»

Видят свиногорцы, у соседей дело сорвалось, сели в лодки, к пароходу приплыли и на работу по полтора рубля потребное число рабочих поставили. Тогда котловцы озверели: «Так вы вот какие соседи-то! Нам от Бога помощь, а вы перебивать!»

И всем селом на плоты. Кто с дубьем, кто с багром, и давай свиногорцев гнать. Ушли свиногорцы с работ. Поставили тогда на плоты команду пароходную да рабочих плотовых, но и их прогнали котловцы, забравшиеся в пылу преследования даже на пароход. Тогда пароход снялся с якоря и пошел в Елабугу за помощью. Бывшие на пароходе растерялись: хотели якорь отдать сами, да скрутили двоих из них, ну, прочие и попрыгали поскорее за борт. В заключение вызваны власти...

– Это недавно было?

– Двадцатого июня 1912 года... А вы думали при Стеньке Разине или в дни свободы и всероссийских пожаров?

Сокольи Горы – поселение древнее, некогда принадлежавшее Московскому Донскому монастырю. Расположенное в узле камского, бельского и вятского судоходств, оно быстро выросло и разбогатело: в Соколках перегружают с камских и бельских пароходов товары на Вятку, с вятских – грузы, идущие с Вятки вверх по Каме и Белой.

Следующая пристань – Камские Поляны, на левом берегу Камы, замечательна разве только тем, что со всех сторон окружена перекатами и пароход долго ухищряется, как бы безопаснее подойти к берегу среди множества бакенов и песчаных отмелей. Длинная красная конторка-баржа, обширный луг, вдали цепь холмов под мелкой порослью, несколько амбаров на берегу и неподалеку от них пруд, окаймленный кустами ивняка, – картина мало живописная, но ей приходится любоваться долго, так как пароход стоит часто часа два, грузя муку, рожь и овес.

– Вы не смотрите, что здесь так пустынно, – говорят местные жители. – Тут только селились от Камы далеко, за горами, а так здесь край оживленный и богатый, житница Казанской губернии, Чистопольский уезд... Тут сейчас в прогалине село Полянки, дальше Поповка, а к Мензелинскому уезду ближе село Богородское-Уратьма, едва ли в Казанской губернии не самое богатое. Когда это именье Шереметьевы купили, так в него из Богородского на Оке, что на всю Нижегородскую губернию кожевенниками славится, крепостных перевели, и здесь кожевенный промысел с тех пор упрочился. Работают кустари, но есть до полусотни хорошо оборудованных заведений. Выделяют сапожный товар,

но большинство шорников: здешние узды, шлеи, хомуты по всей округе славятся.

Две пристани между Полянками и Чистополем – Вандовка и Берсут – до смешного похожи одна на другую: высокая песчаная гора, на вершине сосновый бор, низина с небольшой речушкой, склады и два-три домика у пристани. Даже баржи-конторки одного типа и каждая с вывеской. Только вывески разные: одна гласит, что в Вандовке «пристань купца Гирбасова с сыновьями из Елабуги», другая – «Пристань Берсут при имени “Песчаная Гора” потомственного дворянина Лихачева». В Вандовке много хлебных грузов, Берсут отпускает, кроме того, и лесные товары. Когда-то в Берсуге разрабатывалась медная руда и существовал медеплавильный завод, но бедность копеек (медь залегала не пластами, а гнездами) заставила владельцев закрыть завод и продать крепостных рабочих на Урал, в Златоуст. Впрочем, опыты разработки руды в Мамадышском уезде не заброшены: верстах в двадцати от Вандовки при селе Русские Кирмени работал сравнительно недавно (может быть, продолжает работать и по сие время) небольшой медеплавильный завод.

– Здесь места богатые, в земле миллионы сидят, да только предпринимателей нет. Вот у Чистополя, например, залежи асфальта богатейшие, а разработки нет. А начнись только дело, так дохода не меньше бы было, чем с Волжского Сызранско-Печерского завода.

За Берсугом пароход идет вдоль правого берега мимо крутых, курчавых от молодняка-чернолесья обрывистых холмов. Слева тянется бледно-желтая полоса песков, сменяющаяся зеленью заливных лугов, на горизонте высятся поросшие леском скаты и распаханные яры.

На пологой плоскости на берегах Камы и впадающей в Каму реки Прости расположился богатый, нарядный город Чистополь, лучший уездный город Казанской губернии и после Перми самое большое по числу жителей поселение на Каме. Историческое прошлое города не блещет яркими событиями. Сначала это был небольшой поселок на Каме, куда спасались от притеснений крепостные. В половине XVIII века ревизии обнаружили беглецов в селе и водворили их на места прежних поселений, а разоренное село на Каме, приют беглецов, получило меткое название Чистого Поля, ввиду образовавшегося на месте бывшего поселка пустыря. Название это сохранилось и до сего времени: вся Казанская и смежные с ней губернии зовут город Чистым Полем.

Выгодное положение бывшего поселка на Каме и Оренбургском тракте привлекло на пустырь новых поселенцев, и вскоре Чистое Поле сделалось богатым торговым селом. В конце XVIII века в поселке было двести купеческих семей, и Чистое Поле было ввиду своего цветущего состояния переименовано в уездный город Казанского наместничества Чистополь.

В настоящее время в Чистополе двадцать пять тысяч жителей (около пяти тысяч татар), и торговое значение его для низовьев Камы громадно: обширный район на двести верст в окружности доставляет сюда продукты сбыта и покупает потребительные товары; в последнюю навигацию из Чистополя отправлено свыше восьми миллионов пудов одних хлебных грузов, не менее внушительны цифры вывезенного леса и кож. Местные купцы скупают сырые

продукты (преимущественно хлеб и кожи) в Симбирской, Самарской, Уфимской и Оренбургской губерниях, свозят товары зимой гужом на пристани и с открытием навигации отправляют их водой в Петербург и порты Балтийского моря. Многие хлебные торговцы имеют непосредственные сношения с иностранными фирмами, преимущественно с англичанами. Внимание последних к Чистополю и его хлебным грузам настолько велико, что многие английские и немецкие торговые дома имеют там специальных агентов для скупки товаров на месте, и в руках этих уполномоченных находится добрая половина экспортной торговли города.

– Кабы нам железную дорогу, мы бы себя показали! – вздыхают чистопольцы.

И действительно, есть о чём вздохнуть: после окончания навигации город отрезан от всего мира: ближайшая станция железной дороги, Казань, в ста пятидесяти верстах от города.

– Как станет Кама, так словно в гроб тебя замуруют. Заляжем, как медведь в берлоге, и от всего света отрешимся... Первый пароход голос подаст, так ему, словно отцу родному, радуешься! Забыли нас, со всех сторон обошли, а дороги нам нету.

Даже новая дорога Казань – Екатеринбург оставит Чистополь в стороне, так как на левый берег Камы она переходит лишь у Сарапула.

Будучи торговым центром низовьях Камы, Чистополь в то же время является и рассадником культуры края: в городе мужская и женская гимназии, духовное училище, городское, ремесленное и до десятка начальных школ, библиотека, книжные магазины, типографии.

Пристани от города довольно далеко, и это мешает осмотреть город, но около пристаней прекрасная роща, и здесь можно погулять во время стоянки парохода. Впрочем, большинство пассажиров, если сходит на берег, отправляется в рестораны, во множестве раскиданные на побережье.

– У всякого свой вкус, – говорят французы.

В низовьях Камы

За Чистополем по левому возвышенному побережью, начинающемуся мысом неподалеку от города, расположен целый ряд древних болгарских городищ. Местность эта для археологов – рай, и здесь постоянно находят те или иные предметы из обихода былых насельников края – камских болгар.

«История волжско-камских болгар мало известна. Всё, что осталось от знаменитого некогда народа, заключается в развалинах бывшей их столицы, находившейся на берегу Волги несколько ниже устья Камы, в нескольких надгробных камнях с надписями, различных монетах и многочисленных городищах. Единственными источниками для истории болгар служат отрывочные сведения о них в наших летописях и в сочинениях арабских писателей. Из этих источников видно, что в X веке болгары представляли уже сильное государство, вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и торговлей, чеканили серебряную монету, имели большие города с деревянными каменными постройками и исповедовали ислам, принесенный на Каму ара-

бами-миссионерами. Магометанство нашло в них ревностных последователей и пропагандистов: в 986 году они присылали посольство к святому князю Владимиру с предложением принять ислам. С русскими болгары то вели оживленную торговлю, то сражались. Наши летописи упоминают о походах Святослава и Владимира. Культура болгар произвела большое впечатление на наших предков.

«– Они все в сапогах и не будут платить нам дани, – сказал Добрыня Владимиру. – Поищем лучше лапотников».

«Татарское нашествие слило болгар с победившими их татарами, но и победители восприняли от побежденных их культуру и религию» (Россия. Полное географическое описание нашего отечества под ред. В. П. Семёнова. Т. 6).

Возвышенный левый берег переходит в низменность. На смену городам левого побережья выступают крутые яры справа, и на одном из косогоров показывается село Рыбная Слобода, первая пристань в Лаишевском уезде. Село основано рыбаками очень давно и при Борисе Годунове обязано было поставлять рыбу к царскому столу. Село большое, но не земледельческое. Две с половиной тысячи рыбнослободцев при наделе пахотной земли не получили (они имеют только сенокосы), и потому здесь развились различные промыслы. Наиболее древний из них – рыболовство, но промысел падает с каждым годом всё больше, и едва ли не виною этому сами ловцы: мелкочейные сети, препятствующие проходу мальков, хитроумные самоловы и особенно «шашечные снасти», унизанные крючьями и ранищие рыбу, истребили в конце саженных осетров и аршинных стерлядей. Кустарные промыслы села развиваются с каждым годом и очень своеобразны: жители Рыбной Слободы занимаются выделкой колец, перстней, серег, разных подвесок, застёжек, и пуговиц на сумму до ста тысяч рублей в год. Работают здешние ювелиры с дешёвыми сплавами – томпаком, польским серебром, и потому их товар берут инородцы всего Прикамья и Поволжья, но орнаменты настолько оригинальны, что их можно смело употребить для современных дамских костюмов.

– Ах, как можно! – слышу я голоса читательниц. – Что может сделать русский кустарь? Наверное, всё так аляповато и грубо!

Разуверять не берусь, но посоветую каждому в казанском кустарном музее посмотреть образцы работ рыбнослободцев. Более самобытных и оригинальных, изящных по выполнению рисунков желать невозможно. Конечно, родное, русское, свое у нас не в моде, а влияние моды – великое дело.

Теперь рыбнослободские кустари стали делать и мелкие предметы домашнего обихода из металла: пепельницы, ножи для разрезания бумаги, щипцы для сахара, но эта отрасль труда возникла недавно и не получила еще достаточно широкого развития. Женское население плетет кружева, но число заказов уменьшается и промысел заметно падает.

Рыбная Слобода – родина композитора Ивана Михайловича Донаурова*, память о котором сохранилась в названиях села Урай-Донауровского и села Донауровки. Кто вспоминает теперь старых дилетантов, дедушек русского романса? Оно так далеко, это доброе, старое время, клавишин, стихи Нелединского-Мелецкого, Мерзлякова, романсы Титова, Алябьева, Булахова, волновавшие сердца наших бабушек, плакавших над Клотильдой...

От Рыбной Слободы Кама, оставив справа у гор бывшее русло-воложку, круто ударяется в левый, поросший перелеском, низменный берег и возвращается к горам на много верст ниже – у села Масловки. В Масловке сельскохозяйственное училище низшего разряда и при нём поле, сад, огород и пчельники. Берег здесь – волнистое плоскогорье из бурой глины. Отвесные кручи до тридцати сажен высотой вздымаются здесь над рекой, и недаром облюбовали эти неприступные утесы бывшие разбойничьи шайки. Если теперь, когда весь Лаишевский уезд распахан почти сплошь, эти крутизны недоступны, то какое же надежное убежище представляли они в стародавнее время! И легенды о горах низовьев Камы подробно перечисляют разбойничавших здесь «гулящих людей». Конечно, шайки, как и в Жигулях, везде оставляли клады, но, как и на Волге, они закланы: одни охраняет ночью черная собака с огненной пастью и горящими, как уголья, глазами, другие пропадают из глаз при приближении кладоискателей, третьи вызывают у последних корчи и приступы жесточайшей лихорадки.

Левый берег Камы, Чистопольский, гораздо спокойнее: здесь не было разбойников, нет кладов, и никто их поэтому не ищет. Полурусская, полутатарская деревня Мурзиха, пристань верстах в семнадцати от Рыбной Слободы, лежит на черноземной равнине, занимается хлебопашеством и ведет крупную торговлю хлебом. Зимой жители уходят в извоз или содержат постоянные дворы, так как через село проходит оживленный Оренбургский тракт, соединяющий, между прочим, Чистополь с Казанью. За Мурзихой этот тракт переходит в Лаишевский уезд на правый берег Камы, и у села Шурана существует перевоз. Помните переправу у Шурана матери Аксакова, спешившей к заболевшему сыну в Казань и переходившей с опасностью для жизни Каму по льду в весеннюю распутицу? Об этом так трогательно рассказывается в «Воспоминаниях»...

Шуран в начале XVIII века имел широкую, но печальную известность. Один из владельцев села, капитан Андрей Петрович Нормаский, собрал из двора и беглых крестьян и каторжников разбойничью шайку и, объявив себя «герцогом Нормандским», стал грозой для всего населения. Всякое судно на Каме разбивалось, все обозы, шедшие по Оренбургскому тракту, подвергались беспощадному разграблению. Рассказы о страшном и вряд ли психически нормальном дворянине-разбойнике вдохновили Бестужева-Марлинского, и в его романе «Латник» описаны разбойничьи подвиги владельца Шурана и страшный замок с подземельями, где сидели в цепях пленники «герцога» и где производились кровавый суд и расправа.

Около Шурана берег Камы возвышается на сто сорок футов над рекой, и поэтому выгодное положение местности было использовано еще болгарами: здесь находился город Кашан, торговый и стратегический пункт в низовьях Камы, от которого остались полуразрушенный вал и множество кладов, находимых и по сей час в оврагах и даже на пашнях.

– Тут большущий клад есть у деревушки татарской Именьковой, – говорили мне. – Над рекою Малой Мешей курган насыпан, и там серебра и золота до пропасти.

– Роят?

– Как не рыть, много раз пробовали... Да только, надо полагать, клад заклятый: только начнут рыть – корчи, по всему телу судороги, и живот схватывает. Так и бросили рыть на проклятом месте.

Верстах в восемнадцати от Шурана на том же правом, но уже сильно понизившемся берегу последняя пристань на Каме – уездный город Казанской губернии Лаишев. Город от пристани в четырех верстах, и ничего достопримечательного в нём нет. Говорят, что когда-то здесь жил татарский князек Лаиш (объяснение названия города первым поселенцем вообще в большом ходу на Руси: Чебоксары, Касимов, Мамадыш, Тетюши, Харьков, Ефремов), а потом русские прогнали его и заложили на Каме для защиты от инородцев укрепление. Военный характер города-крепости сохранялся довольно долго, и лишь в конце XVIII века город начал приобретать торговое значение: здесь возникла торговля железом с пришедших сплавом с Урала караванов барж, откуда и ярмарка получила название «Караванной». Некогда оживленная, ярмарка с каждым годом уменьшает свой оборот, торговля города развивается мало, и сам Лаишев тоже как бы застыл в раз отлитой форме.

– У нас с тоски помереть можно, – рассказывают обыватели. Кабы не близость Казани, так совсем бы мохом покрылись... Водка да карты, вот и всё развлечение. Теперь спектакли любительские бывают, с открытием женской гимназии интеллигенции больше стало.

От Лаишева и до Волги недалеко, и, несмотря на поздний час и темноту (белые ночи остались за Елабугой), на носу парохода толпятся пассажиры.

– Скоро Волга?

– Верст двадцать пять осталось.

В ночной темноте проходят неясными контурами очертания последних на Каме холмов: дальше до самого устья берега Камы – зеленые понижи с редкими перелесками. Мелькают очертания построек прибрежных сел – Мысов и Воскресенского-Мансурова.

– Долго еще проедем до устья?

– Часа полтора пройдем.

– Но в такой темноте мы ничего не увидим?!

– Скоро начнет светать.

В полутьме справа опять вырисовались постройки – последние поселения на Каме – деревни Епанчино и Атабаево. Обе населены татарами, и татарский характер построек выражен во всём, начиная с деревянной мечети, большой избы с башенкой-минаретом, и кончая без плана разбросанными избами с прорубленными во двор окошками. В обеих деревнях до двух тысяч жителей, есть лавки и татарские школы.

Светает... На серо-голубом фоне предрассветных сумерек вдали темным гребнем синеют далекие горы.

– Волга!

– Скоро устье?

– Еще десять верст осталось.

– Но это уже волжский берег?

– Да, Кареевские горы на правом берегу Волги.

С каждым взмахом колеса всё ближе и ближе заволжские утесы. Вот уже простым глазом можно отличить отдельные яры и вершины, из которых всех выпуклее выдается Лобач, обрывистый склон против самого устья Камы. Отошла влево воложка – Старая Кама, прежнее устье капризницы-реки, постоянно меняющей фарватер, показался большой камский остров и разбитая на несколько рукавов дельта, а за ними и Волга. Там весело и оживленно: бежит огромный пассажирский пароход, дальше несколько буксирных с баржами.

Несколько взмахов колес – и пароход вступает на широкий простор слияния двух могучих рек, соперниц по протяжению и мощности своих вод, простор, где в весенний разлив глаз не видит конца необъятному морю.

Крутой поворот вправо... Кама осталась позади, и пароход идет вверх по Волге к Богородску и Казани.

Кама

Ф. А. Мейер

Ныне весной, в один из пасмурных дней, я выехал из Перми. По небу бродили осенние облака. С юга дул холодный ветер. По широко разлившейся Каме переливались мутные желтые волны. Целая флотилия пароходов стояла у пристаней, оглашая воздух свистками. Вдали, как кружево, виднелся через реку железнодорожный мост. Пароход дал последний свисток, отчалил и поплыл вниз по течению... Кама, сбросив с себя снеговые покрывала и разорвав ледяные покровы, была во всём величии своей дивной красоты, но мутная, желтая, холодная, неприветливая. Она, широко разлив свои воды, гордо катила их, унося в своем течении груды земли, сорванной с берегов, и вековые сосны и ели. Жизнь кипит кругом: беляны, расшивы, коломенки, баржи, пароходы, плоты с лесом, караваны с чугуном, железом, солью пестреют всюду по реке. Лодочки и суденышки качаются и ныряют на пенистых гребнях волн. Вдали, то белые, как чайки, то серые, как крылья громадной птицы, колыхаются надутые ветром паруса... Пароход несется... Мимо мелькают берега, то серые, то коричневые, то красные, то покрытые озимью, как зеленым бархатным ковром. Ветряные мельницы машут своими гигантскими крыльями. Местами виднеются еще полоски снега. Домики в селеньях, как ласточкины гнезда, уютятся на берегах. Белые церкви с зелеными крышами и золотыми крестами далеко виднеются в сторонах. Мутные желтые волны высоко вздымают белые гребни. По временам пробрызгивает снег. Холодно, неприветливо, нет яркого весеннего солнышка... Я сижу в носовой части парохода, и мне не хочется оторваться от грандиозной картины реки. Но вот пройдет весна, – думается мне, – Кама станет не такой ретивой, утихнет. В глубокие воды ее тогда будут смотреться жгучее солнышко, ясное синее небо да горы, покрытые зеленым лесом, травой и, как пестрым зеленым ковром, цветами. Теплый ветерок будет доносить с полей и лугов чудный аромат,

а из темных густых вековых боров смолистый запах сосен. Зажурчат хоры кузнечиков. Хороши тогда холодные воды Камы; как ласкают, нежат и обнимают они, когда погрузишься в них в жаркий летний день... А там наступит осень. Кама опять станет хмурая, темная, мутная. В воды ее больше будут смотреть свинцовые осенние тучи, да мелкий, частый, холодный дождик будет беспрерывно посыпать ее. А то вдруг нахлынет шквал. Побегут, помчатся черные тучи; засвистит, завоет ветер; Кама почернеет, запенится, заревет, замечет, застонет и с ожесточением кинет свои воды вглубь берегов. Белые гребни валов высоко вздымаются ввысь, как будто хотят обнять, поцеловать нависшие низко-низко темные осенние тучи. А там ледяные оковы скуют воду. Красавица Кама заснет безмятежно. Только вьюги, метели да бураны с молодецкой удалью будут напевать ей колыбельные песни да крутить снеговое одеяло, навевая громадные бугры в изголовье ее... И так из года в год, из столетия в столетие... Много и много прошло событий перед многоводной Камой. Прошли и исчезли – великая Биармия, промышленная чудь, Ермак, удалая вольница скопища Пугачёва. Слышала она и проповедь христианства, и протяжный стон бурлака. И много, и много пройдет еще событий перед ней. Сама же она по-прежнему останется такой же, какой и была, – величавой, холодной красавицей...

Пароход несется. Пелена тучи, покрывающей небо, разорвалась, и заходящее солнце, выглянув, окрасило в неестественный фиолетовый цвет и воду, и берег. Надвигаются сумерки. Туча всё более и более заволакивает горизонт. Наступила темная ночь, берегов не видать, только опытный глаз лоцмана улавливает очертания их. Далеко-далеко видны яркими точками разложенные на берегах костры. Громадины-пароходы, как огненные чудовища, блестя своими красными и зелеными глазами и электрическим светом в многочисленных окнах своих этажей, с шумом проносятся мимо, оставляя по себе бурливую, еще более темную полосу. Вдали виднеется пристань, усеянная, как небо звездами, массой светящихся точек, это на широком пространстве пристани горят фонари на мачтах судов, пароходов, на берегу. Свисток... На одной из пароходных конторок, чтобы капитан парохода скорее мог ориентироваться, к которой из них должен причалить пароход, раскачивается из стороны в сторону зажженный фонарь, образуя при движении огненную ленту. Хороша Кама в тихую лунную ночь. Месяц широким столбом, протянувшись с одного берега до другого, серебрится на водной поверхности реки. Серебряным блеском облиты леса, горы, луга, деревни, сёла, города. Только изредка где, в низменных местах, курится туман, и им, как саваном, затянуто побережье реки. Высокие крутые берега причудливыми тенями да яркие звезды с небес, как в зеркало, смотрятся в глубокие тихие воды. Пробежит суденышко, пароход – и они засеребрятся. Всколыхнется на время от них вода и побегут по ней серебристыми змейками валы, затем опять всё снова стихнет, замрет. Изредка только эту царственную тишину нарушит кукушка в соседнем лесу, или филин, как леший, прогогочет где-нибудь на вершине громадной сосны. И снова всё спит под серебристыми лучами месяца.

Часто в Каму глянет и «гость». И кто бы он ни был – ребенок ли, старик ли, юноша ли в цвете сил и здоровья, красавица ли с длинными чудными

волосами и пышными дивными формами, – Кама встречает всех одинаково, без различия. Она каждого уложит, как в теплую постельку, на мягкий песок, или чистые камешки, или бархатную траву своего дна и, нежа, лаская, тихо покачивая, медленно понесет мимо своих берегов. «Гость» лежит и нежится, любясь раскинувшимся над ним шатром голубого неба, ярким солнышком или серебристыми лучами месяца и частыми звездочками. Захочется «гостю» подняться, выйти из воды – пристанет к плоту, судну, пароходу, ухватится... Но сурово, неприветливо встречают братья земные – багром или шестом отчалят его, и он снова поплывет. Рассердится тогда «гость», надуется, перевернется навзничь и, оскалив зубы, уставив свои очи в глубь воды, на дно реки, пухлый, посинелый, окутанный илом, зеленью, плывет дальше, пока не зацепится где-нибудь в кустах и с убылью воды не останется на берегу...

Пароход несется. Давно уж промелькнули Сарапул, Елабуга, Чистополь. Вот громадный водяной простор – слияние Камы с Волгой, где далеко видны чуть-чуть очертания берегов. Навстречу нам со стороны Казани плывет громадный, американского типа, пароход, а снизу буксирный, с целым караваном барж. На горизонте вниз по течению Волги видна узкая, тянущаяся нитью полоска дыма от идущего парохода; там же, как лоскут, белеет парус судна...

Мое путешествие

А. Н. Скугарев

После томительных часов нагрузки пароход, на котором я занял каюту второго класса, отчалил наконец от пермской пристани и побежал вниз по Каме. Постепенно становилось всё более и более далеким то «пермское», которое таким неодолимым гнетом ложилось на мою душу и, как паутиной, облепляло мое «я» пошлой суетой бесцветного, полусонного существования. Вот уже скрылись из виду и колокольни городских церквей, и очертания железнодорожного моста, и аристократические курьинские дачи.

Прощай, проза, здравствуй, поэзия! Я вздохнул полной грудью и заплакал, заплакал жуткими и радостными слезами свободы, словно узник, выпущенный на волю.

Ехал я не одиноким: спутницей моей была моя мечта, существо легкокрылое и нежное, обладающее способностью исчезать так же внезапно, как и появляться, создание изменчивое, в одну и ту же минуту доставляющее порой и предвкушение радости, и предчувствие горя. Мы с ней встречались обыкновенно под вечер и подолгу сидели на какой-нибудь скамейке, любясь рекой и берегами и переговариваясь словами, о которых поэт сказал: «есть речи – значенье темно иль ничтожно, но им без волненья внимать невозможно». Я говорил с нею исключительно на языке поэтов. Так, например, когда у нытвенской пристани мы заметили рыбака, невозмутимо удившего, сидя в утлом челне, то я спросил мечту: «ты можешь ли Левиафана на уде

вытащить на берег?!» А когда мы подъехали к Оханску, то я задал такой вопрос: «Ты знаешь ли тот край, где так вкусны лепешки, где брага хороша, где сдобны кренделя?»

На оханской пристани мое внимание привлекли четыре дамы в шляпках, два студента, судейский кульбик, дама в платке, но с изящным несессером, замечательно картинный унтер-офицер, поп, дрова и бараны. Больше ничего замечательного не удалось увидеть, если не считать оханских кренделей и лепешек, которые оказались отменно вкусными.

Так как в мою задачу не входит подробное описание тех мест, мимо которых я ехал, то да не посетует читатель, если я в изложении допущу, так сказать, географические скачки и занесу на бумагу лишь то, что запомнилось, занесу в хаотическом, может статься, беспорядке.

Осу я прозевал, в чём перед ней извиняюсь. Проснувшись на следующий день, я увидел село Арзамас и услышал звон его церковей. Арзамас! Что-то знакомое... Порылся в памяти и вспомнил, что так называлось известное литературное общество почитателей Карамзина в Москве и Петербурге, членами которого были лучшие писатели тридцатых и последующих годов, например Батюшков, Жуковский, Пушкин, Вяземский.

А вот и Сарапул. Всё внимание мое сосредоточено на... молодой барышне, украдкой провожающей любимого ей человека. Она стояла поодаль от группы родных или знакомых его. Она не перемолвилась с ним ни словечком, зато взгляд ее говорил так много. А он, смеясь и рисуясь, весело болтал с провожающими, бросая по временам быстрые и, как мне показалось, недоброжелательные взгляды в ее сторону. Третий свисток. Барышня вынула платок. «Не плачь, не плачь, мое дитя! Не стоит он безумной муки... Он ласки дорого ценил – Но слез твоих он не оценит!»

За Сарапулом – бор; из-за лесу долго выглядывали верхушки церковных колоколен. Вот повстречалась деревушка, как-то смешно и нелепо сползающая в Каму. Опять деревушка на горе. Лес начинает кудрявиться. Камбарка. Сел пассажир, оказавшийся любителем шахмат. Я сыграл с ним партию, другую, третью. Больше играть отказался. Тогда он стал играть с самим собой и с торжеством давал самому себе маты и даже заносил интересные положения в свою записную книжечку.

Берёзовка. Молебен. Каракулино. Белая. Пьяный Бор. На пристани вижу господина Саянова. Он да и только! Спрашиваю одного ехавшего вместе пермяка, ни находит ли он в господине, стоящем на пристани, сходства с оперным артистом Саяновым. Тот взглянул и решительным образом подтвердил: «Да это он сам и есть!» Иду на пристань, подхожу к Саянову.

– Господин Саянов?

– Нет, вы ошиблись, моя фамилия не Саянов, – отвечает незнакомец густым басом. Если бы не этот бас, я ни за что не поверил бы, что передо мной не Саянов, – до того поразительно было сходство!

Мельницы, амбары, домики, рассыпанные по подгорью. Елки редуют. Лес всё больше кудрявится. Крик перелетных гусей.

Тихие Горы. На пристани играют на гармошках слепые музыканты. У берега химический завод Ушкова. На пароход садятся пассажирки в черных платках.

Челны. Опять пассажирки в черных платках с новорожденными младенцами на руках. Что сие означает? Плач младенцев заглушает раздающуюся невдалеке трель соловья.

Подъезжаем к Елабуге. На пристани толпа народу и военный оркестр, неутомимо играющий один марш за другим. Много офицеров. Наконец показывается и садится на пароход сам виновник этих торжественных проводов – делопроизводитель канцелярии елабужского воинского начальника. Под звуки марша отплываем.

По мере приближения к Казани мое сердце начинает болезненно сжиматься. Вспоминаются университетские годы, откуда-то из глубин похороненного прошлого выплывают малые образы, звучат позабытые речи, гремят студенческие песни, слышатся веселые шутки, припоминаются забавные приключения. Как живая, встает в моей памяти квартирная хозяйка – старушка, которую, Бог ведает почему, мы, нахлебники, прозвали «микробой». Вижу, как она старательно штопает мое форменное пальто, за каковой работой я и застаю ее, явившись вместе с татаринном, которому и продаю свое пальто, несмотря на справедливое негодование «микробы» и не сознавая той обиды, которую причиняю ей этим поступком. Продаю за бесценок, а почему? Потому что нужно «выкупить» товарищей, сидящих в качестве заложников в одном из ресторанов на Устье и напивших и наевших на сумму гораздо более той, какая имелаась в наличности. Вижу себя на барабузе поспешающим в университет на лекцию любимого профессора. Вижу себя в Лядском саду воркующим с милой девушкой... Где ты, молодая пара? «Микроба», поди, давно уже свезена на Куртино кладбище, а милая прелестная девушка, как я слышал, являет из себя теперь толстую обрюзглую старую деву и служит массажисткой в каком-то южном курорте.

Нет, скорее мимо Казани! Она уже не «наша», не прежняя, и трамвай, заменивший памятную мне конку, прежде всего о том красноречиво свидетельствует.

Чебоксары, Сундырь, Козье-Демьянск, село Петропавловское, три тройки с попами, крестный ход, Нижний, Балахна, Городец, Кинешма...

А лес уже давно кудрявый-кудрявый...

Подплываем к Костроме. Прежде всего бросается в глаза храм Николы и собор с семью золотыми головами. Дальше – оригинальный храм, увенчанный арбузами и украшенный сверху казацкими пиками. Хорошенькие траурные казенные пароходики. Вдали – всё церкви и церкви. Синие, зеленые купола. Видна роща, а посредине – церкви, церкви.

На пристани поросят было больше, чем людей. Город поросят. К нам на пароход сел свадебный поезд. Новобрачные делали вид, что они очень довольны, что их провожает такая веселая компания, а в душе, разумеется, посылали провожающих ко всем чертям. Я втайне вполне сочувствовал молодым, ибо компания вспугнула мою мечту, и она исчезла, утопая в сиянии голубого, великолепного, но для меня, северянина, чересчур жаркого дня.

Волга от Костромы до Рыбинска поражает красотой и живописностью своих берегов. Природа и человек здесь взапуски кокетничают своими лучшими нарядами. Человек настроил домиков – красивых, изящных по архитектуре, а природа не пожалела красок и причудливой фантазии, дабы очаровать путешественника. Но меня этим не растрогаешь. Я северянин, и девственную грудерие своего вечно зеленого елового леса не променяю ни на какой красочный калейдоскоп. Ель, моя милая ель! Слышишь ли ты, как бьется мое сердце, как оно встосковалось по тебе? Видишь ли ты, какими суровыми глазами смотрит твой земляк на великолепие здешней природы, как он осуждает ее изнеженность, ее роскошь, памятуя о твоей скромности и о твоём отвращении к излишней гримировке?

Раскис ли я от жары или просто переутомился от массы новых впечатлений, только вплоть до Рыбинска я был зол и раздражителен. В Рыбинск пароход пришел почти ночью. Проснувшись на следующий день, я почувствовал себя больным той болезнью, которая называется тоской по родине. Удивительное дело – эта же самая Пермь, на которую я сыпал проклятиями в начале поездки и с которой расставался с несказанным удовольствием, теперь притягивала меня к себе, как магнит. И когда пароход двинулся в обратный путь, я преисполнился одним желанием – как можно скорее выплыть из Волги, подняться по Каме и увидеть наконец тот город, обывателем которого я имею удовольствие считаться.

На какие бы то ни было наблюдения я махнул рукой и свою записную книжку в сердцах швырнул в Волгу.

Ехали мы долго, но всё же доехали. Пароход дал продолжительный свисток. Я снял шляпу и радостно загоготал: здравствуй голубушка Пермь! Ура!..

В пути

С. С. Геммельман

Третий свисток.

– Отдай носовую!

– Вперед до полного!

Небольшой верховой пароход отвалил от пристани и, с шумом рассекая мутные камские воды, медленно пошел против течения, оставляя за собой Пермь с ее городским шумом, с ее пылью и пухом с тополей. Хорошо иногда иметь возможность уехать на время ото всех благ цивилизации на лоно природы. Впереди передо мной довольно длинный и разнообразный путь по деревням и весям нашей обширной губернии, по глухим уголкам, в которые цивилизация проникла только разве в виде шведских спичек да керосина.

Солнце стоит еще довольно высоко на безоблачном небе, но его светлое пятно затемняет густой дым, вырывающийся из высоких черных и красных

труб Мотовилихи. Долго еще видно этот широко раскинувшийся завод, выделяющий орудия для истребления людей, а когда он наконец скрывается за заворотом реки, то еще долго выделяется на голубом небе его черный дым.

Теперь начинается царство природы, почти не испорченной рукой человека. Стройные и прямые, стоят хвойные деревья по склонам высокого берега, а на луговой стороне зеленеет трава, пестреют цветы и толпятся кудрявые и густо покрытые листвой кустарники. Воздух чист и прозрачен. Слегка пахнет сыростью и легко дышит грудь.

Вон на высоком, почти отвесном берегу, обнажившем свою белесоватую, почти белую почву, какой-то человек упорно долбит ломом землю, стараясь отколоть огромную белую глыбу. Какой ничтожной, жалкой козявкой кажется он на фоне этой белой горы рядом с гигантскими зелеными елями. Несколько раз ударив ломом, он со страхом отскакивает в сторону и осторожно ждет, не рухнет ли глыба, затем снова ударяет и снова отскакивает. Пароход проходит мимо, но я долго смотрю на этого черного человечка, пока он совсем не исчезает из глаз, а белая глыба всё остается неподвижной.

Вода гладкая, как зеркало, отражает в себе вечернюю зарю. Заря на небе, заря в воде – всюду красные тона зарева. Еще вершины деревьев освещены заходящим солнцем, оно играет красным отблеском в окнах изб прибрежного села и золоте креста высокой колокольни, а на востоке уже восходит полная луна, большая и тоже красная. Пароход идет близко к берегу, и слышно, как в лесу заливается соловей. Его звонкие трели заглушает неумолчный и однообразный стук колес и гул машины.

Маленькая пристань. По берегу к конторке бегут люди. Каждый день приходят и уходят пароходы, а люди не устают встречать и провожать их. Других развлечений нет в этом глухом уголке, и посмотреть приезжающих, между которыми могут найтись знакомые, доставляет удовольствие.

Каждый свисток повторяется многократным эхом и замирает вдали.

Пароход идет дальше. Заря побледнела, луна поднялась выше и серебряными блестками отражается в воде. Не поднимая руки от штурвального колеса, неподвижно стоит лоцман и зорко смотрит вперед.

Становится прохладно. Третьеклассные пассажиры на верхней палубе укладываются спать. Подвыпившая компания на корме пьяными голосами затянула какую-то заунывную песню. Мелькая, искры вырываются из трубы, чертят зигзаги и медленно гаснут в ночном воздухе. Где-то далеко на плоту стоит костер, и кажется, что он горит прямо на воде. Около него виднеются темные силуэты людей.

Освещенные луной, неподвижно стоят темные ели на берегу, и из их чащи снова слышится звонкая песнь соловья.

– Э-ге-ге-гей! – гулко раздается в ночном воздухе.

Вдали от фарватера, ближе к берегу, неподвижно стоит буксир, беспомощно наклонившись на левый борт. При лунном освещении видно, что оттуда машут шапками и платками и кричат в рупор.

Наш пароход замедляет ход и останавливается совсем.

– Что случилось?

– О...о...а...а...и...е...

- Чего-о? Не слышать!
- Задним ходом подъезжаем ближе.
- Что случилось?
- Поломка в машине! На пристани дайте телеграмму в Пермь.
- Ладно! Вперед полный!

Утром солнце светит ярко. На бледном небе стоят кучевые белые облака, темные снизу, ярко освещенные по краям. Ветер взрывает поверхность воды темными волнами, в которых, точно бриллианты, играют блики солнечного света. Глазам больно смотреть на воду.

У берега вяжут плоты. Несколько рабочих в разноцветных рубахах разом, по команде, длинными баграми цепляют толстое бревно и с песней втягивают его на плот.

– ЕщО-о разок. ЕщО-о разок! – звонко несется по воде в утреннем воздухе и подхватывается эхом.

Еще май месяц, вода не спала, а пароходу приходится лавировать между красными и белыми бакенами, а на некоторых местах даже меряют глубину. Печально и заунывно выкрикивает матрос: «шесть», «шесть с половиной», «под табак», «не маячит».

Выкрикивая свое «под табак», вряд ли матрос знает нелепое, на первый взгляд, восклицание, а между тем имеющего свое *raison d'être*. Когда тянувшим бичеву бурлакам приходилось переходить вброд какой-нибудь заливчик или небольшой приток коренной реки, они подвязывали имеющийся у них табак себе на шею, чтобы предохранить его от подмочки. Если переднему вода достигала до кисета, то он кричал: «Под табак!», то есть что вода уже подошла к табаку и дальше идти вброд опасно. Теперь истинный смысл восклицания забыт многими, но само выражение «под табак» знакомо каждому, кто хоть раз ехал на пароходе.

И ветер, и солнце мешают сидеть на совершенно открытой верхней палубе, в рубке тесно и душно, и невольно вспомнишь удобные крытые балконы пароходов, рейсирующих вниз по Каме.

С «девятой пятницы»

С. С. Геммельман

Сегодня деревня «зарабатывала». Старики, бабы, девки и мальчишки – все высыпали с утра на берег Камы и приготовили все наличные лодки для перевозки богомольцев, идущих из города. Мужиков не видать: они отправились в Соликамск на праздник. Там сегодня торжество, так называемая «девятая пятница», крестный ход и ярмарка.

Жителям прибрежных деревень довольно порядочно перепадает в эти дни от богомольцев за перевоз через Каму.

Только вчера пришли тысячи народу из далеких деревень, иногда за шестьдесят и больше верст. Сегодня этот народ двинется обратно, сперва дальние, а потом те, которые живут ближе. Мужики же из соседних деревень придут поздно, в совершенно праздничном настроении, а может быть, даже останутся ночевать в городе или где-нибудь в лесу по дороге.

С горы, на которой расположилась деревня, открывается чудный вид. Вдали на темном фоне леса виднеется Соликамск с высокими белыми колокольнями, сгруппировавшимися почти все в одном месте. Вправо дымятся заводы Усть-Усолки, а слева виднеются солеварни Боровой. На низменном луговом берегу, по чуть заметной, выщепяющейся среди зеленеющих лугов дорожке идут целые толпы возвращающихся из города богомольцев. Яркие платья баб, цветные ситцевые рубахи мужиков красиво выделяются на зеленом фоне травы.

Сегодня будничные домотканые синие зипуны сменены праздничными нарядами. Около берега Камы идет настоящий бой и стоит такой визг и крик, что его, вероятно, можно слышать версты за три. Это перевозчицы «уловляют» пассажиров. Каждая тащит в свою лодку, так что дело доходит чуть не до драки. Степенному десятнику, поставленному «для порядка», при всем старании ничего не удается сделать с бабами и мальчишками. Однако конкуренции не существует: с установленной таксы в две копейки уступок не полагается.

Особенно ретиво и успешно зазывал богомольцев белоголовый Сенька, робивший вместе с седым дедом на огромной рыбацкой лодке. Дед сидел на веслах и молча ожидал, пока шустрый Сенька метался по берегу и с бою хватал пассажиров.

– Сенька, поганец, не твой черед! Куда лезешь? – надрывалась баба, стараясь дать «поганцу по загривку», но Сенька ловко вывертывался, по дороге выхватывал у старухи-богомолки котомку и торжественно тащил к себе в лодку.

– Куда ты, озорной? Отдай! – кипятилась та.

– Ты, тетенька, не сумлевайся – ты иди за мной, я тебя подвезу.

– Да не одна я. Старик-от в другую лодку сел.

– Ничего, тетка, знай садись. Где старик-то, я и его приволоку.

И Сенька, несмотря на энергичные протесты и ругань, тащил из чужой лодки старика.

«Дальние» в большинстве шли трезвые, но к вечеру, когда стали переправляться жители окрестных деревень, по глади реки понеслось нестройное пьяное пение.

Народ потянулся реже, и перевозчики на досуге переругивались и считали барыши.

– Тетка Дарья, много ль заработала?

– Сорок копеек.

– Мало. Лодка у тебя больно мала.

– Чойно! Четыре человека посадишь, а больше-то и не лезет.

– Чай, дед Левонтий с Сёмкой дивно заработали!

– Круг пяти цалковых, сказывают.

– Ишь ты! Надо ему, паршивцу, ужо уши надрать.

– Шустрый мальчонка. Я ему давесь дал раза, так и не оглянулся.

Я пробовал спрашивать у богомольцев, что, собственно, празднуется в «девятую пятницу», и, конечно, получил довольно неясные ответы. Большинство отвечало:

– А кто ж его знает.

Или:

– Старики, значит, так установили.

– Почему установили-то?

– Зарок, видно, даден был.

Только один старик оказался более сведущим:

– Богатырь был такой, Пугачом звали.

– Ну?

– Так, значит, около городу черепков видимо-невидимо нашли.

– Каких черепков?

– Человечьих костей, значит.

– Ну? Так праздник-то почему же?

– Пугач, значит. Богатырь.

Дальше «Пугача» и «черепков» старик ничего не мог мне объяснить.

Люди идут за десятки верст, идут тысячами к «девятой пятнице» с ее крестным ходом и ярмаркой, и никто из них даже не знает, что празднует Соликамск в этот день.

Поездка на Белую гору

Н. М. Чукмалдин

По Уральской железной дороге приехал я в Пермь в девять часов утра. Первым делом явилась забота, каким путем удобнее проехать на Белую гору. Езда на лошадях по Сибирскому тракту давно мне знакома и представляет собой мало интересного. Почтовая кибитка с охапкой сена внутри, лягз колес по мелкому щебню и камням да тучи комаров и едкой дорожной пыли – вот перспектива почтовой езды между Пермью и Кунгуром. Прибавьте к этому жаркое время майского дня, отсутствие малейшего ветерка, и вам станет понятна невеселая картина предстоящего передвижения на всём расстоянии сто верст, вплоть до самой Белой горы. Раздумывая об этом, я вспомнил, что есть иной путь по тому же направлению – путь на маленьком пароходике по реке Сылве, притоку реки Чусовой, до самого Кунгура, что в соседстве с Белой горой. Оставив багаж на станции железной дороги, я взял извозчика и поехал отыскивать крохотную пароходную станцию Зырянова, пароходы которого рейсируют между Пермью и Кунгуром. Пробравшись по живым мосткам с опасностью провалиться вниз на пристань-крошку, сплошь заваленную ящиками, узлами и другим домашним скарбом, я узнал, что сегодня вечером идет пароход и что он прибудет в Кунгур назавтра вечером около пяти часов. Соблазненный возможностью видеть живописные берега реки Сылвы, я решил плыть на Кунгур на этом пароходе. Времени до отхода его оставалось довольно; не торопясь, сдав лишний багаж Каменским, я поехал осматривать Пермь и нашел там оригинала-фотографа господина Чайковского, у которого купил альбом артистически снятых видов со скал и берегов Чусовой. Сделав всё нужное, я решил перебраться на пароходик за несколько часов до его отхода, чтобы занять, как думалось мне, удобное местечко в каюте. Приехав вновь на пристань, я не застал там парохода и получил только совет поискать его где-нибудь на одной из больших пароходных пристаней. Пришлось и это сделать. Мой извозчик, старый житель Перми, отлично умел ориентироваться между многими пароходами и скоро нашел нашего «Помощника», спрятавшегося под бортом громадной пристани Семёнова. Пароходик «Помощник» грузил кули табака, старый свинец, крупчатку и даже порожние бочки. Я занял каюту и ждал, когда кончится операция погрузки товаров, рассчитывая, что в назначенное время мы всё же отойдем. Около пяти часов пароходик действительно от пристани Семёнова отчалил, но, сделав круг по Каме, вновь пристал к пристани Курбатова. Там снова началась погрузка товаров.

На справку мою, скоро ли мы двинемся в путь, мне отвечали, что мы еще у чужой пристани и что даже не было дано первого свистка. Через полчаса снова делается тур по Каме и снова причалка, уже к своей пристани самого владельца пароходика господина Зырянова. На берегу толпились пассажиры, большей частью разный рабочий люд и преимущественно сплавщики леса, жители берегов реки Сылвы. Контора пароходства пассажирских билетов не выдавала, ссылаясь на то, что это сделает в пути капитан парохода, сын самого хозяина. Около семи часов раздался наконец свисток, и я подумал, что настал конец ожиданию пассажиров. Тщетное предположение. Пришлось еще ждать второго и третьего свистка, прежде нежели мы отчалили от пристани. Но и тут не обошлось без сюрприза. Пароход только что отошел от пристани, как раздалась команда капитана: «На нефтянку», – и мы снова сделали тур, чтобы подойти к нефтяной барже и принять нефть для отопления паровой машины.

Было уже полвосьмого вечера, когда мы пошли полным ходом вверх по Каме. Я осмотрелся на своем пароходике. Он оказался новенький и чистый, только что совершающий первую навигацию между Пермью и Кунгуром по рекам Чусовой и Сылве на протяжении двухсот сорока верст водного пути. Пароходик берет груза до четырех тысяч пудов и пассажиров до ста пятидесяти человек. В продолжение лета он совершает сорок шесть – пятьдесят рейсов и зарабатывает до семнадцати тысяч валового дохода. Владелец его, кажется, крестьянин какого-то села близ города Перми. Пароходнику дальше Кунгура идти некуда. Там в Сылву впадает незначительная речушка Ирень, выше которой эту реку переходят вброд и переезжают на телегах. На всём пути пароходик исполняет точную роль посылного, приставая даже к пустым берегам, лишь бы только оказался пассажир или два-три тюка товаров. Простой кол, вколоченный на том или другом берегу для закрепы причала, перекинутая доска с парохода на берег – вот вам и пристань парохода.

Верст двадцать поднялись мы по Каме и повернули направо в устье Чусовой. Берега этой реки полны живописных ландшафтов, один другого красивее. Есть места, очень напоминающие виды, какие открываются с высот крымской Демерджи. Та же красно-бурая почва, те же зеленые шашки обработанных полей, обрамленные водой Чусовой внизу и темным бором сплошного елового леса вверху. Покатости высоких берегов, переходящие в причудливые очертания холмистого рельефа, заняты полями хлеба и лугами, кое-где перерезанными селами и деревнями, да табунами пасущегося скота на превосходном подножном корму. Городов тут нет, но все сёла и деревни поражают своим видом, говорящим о зажиточности и довольстве. Все дома и службы этих деревень крыты тесом, стоят прямо и выглядят весело. Нет нигде ни покосившейся избы, ни разоренного жилья, ни соломенной крыши. Попадаются сёла, в которых даже зеленеют крыши домов, окрашенные малахитом, нередко в два этажа, с резьбой на карнизах и балконом сбоку. На всём протяжении Чусовой до поворота в устье Сылвы по левому берегу реки тянется полосой полотно Уральской железной дороги. Плоты сплаваемого леса заполнили оба берега реки и длинными вереницами всё еще попадают нам навстречу. Пароходик наш умело лавирует между ними, делая повороты направо и нале-

во избежание столкновения, и часто пронзительно свистит, предупреждая об опасности плывущие впереди лодки.

Вечер. Солнце садится за высокий гребень правого берега Чусовой. Пахнет цветущей черемухой. Веет прохладой. На носу парохода какой-то матрос в валенках выше колена, в одной рубашке, но в форменной фуражке наигрывает на гармонике грустные мотивы русских песен. Два послушника, пробирающиеся в Кунгур за сбором для какого-то монастыря, жадно прислушиваются к ритму гармонике и, спохватившись, набожно начинают делать привычные жесты перебора отсутствующих четок, оглядываясь украдкой по сторонам, чтобы убедиться, не заметил ли кто их увлечения.

На другой день я проснулся рано. Мы плывем теперь уже по Сылве, скорее речке, чем реке, между чудных скалистых берегов, порой грозно выступающих отвесной стеной с правой стороны. Глаз не хочется оторвать от чередующихся пейзажей великолепной панорамы. Сылва так же извилиста и прихотлива, как и Чусовая. Она делает, выражаясь по-местному, такие же «петли», какие делает Чусовая и каких не встретишь нигде. Вот и теперь мы вертимся направо и налево вблизи серых гранитных утесов, то удаляясь от них, то приближаясь к ним. Эти «петли» тянутся на протяжении восемнадцати верст, а пешеход перейдет в узком месте весь перешеек в триста восемьдесят сажен. По всему правому берегу реки торчат серые обрывы гранита, перемешанные слоями и выступами яркой красной глины, да темнеет еловый лес на самом гребне гор. Там и сям встречаются впадины, зеленые долины, холмы, мелкие речушки, около которых раскинуты деревушки и поселки, сзади которых зеленеют засеянные поля ржи и ярицы. Сылва чем выше, тем становится мельче и каменистее. Матросы то и дело делают промеры с обеих сторон парохода, громко выкрикивая: «Четыре, три с половиной, пять». Изредка довольным голосом певуче тянут: «под табак» или «не маячить», после которых тотчас же и бросают шестик на борт парохода. Первые слова счёта означают футь глубины воды, а вторые непонятные слова «под табак» и «не маячить» – суть термины, что глубина более пяти футов или что она глубже всего водомера. Откуда взялось усвоенное местными матросами выражение «под табак», объяснить трудно, хотя многие утверждают, что оно означало в былые времена: когда бурлак, имея на поясе кисет с табаком, спускался с барки в воду, и, если глубина ее доходила ему до этого кисета, тогда он выкрикивал термин «под табак». Другое слово – «не маячить» – выражает собой точное определение, что вода так глубока, что водомер не достает дна реки.

Лесных плотов попадается нам навстречу всё больше и больше. Сылва – это лесная артерия, по которой чуть ли не весь Западный Урал сплавляет свои лесные богатства. Одни братья Каменские в этом году из своей суксунской дачи сплавляют будто бы двести тысяч деревьев елового и пихтового леса размером от тринадцати до двадцати четырех аршин и от шести до девяти вершков толщиной. Сколько же занято у них этим делом людей, зарабатывающих свой хлеб насущный? Чтобы сплавить до устья Чусовой двести тысяч деревьев, нужно около двадцати одной с половиной тысячи плавильщиков, из которых каждый зарабатывает в три – четыре недели времени около двадцати пяти рублей. Другие рабочие, около пяти – семи тысяч человек, в зимнее время

лес этот предварительно вырубают и вывозят к берегу реки или речки, а сплавщики уже вяжут его в плоты по восемнадцать деревьев в каждом, вершинами – в одну, а комлями в другую сторону. Таким образом, на Сылве каждый плот представляет собой подобие веера и удобнее скользит узкой стороной вперед в крутых речных извилинах. Бывает, однако ж, и так, что на мелких переборах реки ряд плотов застрянет, и тогда сплавщики их разрушают и, бродя по колено в воде, переводят баграми по одному бревну на более глубокое место, где снова связывают в такие же плоты, как и ранее. Каждый плот сцепляется «вицами» из черемуховых прутьев с другим соседним плотом, и таким образом составляется караван из двенадцати плотов, способный изгибаться в одну треть круга. Все плоты, сплавленные по Сылве, вяжутся только в один ряд и только в устье Чусовой переделываются в плоты в три-четыре ряда бревен, чтобы сплавлять или буксировать их далее по глубоким водам Камы и Волги в Царицын и Астрахань.

Сылва, повертась в своей долине, подошла к крутым серым утесам, на которых нет нигде ни травки, ни кустика. Только темные щели, и птичьи гнезда, и норы бороздят их по всем направлениям. Стаи галок кружатся под самыми карнизами. Мелкий ручей-речка, как-то попав в трещину, стекая в Сылву, пробил мало-помалу широкую брешь, на дне которой растут кустарники и зеленеет сочная трава, бог весть как укрепившаяся на ее поверхности. Сквозь листву берез и ветки елей просвечивает та же серая скала и придает всему и новый вид, и новый колорит. Потом скалистый берег начал отходить всё дальше и дальше, пока не превратился вдали в отлогие холмы, красиво одетые лесом и лугами.

К вечеру случился эпизод. Пароход нашел на камень и остановился. Были пущены в ход все обычные способы съёмки парохода, до ворота включительно, но без успеха. Одно время было даже опасение получить пробоину дна, но как-то всё обошлось благополучно. Пароход погрозотал как-то на камне, наклонился на один бок и пошел вперед, как бы ничего и не было. В девять часов вечера мы были в Кунгуре.

Мне никогда не случалось читать описания Кунгура и характеристики его населения. Типичность же города такова, что едва ли есть еще в России уездный город, в котором ярче и рельефнее была бы выражена религиозная, трудовая и торговая сторона местного населения. Уже одно то, что здесь возникли и выросли колоссальные капиталы Губкина, Кузнецова и Грибушина, говорит нам, что Кунгур не простое административное название уездного городка. Местные богатые люди под старость лет своих создают обширные учебные и благотворительные учреждения, которым впору позавидовать даже столицам. Покойные А. С. Губкин и М. И. Грибушин создали и обеспечили навсегда один – техническое училище, а другой – сиропитательное заведение, затратив на это миллионы рублей. Кунгур с двадцатью тысячами жителей имеет чуть ли не двадцать церквей, до такой степени богатых и украшенных, каких едва ли где встретишь в другом уездном городе. И в том же Кунгуре нет и помина о местном театре. Там зачастую в купеческих домах в девять часов вечера ворота заперты на замок. Жизнь в Кунгуре течет с преобладающим направлением религиозной и семейной стороны, едва ли где

повторяющимися. Кунгурские крестные ходы, совершаемые периодически, по своей торжественности, многолюдности и подъему религиозного настроения представляют собой выдающееся явление. Нечто подобное можно видеть только в Ченстохове, конечно, со своим особым ритуалом и проявлением католических обрядностей.

В Кунгуре сильно развита кожевенная промышленность, развита не только выделка кож на заводах, но еще больше развита крупная и мелкая промышленность изделий из этих кож. Всю Сибирь, как Восточную, так и Западную, не исключая, пожалуй, и всего Урала, снабжают обувью и другими изделиями из кожи только три пункта: Кунгур, Сарапул и Кимра. Только одни бродни и голицы, на золотые промыслы идущие, приготавливаются исключительно в Тюмени.

Ровно в полночь выехал я из Кунгура по направлению к Белой горе, через два населенных пункта – Степановку и завод Юг. На всём этом пути сёла и деревни отличались тем же характером довольства и зажиточности, какие мне встречались по берегам Сылвы. Рогатого и мелкого скота попадалось немало, по большей части хорошо откормленного. Ночью в каждой деревне, которую приходилось проезжать, встречались большие табуны овец, спокойно ночевавших среди улицы, так что ямщик должен был соскакивать с козел, чтобы согнать их с колеи дороги.

Рано утром следующего дня, не доезжая Белой горы верст тридцать, ямщик указал мне направо силуэт церкви, виднеющейся на пологой возвышенности, – это и была вершина Белой горы, а над ней здание церкви Белогорского монастыря. Вся дорога, начиная от села Степановки, унизана холмами и низменностями, по которым она то поднимается кверху, то спускается книзу. Спуски и подъемы пути идут иногда подле самого обрывистого берега реки Ирени или тянутся косогорами, наклоня экипаж набок так, что невольно приходится искать руками какую-нибудь точку опоры. Спуск к заводу Югу до того крут и длинен, что волей-неволей нужно тормозить экипаж и сводить под уздцы коренную лошадь экипажа. От завода Юг до вершины Белой горы расстояние в двенадцать верст приходится проезжать проселочной дорогой по откосам высоких холмов, лавируя между хребтом и низиной и пересчитывая колесами наружные корни елей и пихт. Подъемы и спуски чередуются постоянно. Белая гора вырисовывается яснее и яснее, хотя всё время кажется и невысокой, и незамечательной. Но вот кончен последний головоломный спуск, кончен в низине мост гатью, где приходится добрых полверсты ехать поперек шеренги крутых жердей, и начинается последний генеральный подъем на темя самой Белой горы. Кругом, и справа и слева, замкнула вас могучая растительность леса и высокая сочная трава, точно стал другой мир и возникла иная фауна. Высокие толстые ели и пихты чередуются между собой, изредка допуская в свое царство липу и клен и еще реже корявый ильм, сплошь унизанный оригинальным цветом, напоминающим молодые зеленые шишки хмеля. В прогалинах цветет черемуха, на лужайках красиво рисуется трубчатыми листьями чемерица и ярко цветет красный пион, или по-местному – марьин корень, благодаря которому на Белой горе нет ни одной гадюки. Почва всюду – глубокий чернозем, пропитанный влагой.

По всей горе много родников с чистой водой. Куда бы вы ни пошли, ваша нога тонет в перегное и массе валежника. Любая прогалина одета высокой и сочной травой. И только береза и осина выбирают отдельные районы, куда с трудом забираются деревья других пород. Им точно хочется быть только между своими, расти только бок о бок среди таких же берез и осин, как и они сами.

Чем ближе к темени горы, тем дорога делается всё круче и труднее. По сторонам ее там и сям начинают попадаться скамейки, устроенные монастырем для отдыха паломников, группы которых встречаются мне чаще и чаще. Вот первая монастырская постройка – колодезь возле самой дороги, где путник утоляет свою жажду. За ним еще крутой подъем, еще несколько поворотов направо и налево, и вы сразу подъезжаете к оригинальному новому храму, возле которого высится пятисаженный деревянный крест – первоначальное основание самого монастыря. Не было еще никакой постройки, как этот крест был воздвигнут и далеко виднелся по всей округности, как бы знаменую, что на этом месте образуется и вырастет Белогорский монастырь.

Утомленный в пути, я уже принят и помещен в так называемом архиерейском домике, в комнатах устроителя монастыря протоиерея отца Стефана Луканина. Еще минута-другая, и я уже на террасе, и передо мной открылась величественная панорама, с трех сторон окружающая Белую гору. В первые минуты дух захватывает от восторга и не находишь слов для характеристики развернутой красоты уральской горной природы. Вообразите себе гору, поднятую на тысячу футов выше всех других гор на пространстве пятьдесят – сто верст в округности. Темя той горы занимает собой площадку с юга на север сто и с востока на запад – около пятидесяти сажен. С трех сторон – юга, востока и севера – гора круто сползает вниз, образуя на глубине восьмисот – тысячи футов громадное плато перспективы, состоящее из разных гор, холмов и долин, замыкающихся вдали туманной синевой горизонта. Разные формы и очертания долин и возвышенностей, шахматы буро-красных полей, засеянных яровыми, нескончаемая вереница всяких оттенков зелени создают в общем такую чудную и необъятную картину перспективы, описать которую нет никакой возможности. Глядя на это чудо Западного Урала, долго стоишь в безмолвном удивлении и только мало-помалу начинаешь приходить в себя и ориентироваться в подробностях. Вон между холмов синее пруд и белет церковь Юговского завода, а расстояние равно двенадцати верстам; вон подальше еще видна церковь села Степановки, а расстояние уже тридцать две версты; а вон вдали, поближе к горизонту, еще различается церковь и серые утесы – это берег реки Сылвы и церковь пригородного села Кунгура на расстоянии уже шестидесяти верст! В ясную погоду с монастырской колокольни видны церкви Перми и Осы, а это уже расстояния около ста верст.

Я видал несравненные панорамы в Крыму, на Кавказе и в Италии. Им придает особый ореол величия и красоты окружающее море; о них многое подчеркивает история и поэзия, они стоят поэтому на недостижимой высоте величия и красоты. Ни моря, ни лазури неба, ни поэзии нет у Белой горы. Она стоит без этих атрибутов и преимуществ. Но после этого во всём остальном Белая гора сияет в полном своем великолепии! Житель России и Сибири,

житель всего Приуралья найдет здесь такое дивное сочетание мягких горных видов, такую полную гамму зелени хвойных и лиственных лесов, что останется в немом удивлении перед величием развернувшейся картины. А это так много и, главное, так многим доступно, потому что у себя дома, чуть не под руками.

Очертания темени Белой горы, обращенной крутым скатом прямо на восток, напоминают собой трехъярусные овалы алтаря старинных русских церквей. На вершине среднего выступа и построен новый храм, наполовину деревянный. Года нет еще, как освящен этот храм; в его летнем помещении два этажа, где, впрочем, и теперь еще видны неоконченность работ и недостаток церковных украшений. В щели временного пола виднеется нижний этаж церкви, иконы на стенах не отличаются симметрией, самый иконостас местами недоделан. Но зато все иконы иконостаса, написанные в Москве художником Маловым, поражают выдержанностью фряжского стиля и производят благоговейное впечатление. Храм освещен великолепно, несмотря на то что со всех сторон окружен террасой, на которой помещается до тысячи пятисот человек. Вообще, вся идея храма дышит верой в успех начатого дела, и, вероятно, она-то и подсказала автору проекта счастливую мысль устроить кругом храма открытую террасу, кроме ближайшей практической цели, придать самому храму более величественный вид незаурядного церковного сооружения. Нужно представить себе во время праздников и крестных ходов тысячные массы народа, стекающиеся издалека и слушающие на террасе в открытые окна храма божественную службу при дивном зрелище окружающего ландшафта, чтобы понять всё великое значение постройки этой террасы. Это воистину великая цель, достигнутая малыми средствами. Церковь едва вмещает тысячу человек, а молящихся бывает иногда пять, десять и более тысяч.

Далее идут деревянные постройки монастыря, возникающие по мере растущих потребностей. Кроме первоначальной теплой церкви, построенной среди двора, низкой и неудобной, напоминающей скорее старообрядческую молельню, чем церковь, и звонницы на четырех столбах, где два года назад висели еще чужие колокола, позаимствованные временно, воздвигнуты теперь новые здания, уже вполне приспособленные к тому назначению, для которого они построены. Так, возведено здание для монастырской братии, здание для паломников или вообще для всякого проходящего, здания народной столовой, просвирни, кухни, столярной, погреба и пр. Монастырь расчищает лес и заводит пашню. Я видел уже поле, засеянное пшеницей, пасеку с шестьюдесятью ульями пчел и маленький огород, засаженный овощами.

Три года назад на том месте, где теперь расцветает монастырь, был густой лес: ели, пихты и ильмы, да, быть может, облюбованное логовище бурого медведя. В течение только этих трех лет благодаря трудам и энергии миссионера отца Стефана Луканина и ревностному покровительству и заботам пермского преосвященного Петра основывается и растет монастырь исключительно только на добровольные пожертвования. Инвентарь его уже превышает сумму сто тысяч рублей, и я глубоко верую, что не пройдет и десяти лет, как он будет одним из благоустроенных монастырей всего Урала. Основы его глубоко симпатичны душе каждого православного христианина. Он прежде всего

создан для простого серого человека, которому нужна истовая медленная церковная служба без всяких пропусков и сокращений; он рассчитан на то, чтобы монашествующая братия избиралась из людей молитвы и физического труда. Церковные службы монастыря нам, людям больших городов, кажутся длинными, утомительными. Совсем иная потребность в душе простого человека. Он, издалека пешком пришедший в монастырь, не нарадуется службе церковной, где каждое слово Божие выговаривается неторопливо, где ясно слышатся слова священных гимнов хваления и тропарей и не сокращается положенное число повторения «Господи, помилуй». Для него длинная церковная служба – идеал молитвы, для которой никакой физической труд не кажется тяжелым.

Пожелаем же этому духовному приюту дальнейшего развития и крепости на благо нашей религии, на утешение всех верующих и скорбящих. И пусть дающая рука не оскудеет своей лептой.

По реке Чусовой (Впечатления туриста)

В. М.

Если бы река Чусовая находилась где-либо за границей или хотя бы около наших столичных центров, то, несомненно, нашлись бы такие предприимчивые люди, которые организовали бы по ней весенние сплавные рейсы для любознательных путников, любителей природы и сильных ощущений и вообще туристов, и несомненно также, что подобные весенние поездки по этой редкой по красоте и исключительной своими особенностями реке привлекали бы массу путешественников, как их ежегодно привлекает какая-нибудь сравнительно жалкая Иматра или известный Рейнский водопад (Рейнфаль) в северной Швейцарии, близ города Шафгаузена.

К сожалению, Чусовая неизвестна не только громадной массе русской путешествующей публики, но даже большинству жителей Урала, которые, правда, мельком слышали, что существует река, носящая это название, по которой ежегодно весной сплавляются караваны с железом и чугуном уральских заводов. Дальше сведения даже местных людей не идут, и если вы спросите любого среднего обывателя, хотя бы той же Перми, близ которой впадает Чусовая в Каму, то услышите в ответ, что, дескать, действительно, есть такая река, и ходят, мол, по ней караваны, а впрочем, во всём – река как река! И только.

Между тем сведения эти будут не только неполны, но и крайне неверны, так как Чусовая очень мало похожа на обычную равнинную реку и принадлежит скорее к горным потоками, бурным и многоводным в дни таяния снегов в горах Урала и во время ливней и почти безводным после половодья, благодаря главным образом чему Чусовая не принадлежит к числу судоходных

рек на огромной части своего протяжения и лишь в нижнем своем течении, от Чусовского завода, где она принимает характер обыкновенной равнинной реки, становится судоходной, да и то лишь отчасти: по ней совершается пароходное сообщение до середины лета, после чего она окончательно мелеет и становится проходимой вброд любой курицей.

Главной особенностью реки является, однако, не только бурное и необычайно весеннее половодье ее, когда она, взломав лед, бешено несет свои полые воды, сворачивая на пути огромные валуны и камни, но редкие, дивной красоты берега и самое ее течение, до необычайности извилистое, проложенное по бесконечному числу излучин и стремительных неожиданных поворотов в каменной гряде Уральских гор, представляющих по ее берегам ни с чем не сравнимую по красоте природы панораму.

Чусовую, как сказано, посещает совершенно ничтожное число туристов, в особенности в дни ее половодья, и к услугам их нет решительно никаких, даже самых примитивных, приспособлений для путешествия, причем самое это путешествие представляет еще то весьма существенное неудобство, что оно должно быть совершаемо ранней уральской весной, в первой половине в большинстве случаев очень холодного и непогодного апреля, ввиду чего и требует раньше всего очень обильного запаса теплой, вполне зимней, одежды, так как весенний холод усугубляется ветрами и присутствием большого количества льда, который нередко сопровождает путешественников по их весенней поездке по Чусовой. В остальное же время года, когда установится тепло и последует спад воды, наступающий на реке очень быстро, путешествие даже в самой мелкосидящей лодчонке почти невыносимо, так как река мелеет настолько, что не может во многих местах поднять даже утлую рыбацью ладью. Так, например, в минувшем году задумал совершить подобное путешествие по Чусовой, вплоть до Перми, большой любитель путешествий и природы екатеринбургский преосвященный епископ Владимир, имевший в своем распоряжении превосходную, американской конструкции, моторную лодку, с ничтожной осадкой. Лодка эта была доставлена на подводах до Билимбаевского завода, откуда совершаются обычно такого рода путешествия, и к начальному пункту плавания были доставлены все необходимые принадлежности, прибыл шофер и сам преосвященный, в сопровождении нескольких лиц свиты, предполагавших плыть в обыкновенной лодке на буксире за мотором, располагающим достаточной для этого силой. Однако, проплыв всего несколько верст, путники должны были отказаться от дальнейшего плавания, так как мотор всё время бороздил дно своим винтом и в конце концов так надежно засел на камнях, что его с трудом удалось вытащить на берег, после чего путешественникам пришлось возвратиться домой, и интересная поездка, таким образом, не состоялась.

Как сказано выше, на Чусовой для путешественников нет решительно никаких приспособлений для совершения поездок даже и в весеннее половодье, если не считать, конечно, обычных шитиков и рыбацких лодок. Впрочем, даже и при наличии более удобных судов, как, например, моторных лодок, путешествие на них может быть совершено лишь при условии обладания очень опытным кормчим или, по-местному, лоцманом, во всех мельчайших

подробностях знакомым с капризным и очень опасным руслом реки, где под полой даже водой скрываются такие большие и острые камни, о которые разобьется какое угодно судно, идущее, в силу необходимости, силой течения с огромной быстротой.

Если, однако, кто вздумает совершить весеннее путешествие по Чусовой во время половодья, тот не должен останавливаться над разрешением вопроса, на чём ехать или плыть. Вопрос этот разрешается очень просто – стоит лишь предварительно письменно, по телефону или устно обратиться в то из заводууправлений, что сплавляет обычно весной караван свой с железом по Чусовой, или же прямо снести с доверенным заводом, проживающим обычно в Перми или Екатеринбурге, и испросить разрешение занять место в одной из кают той баржи или коломенки, что предназначена для караванного, то есть старшего приказчика, сопровождающего караван. Отказов в таких случаях никогда не бывает, и заводууправления весьма охотно предоставляют, и, конечно, бесплатно, места в каютах судна приказчика, причем могут письменно, по телеграфу или по телефону известить путника о дне и часе отхода каравана, к которому надо, конечно, прибыть заблаговременно, запасшись собственным количеством съестных припасов, спальными принадлежностями и теплой одеждой. Каюта эта не будет иметь, конечно, тех удобств, что на пароходе, хотя там найдется и большое окно, и кровать и пр.

Это, повторяем, почти единственный способ совершить крайне интересное исключительное путешествие, где первую роль играет степень безопасности: коломенка, на которой поедет турист, равно как и весь караван, находятся под управлением и в безусловном подчинении особо приглашаемых опытных людей, лоцманов, сызмальства занимающихся этим крайне ответственным и далеко не безопасным промыслом, от опыта, смекалки, присутствия духа и знания фарватера которых зависит не только целость всего каравана, но и жизнь плывущих на нём людей.

Благополучно сплавить караван – нешуточное дело, в особенности когда вода не очень высока и в двух-трех вершках от острых, как бритва, подводных камней проносится с огромной быстротой баржа с полутора десятками тысяч пудов груза.

Лет пятьдесят тому назад путешествие это было гораздо опаснее и ни один сплав каравана не обходился без несчастий: «убивались» баржи, то есть разбивались о камни и тонули со всем своим грузом и людьми, которые, при бешеном ходе реки, не могли спастись ни вплавь, ни в лодках. Теперь это путешествие стало значительно безопаснее, так как сплавщики придумали особый, весьма немудреный способ утихомирить ход баржи путем волока за собой огромных чугунных свай, или баб, – лотов, которые, волочась на канатах и цепях по дну реки за носом судна (баржа идет по Чусовой рулем вперед), могут не только умерять стремительность хода судна и направлять его по фарватеру, но и совершенно остановиться, как на якоре.

Сплав чусовского каравана – целое событие в тех местностях, откуда он выходит, и представляемое им зрелище одно достойно внимания туриста.

Баржи для караванов – однолетки, то есть такие суда, кои изготавливаются лишь для одной сплавки и по миновании надобности, то есть по достижении намеченного пункта, обычно Нижнего Новгорода, волжских понизовых городов или по Тихвинской и Мариинской системе – Петербурга, продаются на слом и идут или на дрова, или на строевые материалы. Сооружаются они особыми плотниками на берегу своих гаваней, то есть месте, где предстоит погрузка металлов и куда начиная с середины зимы подвозятся из заводских складов разные изделия, подлежащие сплаву: чугун, сортовое железо и пр. Баржи эти строятся небольших размеров, так как слишком длинное судно не будет в состоянии совершать тех головоломных поворотов, что ему придется делать при путешествии по Чусовой, по ее бесконечным извилинам, очень часто напоминающим собой петли. Ко времени окончания постройки и проконопатки судов на берегу уже вырастает целая контора, куда в ожидании сплава собираются судорабочие, лоцманы, приказчики, грузчики, водоливы и прочий люд. Ныне, впрочем, с упразднением сплава судов с помощью огромных вёсел – потесей, число судорабочих очень невелико; раньше же на каждое судно набиралось по пятьдесят бурлаков, с трудом управлявшихся со своей тяжелой работой.

Когда наступит тепло и последует таяние снегов, Чусовая быстро синееет, и к этому времени заканчиваются все подготовительные работы, а окрестное население всё чаще и чаще заглядывает к месту снаряжения каравана, не желая опустить торжества его сплава.

Самый сплав бывает различный, в зависимости от количества и быстроты таяния снегов: если снегов немного и таяние идет медленно вследствие морозных ночей, то воды в реке будет мало, и тогда предстоит самый трудный сплав – караван нагрузится далеко не полным грузом, и для подъема его всё же хватит воды, которая будет выпущена для поднятия уровня реки из запасного водоема – пруда Ревдинского завода. В этом случае караван не может медлить ни одного часа, даже минуты, и тотчас же за спуском воды из пруда двигается в путь; в противном случае он легко может обмелеть и застрять не только где-либо в пути, но даже не выйти из гавани, где суда грузятся в ожидании сплава.

Если же снегов много, таяние их идет дружно, то предстоит более легкий сплав, по так называемой «коренной» воде, то есть без помощи запасов из ревдинского водоема, который в таких случаях сохраняется.

Когда Чусовая, под напором быстро устремившихся в нее горных потоков, вздуется и, взломав свой лед, станет прибывать, баржи быстро сталкиваются в гавани и столь же быстро нагружаются, причем, в случае малой прибыли воды, не теряется буквально ни одной минуты: недаром сплавщики называют Чусовую – Часовой. Баржи нагружены и стоят на канатах и цепях.

Но вот – закончены все приготовления. На берег высыпало буквально всё село: стар и млад; появился крестный ход из сельской церкви, и под немудреное пение церковного импровизированного хора сельский батюшка служит напутственный молебен. С берегов в это время гремят салюты из деревенских самопалов и заводских пушек, коими завладела молодежь.

По окроплению судов святой водой наступает прощание отъезжающих с остающимися и наконец по команде старшего караванного начинается отвал головной баржи, на которой у руля уже стоит старший лоцман – главное ответственное лицо за целостность и благополучие всего каравана.

Отданы или перерублены чалки, заброшены лоты – те чугунные бабы, что волокутся по дну реки на канатах и цепях за судном, и первая баржа вступает в стремительный поток, который, с бешенством, кружась и пенясь, мчит свои мутные волны, сплошь усеянные обломками льда и всякой дряни, что сорвала с берегов расходившаяся вовсю река. За первой баржей выступает из гавани вторая, и так все по порядку, пока весь караван не скроется за первым поворотом реки из глаз собравшейся толпы сельчан, шлющих прощальные приветы пловцам.

В былые годы, когда не знали применения спасательных лотов, караван устремлялся в реку с невероятной быстротой и несся, как птица на крыльях. И много надо было умения, силы воли, крепости духа и знания фарватера, чтобы с помощью одного кормового руля да десятка такелажных неуклюжих вёсел-потесей справиться с мчавшимся навстречу камням и горным утесам, по крутым извилинам реки судном. Малейшая оплошность, неверное движение реки на руле, мало-мальски запоздалый поворот или забытый камень на дне реки, и пятнадцатитысячепудовая баржа разбивалась, как ореховая скорлупа, и гибла со всем своим грузом и десятками людей.

Теперь этой степени опасности нет – ряд тяжелых лотов волочится по дну реки, и мало-мальски опытному лоцману не стоит столь большого труда направлять баржу по фарватеру, умерять ее ход в наиболее опасных местах и даже совсем останавливаться по желанию. Но для этого необходимо, что называется, в зубок знать весь капризный и извилистый фарватер реки и твердо помнить, в каком месте и на какой высоте торчит под водой предательский камень, напоровшись на который тяжелая баржа неминуемо пойдет ко дну со всем своим грузом, что, впрочем, случается ныне уже в виде исключений. Лоцманы – народ очень надежный и опытный, и пока им доверяют в руки руль судна, проходят десятки лет их плавания в качестве подручных, учеников и помощников, в течение которых они изучают фарватер реки – как печь в родной своей избе.

Караван идет до Чусовского завода, где кончается горная часть реки и всякая опасность, около четырех-пяти дней и затем прибывает в Лёвшино на Каме, обыкновенно к открывающейся здесь в это время ярмарке, где часть груза распродается, а баржи догружаются полным количеством металлов, в среднем до двадцать восемь тысяч пудов, и затем следуют уже по Каме почти без всяких приключений, причем путь совершается до Лаишева, где тоже бывает в это время железная ярмарка, ныне, впрочем, совсем упавшая после рождения синдиката «Кровля», и где распродавалась тоже часть товара и все деревянные надстройки на баржах, а также и часть судов – на дрова и строительные материалы, после чего караван следует в Нижний, к Макарию, вниз и вверх по Волге, уже за паровыми судами.

Вся поэзия сплава по Чусовой состоит, кроме необычной для туриста обстановки, в возможности любоваться в течение почти пяти дней редкими

по красотам берегами реки, причудливыми скалами и обрывами, нависшими над тонкой лентой ее русла. Нет слов, нет красок для описания дивных видов на реке, которые, как в калейдоскопе, с поразительной быстротой сменяют один другой, а очарованный путник в немом восторге не может оторвать от них своих глаз. Река вьется почти всё время своеобразным коридором, стены которого состоят из причудливейших скал, обрывов, покрытых вековыми соснами и другой растительностью. Часть берегов совершенно неприступна со стороны реки, и не найдется даже такой кошки, которая взобралась бы на эти отвесные кручи, сплошь состоящие из серого камня, гранита и валунов. Скалы и обрывы поминутно принимают самые причудливейшие образы: то вы видите перед собой каменные гряды, беспорядочно нагроможденные друг над другом, то появится стена неприступной крепости, то мелькнет подобие какой-то неясно очерченной, как бы человеческой, фигуры, которая многими и принимается действительно за гигантские изображения древних идолов, то мелькнет в выси ряд утесов, а в них пещеры, среди которых одна особенно привлекает внимание путника – в ней, по преданию, ночевал знаменитый Ермак Тимофеевич, лихой покоритель Сибири, прошедший со своими воинами всю Чусовую.

Баржа идет так быстро, что путник не успевает насладиться вполне видом, как на смену ему плывет уже другой, и, по обману зрения, кажется, что баржа стоит на месте, а навстречу ей движется сменная, как на ленте кинематографа, панорама берегов реки. По пути попадаетесь немало причудливых островков, с торчащими ввысь огромными скалами и валунами – это самые опасные места, и не одна баржа разбилась здесь во времена оны, поглотив в остве своем десятки человеческих жизней.

Тишина на реке стоит полная, ничем не нарушаемая, кроме окриков лоцмана да своеобразного лязга цепей и лота, прыгающего в воде по каменному ложу реки, которое теперь, в последние пятьдесят лет, вышлифовано, как грифельная доска. Оно и неудивительно. По Чусовой проходят ежегодно около сотни судов, тянущих за собой три-четыре сотни чугунных, в десятки пудов, лотов, которые по прибытии на место представляют из себя жалкие лепешки весом в несколько лишь фунтов – всё остальное стерто о дно реки. На прямом и глубоком фарватере лоты подтягиваются ближе к судну и часто оно идет лишь на одном из них, и тогда можно думать, что по дну реки мчится поезд с его своеобразным стуком колес.

Перед опасными же местами лоцман приказывает опустить все лоты на самый длинный конец и с помощью них проходит совсем тихо какой-нибудь торчащий из воды «боец».

В былые годы, когда лотов этих еще не знали, на тихих местах на палубу выползали из своих нор бурлаки и затягивали свои, им одним знакомые, песни, ныне тоже, как бурлаки, отошедшие в область преданий.

СЕВЕРНОЕ ПРИКАМЬЕ

В предгорьях Урала. Наброски карандашом

Н. Прус

От Чердыни до Верх-Язьвы

Пудьва! Этот географический термин в глазах и воображении жителей чердынского края окружен каким-то ореолом таинственности и даже, могу добавить, чудесного. С представлением о Пудьве неразрывно связывается представление о раскольничьих скитах среди дремучих лесов, о беглых, о старцах, изготавливающих там фальшивые деньги, и о многом другом... Рассказывают, но как-то неопределенно, о целых обозах, направляющихся в Пудьву по зимнему пути, по проторенным среди лесов дорожкам, обозам, идущих из Нижнего, из Москвы с обильными дарами от тамошних богатеев, представителей раскольничьего мира. Много говорят в Чердыни о Пудьве, но говорят неясно, не со слов очевидцев, а так, по слухам.

– Скиты там в лесах понастроены, в таких потаенных местах, что, не знаючи, ни в жизнь не доберешься, – рассказывают чердынцы. – Леса большущие, места глухие, речки да горы, есть где укрыться-то. Деревень мало, живут в них пермяки, и те все в раскол ушли. Вокруг самой Пудьвы-то, в лесах, скитов множество, а в Пудьве у них молельня поставлена, всё больше в ней бабы да девки делом руководствуют. Иные богатые чердынцы, которые, значит, их вере подвержены, себе дома в Пудьве выстроили да туда на старости лет и уходят жить. Большие есть у пудьвенцев покровители из самых богатейших раскольников, есть и в Питере, и в Москве, и в Нижнем, и страсть сколько им денег отваливают. Сам Бугров, сказывают, обозы со всячиной им посылает.

Но кроме рассказов есть слухи, что на Пудьве занимаются выделкой денег из пильвенского серебра, а также готовят и фальшивые ассигнации, что там укрывается масса беглых мошенников и т. д.

Конечно, не эти фантастические рассказы служили для меня толчком для посещения Пудьвы, а желание увидеть воочию еще мало тронутую нашей культурой девственную природу севера, непроходимые лесные дебри, вершины нашего милого Урала, убранные сверкающим чистым снегом, послушать журчание горных речек, с холодной кристальной водой, помечтать под шепот смолистых сосен и, наконец, отдохнуть от лжи и условностей городской жизни среди простых и доверчивых обитателей лесных деревень.

Хотелось отдыха усталым нервам, и всей душой потянуло на необъятный простор гор и лесов, и в виде прощания хотелось сказать обитателям душных городов словами Гейне:

*Ухожу от вас я в горы,
Где живут простые люди,
Где свободный веет воздух
И дышать просторно груди...*

*В горы, где темнеют ели –
Шумны, зелены, могучи,
Воды плещут, птицы свищут,
И по воле мчатся тучи.*

И целью своего путешествия я на этот раз избрал таинственную Пудьву, деревеньку в предгорьях Урала, в Чердынском уезде Верх-Язьвинской волости.

Свои наброски я начну прямо с Чердыни, этой древней столицы Биармии. Но описывать природу и внешний вид города я считаю излишним: всё это делалось не раз разными туристами и повторяться я не желаю. Относительно обывателей Чердыни скажу одно: спят они непробудным сном и просыпаются лишь для игры в винт и, в виде развлечения, для маленького скандалчика в клубе. Ничто их не интересует, ничто их не волнует. «К добру и злу они постыдно равнодушны» и далее своих мелких делишек покуда не идут. Они никуда не торопятся, никуда не спешат, а потому местное земство перестало заботиться о поправке для них своих когда-то прекрасных дорог. Прошлыми судьбами своего исторического края они также не интересуются, а потому то же самое земство махнуло рукой на свой археологический музей, созданный здесь стараниями бывшего инспектора народных училищ господина Борисова. Совсем безнадежна чердынская интеллигенция, и земство вправе махнуть на нее рукой. Вот про купечество нельзя сказать то же самое: оно не спит и... удит рыбку в мутной воде. Зато земство к нему благоволит: провело для его удобства тракт на Якшинскую пристань на Печоре. Большое это удобство для чердынского купечества, давно оно хлопотало о дороге для перевозки своих товаров, да всё безрезультатно: не хотела казна для них своих денег тратить, а своих бросать им не хотелось. Большие они терпели от этого неудобства: возили свой товар по разным мелким лесным речкам, перетаскивали его через волоки, тратили массу лишнего времени и денег. Впрочем, последние-то им с избытком возмещали обитатели печорского края, их многолетние данники. Но вот земство, проникшись жалостью к культурутрегерам печорского края, провело для них тракт до самой Печоры. Теперь милости просим, господа Алины, Черных etc, катите себе на колесах без помехи ваши товары и благодетельствуйте диких обитателей Печоры. О дороге не хлопчите: земство исправит и починит ее и мосты везде соблюдать будет – заботливое ведь оно, земство-то, догадливое. Оно, господа купцы, надеется, что с трактом в этот край просвещение придет. Да оно уже пришло: появились гармоники, спинжаки, табак и водка...

Но, однако, как ни хороша Чердынь, ее обитатели, купцы и земства, а всё-таки:

*Ухожу от вас я в горы,
Где живут простые люди...*

Под несмолкаемый звон колокольчиков, на паре лошадей, в обычном здесь коробке, покати по земскому тракту в направлении к Верх-Язьве. Первая станция – село Губдор в двадцати трех верстах от города. Дорога и погода чудные. Конец мая – и мощная зелень берез и придорожных кустов развернулась во всей красе. Тракт носит следы бывшего, к сожалению, только бывшего, благоустройства. Теперь он только кое-как поддерживается, а не устраивается. Когда кончился город, перед моими глазами развернулся чудный вид на долину Колвы, на леса, на великолепный Полюдов камень, этот синий страж Урала. Затем тракт спустился в долину и с обеих сторон пошел лес, лиственный у дороги и хвойный в глубине. Быстро докатили до реки Вишеры, у местности, называемой «Рябиновой перевоз». Здесь предстоит переправа на перевоз на тот берег Вишеры. На реке стоит железный караван с Кутимского завода. Караван нынче немногочислен и скоро сплавится вниз. На берегу довольно оживленно: кучками расположились ухватчики – рабочие, долженствующие ловить мимо плывущие плоты, иногда с одним только человеком, а иногда и совсем без людей.

Как раз такой плот с одним только мужичком показался против перевоза.

– Имайте, Бога ради, меня! У меня в городе другой плот насел! – отчаянно кричит сплавщик, и на его крик несколько ухватчиков бросаются к лодке и подплывают к плоту.

Эти плоты плывут с самых верховьев Колвы и ее притоков. Здесь они счастливо вместе и в увеличенном виде сплаваются, уже с народом, до Перми, где уже с пароходом они доплывают до места своего назначения – Царицына.

Наконец я дождался паузка – паром ввиду большой воды пока не ходит, – и на него с большим трудом, при громких криках и ругательствах, введены лошади с коробком. Перевозчики сели в весла, и мы начали медленно подниматься сначала вверх по Вишере. Не успели мы отъехать до середины реки, как вновь к тому же берегу, с которого мы отъехали, подкатила новая пара, и, таким образом, гребцам предвиделась новая поездка.

– Ныне и отдыха мы не знаем, – жаловались они, – а земство нам не прибавляет. День и ночь работаем, в дождь, а иногда и в снег, семь месяцев, а получаем сорок восемь рублей.

За перевозом тракт на несколько десятков сажен затоплен водой, и до сухого места мы добрались с большим трудом. Дальше дорога пошла опять лесом, и наконец я добрался до Губнора, довольно мрачного села, без реки. От Губнора я должен был свернуть с главного тракта и сразу углубиться на восток, в леса.

Эту дорогу земство содержит прескверно. Ямы и выбоины на каждом шагу, а в довершение всего на самой середине дороги, и без того неширокой, навалены кучи камня для ремонта, так что приходится съезжать в самую канаву.

Первое встречное село – Язьва, на берегу реки того же имени. Река Язьва впадает в Вишеру и имеет ширины до пятидесяти сажен. Она довольно глубока, и весной пароход может добираться до самой Верх-Язьвы. Река эта имеет громадное значение в здешнем крае: по ней сплавляется громадное количество строевого леса, который рубится в верховьях ее. Кроме того, река эта очень изобилует рыбой, особенно язями, которые здесь достигают поразительной величины.

В Язьве снова ждал нас перевоз такого же примитивного устройства, как и вишерский, и снова звон бубенчиков начал будить эхо придорожных лесов.

Здесь уже началось настоящее царство леса, могучего, высокого, уходящего в неведомую даль. Могучие сосны в полтора-два обхвата стояли стеной по обеим сторонам дороги и тихо и жутко было под их непроницаемой сенью. Около дороги валялось, почти на всём ее протяжении, великое множество срубленных и поваленных великанов.

– Вот ведь сколько лесу-то зря гибнет, – обратился ко мне ямщик, – а туды-то, в лес-то, зайдешь, так диву даешься: сажен по десять, по двенадцать лежат деревья и гниют. А пользоваться ими нельзя: лесничий да объездчики сразу протокол останоят, по судам затаскают, в разор разорят. Я вон лони попробовал утащить палое дерево, да штрафу заплатил восемь рублей и едва в тюрьму не попал!

Снова раздвинулся лес, и перед нами предстала деревенька Ябурово в восемнадцать дворов. С этого пункта открывается дивный вид на Помянёный камень, отрог Урала. До этого камня от Ябурово по прямой линии верст двадцать – двадцать пять, и он виден весь со своими причудливыми вершинами, со сверкающим снегом во впадинах.

Гордо возносятся навстречу голубому небу эти прихотливые вершины и отдельные скалы в виде то столбов, то пирамид, то острых пик, рельефно выделяются на голубом фоне. Вместе с горами и сам как бы приближаешься к небесам. Простым глазом видно, как зеленая полоса лесов кончается, начинается серая масса известняка, кое-где, в углублениях, покрытая пятнами сверкающего белого снега. От самой Ябурово до подножия камня идет непроницаемая стена хвойного леса. Воздух чист и ароматен. Насилу отрываюсь от этой величественной картины и продолжаю дальнейший путь. Снова лес поглощает нас, и снова он расступается перед деревенькой Бычиной на берегу той же реки Язьвы.

В деревне Бычиной живут совершенно обруселые пермяки, забывшие язык своих предков и окончательно ассимилировавшиеся с русским населением. Это последняя русская деревня. Дальше пойдут настоящие пермяки. Но всё же у местных жителей сильный пермяцкий акцент, и слова они сильно растягивают. От пермяков они сильно открепщаются и на вопрос о своей национальности заявляют с гордостью:

– Мы по-перемски не говоримса, а которые верховцы говорят по-перемски, а мы русские.

В Бычиной, как и в селе Язьва, чердынские купцы строят баржи и местное население имеет хороший и верный заработок при постройках и при рубке леса. Заработок этот был бы еще больше, если бы купцы не заставляли

рабочих покупать товар обязательно у них и если бы не практиковали выдачу заработка в большинстве случаев товарами.

В Бычиной я совершил новую перепряжку и поехал уже прямо в Верх-Язьву. Через шесть верст от деревни мрачный лес кончился и мы поехали параллельно Язьве лугами и полянами.

Ямщик, добродушный пермяк, хотя и не желающий признаться в своей национальности, обратил мое внимание на земляной вал около речки Карнышки, поросший лесом и оканчивающийся стрелкой.

– Вот здися как-то люди годов с десяток наезжали и че-то копали, клад, бают, искали.

Действительно, на валу виднеются довольно глубокие ямы.

– Бают, – продолжал ямщик, – чудачки здися жили раньше. Мы часто в земле находим железные топоры, на манер лопаты, не как нонича.

Рассказы о чуде здесь многочисленны и следы ее пребывания попадаются довольно часто.

Теперь мы ехали по берегу Язьвы и могли убедиться, что вода за ночь прибыла на целый аршин.

– Снегу еще дивно в пармах, – объяснил ямщик, – и на Помянённом его много. Язьва-то много в себя рек берет. Горная ведь она река-то.

Наконец вдали, на высоком берегу, показалась и цель нашего путешествия – село Верх-Язьва.

От Верх-Язьвы до деревни Дёминой

Местность, на которой расположено это село, является тем очаровательным лесным предгорьем, которыми изобилует чердынский край. На фоне роскошного лесного пейзажа брошено несколько изб, церковь и дома пришлых торговых людей и лесопромышленников, проникших сюда уже около десяти лет тому назад и собирающих обильную жатву с природных богатств и детской доверчивости аборигенов края.

Собственно, само село Верх-Язьва состоит из пятнадцати дворов, из которых только три принадлежат коренным жителям, а остальные пришлому эксплуатирующему элементу: покупающему, продающему и леса рубящему. Но вокруг самого села расположено несколько деревенок, очень близко подошедших к селу и в настоящее время составляющих с ним одно целое. Село расположено на высоком холме, у подножия которого мчится река Язьва с одной стороны и речка Шудья, приток ее, с другой. За рекой идут луга, отдельные рощицы деревьев, переходящие потом в сплошной лес, убегающий за линию горизонта. С другой стороны тоже леса, а за ними синеет своими башнями Помянённый камень. Воздух необыкновенно чистый, прозрачный, напоенный ароматом распустившихся березок и смолистым запахом пихты, сосны и ели.

Село служит центром лесопромышленной деятельности всего бассейна реки Язьвы. В особенности много плавится леса по реке Шудье, которая протекает среди еще сохранившихся здесь строевых лесов. На устье Шудьи, около самого села Язьва, устроена «гавань» для ловли спускающегося с верховьев

леса. Гавань представляет из себя толстый канат, протянутый с одного берега на другой и не дающий возможности переплыть через него лесу, которого здесь скопилось великое множество. Я застал самое горячее время гонки леса. У главного здешнего лесопромышленника господина С., переселившегося сюда из Вятской губернии, гонкой леса было занято до двухсот рабочих.

Так как по здешним небольшим речкам нет возможности сплавать леса на плотах, то сплав производится «мольем», то есть по одному бревну. Срубленный на местах лес прямо сталкивается в речки и плывет по течению до «гавани» в селе Верх-Язьве. Разумеется, большое количество пущенного на свободу леса застревает на берегу, и лесопромышленники должны нанимать целые артели рабочих, обязанность которых заключается в сталкивании застрявшего леса в речку на течение. Рабочие с баграми, в лодках, а иногда и пешком направляются в верховья речек и начинают постепенно спускаться, сталкивая все встречающиеся на пути бревна. Торжественно молчаливая пустыня в эти дни оглашается криками, песнями и руганью рабочих, эхо гулко передает эти звуки в лесу, и обитатели его: белки, тетерева, глухари, рябчики – с испугом прячутся в самые глухие дебри. Но кончается сплав, и снова торжественная тишина воцаряется под сводами лесных великанов, и снова кристальные воды речушек игриво мчатся по переборам, никем не замутненные и не оскверненные.

Когда бревна достигают более широкого водного простора реки Язьвы, то из них начинают плотить плоты, то есть соединяют их вместе и связывают канатами из ивового кустарника, специально для этой цели изготавливаемыми. Канаты эти отличаются замечательной крепостью и не разрываются, несмотря на громадное трение во время пути. Плоты же, как я упомянул в первой главе, спускаются или без людей, или с одним человеком до такой местности, где располагаются ухватчики, которые хватают их и счаливают в один общий большой плот, носящий название «матка». Эта матка при помощи рулевых доплывает самостоятельно до Усоля или до Перми, где дожидается ее пароход, с которым она спускается вплоть до своего назначения, обыкновенно до Царицына. Путешествие продолжается месяца два и более. На матке рабочие ставят целые избушки, которые лесопромышленниками с большой выгодой продаются в низовых городах.

Насколько тяжел и рискован сплав на маленьких плотах, настолько же он спокоен и безмятежен на матке, идущей за пароходом. На небольших плотах рабочие обыкновенно выбиваются из сил от постоянной работы рулем и положительно надрываются, когда плот садится на мель или наталкивается на берег. Иногда нет никакой возможности снять его с мели, и несчастные рабочие, выбившиеся из сил, бросают его и лишаются половины своего заработка. Обыкновенно плот стаскивается ухватчиками или пароходом. Но это возможно только в том случае, если вода не слишком сбыла и плот не слишком обсох; если же упущено время, то плот должен дожидаться следующей воды, когда его снесет прибылой водой. При этом, конечно, деревья много теряют в своих качествах и утрачивают свою ценность.

Но зато обстановка плавания на матке прямо отдает идиллией. Вместо рулей на конце матки прикреплены на толстых канатах чугунные лоты

громадного веса, не дающие возможности матке колебаться из стороны в сторону и придающие ей большую устойчивость. Вследствие этого рабочим не приходится затрачивать сил на греблю, и вся обязанность их заключается в присмотре за целостью канатов и скреп. Досуга сколько угодно. Погода в большинстве случаев в месяцы сплава прекрасная. Громадный плот движется очень тихо, почти наравне с течением, и в жаркие дни рабочие всё время купаются около своих плотов. Если встречается на пути город, то съезжают в легких лодках, делают нужные закупки и быстро догоняют плоты. Ночью разводятся костры, греются чайники, поют песни или просто любуются широким водным пространством, звездным небом и разноцветными огнями встречных пароходов. Настоящая идиллия. На матку рабочие идут с удовольствием и отдыхают на ней всем существом.

Но, однако, читатель, мы должны оставить матку, а то вместо Пудьвы и лесов угодим в Царицын, что совершенно противоречит и нашему маршруту, и намерениям отдохнуть среди лесов и бесхитростных, простых людей. А потому посмотрим, как празднуют верх-язьвинцы семик.

– Пойдемте на кладбище, там сегодня интересные сцены можно увидеть, – предложил мне один из немногочисленных здешних интеллигентов – земский фельдшер.

На кладбище, расположенном сзади села, мы застали оживленную толпу пермяков и пермячек в национальных костюмах: мужчины в белых, домашнего изготовления рубах и штанах, а бабы в синих сарафанах, в цветных рубашках, с обязательными кокошниками на головах и с котами на ногах. Толпа, оглашая воздух пермяцким говором, бродила среди могил, усаженных елочками. На каждой могиле лежала кучка крашенных яиц, пироги из нечищенной рыбы, целиком запеченной в тесте, бураки с брагой, тарелки с пельменями и ясники. Могилы обходит священник с причтом и служит, где его попросят, панихиды. В одном месте плачут, в другом, усевшись на могилу родственника, выпивают и закусывают, оживленно болтая на пермяцком диалекте. Много совершенно пьяных. А вот одна баба, выпив полбурака браги, выливает остальное на могилу своего мужа и что-то при этом приговаривает.

– Что она делает? – спрашиваю я своего спутника, владеющего местным наречием.

– А это она угощает своего покойника: я попила, и ты покушай. Она ему и еды оставит на могиле, в полной уверенности, что он ночью всё съест.

Угощают всех проходящих. Вон уже веселая пермячка предлагает свой бурак какой-то старухе с огромным рогатым кокошником на голове. Она мешает русскую речь с пермяцкой.

– Ю, ю (пей, пей)! – говорит она старухе.

Но та брезгливо отказывается.

– Ты разве староверка?

Старуха оказывается староверкой и не хочет поганиться из «мирской» посуды.

Надо заметить, что очень большая часть здешних пермяков под влиянием пудьвенских старцев перешла в раскол. Этому способствовало и то обстоятельство, что священники, назначаемые в Верх-Язьву, далеко

не стояли в высоте своего высокого призвания, смотрели очень легкомысленно, что вверенная им паства начинала внимательно прислушиваться к учениям пудьвенских проповедников. Эти последние имели большой успех, и почти половина волости изменила православию.

Главным занятием и подспорьем в жизни для здешних пермяков до открытия Кутимского завода была охота и отчасти земледелие. Но открытие завода совершенно изменило картину. Через Верх-Язьву открылся путь на завод, потянулись туда обозы, понадобились возчики, и так как первое время плата за извоз была большая, то многие пермяки превратились в извозчиков и забросили охоту. Потом проницательный взор лесопромышленников обратился на местные лесные богатства, на удобство их эксплуатации при наличии сплавных рек, и началась жестокая рубка леса. Звери и птицы отошли в более спокойные места, и охота не стала уж столь прибыльной, каковой она была раньше. Но кроме лесных богатств верх-язвинский край оказался изобилующий травой, которую великолепные луга реки Язьвы дают во множестве. Прежде на это не обращали внимания, так как сено сбывать было некуда. Но завод потребовал его в огромном количестве, и потянулись туда обозы с сеном. К сожалению, богатейшими лугами, расположенными в казенных местах, воспользовались не местные жители, а ловкие авантюристы, быстро сообразившие всю выгодность дела и скупившие на торгах все луга. Верх-язвинцам досталась только перевозка сена до завода. Пришлые авантюристы, настроившие в Верх-Язьве дома и лавки, начали внимательно высматривать и вынюхивать, нельзя ли еще чем попользоваться, и вскоре убедились, что местный край богат также и ископаемыми богатствами, пожалуй, не в меньшей степени, нежели пресловутый вишерский край. Здесь, как и на Вишере, началась «железная горячка».

Присутствие железной руды констатировано здесь еще в сороковых годах прошлого столетия. В нескольких саженьях от села Верх-Язьвы, на самом берегу реки, и в настоящее время можно узреть целый холм, уже поросший мелкими елочками и состоящий из добытой и сваленной железной руды. Видимо, добыча руды здесь когда-то производилась и сплавлялась она в низовья. Местные старики передают, что добывали ее в старину Всеволожские и доставляли на свой завод, но потом почему-то забросили здешние рудники.

Этих признаков было вполне достаточно, чтобы начались самые основательные разработки. Вскоре весь здешний край «застолбился» заявочными столбами. По пути делались и другие открытия. Так, например, по реке Молмыс найдены несомненные признаки платиновой россыпи. Заявки начали перепродаваться из одних рук в другие. Но за последние годы горячка эта стихла, так как несколько вишерских предприятий потерпели фиаско, а главным образом с промышленностью у нас на Руси стало тихо.

Но зато эксплуатация лесных богатств идет вовсю, и лесопромышленники делают здесь большие дела.

Под влиянием вторжения в верх-язвинский край новых элементов совершились большие перемены и в условиях жизни местных аборигенов. Превращенная простота отношений, созданная условиями охотничьей жизни, исчезла, а на место ее явились неизбежные спутники цивилизации: обман, пьянство,

воровство, сапоги со скрипом, гармоника, разврат etc. Но к счастью, это только вблизи села, а что же касается далеких, заброшенных в глубь лесов деревушек, то нравы там сохранились еще старые, дедовские. Там еще живут той простой жизнью, где обману и разврату нет и не может быть места. Но увы, авантюра начинает проникать и туда, и нет сомнения, что в недалеком будущем «цивилизация» восторжествует и там.

В Пудьве

Мрачная парма на минуту прервалась, и мы вышли на возвышенность, с которой открывался далекий вид на окрестности. Белая ночь царила над пустыней. С беззвездного неба лился мягкий, белый свет и придавал окружающей природе своеобразный меланхолический отпечаток. Вокруг нас чернела парма. Она спускалась в долины, поднималась на холмы и уходила так далеко, как только мог видеть глаз человека. Внизу, среди леса, змейкой извивались серебряные ленточки, иные уже, иные шире. То катилась Язьва со своими притоками. Покрытые пятнами снега отроги Урала – камни Помянённый и Колчим – как бы стремились навстречу бледно-голубому небу. Они одни были свободны от ошетилившейся пармы, которая дерзала было покорить и их, но, не добравшись и до середины гор, поредев и измельчав, исчезала. Там наверху было царство камня, мха и снега. Торжественная, ничем не нарушаемая тишина царила окрест. В своем девственном уборе пустыня была чудно прекрасна в эту белую ночь. Это не сладострастная прелесть, напоенная ароматами теплой южной ночи, во тьме которой рокошет и заливаются соловей, нет – это спокойная, холодная, но в то же время величественная красота севера, та красота, которая покоряет и возвышает и при созерцании которой мятежный дух человека стремится стать чистым и ясным, как чист и ясен этот снег на отрогах Урала...

Поддавшись обаянию развернувшейся перед нами картины, мы с Максимом Леонтьевичем остановились на минутку.

– Ликося, как баско! – воскликнул он, указывая на окрестности широким жестом руки. – Шибко баско у нас в пустыне-то, молись только да спасайся!

Спустившись немного, мы расположились около холодного родничка, ключом бьющего из-под камня, развели костер и повесили чайники. Мы благодумствовали, тем более что комаров было очень мало: их отгоняла прохлада от родника.

– Шибко вредит скоту и людям этот гнус, – говорил мой спутник про комаров, снимая чайник и наливая горячую влагу в чашки. – Ты слышал, как они появились на свете – комары да мошки?

– Нет, расскажи, Максим Леонтьевич.

– Вишь ты, как это было-то. Сотворил, значит, Господь землю, а дьяволу стало завидно, что его туды не пускают. Вот он и просит господа: «Подари Ты мне хоша десятинку», а Господь не дает. «Ну хоша аршин». Не дает. Говорил-то он, значит, не с самим Богом, а с анделом. Ну позволь, говорит, хоть перстом в землю ткнуть. Ну, анделу жалко стало дьявола, уж больно он слезно молил

его, да и вреды он от перста не видел, ну и позволил. Дьявол ткнул свом поганным перстом в землю, а оотуддова и полетел разный гнус: комар, мошка, паут. Андел испужался, схватил головешку и заткнул дыру. С тех пор и развелись комары да мошки, и только в одном дыму от них спасение.

Много интересного передал мой словоохотливый путеводитель относительно жизни в лесах. Более тридцати медведей убил он на своем веку, не раз находился на волосок от смерти, но благодаря своей находчивости избегал опасности.

– Нонича только мало стало здися звирья: людно стало, по зимам лес руддбят, а летом сплав идет, крики, шум, а звирь и птица шибко этого бояться и уходят далеко от наших мест. Раньше рябка-то здися серо было, а таперича одва-одва в день пар пять наколотишь. А раньше, старики помнят, так в деревню рябки на крыши садились. А ты слышал про рябчика, пошто он такой малый ростом?

– Нет. А почему?

– А это, вишь ты, какое дело было. Спервоначалу-то рябчик был матерушший, боле чем нонешний глухарь. Ну, вот хорошо. Только раз по парме ехал на лошади Спаситель, а рябчик-то вылетел из кустов и зафуркал крыльями. Лошадь испужалась и уронила Спасителя. Спаситель-то и бает рябчику: «Будь ты величиной только со свое сердце!» А остальное мясо он разделил на глухаря, тетерева и куропатку. Так с той поры и пошла эта птица, а рябчик сделался махоньким.

Напившись чайку и отдохнув, мы снова углубились в парму и на восходе солнца достигли поместья крестьянина Пьянкова.

Более тридцати лет тому назад крестьянин из Усть-Боровой, некий Пьянков, со своей женой и маленькими детьми, страшно бедствовавший до того времени, решил покинуть свою родину и поискать счастья в парме. С родины он вывез только несокрушимое здоровье, энергию и желание работать не покладая рук. Его внимание привлек на себя здешний уголок, расположенный на обширном, поросшем лесом холме, с маленькой речушкой, быстро скачущей по камням у подножия холма. Пьянков сразу оценил всю выгоду местоположения и горячо принялся за работу. А труд ему предстоял прямо геркулесовский: надо было освободить от леса место для избы и поля и расчистить внизу луг. Но энергии у Пьянкова и его жены была масса, и эта чета принялась за свою гигантскую работу.

Прошло тридцать лет неустанного труда, и чета Пьянковых в настоящее время пожинает плоды своей неустанной деятельности. Местности не узнать. Там, где раньше была сплошная тайга и болота, теперь видно заботливо возделанное место. Большая поместительная изба, из прекрасного строевого леса, разделенная, по северному образцу, холодными сенями на две части – клеть и жилое помещение, высится на холме. К избе примыкают обширные хозяйственные пристройки: скотный двор, сенник, погреб. Все постройки основательные, богато крестьянские, свидетельствующие о зажиточности хозяев. За домом идут прекрасно возделанные поля, с богатой озимью. Лес отступил от избы на несколько сотен сажен. Внизу зеленеет луг, на котором виднеются стога еще с прошлогодним сеном. Словом, там, где Пьянков застал

тридцать лет тому назад дикую, непроходимую тайгу, теперь можно видеть культурно возделанную местность.

Хозяина и всю его семью мы застали за столом. Сам Пьянков теперь представляет из себя маститого старца, убеленного сединами, с наружностью патриарха. Старческие глаза его хоть и слезятся, но ясны, как у юноши. Он приветствовал наш приход и пригласил к столу. Жена его, могучая старуха, поразила меня своим властным видом. Главой обширного хозяйства за последние годы является она и, надо отдать ей полную справедливость, умеет держать в ежовых рукавицах и старика-мужа, и многочисленных сыновей, с виду настоящих богатырей, каких только может вырастить вольный воздух пармы. Правит она в своем царстве с помощью нагайки, которую я имел удовольствие усмотреть на стене.

Доходы и заработки этой семьи очень и очень не малы. На одной заготовке леса, при наличности семи лошадей, они в эту зиму заработали шестьсот рублей. Кроме того, рублей на пятьдесят настреляли рябчиков. Немалый доход они получают от богомольцев, идущих в Пудьву на местный праздник в Троицын день. Поместье Пьянкова расположено как раз на пути следования в Пудьву, и все проходящие останавливаются здесь для подкрепления сил и, конечно, приносят хозяевам немалый доход.

Я с удовольствием провел несколько часов в семье Пьянкова и мог наблюдать, как распоряжалась своим хозяйством старуха. Детей у ней, в возрасте от тридцати до девяти лет, целых восемь человек, а считая женатых и семейных сыновей, число ее подданных перевалит за пятнадцать. Тотчас после обеда она малышкой направила в огород полоть траву.

– Да вы, варнаки, не бегайте! – властно крикнула она им в виде напутствия. – А то я вас! Нагайку-то знаете! Смотрите у меня, сволочи!

Мне она жаловалась на своего старика:

– Делить он хочет сыновей; лошадей и всё хозяйство ладит им на руки сдать, да я не допускаю. Знаю я их: сразу же ихние молодухи из моей воли выйдут, а теперь я госпожа.

Она очень довольна, что в свое время переселились они сюда. Вспоминает про массу труда, вложенного в хозяйство:

– Ровно богатырь Антипа мы с мужем работали. Думали, пропадем в парме-то, а вот Господь оценил наши труды.

Семья эта всё для нее потребляемое выдвывает своими руками и почти ни в чём со стороны, за исключением пороха и охотничьих припасов, не нуждается.

Полюбовавшись этой мужицкой идиллией, мы двинулись дальше и верст через семь достигли наконец Пудьвы.

В замечательно живописной местности заброшена эта деревенька, служащая центром раскольничьего мира Чердынского и Соликамского уездов. Природа здесь щедро рассыпала свои главные украшения: быстрюю горную речушку, шумно пенящуюся по «дну из камней разноцветных», лес, хвойный и лиственный, и отвесные скалы. Всё это перемешано в самом поэтическом беспорядке. Сама деревня состоит из шестнадцати изб и большой среди них молельни, расположенных по отлогому холму. Как избы, так и молельня

построены из прекрасного, кондового леса. Вокруг деревни небольшая полоса возделанных полей, замыкающихся неоглядной пармой.

Редко, очень редко видят пудьвенцы посторонних «мирских» людей на единственной улице своей деревушки. Да и эти редкие гости в большинстве случаев доставляли им одни неприятности: приедут, опечатают часовню, еще накурят в ней, отберут у начетчиков «староотеческие книги», погрозят судом и исчезнут. Поэтому вполне понятно то недоверие и то недоумение, с которым я был встречен в Пудьве. К счастью, Максим Леонтьевич постарался объяснить обывателям, что ничего опасного для них в моем посещении нет. Но всё-таки окончательно недоверия я рассеять не мог, и в разговорах со мной пудьвенцы были очень и очень осторожны. Они не столько отвечали на мои вопросы, сколько задавали мне свои.

– Ты не по рудной ли части сюды приехал? А может быть, леса ладишь заготовлять? Ты уж не обижай нас, а то верх-язьвинские лесопромышленники с нами шибко нехорошо обходятся, обсчитывают нас супротив ряды.

На вопросы, как живется им, они разливались в жалобы, сквозь которые сквозило желание скрыть настоящее положение дел от постороннего лица, Бог весть зачем попавшего в здешнюю глушь.

Заселилась Пудьва гонимыми раскольниками, бежавшими сюда из разных мест России. По рассказам стариков, особенно много (семей до двадцати) бежало в здешнюю парму в сороковых годах прошлого столетия. Многие из этих семей положили основание многочисленным скитам, разбросанным в настоящее время в окрестных лесах. Здесь раскольники нашли себе вполне безопасный приют и вскоре завели сношения и с внешним миром, то есть с раскольниками, живущими в больших городах. Многие из этих раскольников люди богатые, как, например, известный Бугров, и охотно поддерживают местные скиты добротными даяниями.

«Беспокоить» здешних раскольников начали только с конца восьмидесятих годов. Начались наезды полиции и частые опечатывания молельни. Но до скитов, запрятавшихся среди неоглядной пармы, начальство не добиралось, и там жили спокойно.

После же манифеста, объявляющего веротерпимость, пудьвенцы вздохнули свободно и теперь в один голос благословляют имя великодушного монарха.

С Максимом Леонтьевичем мы отправились в молельню, представляющую из себя высокое двухэтажное здание, низ которого занят помещением монахинь. К сожалению, мать игуменью мы не могли увидеть, так как она лежала больной. Нас встретили три добродушных на вид монахини, которые с низкими поклонами привели нас в самую молельню, представляющую из себя просторную комнату, восточная сторона которой занята была иконостасом из медных складных образков. Иконостас задергивается ситцевой занавеской, если «мирские» закуривали папироски, что прежде случалось. Эта же молельня служит и школой. Здесь монахини в свободное время обучают детей церковнославянскому чтению и письму. Но дальше этого наука не идет. Как раз я имел возможность познакомиться и с одним из учеников местных монахинь. Мальчик лет десяти, со славной, смышленной рожицей, что-то бунчал, уткнувшись в книгу в старом переплете с застежками. Я попросил его

прочсть вслух. Он, при одобрительном понукании со стороны монахинь, начал быстро, скороговоркой отмахивать, не переводя духу, целые страницы из Кормчей книги. Ни одного слова нельзя было разобрать, но монахини победоносно, с торжествующей улыбкой поглядывали на меня, видимо, гордясь бойкостью чтения своего ученика.

– Ну, о чём же ты прочитал? – остановил я мальчика-чтеца.

Он с недоумением посмотрел на меня. Я повторил вопрос в иной форме.

– Да святые слова, чё-ко ино в святой книге напишут! – ответил он наконец мне.

– Верно, паренек, верно – святые слова, – одобрили его монахини, и больше я ничего не мог добиться.

Монахини мне с большой подробностью и величайшей охотой передавали все подробности своей службы и своей трудовой службы. Фанатизма в них нет и следа. Это в полном смысле крестьянские труженицы, работающие в свободное от службы время в полях наравне со всеми крестьянками.

В самом селе я встречал нескольких старцев в камилавках и монашеском одеянии. Старцы эти приходят из соседних скитов, и в самой Пудьве их также немало.

Всё здесь просто и патриархально. Люди хотят молиться по-своему и в поте лица своего добывают хлеб насущный. Понятно, все фантастические рассказы чердынцев о пудьвенцах не имеют никакого фактического подтверждения и основаны только на подозрительных прежде сношениях с внешним миром и присылке разных «даров» от «благодетелей» из Нижнего и Москвы.

Здесьняя простота жизни, поэтическая красота окрестностей, подвижническая жизнь некоторых старцев влекут к себе сердца людей, жаждущих покоя и молитвы. Несколько обывателей города Чердыни и богатого села Покча построили себе домики и переселились сюда на жилье.

Жители, конечно, все раскольники и занимаются охотой на рябчика и белку и рубкой леса по найму лесопромышленников. Заработки очень хорошие. Сеют также рожь, которая особенно хорошо родится на подсеках, то есть на таких местах, которые удобряются золой поваленного и сожженного перед тем леса. Такое поле дает подряд три хороших урожая, а затем забрасывается, и в новом месте рубится лес и расчищается пашня. Разумеется, такой способ земледелия носит чисто хищнический характер и возможен только в этом царстве неоглядной пармы.

Посетили мы с Максимом Леонтьевичем один из близлежащих женских скитов. Хотя он от Пудьвы отстоит всего верстах в пяти, но добраться до него без проводника невозможно. Извивающаяся лесная тропинка спускается с холмов, поднимается на них, пересекает топкие болота. Целые тучи комаров облепили нас со всех сторон. Торжественное безмолвие нарушалось только кукованием кукушки. Словоохотливый спутник мой не преминул сообщить мне лесную легенду относительно кукушки.

– Эту птицу Господь наказал за непослушание. Вишь ты, дело-то как было: увидал, значит, Спаситель, в грязи горошинка валяется, и приказал кукушке ее подобрать и съесть, а кукушка-то, будь она проклята, и не послушала

Спасителя. Вот Спаситель и сказал ей: «Ты будешь куковать завсегда, и не видать тебе своего гнезда». Так с тех пор кукушки и кладут свои яйца в чужие гнезда.

Через час дошли до скита, расположенного на берегу небольшой речки и со всех сторон окруженного пармой. Небольшая молельня и три крохотных келейки, недалеко от которых виднеются несколько могил со старообрядческими крестами на них.

– Старушки тут-о-ка похоронены, – пояснил мне Максим Леонтьевич, – которые, значит, в скиту здия проживали.

А вот и сами старицы. На берегу речки мы увидели несколько старческих женских фигур в «мантях» и фуфайках. Монахини что-то усердно полоскали в речке. Нам они поклонились в пояс и пригласили в келейку закусить чем Бог послал. На пороге келейки мы увидели старца, одетого в монашескую мантию и с камилавкой на голове. Старец встретил вполне спокойно, поясным поклоном и возгласом: «Простите-ка». Встретили нас в высшей степени добродушно и угостили молоком с хлебом. Все необходимые жизненные припасы старицам доставляются из Пудьвы, а дрова ставят им сообща миром. Старушки только молятся. Собственно, такой скит, состоящий только из одних старух, играет роль и богадельни.

К сожалению, в моем распоряжении не было времени для осмотра других скитов, конечно, более интересных и самобытных.

От этого скита мы с Максимом Леонтьевичем двинулись через парму, без всякой тропы, руководствуясь исключительно компасом, к притоку Язьвы реке Молмыс, по которому предполагали спуститься до реки Язьвы. Через день пути перед нашими взорами предстал «быстро стремительный» Молмыс, шум которого нас приветствовал еще версты три до него.

Этот приток Язьвы носит уже чисто горный характер и мчится с невероятной быстротой по каменистому дну, сопровождаемый то отвесными скалами, то лесистыми холмами. Реке Молмыс в недалеком будущем суждено играть важную роль в добыче ископаемых богатств: в одном месте по ее течению найдены россыпи платины, и эксплуатация ее остановилась в настоящее время только из-за тяжелых условий, в которых теперь обретается вся промышленная Россия. Честь открытия платины принадлежит господину Вологдину, который давно изучил чердынский Урал до мельчайших подробностей и сделал немало открытий по части рудных богатств.

На берегу стремительного Молмыса мы с Максимом Леонтьевичем принялись сооружать плот, с каковой целью мой спутник срубил несколько сухостойных деревьев, которые мы наложили в два ряда и связали ивовыми прутьями. Приготовить два шеста было делом минуты.

– Ну, Господи, благослови! – перекрестился мой спутник, когда мы прыгнули на наше импровизированное судно и оттолкнулись от берега.

Быстрые воды подхватили наш плотик, и мы с такой стремительностью полетели вниз, что прибрежные скалы и кусты в буквальном смысле слова замелькали перед нашими глазами. Приходилось всё время быть настороже и предупреждать столкновения с бесчисленными камнями, попадавшими на пути. Малейшая неосторожность грозила опрокинуть наш плотик.

Но Максим Леонтьевич был опытен в таких переправах и ловко работал шестом, стараясь держаться всё время посередине реки.

На одном переборе, тянувшемся версты на четыре, Максим Леонтьевич сообщил мне весьма интересное явление:

– Вот видишь ты, по этому месту мы таперича плывем, а через месяц тут-ока сухо будет на четыре версты. Место это так и зовется – «сухое плесо». Молмыс-то, значит, дойдет до этого мыса и сразу в землю уходит, а через четыре версты опять показывается из-под земли. А вот по веснам всё течет по верху.

По словам моего спутника, таких мест по Молмысу попадаетея несколько.

Насколько здесь быстрое течение, можно судить по тому, что двадцати-верстное расстояние мы промчались всего в три часа и наконец выехали на более водный простор реки Язьвы, от села Верх-Язьва верстах в двадцати пяти выше по течению.

В это время вся река была покрыта лесом, плывущим «мольем», то есть в одиночку. Масса рабочих в лодках и с баграми в руках сталкивали бревна с берегов и оглашали окрестности песнями и крепкими ругательствами.

Здесь мы распрощались с Максимом Леонтьевичем, и я в одной из лодок с рабочими направился в обратный путь.

На север

С. С. Геммельман

Весело позванивая двумя колокольчиками, понесла меня пара «земских» по ровному тракту из Чердыни на север. Тракт этот, два года тому назад продолженный до пристани Якши на Печоре, мог бы возбудить зависть многих наших центральных губерний своим благоустройством.

Великолепный вид открывался сейчас же при выезде из города. С горы видна на громадном пространстве покрытая лесом равнина, по которой извивается голубая лента Колвы, а на горизонте врезается в небо покрытый голубовато-серой дымкой Полюдов камень.

Несмотря на то что лошади бегут бойко по ровной дороге, мой ямщик непрерывно и энергично размахивает кнутом и неистово покрикивает:

– Эй, вы, галманы!

Всего в четырех верстах от Чердыни огромное село Покча, не уступающее ни в величине, ни в обилии двухэтажных домов своему уездному городу. Село богатое, торговое, но с каждым годом значение его всё уменьшается. Район торговых операций покчинцев – печорский край. Там раньше они не знали конкурентов и, поставляя туда хлеб, соль, мануфактуру и несложные предметы печорского обихода, вывозили оттуда рыбу. Но ничто не вечно под луной, и царству покчинцев на Печоре приходит конец – теперь там явились

опасные конкуренты в лице петербургских купцов, и даже новая дорога на Якшу вряд ли даст возможность покчинцам вернуть утерянное господство на печорском рынке.

Дальше Вильгорт и Камгорт – опять два богатыря и большие сёла на берегу Колвы, живущие главным образом баржестроением. Но чем дальше на север, тем селения становятся беднее и меньше. Еще довольно большим и богатым выглядит исторический Ныроб с его гробницей и часовней над ямой, в которой более трехсот лет тому назад томился сосланный Борисом Годуновым боярин Михаил Никитич Романов.

За Ныробом становится ощутительнее близость Урала: дорога идет с горки на горку, всё время прорубленная среди бесконечных лесов, которые стоят двумя ровными стенами по сторонам дороги. После двадцатисемиверстной пустынной дистанции наконец виднеется на горе Кикус с небольшой и бедной деревянной церковью. Отсюда, с горы, опять великолепный вид на Колву; на ее противоположном берегу на открытой равнине безбрежное зеленое море леса; ровные округленные вершины осин и берез дают впечатление волн, и только остроконечные темные ели и пихты несколько нарушают иллюзию; отсюда, сверху, эти вершины кажутся настолько сплоченными и густыми, что хочется пойти по ним, как по мягкому и ровному ковру.

Солнце уже низко. Скоро оно скроется за далекими, покрытыми лесом холмами и, как ни ровна дорога, но сделанные за день семьдесят верст дают себя чувствовать, ломит поясницу, и с удовольствием думаешь об отдыхе на земской станции на своей удобной походной кровати. А завтра со свежими силами в дальнейший путь.

До Тулпана

Ф. А. Мейер

В середине зимы 1896–1897 года было освящение храма, выстроенного при материальном участии Чердынского земства в небольшой раскольничьей деревушке Тулпан. Я воспользовался этим случаем и отправился взглянуть на северный край Чердынского уезда. Из Чердыни я выехал часа в четыре пополудни, когда уже почти совсем стемнело; в воздухе было тепло; валил крупными хлопьями снег. Часов около десяти вечера я был уже в Ныробе, остановившись ночевать в церковной гостинице. Из богомольцев был только один молодой парень, из мастеровых, довольно франтовато одетый. В небольшом номере, где я поместился, стоял выкрашенный красной краской диван, по которому, вероятно, почуяв меня, бегали клопики. На одном из столов лежал песенник, на первой странице чьей-то рукой была сделана надпись: «Считал сей песенник, хорош, ей, ей! Но хозяйка же мне всего милей!» Немного ниже: «Лети мой вздох туда, где примут без труда!» Через полчаса немолодая особа,

с жеманством на городской пошиб, дочь просфорни, заведующей гостиницей, внесла чайный прибор и самовар. Утром я проснулся рано. Благовестили к утренней.

– Ты что это сидишь? Ступай в церковь, вишь к заутренней звонят! – слышится голос просфорни.

– Да, пойду я тебе на голодное брюхо молиться! Ты вот самоварик согрей, я чайку попью да закушу, тогда и пойду!

Я вышел умыться. Богомолец-эпикурец в лице вчерашнего молодого парня сидел за столом и пил чай с кренделями.

В селе Нырб в настоящее время считается до восьмисот жителей обо-его пола. Две каменные церкви, с одной общей колокольной, построенной отдельно от них. Одна из церквей выстроена в начале прошлого столетия, прекрасной, изящной архитектуры. Предание гласит, что эта церковь строилась откуда-то внезапно пришедшими мастерами и также внезапно исчезнувшими по окончании работ, что они строили днем, то ночью уходило в землю; в последний день по окончании постройки вся церковь появилась из земли. Надо полагать, что церковь построена пленными шведами. В купол церкви несколько раз ударила молния, и всё в одно и то же место: в глаз нарисованному там сатане; наконец по распоряжению архиерея не стали чинить место удара молнии, тогда она ударила несколько выше глаза. Среди икон старинного письма обращает на себя внимание изображение святого Христофора с собачьей головой, у промышленяющих охотой в большом почете; ему, как покровителю охоты, служат молебны. В Нырб стекается большое количество богомольцев, до четырех и более тысяч в год, особенно во время Великого поста. Богомольцев влечет сюда явленная икона Святителя и Чудотворца Николая и воспоминание о мученической жизни сосланного сюда царем Борисом Годуновым боярина Михаила Никитича Романова – родного дяди царя и великого князя Михаила Фёдоровича и родного брата святейшего патриарха Филарета Никитича. Михаил Никитич томился здесь целый год в земляной яме, нарочно вырытой для него; наконец здоровье его не вынесло (по преданию, он был богатырь, обладал громадной силой) и он умер в этой тесной, темной, холодной, сырой тюрьме. В настоящее время на этом месте выстроена каменная часовня с входом в подземелье; редкий богомолец, спустившись туда, не захватит горсти земли, веря в целебность ее. В церкви находятся тяжелые цепи, которыми был окован Михаил Никитич; в цепях этих многие из богомольцев молятся во время церковной службы.

Из Ныроба выехал в сумерки. Ночь была теплая, лунная. От деревни Подбобыки свернул на реку Колву, по которой идет дорога вплоть до Тулпана, изредка только, где Колва делает большие извилины, приходилось выезжать на берег и делать «прямуцу» до следующего берега. Берег Колвы от Ныроба до Тулпана не особенно высок, покрыт лесом; на этом протяжении только три высоких камня: Ветлан, Дивей и Боец, и пещера недалеко от камня Ветлан. Сношение с Печорой зимой по этой же дороге; осенью, покуда Колва не замерзнет, по крайне неудобной для проезда дороге, проложенной между деревьями реки Колвы.

Приезжаю в деревню Кикус, застаю на земской станции шум, гам; содержатель станции Трофим дерется со своей женой; тут же взрослые сын и дочь, все пьяные. Трофим – мужик зажиточный, но сильно пьет. Жена его – баба сварливая. Сын хотя женат, но жена по сварливости матери мужа живет отдельно, в другом доме. Когда Трофим доберется до Ныроба, что случается не особенно часто, так как редко кто проезжает здесь, то обыкновенно запыет дня на два, на три, оставляя лошадей на произвол; заботу о них на то время принимают на себя ныробские ямщики. При получении в Чердыни за гоньбу денег в земской управе Трофима сопровождает жена, опасаясь, чтобы он не пропил деньги. Трофим, получая деньги в присутственной комнате управы – жена его в это время находится в прихожей, – обыкновенно прячет в карман или за сапог некоторую часть из полученных денег, другую же торжественно выносит и отдает жене. Оба остаются довольны и идут вспрыснуть получку.

– Как же ты допускаешь такое безобразие на земской станции? Я напишу жалобу, и тебя управа оштрафует! – заявляю я Трофиму.

– Да пиши! Куда ни шло, рублевку пожертвую на штрах! С полевым нашим удовольствием! – тяжело переводя дыхание от драки, возражает Трофим.

– Скоро ли запрягут? – спрашиваю я через час.

– Сейчас!

– Кто повезет?

– Моя девка!

– Какая девка! Что ж ты сам или сын?

– Сын!.. вишь, пьянь. Девки лучше, у нас завсегда девки возят, да она тебя еще лучше откатит; а чтобы ей одной не было скучно, она возьмет фалетором другую!.. А там, слышь, капитан-исправник идет, я его уже повезу сам... нельзя, оно ведь, о!! начальство!.. строгое!..

Одевается везти меня дочь Трофима с подругой; дочь Трофима садится на козла, подруга ее на переднюю лошадь. В Чердынском уезде по случаю глубоких снегов зимняя упряжь «гусем»: запрягаются одна лошадь за другой, первая в оглобли, вторая же и третья впереди. Девки везут быстро, вскачь; нисколько не стесняясь, ругаются, как ямщики, сыпят отборными словечками и угощают друг друга двусмысленными шуточками.

Нравы в деревнях по Колве, начиная с Кикуса, особенно в раскольниках, весьма слабоваты. Мне рассказывал один из молодых земских врачей, что когда он в первый раз пробежал по деревням северной части уезда, то ему положительно не было прохода от прекрасного пола.

Молодых фельдшеров врач обыкновенно избегал посылать в командировку в этот край, они возвращались отсюда как тени.

В Корепине садится на козла молодой парень. Село расположено на горе, дорога идет к Колве между каких-то огородов, обрывов. Мчимся под гору. Ободранная повозка с низким верхом раскатывается из стороны в сторону.

– Да ты потише, выронишь!

– Чеинно!

– Тебе говорят, сдерживай лошадей!

– Какинно??

«Чеинно» и «какинно» – любимые слова чердынцев, иногда они выражают утвердительный ответ, в другой раз отрицательный, смотря по тому, как сказано и при каких условиях.

Мчимся еще быстрее; наконец спуск миновали, едем по Колве, я вздохнул облегченным сердцем.

В Гадье является моим ямщиком коренастый, среднего роста флегматичный субъект. Только-то спустились из деревни на Колву, как передняя лошадь стала вилять и возить по реке то вправо, то влево.

– Что это у тебя лошадь, необъезженная, что ли?

– Чеинно!!

– Да ты только отвечай! В первый раз запряг, что ли?

– Какинно!.. – помолчав немного, добавляет: – Нрав у нее такой, она всегда так повилает, повилает да перестанет, обойдется, потом побежит ладком!

Лошадь всё продолжала вилять, по бокам дороги были полыньи. Я, не желая искупаться или утонуть, велел отпрячь переднюю лошадь и привязать ее сзади кошевки.

– Чеинно!! И так доедем! – флегматически заявляет ямщик, продолжая ехать.

Когда я употребил более энергичное слово, ямщик нехотя распряг и привязал лошадь к задку кошевки. Не проехали и с полверсты, как я начал проваливаться и местами получать толчки снизу; наконец всем своим туловищем стал бороздить дорогу.

– Стой! – кричу я. – Ты что это, курицын сын, запрягаешь такую кошевку, а?

– Чеинно!! Вишь ты, тресья какая! Разъехалась! Я думал, не разъедется. Тьфу!! Ведь ты стреклятая! Чтоб тебя в душу, чтоб тебе ни дна ни покрывки! – философствовал ямщик, обходя кошевку и тыкая ее кнутовищем; при этом зачем-то ударил в морду привязанную к задку кошевки лошадь.

Пришлось вернуться обратно и переменить экипаж. Нужно иметь крепкое здоровье и крепкие нервы, чтобы ездить по Чердынскому уезду.

В Петрецово я приехал часа в четыре утра, на станции застал спящим на полу земского начальника. Ни кровати, ни скамейки, чтобы лечь, и я тоже улегся на пол; от выходных дверей неслась струя холодного воздуха. На свету приехал исправник, и мы, напившись наскоро чаю, отправились в Тулпан и, чтобы не опоздать к обеду, быстро неслись в трех экипажах. Навстречу нам в небольшой кошевке попала старуха, она далеко от дороги свернула в снег и, стоя в кошевке, творила крестное знамение, губы ее шевелились, что-то шепча. По всей вероятности, это была какая-нибудь заядлая раскольница, убежавшая от торжества освещения храма, а нас принимающая за посланников антихриста или за дьявольское наваждение.

Тулпан был оживлен. Многие приезжали к освящению храма из дальних мест. Церковь была полна молящихся, из числа которых было несколько раскольников. Торжественность обстановки освящения храма производила на них, видимо, впечатление, и они с любопытством следили за совершением богослужения. Церковь небольшая, деревянная, светлая; внутренний и наружный вид ее производит приятное впечатление. При церкви двухэтажный церковный дом, тоже деревянный; в верхнем этаже помещение священника,

в нижнем – псаломщика и школы. Вечером приехавший из Перми миссионер беседовал с раскольниками. Церковь и дом были иллюминированы, на что, как на невиданное зрелище, собралась смотреть чуть ли не вся деревня.

Священник-миссионер отец Гавриил, он уже здесь не первый год, раньше заведовал походной церковью, устроенной в деревне Петрецово; но миссионерская проповедь отца Гавриила подвигается туго, обращенных из раскола в православие нет. В школу, где отец Гавриил учительствует, раскольники своих детей не посылают; учатся в ней человека два-три из детей приезжих сюда чинов лесной стражи.

Очерки вишерского края

Н. П. Белдыцкий

Посвящаются Ю. И. Т.

Экспедиция в область прошлого

Трапперы американских лесов вели суровую, исполненную всевозможных лишений жизнь. Охота на диких зверей составляла их главный промысел.

Фенимор Купер

Среди чудной панорамы гор, скал и лесов мчит быстро кристальные воды свои холодная красавица Вишера. Вытекая почти из самого сердца Урала, она всё время мчится «по дну из камней разноцветных», сопровождаемая то высокими лесистыми холмами, то обнаженными скалами, отвесной стеной подступившими к самой реке. Воды её необыкновенно чисты и прозрачны и позволяют на значительной глубине различить каждый камушек, каждую песчинку. Шумящими водопадами впадают в нее многочисленные притоки с такой же кристальной и холодной водой. Чтобы видеть Вишеру во всей ее красоте, нужно ехать туда в июне месяце, когда поднимаются травы, среди которых рассыпаны красные пионы ивана-да-марьи, когда прибрежные березки одеваются молодой, ярко-зеленой одеждой и когда солнце с безоблачного неба щедро проливает свое тепло на молчаливые хвойные леса в долинах, а солнечные лучи отражаются в снеговых вершинах каменных гигантов.

Тогда осторожные лоси и олени, томимые жаром, тихонько пробираются к реке, где и спешат утолить свою жажду. Как красивы, как грациозны эти животные! Особенно хороши громадные лоси со своими ветвистыми рогами и наклоненными к земле головами. Они осторожно нюхают каждый след и обращаются в бегство при малейшей опасности...

Пернатое царство в это время совершенно замирает. Все тетерева, глухари и рябчики забираются в глубь темного леса, где в прохладе и проводят жаркое время.

Даже рыба ищет себе более низкой температуры. Кристальные воды позволяют видеть, как стаи благородных хариусов спешат к переборам, где воды холоднее и течение стремительнее.

А солнце с безоблачного неба продолжает посылать свои жгучие лучи. Но чем ближе к вечеру, тем становится прохладнее, и наконец жаркий день сменяется холодной белой ночью. С бледно-голубого неба льется на землю мягкий белый свет и кладет свой отпечаток на окружающую природу. Белые, нежные тона царствуют кругом. Обильная роса покрыла траву, а также и листья деревьев. Тихо. Лишь ласкающий шум воды на переборах, так гармонирующий со всей этой обстановкой, нарушает торжественную тишину июньской ночи. Какой чудный вид открывается с каждой прибрежной скалы! Внизу прихотливыми зигзагами вьется Вишера. Она то оmyвает отвесную скалу самой причудливой формы, то примыкает к крутой, лесистой горе, то разбегается среди небольшого луга. Сверху видно, как рябит вода на переборах и как спокойно течет она по тихому плесу. Со всех сторон Вишеру обступили громадные горы, рельефно выделяющиеся на бледно-голубом небе. Некоторые из них острыми вершинами поднялись высоко кверху, а другие похожи на круглые гигантские шапки. Можно различать, где кончается полоса лесов и начинается царство камня и мха. Белый снег ярко выделяется полосами на сероватом фоне каменных гигантов. А в долинах темной массой стоят мрачные хвойные леса, среди которых можно увидеть серебряную извилистую ленточку – то вьется какой-нибудь приток Вишеры.

Наверху уже почти ничего не нарушает торжественной тишины. Разве порою с соседней скалы раздастся дикий хохот филина, и опять надолго всё смолкнет.

Взор зрителя всего больше приковывают к себе вершины гигантских камней, так гордо поднявшихся над землей. Недаром народная фантазия опозитивировала их, придала им жизнь. Каждый значительный камень на Вишере имеет свою легенду, свою историю. К величайшему сожалению, в последнее время, под натиском ворвавшейся сюда цивилизации, наивные предания старины почти исчезли и редко-редко можно встретить теперь такого вишерского аборигена, в памяти которого уцелело бы несколько старинных легенд. А между тем легенды эти очень любопытны и не лишены поэзии, и, по всей вероятности, историк мог бы прочесть в них сквозь их сказочный элемент и историческую правду.

Давно, очень давно, еще «при старых царях» – так гласит вишерская сага – краем этим владел поганый чудской народ. Недаром он назван поганым, ибо происхождение его нечистое. Легенда о происхождении чудского народа наивна, но в высшей степени цинична...*

Жилищ себе чужь не строила, рассказывает предание, а укрывалась в пещерах. Потом в этот край стали проникать русские люди, и началась у них ожесточенная война с чужью. Но чуди было много, а русских мало. К счастью, на помощь русским явились богатыри. В памяти вишерского народа остались имена двух богатырей: Полюда и Пели; каждый из них жил в громадных камнях, первый обитал в камне его же имени – Полюде, а другой в Кваркуше. Камни эти росли вместе с богатырями.

Великое множество поганой чуди истребили богатыри. Кроме того, они помогали в войнах русским царям с неверными народами. Промышляли богатыри охотой, особенно удачный охотник был Пеля. Захотел его русский царь наградить за его великие услуги, призвал перед свои светлые очи. «Ну, Пеля, много ты мне помог в битвах с неверными народами, и хочу я тебя наградить. Проси, что пожелаешь, серебра ли, золота ли, камней ли самоцветных – всего дам». – «Не надо мне, надежда царь, – отвечает ему Пеля, – ни золота, ни серебра, ни камней самоцветных. Куда я с ними в лесу деваюсь?! А дай ты мне, государь-батюшка, шелковые тенета, чтобы соболей да куниц я мог ими ловить и чтобы не рвались они». Подарил ему царь шелковые тенета, крепкие, не рвучия, и многое множество стал добывать богатырь всякой пушнины. А того больше стрелял он из лука сохатых и медведей. Не понравилось это лесному и задумал он погубить Пелю. Но как это исполнить? Хотя и силен был лесной, а против Пели ему всё-таки не устоять. У богатыря одна ступня была семь четвертей! Кинуть за десять верст камень в сто пудов для него было простой забавой... Где уж тут бороться силой, надо пуститься на хитрости. Вот лесной раз и спрашивает у Пели: «Ты, Пеля, как спишь?» Смекнул богатырь, в чём дело, но и виду не подал, что проник в хитрый замысел лесного, и добродушно отвечает ему: «Сплю я, так у меня дым изо рта идет; а ты, леший, как спишь?» – «Когда я сплю, хвоя с деревьев валится!» – отвечал леший. После этого разговора как-то бродили они в лесу вместе. Настала ночь; сделали нодью и легли подле огонька спать. Леший скоро заснул и захрапел: хвоя с деревьев посыпалась от этого храпа. Пеля хитер, Пеля не спит. Положил он под свой азам бревно, как есть богатырь спит; около изголовья головешку положил, дымится она. А сам спрятался за большую сосну и ждет, что будет. Леший проснулся, смотрит туда, где богатырь лежать должен, и видит, что из-под азама дымок идет, значит, спит Пеля. Вот леший тихонько поднялся и выстрелил прямо в бревно. А Пеля из-за сосны пустил в лесного калену стрелу. Только ногами взмахнул леший и повалился на землю, а Пеля подбежал к нему и добил его. Долго после того еще жил Пеля, охотился на зверей, бил неверную чудь. Но вот начали переводиться на русской земле богатыри, отошла им пора и на Вишере. Вошли вишерские богатыри в свои камни и спрятались там вместе с сокровищами разными. Тогда же прекратился рост камней и остались они такими же, какими их можно видеть и сейчас. Но богатыри живы; выйдут из камней они, когда зазвучит труба архангела, и предстанут со всеми людьми на страшный суд Господень...

Таковы обрывки вишерских «преданий старины глубокой».

В настоящей же главе своих очерков я коснусь того образа жизни, какой вели вишерские обитатели до развития в их крае горной промышленности, то есть десять – пятнадцать лет тому назад

Река Вишера, один из главных притоков Камы, берет свое начало в северной части чердынского Урала, из-под камня Вишерского. Несколько ключей образуют из себя быстрый холодный ручеек, принимающий в себя еще несколько таких же пенящихся ручейков и образующих уже речку, всё более и более увеличивающуюся на своем стремительном пути к югу. Речка прихотливо извивается среди громадных утесов, среди гор, шумит на переборах,

страшно пенится на порогах и, наконец, приняв в себя достаточное количество притоков, обращается в довольно солидную горную реку, хотя и с быстрым, но уже более спокойным течением.

Всего Вишера имеет протяжения около пятисот верст. Из этого числа она четыреста верст несетя среди гор и скал и только последние сто верст перед впадением в Каму, приняв в себя приток реку Вижаиху, а потом реку Колву, оставляет скалы Урала и, как бы устав от своей бешеной скачки, спокойно течет среди обширных лугов и хвойных лесов.

По течению Вишеры расположились селения четырех волостей: Мошевской, Пянтежской, Морчанской и Сыпучинской. Из них две первые расположены уже после впадения Колвы, и жители их занимаются главным образом хлебопашеством. Жители же Сыпучинской и Морчанской волостей занимаются охотой и рыболовством. В своих набросках я буду иметь в виду лишь жителей последних двух волостей, а под именем вишерского края надо разуметь бассейн Вишеры до впадения в нее Колвы. На этом протяжении она принимает в себя четыре значительных притока: Мойву, Вёлс, Улс и Язвву, берущих свое начало с Уральского хребта.

Первое селение Морчанской волости, деревня Морчаны, от города Чердыни отстоит по прямому направлению верстах в тридцати, а последнее селение Сыпучинской волости – в верховьях реки Усть-Улс, верстах в ста пятидесяти. Следовательно, еще оставалось верст двести пятьдесят совершенно незаселенного берега реки. Всего в Морчанской и Сыпучинской волостях насчитывалось тридцать три селения с четырьмя тысячами душ обоого пола. Из числа этих деревень только девятнадцать расположены по берегам Вишеры, а остальные в боку.

Вишерские селения большею частью ютятся между холмами в узких долинах, а иногда взбираются и на верх холма. Избы разбросаны как попало, правильных улиц нет, да и нужды в них не ощущается. Тип построек почти везде один и тот же: крытое крылечко наружу, а потом сени, отделяющие собой избу от клетки; в избе главное место отводится для русской печи, рядом с которой настланы полаты, играющие роль кроватей. Вдоль стен идут толстые плахи лавок; в переднем углу стол; около же печки устроена западня для спуска в подвальное помещение, по местному выражению – в «голбец». Вот и вся обстановка. Клеть – повторение избы, лишь с тем отличием, что там пахнет совсем нежилым помещением, так как в клеть переселяются лишь в тех случаях, когда в избе морозят тараканов и клопов. При этом надо заметить, что чистотой помещения не отличаются.

С задней стороны к избе примыкают скотный двор и сеновал.

За селением идет небольшая полоска полей, а за ними тотчас же начинается темный хвойный лес.

Главные занятия жителей вишерского края десять лет тому назад были охота и рыбная ловля.

Хлебопашеством здесь, по причине суровости климата, занимались немного, и редко у кого хватало своего хлеба на год, кроме суровости климата успешному развитию хлебопашества мешали и почвенные условия. Здесь

исстари велось подсечное хозяйство. Поступали так: выбирали сухое местечко, рубили лес, складывали его в костры и зажигали; через год это место вспахивали и засеивали. Такая земля давала довольно хорошие урожаи в продолжение четырех лет, а затем истощалась, и так как удабривать ее было нечем, то она и забрасывалась и со временем зарастала березняком. Конечно, подобное ведение хозяйства губительно отражалось на лесе; много его погибало на подсеках, но в тысячу раз большее количество истреблялось лесными пожарами, происходящими от тех же подсек: часто огонь перебрасывался на целый лес и гибли сотни десятин его.

Огородничество было развито слабо, и садили главным образом картофель, да и то далеко не все. Не процветало и скотоводство; в среднем на каждый двор приходилось: лошадей одна – две, коров одна – три, овец пять – десять, свиней одна – пять, кур две – пять. Сена ставили немного, расчищать покосы было некогда. Случалось, что кормили скот корой рябины.

При таких условиях существование было бы невыносимо, но вишерцев выручали рыболовство, охота и лесные промыслы.

Стремительное течение Вишеры, ее переборы, пороги потребовали создания особого типа лодок, которые в чердынском крае носят название вишерских душегубок. Лодки эти отличаются необыкновенной длиной: бывают десять и более аршин, в ширину же всего один аршин, а иногда и менее. Делаются они из цельного ствола осины, из которого внутренность выковыривается, а бока разгибаются, к ним прикрепляются набои, и лодка готова. На приготовление ее требуется дней пять-шесть. Управлять веслами в такой лодке, а главное по такой быстрой воде, особенно против течения, нечего и думать, а потому для этой цели здесь существуют особые шесты, длиной до двух сажень. Пустой, ничем не нагруженной лодкой свободно может управлять один человек, а если же приходится что-нибудь везти, то необходимо двое. Один из них становится на корму, а другой на нос, и начинают, как здесь говорят, «пихаться» шестами. При этом стараются одновременно упираться ими в каменистое дно реки и отталкиваться; стоящий на корме в то же время дает лодке надлежащее направление. Благодаря своей длине душегубки очень легки на ходу и свободно скользят на быстрых переборах. Все вишерцы, не исключая детей и женщин, прекрасно управляют своими лодками и привыкают по целым дням действовать шестами. Но всё же не даром эти лодки получили название душегубок: даже умелые и опытные вишерцы не всегда в опасных местах могут сохранить равновесие, и бывали случаи, что во время половодья, когда течение Вишеры еще стремительнее, они теряли равновесие и опрокидывались в пенящийся поток, где и находили себе смерть. Малейшее неверное движение шестом на переборах может иметь весьма плачевные последствия, и, вообще, лодки эти при перемещении центра тяжести обыкновенно перевертываются.

И вот такие душегубки являлись единственным средством передвижения по Вишере, и они же служили при рыбной ловле.

В бассейне реки Вишеры водится главным образом один сорт рыбы – хариус, достигающий иногда весу до трех фунтов. Кроме хариусов в небольшом количестве водятся налимы и лени; кроме того, масса мелкой рыбешки,

известной здесь под именем вандышей, которые в громадном количестве держатся около берега реки.

Рыболовный сезон начинался обыкновенно с 1 июля и кончался при заморозках. Прежде чем начать ловлю, вишерцы составляли артель человек в двадцать; в состав ее входили женщины и девушки. Артели составлялись произвольно, иногда стоваривались жители разных деревень. Перед выступлением на ловлю готовились сухари и хлеб, а из кухонной посуды захватывали с собой главным образом котелок; чаю тогда не знали, и в чайниках нужды не было. Затем, когда всё было готово, припасы и рыболовные снасти складывались в лодки, прикрывались сверху от дождя берестой, и артель лодках на пятнадцати – двадцати с молитвой пускалась вверх по Вишере. Забирались обыкновенно в самые ее верховья, а по пути в известных местах производили лов рыбы. Ловили двумя способами: сырпами и неводами. Сырп представляет из себя громадный сак в длину до трех сажен, концами прикрепленный к двум длинным шестам. Для ловли сырпом требуются десять – пятнадцать лодок; сначала выезжают на двух лодках, и рыболовы в них втыкают шести сырпа в дно и держат их между лодками, перегораживая таким образом реку. Остальные же лодки поднимаются вверх по реке и саженях в ста от сырпа разделяются на два крыла, и рыбаки начинают колотить воду шестами и кричать, спускаясь в то же время до сырпа. Хариусы, испуганные шумом, бросаются вниз по реке и попадают в сырп, который затем осторожно вытаскивают в лодку. Ночной лов сырпами производился несколько иначе, чем дневной, да и сырпы для ночного лова меньше и называются сырпиками; этот способ ловли требовал всего две лодки, между которыми растягивалась сеть сырпа и шести не втыкались в дно, а лодка свободно плыла по течению; хариусы сами натывались в темноте на сеть.

Для ловли неводом выбиралось тихое плесо, по большей части идущее за перебором, и по этому плесу полукругом закидывали его, причем концы невода приходились на берегу, и за них тихонько тянули всю снасть к себе на берег.

В дневной сырп иногда зараз попадало до полутора пудов хариусов, а в невод случалось и по двадцать пудов.

Покончив ловлю, рыбаки приставали к берегу, устраивали шалаш, разводили огни, сушили, приготавливали себе обед, чистили пойманную рыбу. Для вычищенной рыбы они делали из кедров бочки и оставляли их в кустах, а на обратном пути захватывали с собой.

За весь рыболовный сезон на каждого рыбака в среднем количестве приходилось от пятнадцати до двадцати пяти пудов рыбы.

Рыбачили таким образом не по одной только Вишере, но и по ее притокам: Вёлсу, Улсу, Кутиму и др.

Охота у вишерцев производилась два раза в году – весной и осенью. Предметы охоты из зверей составляли: лоси, медведи, соболи, куницы, белки, росомахи, горностаи; из птиц же главным образом рябчики.

Около Покрова дня, перед тем как льды скуют стремительное течение Вишеры, охотники составляли артели, на этот раз меньшие, чем при рыболовстве: в охотничью артель входило человек шесть, а иногда и всего двое;

женщины, конечно, отсутствовали. Снова заготавливались припасы, главным образом черные сухари, масло, крупы. Починивались лыжи, ружья, одежда, и когда всё было готово, в лодках поднимались к верховьям рек, докуда только можно было пробраться. К тому времени напал снег, и охотники в сопровождении собак на лыжах переваливали Урал и начинали свою охоту. Припасы и снаряды им приходилось тащить за собой на длинных и узких санках, носящих название «нарты». В нарты багажу накладывалось до восьми пудов.

В лесу, в известных местах, они строили балаганы и начинали охотиться. Осенью больше всего стреляли рябчика, белку и пушнину. В некоторых местах вода не замерзала, и там водились выдры, которых охотники старались подкараулить. Самая трудная охота в осенний сезон была на соболя; его выслеживали и ставили тенета.

Осенью не забирались далеко в горы и ограничивались большей частью лесами долин, главным пристанищем рябчика и белки. К 6 декабря старались возвратиться в свои деревни и осенний промысел заканчивался. В среднем количестве осенний промысел давал на каждого охотника: рябчиков сто – сто пятьдесят пар, пушнины три пары, белки сто – триста штук.

По возвращении домой вишерцы занимались своим несложным хозяйством: молотили хлеб, мололи его, ездили за сеном и вообще исправляли разную работу около дома.

В феврале же месяце готовились к самой серьезной и трудной охоте на лосей, оленей и медведей. Опять начинались сборы, и по окончании их на лошадях отправлялись в путь. Ехали опять же рекой, где снег не так глубок, и старались добраться до оставленных осенью лодок. Иногда вследствие глубоких снегов им сделать этого не удавалось, и они принуждены были оставлять лошадей, а сами на лыжах продолжать дальнейший путь, волоча за собой тяжело нагруженные нарты.

К концу зимы снега на восточном склоне Урала бывают гораздо глубже, чем на западном. Лоси и олени перекочевывают тогда на сторону более мелких снегов, и вишерские охотники, пользуясь этим обстоятельством, начинали свою охоту. На лыжах, при помощи собак, они разыскивали зверей по следам и старались открыть их присутствие. Лоси при виде охотника стремительно бегут от него. Начинается погоня. Трудно приходится зверю: ноги проваливаются в снегу, разъяренные собаки кусают его; он напрягает все свои силы и всё свое спасение видит в быстром беге. А за ним скользит на своих лыжах Немврод чердынских лесов – охотник-вишерец. Несмотря на страшный мороз, жарко ему. Он на бегу скидывает с себя свой лузан, бросает его на снег и мчится всё вперед и вперед за убегающим зверем. Сорок градусов морозу, а пот струится по лицу охотника, он весь мокрешенек от пота; опять на бегу растегивает он свою гуню – и в снег ее; туда же летит меховая шапка; охотник мчится в одной рубашке. Пульс усиленно бьется, с трудом переводится дыхание; еще немного – и преследование станет невозможным... Но и зверь утомился страшно, собаки еще яростнее одолевают его, расстояние между ним и охотником уменьшается. Выстрел. Как вкопанный останавливается зверь, валится на снег и бьется в предсмертной агонии. Подбегает к нему охотник и от усталости валится на свою добычу. Мороз сразу леденит его

мокрую рубашку, и она делается твердой, как кора. Но для железной природы вишерца-охотника это пустяки. Вскоре к нему подбегает его товарищ, подбравший на пути сброшенные принадлежности туалета, и охотник имеет возможность вновь согреться.

Убитого лося или оленя, конечно, немислимо сразу доставить до временного кочевья охотников, и они его разрезали обыкновенно на двенадцать частей. Затем возвращались к своим становищам за нартами и при помощи их перетаскивали свою добычу иногда за громадные расстояния. Трудна была эта перевозка, тем более что приходилось тащить тяжелые нарты через крутые горы и через леса.

Но всё преодолевали вишерские молодцы, и часто с восточного склона, куда убегал от охотника преследуемый лось, его приходилось перетаскивать на западный.

Около становьев охотники устраивали так называемые лабазы, это помещения на высоких столбах; в эти помещения клали шкуры и мясо добытых зверей. На одном месте охотники жили недолго; поохотившись в окрестностях стана, направлялись дальше к северо-востоку. Таким образом, добыча их оказывалась разбросанной в разных местах. К концу охоты (в середине марта) предстояла трудная работа: из лабазов доставить добычу к верховьям рек, где были оставлены лодки в осеннюю охоту. Опять вишерцы запрягались в нарты и тащили за сто – сто пятьдесят верст свою добычу по частям к лодкам. Здесь для мяса и шкур устраивали особое помещение – чамью, состоящую из деревянного сруба длиной около сажени, шириной аршина два и высотой сажень. Срубы эти ставились прямо на землю, и в них, как в ящик, клали мясо; сверху прикрывали чамью в защиту от хищников толстыми плахами.

Кроме оленей и лосей зимой добывали немного пушнины, росомах, рысей и медведей. Но охота на последних носила случайный характер. Обыкновенно где-нибудь в лесной труппе встречали берлогу (которую легко отличить по закуржевевшему от дыхания зверя снегу); охотники всякими способами тревожили сонного мишку и заставляли его вылезать на свет Божий, где и кончали с ним.

Нередко у вишерцев во время их охотничьих экскурсий происходили встречи с вогулами и остяками, кочующими в камнях Урала. Встречи эти носили всегда мирный характер и даже доставляли выгоды обеим сторонам, так как нередко дикарь и вишерец соединялись вместе для охоты на сохатых. Дикари, прекрасные охотники, всегда давали вишерцам указания относительно нахождения лосей. Бывали случаи, что вишерцы во время жестоких метелей находили себе приют и спасение в чумах кочевников. Более нежелательны для вишерцев были встречи с русскими охотниками верхотурского уезда, тем более что вишерцы частенько забирались в район своих соседей, и те требовали с них половину добычи, причем иногда происходили серьезные столкновения.

К концу апреля вся добыча вишерцев доставлялась к верховьям Вишеры или ее притоков. На лодки весь груз не помещался, и охотники заранее устраивали себе плоты из бревен. Лесу кругом было множество, и недостатка в материале не представлялось. Вместе с весенним льдом плыли и охотники

на сооруженных ими плотях к своим пенатам. К Николину дню (9 мая) все оказывались дома, и охота прекращалась до осени.

Весенний промысел давал в среднем количестве на каждого охотника: лосей – три – пять штук, медведей – от половины до одной штуки, пушнины – две пары, рысей – одну – две штуки, оленей – 3–5 штук.

Мясо сохатых и оленей в большинстве случаев солилось и истреблялось самими обитателями Вишеры, а шкуры зверей сдавались чердынским купцам, от которых вишерцы получали, в свою очередь, охотничьи припасы и хлеб. Обыкновенно мелкие чердынские торговцы сами ездили на Вишеру для обмена товаров, а крупные фирмы с этой целью посылали доверенных лиц. В те времена редко Чердынь видала лузан вишерца на своих улицах, а еще того реже появлялись на Колве вишерские душегубки. Вишерцы жили своей самобытной жизнью, и многие из них, особенно из дальних деревень, и понятия не имели о городской жизни. Да и в продуктах цивилизации, за исключением боевых припасов, они не имели никакой нужды. Одежду себе они готовили из самодельных тканей, материалом для которых служил лен и шерсть с овец. Большинство тканей окрашивалось кубовой краской в синий цвет. Обувь тоже была самодельная; материал для нее давали шкуры лосей и оленей; делались наподобие котов, к ним пришивались голенища вершков в шесть, и такая обувь, на местном языке – «порубни», прекрасно служила своему назначению. Для зимних охот шили няры из шкуры оленя. Няры напоминали лапти и были незаменимы при гоньбе за лосями на лыжах. Основную же одежду вишерцев составлял лузан; он служил и зимой, и летом. Лузан шился из самодельного сукна из овечьей шерсти и представлял из себя полотенце (с поперечными черными и белыми полосами), ширина которого подгонялась к ширине плеч охотника, а длина около трех аршин. Этот кусок сукна с исподу подшивался толстым холстом, а в середине его делалось отверстие для головы; лузан подпоясывался поясом, и за пазуху вишерец клал разные припасы, иногда до пуда весом.

Для чердынских торговцев было весьма выгодно иметь дело с вишерцами, но сношения затруднялись плохими путями сообщения, а главное – тем обстоятельством, что купцы должны были сами доставлять для своих задатчиков хлеб и припасы.

В сороковых годах среди вишерцев явился свой торговый человек, уроженец деревни Колчима, некто Терентий Б-в. Сметливый и бойкий мужик, с задатками заправского кулака, он сообразил, как выгодно явиться ему посредником между чердынскими торговцами и вишерцами. Начал он помаленьку скупать у вишерцев шкуры и сдавать их чердынцам. Обороты его торговли увеличивались всё более и более, и кончилось тем, что купцы перестали показываться на Вишере, имея дело исключительно с одним Б., который в конце концов закабалил весь вишерский край и получил название вишерского князя. Недобрую память оставил по себе Б. Чем больше росло его благосостояние, тем жаднее становился он и тем сильнее притеснял своих земляков-задатчиков. Вишерцы почти уже не показывались в Чердынь, имея дело со своим кулаком, которому должны были сдавать всю добычу и получать взамен припасы, качество и количество которых зависело от воли «князя». Страш-

ная беда грозила тому дерзкому охотнику, который возмущался несправедливостью Б. и осмеливался сам доставлять свои продукты чердынским купцам.

– Я тебя прижду, подлеца! – обыкновенно говорил Б. И действительно, «приждал» удобный случай и тогда был беспощаден. Все вишерцы должны были исполнять у него домашние работы без всякой платы.

– Привезешь этому живодеру, – рассказывают старики-вишерцы, – рыбу, али шкуры, али мясо и ждешь, колды тебя допустят до него. Инолды по неделе живешь даром: всё не принимает – некогда, говорит. А какое тут некогда, так ндрав свой показыват. Заставит робить на своем сенокосе, ну и робишь, хоша дома своя работа приспела. А принимать зачнет – каку цену назначит, ты и не прекословь. Жестокий был человек. А около господ страсть какой был добродетельный, и господа его руку держали. Гащивали у него в хоромах большие баре, сам исправник бывал. А на кого осердится шибко – и в солдаты сдаст не в очередь, потому с господами компанию вел.

Дети Б. продолжали дело отца и оказались такими же кулаками. В настоящее время фамилия эта в мужском колене вся вымерла и об имени Б. в памяти вишерцев остались одни тяжелые воспоминания.

Кроме охоты и рыболовства, вишерцы еще имели заработки и на лесном промысле. Раньше, до заводов, лесопромышленники заготавливали лес строевой и для солеваренных заводов на Вишере, чем доставляли обитателям этого края небольшой заработок. Обыкновенно леса рубились зимой, а к весне доставлялись до сплавных рек и соединялись в плоты, которые крестьяне обязаны были выгонять большей частью до Усолья. Но частенько плоты, особенно дровяные, разбивались, и тогда крестьянин лишался всего заработка, так как большая часть денег им выдавалась по доставке леса.

В числе продуктов, добываемых вишерцами, надо упомянуть и про кедровые орехи. В урожайные годы на долю каждого сборщика приходилось десять – пятнадцать пудов орехов. К сожалению, крестьяне для сбора их рубили столетние кедры и обирали шишки на земле. Вообще, к лесу северные жители относятся беспощадно. По их понятиям, раз Бог насадил деревья, Он же их и вырастит, а потому руби и жги сколько угодно.

Вишерцы до заводов отличались замечательной честностью и чистотой нравов. На всей Вишере тогда и понятия не имели о замках, так как воровства не было и в помине. Можно было со спокойным сердцем оставить на ночь без караула нагруженный воз, и к утру всё оказывалось в целости. Украсть у своего ближнего для вишерцев представлялось чем-то несуразным, диким. Честность их простиралась до того, что во время охоты, забредя в чужую охотничью избушку, они оставляли там деньги за истребленные припасы, а в каждой избушке всякий охотник оставлял крупу, соль, сухари... Вишерцы отличались так же и гостеприимством; правда, они были дики и суровы на вид, как и их природа, но под этой оболочкой скрывались неподкупная честность и радушие. Раскольников на всей Вишере не было ни одного человека, потому и нравы их были строги, не то что у их соседей – колвинцев, где раскол в жизнь обитателей внес страшную распущенность.

И вот в этом диком крае неожиданно развилось горное дело, и вишерцы, неподготовленные и ошеломленные, оказались перенесенными в обстановку, чуждую их характеру, понятиям и образу жизни...

Развитие горного дела

*...Берегись! – сказал Казбеку
Седовласый Шат, –
Покорился человеку
Ты не даром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор;
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь...*

Лермонтов

В конце пятидесятых годов, когда Чердынский уезд был объявлен открытым для частной золотопромышленности, сюда нахлынула масса людей, жаждущих легкой наживы. Все почему-то были уверены, что эта часть Урала представляет из себя нечто вроде Эльдорадо, где золото валяется чуть не на поверхности. Но на первых же шагах рыцарей легкой наживы ожидали горькие разочарования. Отдаленность края, отсутствие путей сообщения и опытных рабочих – всё это мало способствовало развитию золотого дела в чердынском Урале. Большинство золотоискателей больше закопало своего золота, нежели нашло его. Немногим счастливым удалось наткнуться на богатые россыпи. Самое содержательное золото оказалось по речке Сайменке, притоку реки Кутим. Но описание золотопромышленности не входит в программу настоящей главы, а потому ограничусь сообщением, что в шестидесятые годы на Вишеру начали проникать золотопромышленники и некоторые вишерцы стали работать на золотых приисках. Но прииски эти находились в стороне, рабочих требовалось немного, и потому золотопромышленность мало отразилась на экономическом и общественном быту жителей вишерского края.

В эти годы один из золотоискателей, некто Леонид Попов, производивший шурфовку на золото по ручейку, впадающему в реку Кутим, в пяти верстах от впадения последнего в Улс, случайно наткнулся на присутствие в этих местах железного блеска. Блестящий вид этой руды, дотоле неизвестной на Урале, поразил Попова, и он показал ее некоторым сведующим лицам; по их совету он поставил в той местности столбы и сделал заявку о своем открытии Уральскому горному правлению. По тогдашним законам Попов обязан был, для сохранения за собой объявленных площадей, в течение года произвести разведку на найденную руду и о результатах разведки донести горному

правлению. Попов этого не сделал, и право его на собственность площадей рушилось. По-видимому, Попов не придавал своему открытию практического значения и, увлекшись золотом, забыл о железном блеске. Затем, потерпевши на золоте неудачу, он скрывается с чердынского горизонта. Слух же о богатой руде достиг некоего Грана, доверенного екатеринбургских купцов Севастьяновых. Через два года после Попова Гран делает на этом же месте более подробные разведки. Хотя коренного рудорождения он не обнаружил, но встретил богатые ее валуны и в 1861 году поставил два столба. Во время разведки Гран держал при себе в качестве надсмотрщика над работами чердынского мещанина Ивана Щеголихина. Севастьяновы открытиями своего доверенного не заинтересовались, тем более что в это время он перешел на службу в другое место, и кутинская руда была вновь заброшена и оставлена без внимания.

В то время на Северном Урале гремело имя счастливого золотопромышленника Колчина, почти сразу составившего себе громадное состояние открытием богатых залежей золота. Он вел свое дело в компании с горным инженером Аносовым. Мещанин Щеголихин после неудачи Грана поступил к ним на службу. Случилось это в начале семидесятых годов. Своим новым хозяевам он показал образцы кутимской руды. Аносов, как горный инженер, сразу обратил на нее внимание, был поражен богатством руды и объявил об этом Колчину. Было решено составить новую компанию, состоящую из трех лиц: Колчина, Аносова и Щеголихина, а последнему поручено было ехать на Вишеру и сделать пять заявок на рудной местности. В 1874 году Щеголихин исполнил данное ему поручение, а через четыре года, то есть в 1878 году, из горного департамента компаньонам пришло разрешение и планы пяти рудников по Кутиму, носящих названия: Александровский, Ивановский, Богодатный, Игнатьевский и Родионовский. По получении планов компаньоны приступили к действиям и начали производить детальные разведки, давшие самые блистательные результаты. Коренное месторождение руды было найдено, и определено его простирание на пространстве целой десятины. Количество руды оказалось настолько солидно, что без опасений можно было ставить работы. Колчин в то время владел капиталом около миллиона рублей и решил начать постройку небольшой доменной печи, для чего и была составлена смета, а в Петербург компаньоны отправили человека для хлопот перед правительством об отводе лесов. Правительство к этому начинающемуся делу в диком и пустынном край отнеслось сочувственно, и хлопоты компаньонов были уважены. Оставалось только приступить к работам; но и на этот раз не суждено было развиваться заводскому делу на Вишере: Колчин решил почему-то прекратить все свои дела и удалиться на покой. Его компаньоны одни не могли и думать вести заводское дело по недостатку средств. Рудники решили продать. Надо заметить, что компаньоны владели площадями на следующих законтракованных условиях: Колчин не имел права продать рудников без согласия Аносова и Щеголихина, а эти последние могли совершить продажу помимо Колчина. В 1882 году Аносов умер, оставив малолетних наследников, и Колчин с Щеголихиным условились совершить продажу, хотя по смыслу контракта они не могли этого сделать без согласия наследников Аносова, но

ввиду несовершеннолетия их компаньоны решили выдать им, неофициально, причитающуюся им часть.

В 1885 году рудники возымел желание купить московский купец Овсянников, будущий герой скандального процесса о сожженной мельнице. Он летом прибыл на Вишеру для осмотра площадей. Первое его посещение этого края вышло крайне неудачным: в тот год было сильное мелководье и вишерцы в своих душегубках едва могли доставить до места Овсянникова с сопровождавшими его лицами. Вследствие засух тогда кругом свирепствовали лесные пожары; впечатление получилось до того удручающее, что Овсянников даже не стал осматривать площадей и поспешно возвратился обратно. Но мысль о покупке рудников его не оставила, и он в следующем году повторил свое посещение. На этот раз приветливо встретила его Вишера. Стояли чудные летние дни, и красота вишерской природы подействовала самым ободряющим образом на московского негоцианта. Он решил произвести пробные работы, а также узнать, насколько возможен сплав руды по рекам Кутим и Улс. Сделаны были шитики, и в каждый погрузили по пятьсот пудов руды. Руду благополучно сплавляли до Вишеры, а шитики с кладью оказалось возможным поднять обратно до рудников. Таким образом, благополучно разрешился важный вопрос о возможности сплава. Запас же руды оказался довольно богатым, именно в сорок миллионов пудов. Овсянников, довольный результатами своих разведок, решил купить дело и давал компаньонам сорок тысяч рублей. Но те запросили сто тысяч. Овсянников дать такую сумму не согласился, и опять кутимская руда осуждена была на забвение.

Из этого сухого перечня фактов читатель наглядно может убедиться, как вяло, как неумело ведутся на Руси дела, требующие частной инициативы и некоторого подъема энергии.

Быть может, долгие и долгие еще годы кутимская руда не подверглась бы эксплуатации, но в 1887 году устраивается екатеринбургская выставка и Щеголихин экспонирует там свою руду. На нее обращается всеобщее внимание. Тут-то московский купец Шпис увидал ее, и так как он уже ранее мечтал завести свое дело на Урале, то, не мешкая долго, он в то же лето явился на Вишеру для осмотра рудников. Он сразу сообразил, каких громадных результатов можно достичь в этом деле и приобрел его у компаньонов за сто тысяч рублей.

Человек энергии и широкой инициативы, Шпис деятельно принялся за горнозаводское дело. В ту же зиму началась добыча руды, к весне ее доставили до деревни Усть-Улс на Вишеру и здесь произвели пробный сплав по этой реке. Руду, в количестве пятидесяти тысяч пудов, нагрузили поровну в две барки и посредством лотов сплавляли сначала до реки Колвы, а потом и до Нижнего Новгорода. Таким образом, на практике убедились, что Вишера удовлетворяет требованиям сплавной реки, и Шпис решил тогда приступить к постройке первой доменной печи. Завод решено было поставить около рудорождения по реке Кутим, в пяти верстах от впадения ее в Улс.

Шпис, хотя и практический человек, допустил большую ошибку, поставив завод на месте рождения руды, в местности, лишенной сплавных рек для доставки дров на завод. Ошибка эта является тем более странной, что

пожары кругом истребили хорошие леса и ясно было, что в горючем материале вскоре явится недостаток, могущий парализовать дальнейшую заводскую деятельность. Самым подходящим местом для завода являлось селение Усть-Улс, куда по сплавным рекам – притокам Вишеры: Улсу, Кутиму, Вёлсу – можно доставить леса в громадном количестве. Руду же можно было, как то доказал опыт Овсянникова, доставлять по Улсу до Вишеры. Ошибка эта дала вскоре себя почувствовать: леса в окрестностях вскоре были истреблены и пришлось их доставлять на лошадях за большие расстояния...

Постройка домны была вскоре окончена, и 19 мая 1890 года состоялся первый выпуск чугуна из первой доменной печи в вишерском крае.

Расходы по устройству завода потребовали со стороны Шписа затраты всего капитала, которым он мог располагать, и Шпис оказался в весьма затруднительном положении. Оставался один исход – приискать богатых компаньонов. Кроме того, он не знал об условии, какое было заключено между Аносовым, Колчиным и Щеголихиным относительно права продажи рудников. Наследники умершего Аносова к этому времени достигли совершеннолетия и подали на Шписа иск. Положение его сделалось весьма критическим... В Москве ему удалось войти в соглашение с двумя тамошними тузами относительно составления компании. Тузы в качестве эксперта пригласили некоего Г., поручив ему осмотреть завод и составить отчет о положении дела. Г., имевший в то время сам небольшой гвоздеделательный завод и человек весьма сведующий в заводском деле, не замедлил прибыть на Кутим. Здесь в административном отношении он застал большие беспорядки, особенно хромала бухгалтерия. Компаньоны ассигновали сумму на постановку правильной отчетности и послали опытного бухгалтера. Г. поразила также не подходящая для завода местность по причинам, изложенным выше. Направив бухгалтерию, он вернулся в Москву.

У Шписа в это время в качестве разведчика рудорождений служил некто N., человек, вся жизнь которого прошла на Урале в службе горному делу. Его так же засадили за отчетность. Привыкши больше находиться в лесу, N. был крайне недоволен таким оборотом дела, и у него вышло серьезное столкновение с хозяином; он даже вынужден был оставить службу у Шписа. Об этом узнал Г. и сообразил, что такого случая упускать не следует. Он немедленно телеграфировал N., чтобы тот явился в Москву для переговоров. В Москве Г. заключил с N. условие, по которому тот должен делать по Вишере разведки на руду и ставить столбы. А так как Г. – француз, то разведки решили делать на имя некоего Клейста. По возвращении на Вишеру N. составил партию из опытных уральских разведчиков и принялся за поиски руды, невероятное количество которой облегчило его задачу.

Вполне понятно негодование Шписа при таком маневре со стороны Г... И он пустил в ход все средства, какие считаются с точки зрения горнозаводской этики дозволительными, чтобы только подорвать кредит неожиданного конкурента. Чердынскому купечеству, у которого происходил забор припасов для N-ской партии, было внушено, что Г. – простой авантюрист, человек без всяких средств, ведущий дела на авось. Но N., человек энергичный и опытный, продолжал действовать очень успешно. Он, во-первых, научил некото-

рых вишерцев, как следует замечать рудные места, как распознавать руду, а главное, внушил им такое доверие, что они несли ему показывать всякий замечательный камушек. За открытие руды он платил им хорошие деньги и разжигал их аппетиты. Тогда-то были открыты Юбрьшка, Чуваль, Шудья, богатства которых поразительны. Такой успех вскружил всем головы, и на Вишере началась знаменитая «железная горячка». Не говоря о том, что почти все вишерцы бросили свои дела и сделали рудоискателями, сюда нахлынула толпа посторонних лиц, мечтавших об открытиях вроде Юбрьшки. Рудоискателями сделались совершенные профаны в этом деле. Сделаны были сотни заявок, и вся Вишера обставилась заявочными столбами... Но достигнув своей кульминационной точки, «железная горячка» начала быстро остывать, и напрасные поиски большинства лиц охладили и других. Г. захватил в свои руки все важные заявки и оказался единственным хозяином их. Всего больше его внимание привлекла гора Юбрьшка, где залегание магнитного железняка оказалось громадно и запас руды можно считать сотнями миллионов пудов. Магнитный железняк в этой горе, возвышающейся над уровнем Вёлса на триста сажен, идет пластами от полутора до шести сажен толщиной, хотя достоинство руды не особенно высоко, не свыше сорока пяти процентов, так как руда эта представляет из себя вкрапленность гнезд магнитного железняка в габбро. Но положение Юбрьшки между Вёлсом и Вишерой удобно для постройки завода. Кроме того, недалеко от Юбрьшки, в девяти верстах, обнаружены прекрасные руды бурого железняка с содержанием железа свыше пятидесяти процентов.

Все эти обстоятельства утвердили Г. в мысли построить завод именно при устье Вёлса или на Вишере, недалеко от Юбрьшки. Г. сам не обладал достаточным для такого дела капиталом и вступил в компанию с русскими негоциантами Морозовым и Крестовниковым. Начались подготовительные работы для постройки Вёлсинского завода. Тут пришлось считаться с громадными затруднениями от недостатка рабочих рук. Вишерцы были неспособны к таким работам, а пришлые рабочие находили себе заработок на заводе Шписа. Пришлось делать вызов рабочих из других губерний и платить им двойные деньги. Но всё же у подножия Юбрьшки со стороны Вёлса был выстроен целый поселок, к реке проведена прекрасная дорога, произведена осушка болот. Работы эти обошлись очень дорого, а потом, при более внимательном рассмотрении дела, оказалось, что завод нужно ставить на другом месте, именно на Вишере, в урочище, носящем название «Белые Мхи». Таким образом, громадные затраты и работы оказались совершенно непроизводительными. Начали снова строиться на Белых Мхах... Но русские компаньоны испугались дальнейших расходов, и у них вышла крупная размолвка с Г., грозившая дойти до суда. Но дело покончили домашним способом, и компания распалась. Г. снова остался единственным владельцем рудников...

Так отцвело, не успевши расцвести, «Общество привишерских горных заводов»...

Шпис, между тем, продолжал свое дело. В 1895 году он пустил в действие вторую доменную печь, при которой была установлена отдельная горизонтальная двучилиндровая паровая воздуходувная машина в сто шестьдесят сил,

с двумя котлами, с двумя воздухонагревательными аппаратами и рудодробилкой. Обе доменных печи дают в сутки свыше трех тысяч пудов чугуна. В то же время увеличивалось и заводское население; на Кутиме уже насчитывалось пятьдесят домов, не считая заводских строений. От завода до реки Вишеры была устроена конная железная дорога на протяжении тридцати пяти верст. Но в общем дела Шписа шли далеко не блистательно; главное затруднение представлял вопрос транспортный.

Оставленный компаньонами Г. убедился, что среди русских капиталистов он не найдет поддержки замышляемому предприятию, а потому отправился во Францию пропагандировать свое дело. Там он нашел людей более энергичных и не боящихся приложить труд и капиталы на такое многообещающее предприятие. И вот в Париже составилось общество для эксплуатации вишерских богатств. Общество образовалось на акциях и получило официальное название «Вишерско-Волжское акционерное общество металлургических заводов». Русское правительство отнеслось к нему сочувственно, и, благодаря хлопотам Г., отпуск леса для новых заводов был облегчен и деятельность их была приурочена к положению посессионных заводов на Урале, что, конечно, на первых же шагах значительно упростило и удешевило постановку дела. Основной капитал общества составляет восемнадцать миллионов рублей, разделенных на три выпуска.

Кроме Вишеры решено построить сталелитейный завод на Волге, около Казани, куда железо будет доставляться с вишерских заводов.

Шпис, понятно, не мог бы выдержать такой конкуренции, а потому он продал свой кутимский завод французам за два миллиона сто тысяч рублей; из этой суммы он пятьсот тысяч рублей получил за имеющийся налицо миллион пудов чугуна. Таким образом, французское общество оказалось полномочным распорядителем всего вишерского края и его богатств.

Первым долгом французы начали приискивать место, где можно было бы поставить новый обширный завод, по возможности в низовьях Вишеры, чтобы захватить побольше сплавных притоков, по которым сплав леса не имел бы препятствий.

По их соображениям таким условиям удовлетворяла местность при устье реки Вижаихи, против деревни Бахари, от Чердыни по прямому направлению в двадцати восьми верстах. Тотчас же начались деятельные работы, и постройка завода быстро подвигается.

Теперь невольно является вопрос: как отнеслись к условиям новой жизни и как она отразилась на аборигенах вишерского края? Чтобы дать ответ на этот вопрос, я предлагаю вам, читатель, пропутешествовать вместе со мной по вишерскому краю и взглянуть воочию на ту картину, какую в настоящее время представляет этот край. Путешествие будет не из легких, и нам предвидятся всевозможные затруднения. Но пусть нас не утешит ни перспектива возможной голодовки, ни встреча с лесными зверями, ни быстрота Вишеры, и, что всего опаснее, не утешимся подозрения, что принадлежим к числу корреспондентов, этих вреднейших микробов современной жизни... Итак, руку, читатель, и в путь!

На пароходе

*Пароход тронулся и
мимо нас замелькали
берега пустынной реки
с признаками пробуждающейся
здесь жизни.*

Из дневника туриста

На землю спускались сумерки, те майские северные сумерки, которые являются предшественниками белой ночи. Я ехал чистенькими улицами Чердыни, этой древней столицы Биармии, а ныне просто уездного города Пермской губернии. Он был виден весь как на ладони. С юга он замыкался тюрьмой, с севера кладбищем, с запада небольшой полоской полей, а дальше темным лесом, с восточной же стороны река Колва тихо катила свои воды. Несмотря на довольно еще раннюю пору, на улицах не было заметно никакого признака жизни. Ворота купеческих домов были заперты крепкими засовами, из дворов при малейшем шорохе раздавался хриплый лай цепных собак. С улицы видно, что во всех углах домов благочестивых обитателей Чердыни горели лампадки, свет которых расплывался в сумерках белой ночи. Среди этой торжественной тишины каким-то диссонансом раздавались звуки духовой музыки, несущиеся из самого центра города. Жиденький оркестр старался исполнить какую-то польку, а раздраженные псы в более чувствительных местах сопровождали ее протяжным завыванием.

– И выдумают-же эти баре, чтобы им пусто было, по ночам на музыке наяривать, добрым людям спать не дают! – сердито промолвил мой ямщик и даже плюнул в сторону. Он, видимо, не понимал духовой музыки и не понимал того, что она составляет гордость местных клубистов...

Я мысленно перенесся в сад, где теперь происходит гулянье. Там на пространстве нескольких квадратных сажен интеллигентный, или, вернее, бюрократический, элемент общества с сознанием собственного достоинства прогуливается по аллеям. Шесть человек доморощенных музыкантов напрягают все усилия, чтобы угодить господам. Для подкрепления сил своих они частенько прибегают к возлияниям и часам к двенадцати становятся неспособными издать никаких звуков, и гулянье заканчивается. Более важные бюрократы удаляются в клубное помещение и здесь, за винтом, глубокомысленно проводят время до утра. Есть и буфет, но, впрочем, читатель, эти «родные» картинки так хорошо известны, что всего лучше не останавливаться на них, а продолжать начатое повествование.

Сопровождаемый звуками польки, я проехал улицы и приблизился к спуску на Колву. С высоты холмистого берега передо мной развернулся настоящий северный пейзаж, во всей его дикой красоте. Внизу, прихотливо извиваясь, текла Колва; за ней шли луга, среди которых, подобно кускам зеркала, блестели озера; дальше шел темный хвойный лес до самой линии горизонта; а там, гордо поднявшись кверху, высился отрог Урала – Полюдов камень, синий-синий при свете белой ночи... Как уроженец севера, я люблю нашу

северную, суровую в своем однообразии природу. Не блестит она обилием красок, не подавляет богатством ландшафта, но зато всё в ней так спокойно, так величаво-беспредельно; тут чувствуется несокрушимая сила, и невольно передается она человеку, кладется в основу характера северянина, помогая ему вести тяжелую борьбу за существование...

Пристань оказалась более оживленной, чем сонный город. У Ржевинской пристани стоял один из пассажирских пароходов, совершающих рейсы между Чердынью и Пермью. Электричество работало, и из окон освещенной рубки вырывались на свежий воздух голоса и слышался порою звон стекла; там некоторые из чердынцев, решившие «провести эту ночь веселей», выпивали и закусывали к великому неудовольствию заспанного официанта.

Канторка французских заводов оказалась тут же поблизости. Небольшой чистенький пароходик «Василий», составляющий собственность Василия Васильевича Черных, разводил пары и готовился к путешествию на Вишеру. Шла деятельная нагрузка товаров. Кладь была всевозможных родов, особенно много каких-то железных труб, очевидно для заводской надобности. «Василий» поведет за собой две баржи с заводскими товарами и небольшой шитик золотопромышленника Алина со съестными припасами на прииск. Уже по одному этому можно было судить о том оживлении, какое теперь царит на Вишере. Капитан, он же и хозяин, сообщил мне, что его пароход совершает теперь рейсы до Усть-Улса и будет их совершать до тех пор, пока позволит вода; Василий Васильевич очень доволен своим пароходом, построенным этой зимой.

– Хороший работник оказался, как раз для такой реки. Вот говорили, что по Вишере нельзя быть правильному судоходству, а я два раза сходил до Усть-Улса, да еще с двумя баржами, и буду ходить куда можно. Заводские меня очень одобряют и обещают не оставлять без клади.

Пассажиров до Вижаихи в третьем классе набралось очень много; это были большей частью все рабочие из татар Казанской губернии. Многие пришли сюда без гроша денег и теперь не могут заплатить за проезд. Вот кучка их, снявши шапки, подошла к капитану с просьбой о скидке. Василий Васильевич благодушно приказал их пропустить, и ошачливленные бедняки рассыпались в благодарностях. В первом классе нас оказалось всего два пассажира. Спутник мой, лесопромышленник, ехал только до Вижаихи. Кажется, еврейского происхождения, это был типичный представитель лесных хищников, опустошавших наши северные леса. Он жаловался, что на Вишере частной лесопромышленности наступил конец и что французы прибрали всё к своим рукам.

– А любопытные лесочки есть там! – вздыхал он.

Грузка кончилась. Пароход забуксировал свои баржи, что при небольшой ширине Колвы было делом, требующим большой сноровки и осторожности. Раздался свисток на молитву.

– Молись Богу! – по обычаю, властно крикнул капитан.

Еще прощальный свисток – и мы понеслись по течению Колвы.

Белая ночь была так тепла, что, несмотря на позднюю пору, мне не хотелось сходить с трапа. Я следил, как постепенно отдалялся от нас город, рас-

кинувшийся на семи холмах. Мы шли между низменными луговыми берегами и скоро миновали село Серёгово в трех верстах от Чердыни. Еще через версту показалась Вишера. Некоторое расстояние обе реки текут почти параллельно, разделенные узкой полосой берега. Сделали заворот и вошли в Вишеру. Вверх по течению пошли, конечно, не с такой быстротой. Характер берегов напоминает Колву, и я знал, что вплоть до Вижаихи ничего интересного не встретится и что вид будет один и тот же: река, катящаяся между невысокими лесистыми берегами, а потому удалился спать.

Часов в семь утра, освеженный сном, я опять вышел наверх. Великолепное майское солнце сияло в небесной синеве. Хвойные леса, стеной подошедшие к берегу, выглядели гораздо приветливее, чем ночью. Пароход бодро рассекал кристальные воды Вишеры. Воздух был чист и живителен.

На трапе сидели капитан и лесопромышленник.

– Посмотрите-ка, – обратился ко мне капитан. – Полуд-то где!

В самом деле, Полуд, вместо того чтобы быть впереди нас, оказался позади. Теперь он принял иную форму, чем в Чердыни. Он напоминает гигантскую копну сена; вся его поверхность покрыта лесом.

– Вы спали, – продолжал Василий Васильевич, – а он тут всё время перед нами вертелся, то сзади покажется, то спереди, а то с боков. Страсть как Вишера извилиста.

Вскоре показалась первая пристань французских заводов – Чёрная, расположенная на правом берегу реки. Здесь грузят чугуны, доставляемый из Усть-Улса в вишерских шитиках; сюда же доставляется из Чердыни часть товаров, которые накладываются в пустые шитики и поднимаются вверх по Вишере. Около берега стояло несколько таких посудин, и рабочие вытаскивали куски чугуна на берег, где складывали в виде поленниц.

От Чёрной до Вижаихи всего пять верст, и через час перед нами предстал этот вновь строящийся завод.

Говорить о Вижаихе мне еще будет представляться случай, а потому на этот раз я ограничусь немногими фразами.

Если слова «американская деятельность» составляют синоним слов «кипячая деятельность», то лучшего выражения для характеристики теперешней Вижаихи не подыскать. Воистину здесь свирепствует американская деятельность. Заводские здания растут с поразительной быстротой; дым от обжигания извести, голоса тысячи рабочих: русских, татар, зырян – носятся в воздухе... Река особенно оживленна. Десятки шитиков, барж, несколько пароходов придают оживленный вид недавно пустынной Вишере, через которую нынче французы перекинули телефонную проволоку.

Пролавировав среди разных судов, мы подошли к вижаихинской конторке, покрытой массой народа. Тут находились заводские служащие и рабочие для выгрузки клади. Все страшно суетились, кричали. Какие лица тут были!.. Более важные служащие первым делом справились у капитана насчет буфета.

– Погодите господ! – умолял осажденный Василий Васильевич, в следующий рейс обязательно с буфетом явлюсь, нынче не успел еще...

Сдавши кладь, мы намеревались продолжать наше путешествие, как вдруг прибежал запыхавшийся служащий и объявил, что с нами поедут французы

до Усть-Улса. Пришлось подождать. Вскоре показалась телега, доверху нагруженная чемоданами; то был багаж французов. А вот и сами хозяева вишерского края. Три господина, в черных круглых шляпах, в изящных, но простых костюмах, спускались по сходням конторки, на которой мгновенно воцарилась тишина и сам собою очистился широкий проход. Какой-то мужчина, с лицом итальянского браво, до того времени осыпавший рабочих нецензурными ругательствами, теперь быстро застегнулся на все пуговицы, изобразил на лице своем подобострастную улыбку, подошел к французам и сообщил, что багаж внесен в каюту.

Раздались звуки французского языка, и три джентльмена обменялись рукопожатиями. Один из них, *monsieur R.*, управляющий Вижаихинского завода, не ехал с нами, а только провожал своих товарищей: главноуправляющего заводами *monsieur P.* и, кажется, инженера *monsieur N.*

Мы тронулись. Ясная погода позволяла оставаться наверху и любоваться видами. Местность около Вижаихи довольно заселена. Мы прошли мимо деревни Морчаны, с волостным правлением, на противоположном берегу (левом) раскинулось село Бахари, немного дальше деревни Ничкова и Митрокова.

Вид Полюдова камня, находящегося в шести верстах от Морчан, возбудил толки между пассажирами третьего класса.

– Вот, братцы мои, – говорил один из рабочих своим товарищам, – в эфтой самой горе великан, сказывают, жил, и спрятал он, братцы вы мои, клад, и найти его никак нельзя, слово надо знать. А про это мне сказывал старик-вишерец, верный человек.

– Ну, французы, те и без слов найдут, потому дошлый народ! – вмешался другой рабочий.

– Нет, брат, врешь! Хитры они, а клад-то хитрее их: они рыть будут, а он всё в землю уходит, и ништо тут не поделашь, это уже вишерцы так говорят.

– Этим подлецам вишерцам слова нельзя верить! – прервал разглагольствования рабочего какой-то «спинжак», очевидно мелкий заводский служащий. – Их всех перевешать следовало, потому – мошенники, особливо бахаревцы! Они каждого проезжого человека ободрать готовы, как липку; теперь вот господа хорошие на Полюд ездят, любопытствуют, потому вид там хороший, природа, значит, любознательная, так сколько денег они переплачивают бахаревцам зря, так за показ дороги. Свины они неблагодарные: завод им благоденствие делает, а они заводских служащих нисколько не уважают. Мне вот нужно было из Бахарей на Вижаиху попасть, всего версты три в лодке сделать, так эти стервецы два рубля с меня сдули, чтобы им пусто было! Теперь вот пароходы зачали до Усть-Улса бегать, за три рубля от Чердыни едешь, а раньше в лодках пятнадцать – двадцать рублей надо припасасть...

Действительно, развитие пароходства лишило вишерцев выгодного заработка – перевоза пассажиров в душегубках. Зарабатывали же этим путем они немало, так как с развитием заводской деятельности, конечно, усиливалось и движение. Река Вишера раньше считалась судоходной на очень незначительном протяжении, но в последние годы инженер Великанов

на средства, ассигнованные правительством и отчасти заводом, настолько улучшил ее русло, что в настоящее время пароходы могут беспрепятственно доходить до Усть-Улса, то есть двести верст от Чердыни. Надо отдать полную справедливость действиям господина Великанова: там, где прежде с трудом проходили душегубки, теперь проходят большие суда с кладью. Для улучшения русла он употреблял две меры: взрывы и устройство дамб. Главным препятствием пароходству служили громадные подводные камни, о которые вода разбивалась со страшной силой, пенилась и образовывала настоящий водоворот; беда для судна – наскочить на такой камень! При помощи динамита в настоящее время все опасные камни уничтожены. Искусно же сооруженные многочисленные дамбы подняли уровень воды в мелких местах на должную высоту, и Вишера может теперь красоваться в учебниках географии в числе судоходных рек, причем протяжение ее судоходности подвигается, благодаря работам господина Великанова, всё выше и выше.

Начиная с Бахарей река принимает настоящий горный характер. Как красива эта кристальная вода, позволяющая различить дно, устланное разноцветными камнями; как красивы эти прибрежные скалы и эти одинокие деревца, Бог весть как забравшиеся на выступы скал!.. Но всеразрушающая рука человека коснулась даже этих гигантских камней: много их разрушено, и куски известняка сложены на берегу в правильные кубические массы, которые потом грузятся на барки и плавятся до Вижаихи.

Между тем небо обложилось тучами, заморосил мелкий дождик; пришлось удалиться в рубку. Там наш любезный капитан приказал сервировать обед, что для наших проголодавшихся желудков оказалось весьма кстати. Оживленного разговора за столом завязаться не могло: французы почти не говорили по-русски; но это несколько не препятствовало обеим сторонам обмениваться мелкими услугами и чувствовать себя вполне непринужденно. Оба француза оказались европейцами в самом благородном смысле этого слова. Особенно привлекателен был *monsieur P.* Сильный брюнет с черными ласковыми глазами и роскошными усами, он при своем богатырском сложении и высоком росте производит неотразимое впечатление. Голос его, с легким грассированием в выговоре, чрезвычайно музыкален. Особенно хорош *monsieur P.* бывает, когда смеется, видя, что его «русского» языка не понимают. Тогда он так мило улыбается, его черные глаза так искрятся, что вы невольно поддаетесь очарованию этой симпатичной личности... Воображаю, какое впечатление он должен производить на женщин...

Другой француз хотя и не обладал физическими данными *monsieur P.*, но его карие глаза, в которых светится грусть, быть может о покинутой Франции, располагают в его пользу. Оба француза всё время усердно изучают русский язык, и из их карманов постоянно выглядывает франко-русский словарь.

С собой они везут большой запас красного вина, без которого почти не могут существовать.

После обеда капитан, чердынский чиновник, севший также на Вижаихе, и *monsieur P.* начали играть в винт, сопровождаемый массой недоразумений самого комического характера. *Monsieur P.* перед игрой вынул из карма-

на изящную книжечку, а из нее листок бумаги, аккуратно разграфленный и записанный русской терминологией винта. Конечно, при таких обстоятельствах игра не могла идти с желательной скоростью, и партнеры вскоре прекратили ее.

Чем выше поднимался наш пароход по Вишере, тем переборы становились чаще и течение стремительнее. Но пароход, казалось, был приспособлен для такой воды, и, несмотря на две баржи, которые он тянул на буксире, мы шли со скоростью семь верст в час. Василий Васильевич имел полное право гордиться своей новинкой. Пароход ему обошелся всего в двадцать восемь тысяч рублей, а между тем этой же зимой французы заказали на завод Любимова специальный пароход для Вишеры по своим чертежам, обошедшийся им, кажется, в семьдесят тысяч. Пароход носил название «Боец» по имени самого опасного здесь перебора, но при первом же рейсе потерпел полное фиаско: он не мог поднять даже сам себя по этой быстрой реке. А между тем представлял из себя последнее слово науки и построен был по образцу пароходов, которые работают на порогах Нила. Но как «хлеб русский на английский манер не родится», так и для русской реки оказалась непригодной пароходная система Нила... Пришлось французам отдать свой пароход для переделки его на обыкновенный тип наших буксирных пароходиков.

В настоящее время заводы владеют тремя пароходами: «Вёлсом», «Александром Невским» и «Сормово», но так как их не хватает для работ, то заводы еще арендуют и другие. Черных учреждением постоянного сообщения между Чердынью и Усть-Улсом оказал большую услугу не только заводу, но и всему краю, попасть в который раньше зависело от тысячи случайностей. Теперь же при урегулированном движении можно вполне располагать своим временем. От Чердыни до Усть-Улса и обратно пароход «Василий» употребляет всего трое суток. От Чердыни до Вижаихи тоже установилось правильное движение: там работает пароход купца Юрганова «Обвинец». Таким образом, вишерский край в настоящее время, благодаря правильно установленному судоходству, примкнул к остальной культурной России, тогда как всего два года тому назад попасть сюда можно было с большими затруднениями. По всей вероятности, завод обратит должное внимание на деятельность господина Черных и поощрит его как пионера судоходного дела по Вишере.

Несмотря на дождь, я до самой ночи, закутавшись в кожаный плащ, проводил время наверху и любовался картинами вишерской природы. Река замечательно извилиста, течет среди высоких скал, покрытых лесом. Деревень очень мало. Мы прошли мимо величественного Говорливского камня, стеной подошедшего к самой воде. Голова кружится, когда смотришь снизу на этот каменный массив. В ясную погоду здесь раздается замечательное эхо, особенно на заре. Замечателен также Сыпучий камень своей конструкцией; он весь состоит из нескольких рельефно обрисовывающихся пластов, идущих дугообразно. Песчаник, из которого он состоит, постоянно осыпается, и мелкие гальки летят в воду. А вот громадный, в виде стены крепости, Писанный камень, со своими таинственными иероглифами.

В одной деревне мы остановились для грузки дров. Толпа мужиков в своих характерных лузанах и баб в платях домашнего синего холста высыпала на берег.

– Вот она – чучь (чудь) непросвещенная! – с иронией воскликнул «спинжак», враг вишерцев. – Ровно дикари глаза вытарасили.

Печально созерцали прежние хозяева Вишеры пароход, отбивший у них заработок.

– Принимай чалку! – властно крикнул капитан.

Несколько вишерцев с покорностью бросились к чалке, но по неопытности не могли с ней справиться. Градом посыпались на них ругательства. «Спинжак» страшно возмущался: «Вот чучь бестолковая!» Наконец кое-как прикрепили буксир.

Пассажиры высыпали на берег для закупки съестных припасов. Несколько баб принесли по десятку яиц, и они вмиг были раскуплены. Больше ничего не оказалось в деревне, и пассажиры роптали.

Я подошел к кучке баб, среди которых одна пассажирка третьего класса что-то жалобно говорила.

– Так и потерялся он, – услышал я протяжные слова, – ушел на завод из Покчи, и слух об ём пропал. Не видали ли вы его, голубоньки?

– А испивал он у тебя? – спросила одна из баб.

– Ой, испивал, бабоньки, страсть как испивал! Раньше не так пил, а как пошли эти заводы да стал он на их робить, и беда зачал пьянствовать. А теперь вот и пропал совсем.

– Нет, бабонька, не видали мы твоего сынка, много у нас нонича чужестранного народа ходит, где всех упомнить! И страсть как нонича одурел народ! Все мужики таперича, щепица им в хайло, всё пьют не по-божьему... Погибель наша приходит...

Вечером добрейший капитан угостил нас ужином. Проведенный вместе день сблизил наше разнородное общество, и мы чувствовали себя еще лучше, чем за обедом. Василий Васильевич принес несколько бутылок и обратился к французам:

– Вот не хотите ли, это водка; водка, – еще раз повторил он членораздельно для пущего вразумления.

– Водка! – улыбнулся monsieur P. и, подставив рюмку, прибавил: – Пошла люста!

Он начал ее смаковать, как ликер, заедая хлебом. Но наш отечественный «ликер» не по вкусу пришелся французам, и сморщился он, к великому удовольствию Василия Васильевича. Предложили другому французам.

– Ему можна: он моледа шалебек! – шутил monsieur P. Но «моледа шалебек» предпочел свое красное вино нашему национальному напитку.

Утром следующего дня мы достигли большой деревни Акчим (тридцать шесть дворов), против которой построены заводские здания. Здесь живет заведующий разведочной партией господин N., к которому французы имели дело. Заводские строения расположились на мысе, образовавшемся от впадения реки Акчим в Вишеру. Видимо, что местность недавно только освобождена от леса, о чём свидетельствуют торчащие

всюду пни. N. живет в прекрасном поместительном доме. Тут же находятся несколько строений для рабочих и дом для таксаторской партии, производящей отвод лесов заводам. Акчим стоит почти в середине заводской территории, и господину N. удобно делать отсюда поездки во все концы.

Он дожидался приезда французов и встретил нас на берегу. Скажу несколько слов об этой замечательной личности.

Человек энергичный, несомненно умный, незаменимый горный ищейка, он представляет из себя тип штегерей старой школы, тех штегерей, которые создавались на Урале во время крепостничества; тип этот в настоящее время исчезает, и N. является, быть может, «последним из могикан» этой породы закаленных людей. Вся жизнь его прошла в горах и лесах Урала в поисках разных рудорождений. При своей опытности он человек незаменимый для заводов. Все вишерские открытия обязаны главным образом его умению ориентироваться, его выносливости, а главное, его уму и глубокому знанию практической стороны дела. Недаром получил он прозвище «горного духа», прозвище, всего более подходящее к нему. Самая его наружность замечательна: массивный старик, с белыми, как снег, волосами и бородой, с ясными голубыми пронизательными глазами, теми глазами, которые, по народному выражению, «на три аршина в землю видят», он своей наружностью вполне оправдывает данное ему прозвище.

Одетый в простой азиям, подпоясанный поясом, в длинных сапогах, стоял перед нами этот «горный дух», любезно приглашая нас в дом, где мы и провели несколько времени за веселым завтраком. Французы начали деловой разговор с N. Разговор этот едва ли привел к каким-либо практическим результатам: обе стороны говорили на разных языках... Вообще, дело много проигрывает от незнания французами языка народа, среди которого они ведут свое грандиозное предприятие...

N. нужно было показать вновь открытую им руду французам, и он отправился с нами на пароход.

В этот день мы прошли Боец – самый сильный из всех переборов. На пространных нескольких десятков сажен вода со страшной силой бурлит, пенится и образует настоящий водопад. Шум от этого перебора слышен за версту. Теперь, при большой воде, течение было еще стремительнее. Боец до Великановских работ был гораздо опаснее, и часто суда здесь разбивались совершенно о подводные камни.

Мы на этом переборе промаялись несколько часов, но в конце концов победоносно одолели его. Конечно, пароходу немислимо было вести зараз обе баржи, и их провели поодиночке. Ночь застигла нас уж за перебором, и мы, ввиду густого тумана, непроницаемой пеленой окутавшего всю окрестность, бросили якоря и заночевали у какой-то скалы.

Утро следующего дня было отвратительно: холод, туман и дождь наполовину со снегом не позволяли нам высунуть носа из рубки, где мы и протомились вплоть до прибытия в Усть-Улс.

Усть-Улс

Vae victis!

Направо – горы и река,

Налево – темный лес...

Невольно пришли мне на память слова поэта, когда я увидел Усть-Улс, последнюю деревню в верховьях Вишеры. Я знал, что это деревня оседлых вогулов, которые совершенно ассимилировались с русским населением и утратили свои природные черты. Слышал я мельком, что усть-улсинские вогулы есть истинные аборигены края и его законные владельцы, что подтверждено грамотами «старых царей», и что эти грамоты имеются в руках вогулов и в настоящее время. С любопытством, вполне понятным, смотрел я на деревню и ее окрестности.

Передо мной раскинулась мрачная, подавляющая картина! Низкие свинцовые тучи темным флером окутали весь небосклон и спрятали от любопытных взоров верхушки обнаженных гор. Мокрый снег хлопьями валил на землю. На правом берегу пенящейся от переборов реки, по склону высокого холма, разбросаны в хаотическом беспорядке жалкие домишки. У самого берега стоит несколько новых зданий, построенных недавно поселившимися здесь торговцами. Мрачный хвойный лес обступил деревню с трех сторон, перекинулся через холм и ушел вдаль, взбираясь опять на холмы и горы... На противоположном берегу заводские строения расположились на узком пространстве, какое осталось от лесистого холма с одной стороны и реки – с другой. Дым от массы углежечных печей висит в воздухе; порою, когда он рассеивается, в туманной дали на минуту открывается вид на верхушки обнаженных гор с полосами снега...

Но жизнь кипит вокруг. У заводского берега реки стоит несколько десятков шитиков, на которые рабочие с песнями таскают чугуны. Несмотря на отвратительную погоду, слышно пиликание гармоник, и разноязычный говор татар, зырян, русских не умолкает ни минуту.

Усть-улсинская пристань играет весьма важную роль в деятельности вишерских заводов. От этой пристани всего тридцать пять верст до Кутимского завода, на который отсюда ведет конная железная дорога, почти всё время идущая по берегу Улса, а потом Кутима. Постройка этой дороги стоила немалых трудов и обошлась в сто пятьдесят тысяч рублей. Всё время дорога лепится к крутым скалам, которые приходилось выравнивать, взрывать. С одной стороны перед глазами путника крутая, отвесная стена, а с другой – пропасть, на дне которой бешено клокочет Улс. У непривычного человека голова закружится от такого зрелища. А тут еще вагонетки постоянно соскакивают со сквернейших рельсов, или же нарочно приходится опрокидываться, чтобы пропустить поезд с углем или чугуном...

Самая пристань растянулась по берегу Вишеры на протяжении целой версты. На этом пространстве поместились амбары, казармы рабочих, контора, домики служащих, углежечные печи; в конце же пристани отведено место

для чугуна, который складывается здесь в виде полениц и до которого проведены рельсы конки.

Вся кладь, идущая на Кутимский завод или с него, первоначально складывается здесь и потом уже следует далее, вследствие чего на пристани царствует постоянное оживление. Несколько сот рабочих, большей частью татар, заняты перегрузкой товаров. Весь транспорт доставляется сюда на шитиках, которые поднимают по Вишере с помощью лошадей. В обратный путь они спускаются с грузом чугуна.

Коренные обитатели вишерского края главным образом заняты в настоящее время доставкой этих шитиков до Усть-Улса от пристани Чёрной и обратно. Работа эта хорошо оплачивается, и, имея одну лошадь, исправный рабочий зарабатывает до трехсот рублей в лето, а без лошади, в качестве простого рабочего, до ста рублей. На специально же заводских работах вишерцы не привились, и там действует главным образом пришлый элемент, особенно татары, преобладание которых бросается в глаза, и в последнее время здесь назревает татарский вопрос, всё более обостряющийся, так как татары гораздо выносливее русских и более способны к «огненной» работе...

Имеют вишерцы еще заработок на лесной работе, то есть на доставке леса и дров, но в последнее время и здесь им приходится отступать на задний план, так как они не могут конкурировать с нахлынувшими сюда зырянами, специалистами во всяком лесном деле.

– Да и избаловались таперича вишерцы! – жаловался мне один из чердынских торговцев, имеющий постоянные дела с заводом. – И такие подлецы стали, что только и норовят как бы кого обмануть. И всё не впрок им идет: что заработают, сейчас пропьют. Особливо усть-улсинцы. Эти вогулы и баб своих пропили!..

В первый день своего приезда в Усть-Улс из-за отвратительной погоды я остался на заводском берегу и отложил осмотр деревни.

– Ничего любопытного вы не встретите в этой деревушке, – говорили мне заводские служащие, – только пьянство одно да разврат; можете еще и неприятность получить от зимогоров, а их теперь с приисков вернулось очень много, и страсть как дебоширят...

А один из частных подрядчиков дал еще более интересную характеристику обитателей Усть-Улса, именуя их «самыми подлыми людьми во всём свете».

– Без рубля их таперича из дому не выманишь, а то подавай два или три в день; с голодухи, окаянные, будут пропадать, а на работу не пойдут. Ведь они, подлецы, и пашню совсем забросили, все поля у них деревьями давно поросли, и охотой не занимаются, а когда-то были первые охотники по Вишере. Совсем пропащий народ сделался, кругом заработки большие, а они и домов поправить не могут, живут среди леса, а избы решето-решетом. Только и знают, что зимогор облапошивать!..

– А эти зимогоры кто такие? – спросил я.

– Это уж совсем пропащий народ. Это, значит, горные рабочие, которые совсем от дому отбились. Примерно сказать, и справный человек может зимогором сделаться, если слабость характера имеет. Пойдет, значит, человек робить на заводы, робит-робит, а потом заработок пропьет, и опять без всего

останется, и опять робит, а там уж пьянство так его затянет, што он норовит всякий заработок скорей пропить, только для водки и робит. И забудет такой человек, што на родине у него имеется семья, дом, всё забудет и делается настоящим зимогором, зимы, значит, в горах проводит... И ведь до того допьется, што всё с себя спустит, чуть не голый ходит, и когда уже совсем до тюки дойдет, опять робить зачнет; да уж на заводах-то плохая ему цена, потому знают тамока, што такое зимогоры есть... А вот эти проклятые усть-улсинцы все около зимогор околачиваются.

– Каким-же это образом?

– А вот каким: заработит зимогор копейку где-нибудь на Кутиме али на приисках и является в Усть-Улс, потому миновать ему этого места никак нельзя. А усть-улсинцы и рады гостю; сейчас его на фатеру к себе тащут, вином угощают. Ну человек и одуреет. Робил, значит, целу зиму, мерз, голодал, и за человека его там не считали, а тут такое раздолье, ну и закутит. В одну неделю весь годовой заработок спускают. А вогулишки-хозяева его облапошивают всячески и сами с ним пируют и всячески угождают, жен, дочерей своих дают бесчестить... А через неделю у зимогора гроша не остается, бывали случаи рублей по полтора спускали; рожа вся распухнет, а пить до смерти охота, ну одежду, обуй спустит, а потом хозяева увидят, што у гостя ничего, как есть, не осталось, – турят на улицу... Побродит бедный зимогор, изголодается весь и пойдет куды-ко за бесценнок на прииски али на завод, и за каторжный труд получит гроши, и опять явится в Усть-Улс пропивать, а потом и сгинет, как собака...

Улучив ясный день, что в Усть-Улсе большая редкость, я отправился посмотреть деревню. Для этого мне нужно было переехать Вишеру. Пройдя выше заводских строений, я достиг места, с которого усть-улсинские ребятишки перевозят в душегубках заводских служащих в деревню. Желающих переехать и теперь было много. Немалое количество возвращалось и из Усть-Улса, так что три-четыре лодки находились в непрерывном движении. Все возвращавшиеся с того берега были пьяны и в большинстве случаев держали в руках бутылки с водкой и разные закупки. Вот кучка татар, одетых в невообразимые лохмотья, с исхудалыми, бледными лицами, вылезает из лодок и пьяной походкой идет к пристани.

– Куда, знакомы, идете? – окликает их какой-то оборванец зимогор.

– На прииск к Шайдурову пойдём, говорят, работа есть.

– А што мало гостили?

– Деньга кунчал!

Перевозчики-ребятишки, завидев меня, наперебой стали приглашать каждый в свою лодку.

– Ко мне, барин, иди ко мне! – кричали они.

Я сел в одну из лодок. Двое мальчиков, лет одиннадцати-двенадцати, стоя на ногах в носу и корме, начали работать шестами. Дело было для них, видимо, привычное, и стремительное течение Вишеры быстро ими одолевалось.

– А много ли, ребята, вы в день зарабатываете? – спросил я во время переправы.

– По рублю, а то и по полтора приходится!

- И каждый день так?
- Ежеден. А в праздники и по три заробливам. Толды пьяных больше, по пятаку платят.
- Куда же вы деньги девааете?
- А ты куда девашь? – нагло спросил меня малец. – Знамо дело, проедам, а то и пропивам.
- Не ладно делаете, лучше бы родителям отдавали.
- А нож им в хайло! Мы будем робить, а родители на наши деньги пировать! Мы и сами сумеем!..

Чем больше беседовал я со своими юными лодочниками, тем наглее обнаруживался их цинизм, их развращенность до мозга костей. Да, «гнилая цивилизация» уже отразилась роковым образом на этих несчастных существах. Какое будущее их ожидает! Быть может, мне не придется увидеть расцвет этого «племени младого и незнакомого», но легко могу предсказать, что «расцвет» этот будет очень и очень печальным.

Но вот и самый Усть-Улс. На берегу красуются солидные постройки чердынских торговцев, бойко ведущих здесь свои торговые операции. Три или четыре лавки настезь открыты. Я зашел в одну из них. Настоящая американская универсальная лавка. Тут было всё: предметы первой необходимости и предметы роскоши. Кучка покупателей толпилась около прилавка. Какие тут были лица, костюмы! Вон несколько зимогоров, оборванных, босых, с распухшими от пьянства лицами. На несколько копеек они покупают себе какую-то тухлую рыбу. А вон и конторский франт, прибывший из-за реки. Этот больше налегает на пряники, конфеты и прочие деликатесы, «для барышень», как объясняет он, с шиком выкидывая на прилавок золотой. Протискались к прилавку и мои лодочники.

– Дайко-ся на пятак махорки фабрики Феникса! – охрипшим дискантиком кричит один из них. – Да вот ещцо изюму на гривенник!

Грязными руками кладут они купленный изюм в карманы, свертывают себе цыгарки и, закурив их, с важным видом удаляются из лавки, не возбудив ни в ком удивления. Только брат лавочника, молодой еще человек, с презрением обругал их «сопляками». Я завязал с ним разговор об обитателях Усть-Улса.

– Страсть как развратился здешний народ, – охотно отвечал он. – Вон, на что малые парнишки, и те водку лачат и табачище курят. А про больших и говорить нечего, все пропились. Вот пройдетесь по нашему селению, увидите, каков есть Усть-Улс.

Я вышел из лавки и принялся обозревать деревню.

Усть-Улс расположился по скату крутого холма, и только позднейшие постройки торговых людей стоят на берегу Вишеры.

Тут же находится и винная лавочка, около которой главным образом и сосредоточивается жизнь. Мне сообщили, что в прошлом году из этой лавочки вина было выпито на двадцать восемь тысяч рублей! И это в селении, состоящем всего из тридцати четырех лачуг! Здесь пропиваются деньги зимогорами и рабочими, идущими с золотых приисков.

Странное дело! Ведь этот кабак возник благодаря заводу, а между тем он находится не на той стороне реки, не на заводской территории, а в деревне,

которая благодаря ему спилась и развратилась окончательно. Заводоуправление умывает себе руки: пьянствуют усть-улсинцы, и это его не касается, не может же завод отвечать за нравственность обитателей края!

Около лавочки я увидел кучки пьяных зимогоров; о костюмах их не говорю, тут, скорее, было полное отсутствие всяких костюмов.

Зимогоры горланили безобразные песни, пили водку прямо из бутылок, угощали ею обитательниц Усть-Улса, находящихся тут же. Циничные разговоры, пьяные песни, гармоники производили такой шум, что я почел за лучшее обратиться подобру-поздорову.

По крутой тропинке добрался я до усть-улсинских изб. Боже, какие жалкие, полуразвалившиеся лачуги! И это в крае, где строевого леса не оберешься! Где в настоящее время можно зарабатывать до сорока рублей в месяц! С первого же взгляда виден во всем упадок. Огороды возделаны кое-как, а большинство из них и совсем не засажены и поросли бурьяном. За деревней идут заросшие деревьями поля. Вот уж лет пять как усть-улсинцы бросили хлебопашество, бросили охоту, а было время, когда они считались первыми охотниками по Вишере. Теперь их сохи заброшены далеко, ружья если не пропиты, то ржавеют без употребления где-нибудь на сараях, а сами хозяева спились окончательно... Вот во что обратились смелые немвроды чердынских лесов! *Sic transit gloria mundi!*..

У одной избы я встретил сильно охмелевшую девку, она, с пустой четвертью в руках, быстро бежала по направлению к кабаку; навстречу ей попадает другая обитательница Усть-Улса в таком же состоянии. Между ними начался разговор.

- Ты куда это, стерва полосатая, летишь?
- В кабак, милая, в кабак. У нас Митрошка вятской беды расхотился!
- Эфто который с приисков-то пришел?
- Че ино!
- Счастье вам, косорылым, Господь послал.

– Да ты, курва, слушай, што только он творит-то у нас: он у нас трое суток живет, семьдесят чалковых пропил. Песни поет, скачет, страсть!.. Вчера ен Ваньке-зимогору бает: «Вези меня на себе в кабак, я-де енерал!» Слышь ты! Ванька и повез! Сколько смеху было! Так на себе и повез! А седни стоит перед им четвертуха, почитай полная, только стакан из ее отпили, а он и кричит: «Тутока протухлое вино, не хочу пить!» Да как чикнет ее, четвертуху-то, только звякнет она, вся разлетелась! Вот за новой бегу! Больно баско! – И девка помчалась дальше.

Зашел я в избу одного ссыльного поляка, Курэлайтыса, живущего в Усть-Улсе больше тридцати лет. Он здесь женился на вогулке и сроднился совершенно с новой своей отчиной. Мне еще раньше про него говорили. Изба его нисколько не отличается от других изб, пожалуй, еще хуже. Я был поражен грязью, какая царствовала в избе. Жена Курэлайтыса, пьяная баба, ругалась с двумя зимогорами, лежащими на полу. Она требовала с них водки. На грязном столе две дочери ее грязными руками делали сочни для пельменей. Тут же на лавке лежал сын Курэлайтыса, мальчишка лет четырнадцати, совершенно пьяный. Изможденное лицо его носило на себе отпечаток окончательного вырождения

и страшной распущенности. Глава этой милой семейки лежал на печке и при моем входе слез с нее. Это был старик лет семидесяти, худощавый, но еще сохранившийся. Говорил он с польским акцентом. Странное впечатление производил этот представитель культурной расы, опустившийся теперь почти до животного состояния. Мы разговорились. О своем прошлом он мало говорил, и я мог только узнать, что он крестьянин, кажется, Виленской губернии и почти совершенно забыл теперь свой родной язык. Вишерский край знает хорошо и считает, что теперь началось его возрождение.

– А прежде что было! Так, тьма невежества. Жили как звери. Занимались охотой, рыболовством. На деревню в год добывали до шести тысяч парячков, сохатых до сорока, ну да пушнины. А теперь охоту бросили: потому зверь и птица ушли далеко; народ везде в лесу, испугали их. Прежде сколько лесных избышек было, а теперь все оне гниют. Хлебопашество тоже бросили, а теперь настоящим делом занялись на заводах; вон какие заработки. За заводских вишерцы Бога должны молить, потому свет теперь увидали; лапти бросили, сапоги надели, а вместо лузанов в спинжаки оделись. Кто с умом, теперь может деньги нажить. Вот я собираюсь завтра в контору сходить: руду открыл очень хорошую. А вы, барин, не золото-ли копать прибыли? – неожиданно спросил он меня, сверкнув хитрыми своими глазками. – Да вы сказывайте правду, я одно место знаю, так там самородки, как тараканы в избе, богатство...

В это время с шумом ввалилась кучка зимогоров, и Курэлайтыс начал прислуживать им. Он исключительно пропитывается около зимогоров, и в доме его царит страшный разврат... Я поспешил уйти.

Посетил я местного аборигена Петра Сысоича Усанина. Семья его считалась раньше, до заводов, самой зажиточной, а сам он одним из славных вишерских охотников. Следы былой зажиточности видны и в настоящее время в хозяйственных постройках Усанина, но веяние нового времени наложило на всё свою разрушающую печать, и видимо, что хозяева не озабочены поддержанием дома в должном порядке. Сам Усанин крепкий старик девяноста лет; он сохранил свою память, глаза его ясны; вообще, из себя он являет тип вишерца-охотника, тип, к сожалению, быстро исчезающий.

У Усанина сидели гости: местный вогул Данило, горький пьяница, с опухшим лицом, и несколько мелких заводских служащих. Меня Усанин принял за конторщика, пришедшего в деревню из-за реки «погулять», как это здесь водится. Старик, как и следовало ожидать, оказался ярим консерватором, защитником старых порядков и с умилением вспоминал о прошлой жизни:

– Прежде, до заводов, лучше было, занимались охотой и хлеб сеяли. А как настали заводы – народ пустился пьянствовать и попершал (обеднел). Хлебопашество бросили, промыслы тоже, и все пируют... Че заработ – всё пропьют!

– Ты много-то не болтай! – крикнул вдруг Данило-вогул. – Ты вот ему болтаешь, а нам вреда от этого выйти может! Бог его знает, што он за человек такой! Ты што старо-то время хвалишь. Таперича гли (гляди), каки заработки! Допрежь того мы как звери жили, а теперь мы белый хлеб едим, чай пьем; гли, в каждом доме самовар!..

– А кака тресья в самоварах-то! – сказал старик и смолк.

Тут началось угощение. Заводские служащие пили сами и подносили присутствующим. Данило-вогул хмелел всё более и более; вдруг он заплакал.

– Продал я курьинский луг, не видать мне его больше! – жалобным голосом сквозь слезы говорил он, растягивая слова. – Продал N. за восемнадцать рублей в год. А луг-то какой, братцы мои, верста с лишним. Сена-то, сена две тысячи пудов танока ставится... Сирота я горе горькая!

– Дурак ты, дурак! – захмелевшим голосом упрекнул его старик. – Ты бы с семьей своей сыт был эфтим-то лугом на веки-веков. А он, нако-ся, што сделал...

– Зачем же ты его отдал? – спросил я Данилу.

– Нужда пришла, деньги зандобились шибко.

– Пропил он его, – вмешался один из заводских служащих. – Они ведь здесь напьются, отца родного продадут. Тут у них торговцы-то наезжие, все луга законтрактовали, а сено им выгодно: на завод по пятьдесят, а то и по семьдесят копеек пуд ставят, а эти дураки им же за водку и скосят его. Ловко их тут объегорили. Совсем стервецы спились. Теперь почти без всего остались, только на зимогорах и выезжают. А ведь по правде-то, если разобрать, то эти самые вогулишки и есть настоящие здесь хозяева.

– Знамо дело, хозява! – ударив кулаком по столу, воскликнул Данило, – эфто супротив закона у нас землю отобрали. Всё наше. Мы управу найдем. Нам матушка Екатерина-царица жертвовала всю землю от Полюдова камня до верховьев Вишеры, всё в нашу пользу, а нас таперича теснят. Мы найдем управу, у нас старая гумага есть; мы докажем...

– А ты знаешь, каким образом вам дарована эта земля? – спросил я.

– А то какино. У нас допрежь того был свой князь, его, значит, мы слушались. Только у князя такой был обвычай: если я, значит, женюсь, то перву ночь князь с моей женой спит, такой, значит, обвычай. Вот один вогул в та поры женился. Князь послал за его бабой; наутро князь положил свою голову на колени к вогулке и велит вшей искать. А мужу-то невтерпеж это пришлось, он схватил нож и пырнул князя. Потом вогулы и передались русским. Екатерина-царица и дала нам эту землю. Вот как было дело. Только толды не все вогулы покорились русским; много семей ушло за камень в Берёзов, а здесья осталось мало.

Во время нашей беседы гости выпивали да выпивали и наконец совершенно опьянели; началась руготня, нескладные песни, и я вышел на улицу. Наткнулся на хоровод. Несколько девушек играли кругом и пели фабричные песни циничного содержания, занесенные сюда зимогорами. Во время перерыва грызли кедровые орехи, ели конфеты и вели откровенные разговоры. Одеты были все в ситцевые платья, а на одной было даже какое-то подобие шляпки.

– Глико-ся, девки! – воскликнула одна из девиц. – Ванька с Микиткой идут, да пьяные! Вот смехота-то! От земли парнишек не видно, а они налакались, ровно большие!

В самом деле, к хороводу подвигались два мальчика, в которых я без труда узнал моих лодочников. В каком они виде! Оба шли пошатываясь. Визитки у них были накинута на одно плечо, в зубах «цыгарки». Они всячески

старались показать, что пьяны до последней степени. Шатались из стороны в сторону, икали, делали вид, что им дурно, ругались самым площадным языком, словом, проделывали все манипуляции, какие проделывают заправские пьяницы.

Хоровод встретил их веселыми восклицаниями, и юнцы, подпевая циничной песне, пошли с кругом.

Грустно стало после такой сцены, и я пошел к перевозу. Но мне суждено было еще раз наткнуться на безобразную картину. Проходя мимо одного огорода, я увидел совершенно пьяную старуху, которая во весь голос горланила: «Кругом я так осиротела!»

– Хорошо ли я пою? – обратилась она ко мне, прерывая свою песню. – Это все гряды мои, я лук хочу резать, а там Медведихи гряды, она сволочь!.. А ты, конторской, иди ко мне, за вином сбегаю, деньги дай... У меня дочь есть!.. Хорошая девка! баская! Она тебя разуважит... Иди...

Я спешил скрыться, старуха пришла в ярость.

– Подлец ты, конторской! Все вы подлецы, споили нас. Перебить вас надо, стервецов!..

Довольно, читатель! Прошу прощения за описанные сцены. Что же делать, если такова действительность, если так сложилась жизнь, а закрывать на нее глаза едва ли разумно, а главное – едва ли гуманно...

Еще несколько раз после этого посетил я Усть-Улс. Мне хотелось увидеть вогульские грамоты, о которых они так много говорят и на которые с детским легковерием возлагают фантастические надежды. Но до грамот было трудно добраться. Сами вогулы не знали, у кого в настоящую минуту хранятся бумаги, и при бесшабашном пьянстве, ни на минуту не прекращающемся, трудно было добиться какого-нибудь толку. Наконец я решил обратиться к своему знакомцу Даниле. Зашел к нему утром и застал его в муках жестокого похмелья. Он мрачно поедал какую-то тюрю из кваса и хлеба. В его маленькой избушке было грязно и дымно. Несколько ребятишек играли на полу; слепая старуха-мать качала в люльке ребенка.

– Да у тебя, Данило, большая семья, заговорил я.

– Много, батюшка, у Данилы нас на хлебах живет, только вот хлебушка нету, – ответила за него мать.

Данило мрачно молчал.

Я понял, что для достижения моей цели надо разогнать эту мрачность более действенным средством.

Немного погода с повеселевшим Данилой я начал обходить вогульские дворы в поисках грамот; нелегкое это было дело. Грамоты куда-то запропали. Наконец пришли в избу к какому-то Фёдору Соловарову, где сидела пьяная компания. Грамоты оказались тут. Хозяин приказал своей жене принести их; она пошла в голбец и вынесла деревянную шкатулку, в которой беспорядочной кучей лежали разные бумаги. Я принялся их рассматривать. Присутствующие вогулы заинтересовались моими поисками и пьяными голосами упрашивали меня:

– Ты уж похлопочи за нас! Мы тебе заплатим!..

Настоящих документов тут не оказалось: были копии, и притом самого сомнительного качества. Видимо, что они несколько раз переписывались и смысл их постоянно искажался. Так, например, тут находился один длинный свиток с потерянным концом, переписанный не раньше тридцатых годов нашего столетия. Это была челобитная на имя государей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Софьи Алексеевны (sic). В ней били челом «нищия бедные сироты чердынского уезда вишерские и верх-печерские ясашные вогуличишки, сотник Ивашко Тулков, десятник Самсонко Дейков с товарищи на обиды, чинимые им русскими низовьев Вишеры». В челобитной указывалось, что раньше вогулы ясак свой, состоящий «из четырех сорока семи соболей в год», платили аккуратно. Но нынче настали тяжелые времена: «в чердынских вогульских ясашных угодьях зверя и рыбы стало меньше; сверх того, в те ясашные старые угодья русские люди учинились ходить для звериной добычи за Кваркуш и за Берёзовский камень и для рыбной ловли от Морчану по Вишере-реке до вершин и в тех ясашных угодьях почали рыбу вылавливать большими неводами и от тех, государи, неводов в реке Вишере стало безрыбно и мы, сироты, от русских людей в том стали избижены и голодны»...; далее сообщалось, что «раньше этого не было и по писцовым книгам места эти значатся за вогулами, а теперь стало совсем плохо и мы задолжали сибирским вогуличам большими неоплатными долгами звери ушли от нас за камень в пармовыя места, многия собаки у нас померли и промышлять стало нечем»...

Придавать этой челобитной какую-либо историческую ценность рискованно. Она вся переполнена анахронизмами: помечено, что писана в 1775 году, а обращена к государям Иоанну, Петру Алексеевичам и Софии Алексеевне (!?)...

Другой же документ имеет более ценности и достоверности. Так как вогулы им очень дорожат и на основании его считают себя собственниками края, то я привожу его целиком:

«Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из соликамской воеводской канцелярии. Чердынского уезда ясашные новокрещенные вогулы сотник Егор Андреев Соловаров и Кондратий Семёнов Бахтиаров с товарищи сего мая, поданным в соликамскую канцелярию вы доношением представили прошлого-де 1774 года августа 3 дня во время бытности в жительстве вашем села Верх-Язьвы Рождественской церкви священника Иосифа Собянина для исправления подлежащих по духовности и для крестьян потреб, отдали вы ему, священнику, имеющуюся у вас жалованную в давних годах грамоту и просили его, священника, чтоб совершенно за ветхостью с оной списать вам точную копию, который для списывания и увез в дом свой, а в том месяце оногo священника дом со всем строением и пожитками неведомо каким случаем сгорел и как вы ту жалованную грамоту у него, священника, стали требовать, он вам объявил, что и реченная ваша грамота в тот случившийся пожар сгорела и для подлинной в том вероятности дал вам за своюю рукою объявление, которое вы на рассмотрение приложили при том доношении и просили, чтобы о владении показанными уже в данном от священника Собянина объявлении вогулицкими звериными промыслами и чтобы

паче чаяния не мог кто посторонний оными завладеть дать вам от здешней канцелярии письменное позволение также и данное от вышереченного священника объявление подлинное или с него с засвидетельством канцелярии точную копию, дабы вы, в случае каких-либо в тех угодьях с кем споров, могли себя оправдать: справедливо в оном приложенном объявлении показано, что та грамота дана была просителям Рычкову да Ивану Елесину в ней упомянуты были вогулитцким владеньем с востоку по вершинам рек: Лозьвы, Койвы и Картвы, с полудня в низ по Лозьве от деревни Якшины до Половинной и деревни Квасовой верхотурского ведомства на Удыль и Черной горе по Шелегуру, от Усть-Чурка к Шагалтану по Сосьвенской гривк в верх Колышки до Усть-Оленьи речки по верхнему озеру на Турью и Какву, с западу: по язьвинским вершинам по Кваркашу и Помянному камню, с севера: с Усть-Банной речки до вершины Печеры, того ради по указу Ея Императорского Величества и по резолюции соликамской воеводской канцелярии велено вам – сотнику Соловарову с товарищи с прописанием вышеписанного дать указ, чего ради сей по означенному от священника Собянина засвидетельствованию с прописанием вышеписанного и дан, с тем, что ежели в оные дачи кто будет вступаться, то вам с теми ступальщиками ссор и драк отнюдь не чинить под жестоким наказанием, а просить на тех вступальщиков в соликамской канцелярии, почему всякое законное удовольствие вы получите, ибо вам сей указ определено дать, так и с явочных челобитен копии даются по единому засвидетельству от священника. Мая 19 дня 1775 года. Воевода Алексей Борисов».

Из расспросов у стариков мне удалось выяснить следующее.

Лет шестьдесят тому назад Усть-Улс населяли исключительно оседлые вогулы. Но потом к ним начали переселяться русские охотники из деревень Акчим и Писаная. Вогулы стали смешиваться с русскими, утратили свой язык, свои национальные черты и совершенно ассимилировались с пришельцами, которых потом оказалось большее количество. В настоящее время вогульских дворов числится всего двенадцать, а всех, ведущих свое происхождение от вогулов, не более ста – ста двадцати человек. Потомки вогулов отличаются от русских большей красотой. Это все брюнеты с прекрасным цветом лица. О вогульском их происхождении свидетельствуют широкий нос и выдающиеся скулы. Но теперь, когда все вишерцы сделались злостными алкоголиками, племя это быстро вырождается. В особенности заметно вырождение на молодом поколении, возбуждающем самые грустные мысли...

Вообще, усть-улсинцы – народ обреченный. Только два могучих фактора могли бы реставрировать народную нравственность, вывести их из скотского состояния, в каком они теперь обретаются. Факторы эти – церковь и школа. Но не воздвигается ни того, ни другого. Зато процветает кабак, дающий годового дохода около тридцати тысяч!.. Да, усть-улсинцы обречены на погибель. Жили они до сих пор тихо, смиренно, занимались охотой, хлебопашеством, не знали роскоши и считали себя счастливыми людьми. Но вот цивилизация внезапно врывается в их дикий край, коверкает и ломает жизнь обитателей, развращает их, понемногу стирает с лица земли. Бедные дикари ошеломлены, они не понимают, что такое творится вокруг них; они видят только приман-

ки цивилизации: богатую поденщину, самовары, белый хлеб, ситцы и водку, водку, водку... Они жадно бросаются на эти приманки и гибнут от них. Таков неумолимый закон природы и *vae victis!*..

На шитике с зимогорами

– Однако, брат, насчет сквернословия-то у вас здесь свободно! – обращаюсь я к одному из обозчиков.

– От самого Селижарова и вплоть до Астрахани у нас эта речь идет!

– И понимаете друг друга?

– В лучшем виде!..

Н. Щедрин

24 мая

– Да будет вам ругаться-то, черти вы этакие! – не выдержал наконец Андрей Иванович.

Но голос его оказался «гласом вопиющего в пустыне». Зимогоры, оборванные, грязные, пьяные, продолжали осыпать друг друга самыми отборными ругательствами. Они вошли в азарт и едва ли сами ясно сознавали, кого и за что ругают; но потребность, хоть в сквернословиях, вылить всю накопившуюся горечь в их душах заставляла их производить весь этот невообразимый шум.

– Ну и народец! Что ты тут с ним поделаешь! – разводил руками Андрей Иванович.

Два слова о героях этой сцены. Андрей Иванович Ф. – уроженец торгового села Покч и служит у крупных чердынских купцов Алиных. Как большинство зажиточных покчинцев, он очень степенен и всякое дело совершает обдумавши, а главное, с молитвой. У него масса примет, и он им свято верит. Как служащий незаменим: предан хозяевам и свято стоит за их интересы. Он носит широкую окладистую бороду, в глазах его светятся ум и веселость; особенно нравится мне его добродушная улыбка. Одевается он в простой мещанский костюм. Разговоры его интересны и показывают бывалого, наблюдательного человека.

В настоящее время купцы Алины занялись, между прочим, золотопромышленностью. Их прииски находятся на одном из притоков Вёлса, в ста верстах с лишком от Усть-Улса. Андрей Иванович обязан доставить туда съестные припасы. Поручение это из-за отдаленности края и отсутствия дорог не из легких. До Усть-Улса припасы на шитике были доставлены пароходом, теперь же надлежало двигать их дальше, пока возможно на шитике, а потом на более легкой лодке. Главное затруднение состояло в отыскании рабочих. Два дня бился Андрей Иванович и кое-как подрядил двенадцать человек зимогоров. Нелегкое это было дело! Объяснения приходилось вести с пьяными людьми, которые едва ли отдавали себе в чём-нибудь отчет.

И вот назначенный для отвала день наступил, а зимогоры всё еще плохо собирались. Да и собравшиеся – в каком виде предстали! Я видал так называемых «золоторотцев» в больших городах, но те имели более человеческие облики и были франтами сравнительно с вишерскими зимогорами... Босые, в изорванных рубахах, с распухшими от пьянства лицами, они производили ужасающее впечатление. Главное, поразительно было полное отсутствие теплого платья, и это в климате, где снег даже в июне месяце обычное явление!.. Но зимогоры всё пропили и вновь должны приняться за тяжелую работу, а заработанные деньги, конечно, вновь пропить.

– Да скоро ли, черти этакие, соберетесь? Еще троих не хватает! – волновался Андрей Иванович.

– А ты што нами командуешь?! – вдруг накинулся на него один из более пьяных зимогоров. – Ты думаешь, нанял нас, так мы рабы твои стали, нет, врешь! Ты честью проси, такой-сякой, – и посыпался целый залп отборных ругательств.

– Ну вот что с ними поделаешь?! – повторял Андрей Иванович. Он, видимо, боялся, что зимогоры разбегутся, и пока мирволил им.

А время шло. Наш шитик неподвижно стоял у берега около деревни, а рабочие всё еще не все собрались. Наконец двоих выволокли с соседнего сеновала, где они прикурнули, а третьего привели в самом растерзанном виде. Андрей Иванович торопился с отправлением. Но как истый покчинец, он не мог без обряда совершить это. Он в носу шитика прикрепил икону, которая всё время пути находилась тут, и крикнул зимогорам:

– Молитесь Богу!

Но призыв его затерялся среди несмолкавших ни на одну минуту ругательств, которыми зимогоры осыпали друг друга. Некоторые из них что-то варили на берегу, а другие опрокинули это варево и подняли страшный шум.

Андрей Иванович выходил из себя. Без общей молитвы он ни за что не решался тронуться в путь. Наконец с большим трудом удалось ему усадить в шитик зимогоров и водворить минутное молчание, после чего было совершено молитвословие. Нам надо было переправиться на ту сторону Вишеры и идти после бечевой. Поднялась страшная суматоха. Все схватили шесты и без толку стали толкаться ими. Брызги воды летели во все стороны и мочили нас и багаж. Страшно было за рабочих: того и гляди упадут в воду. Кое-как переправились на ту сторону, и после долгой перебранки зимогоры впряглись в бечевую. Андрей Иванович стоял у руля. Крики, песни, сквернословия... Некоторые падали, ругались и опять шли. Через сто шагов остановились.

– Андрей Иванович! Пора на ночевку: вон сколько туттока дров!

– Погодите, окаянные! Дайте уйти от пьяной деревни.

Опять сыплются градом ругательства.

Версты через две, когда ненавистный Усть-Улс скрылся с глаз Андрея Ивановича, он дал знак остановиться на ночлег. Еще не успели пьяные бурлаки причалить шитик и развести огни, как обступили со всех сторон своего лоцмана и стали требовать водки. Но Андрей Иванович знал, с кем имеет дело.

– Хоть разорвите меня – не получите сегодня, а вот завтра в обед подам.

Крики, шум, ругательства.

– Да ты хошь одежду дай нам, хошь бахилы, што мы босиком, што ли, по камням пойдём!

– Бахилы я вам дам, – и он желающим раздал одежду и обувь.

– Почему же вы в деревне им не дали этих вещей? – спросил я у Андрея Ивановича.

– Да вы не знаете этих людей! В прошлом году сам хозяин с нами ехал, так испугался, увидавши этих оборванцев, ему в диковинку было. Вот он от доброго сердца и приказал выдать им одежду и обувь. А они что сделали? Сбежали в село да моментально пропили всё с себя, а наутро опять оборванцами явились. Знаю я их!..

Вечерок становился холодноват. От Вишеры пошел белый туман. Даже в меховом полушубке было нетепло. Шитик ничем от дождя не защищен, и спать мы должны на земле. Андрей Иванович около одного костра разложил одеяльницу, подушки, шубу и пригласил меня лечь с ним. Мы потом всё время спали вместе. Я не знал еще сурового характера горных ночей и не был к ним приготовлен и не знаю, что бы мне пришлось делать без моего любезного спутника.

Долго еще вокруг меня шумели зимогоры, долго не мог я освоиться с новой обстановкой, но усталость взяла свое, и под утро я забылся благодатным сном.

25 мая

Роскошное безоблачное утро не могло разогнать мрачного настроения зимогоров, отчаянно страдающих муками похмелья; куда и девалась вчерашняя оживленность! Молчание нарушалось только каким-нибудь отдельным ругательством недовольного бурлака. Утренняя свежесть давала себя чувствовать, и, проницаемые дрожью, мы столпились около огня. Зимогоры начали просить опохмелиться. В особенности настаивал на этом один, по фамилии Макаров. Он родом из Нижегородской губернии и уже шесть лет «зимогорит» на Вишере. Это длинный мускулистый мужик лет сорока, с рыжими волосами и опухшим лицом. Он первый начал:

– Пожалуста, Андрей Иванович, дай опохмелиться! В галаве харчит!

Но Андрей Иванович уже переменял свой тон и сурово отвечал:

– Здесь вам не Усть-Улс! Это вы там, как встанете, сейчас за водку. Ешьте лучше да пейте чай.

– А черт ли нам в чаю! Дай, пожалуйста, по стаканчику.

Андрей Иванович был неумолим. Зимогоры начали отчаянно ругаться, грозили уйти, но ничто не могло поколебать решения лоцмана. На первый раз он позволил бурлакам прохладиться до десяти часов утра. Наконец, закусивши и напившись чаю, тронулись в путь. Но плохо спорилась работа! Шли мы так: Андрей Иванович стоял у руля, четыре зимогора длинными шестью «пихались» с шитика, а остальные восемь человек шли бечевою. Видя, с каким трудом совершается передвижение, я всё время с ружьем за плечами шел берегом. Двигались тихо, не более трех верст в час.

Верст через пять была сделана остановка для обеда. Зимогоры оживились: они знали, что перед обедом Андрей Иванович подаст им водки. Не успели они хорошенько повесить над кострами котелки с солониной и кашей,

как обступили со всех сторон лоцмана, требуя немедленно водки. С каким наслаждением они пили ее! Не прошло нескольких минут, как она оказала свое действие на усталых и голодных зимогоров: они начали из-за пустяков затевать друг с другом ссоры, кричать и ругаться самым отчаянным образом.

– Ну и народец! Выпили – и сразу зашаяло в башках. Да замолчите же, черти этакие! – возмущался Андрей Иванович.

– Ребята, давайте еще по стаканчику просить! Андрей Иванович подаст, он добрый! – крикнул один из зимогоров.

– Верно, верно! – вторили ему другие. – Ребята, давайте качать Андрея Ивановича!

Насилу тот спасся бегством, а вина больше, несмотря на ругательства, всё-таки не дал.

Часа два ушло на обед и пустую болтовню; с большим трудом Андрей Иванович заставил двинуться дальше.

А какими красивыми местами мы проходили! Да, чудно хороша эта холодная красавица Вишера! Какие скалы, горы! А эта свежая зелень, эти распустившиеся березки!.. Солнце с безоблачного неба отражалось в кристальных водах Вишеры, освещая дно, усеянное разноцветными камешками... Но зимогоров не трогали красоты природы, они шли мрачно и через пять верст опять зароптали:

– Не хотим больше идти! Водки мало дают! Мы не лошади, штобы через силу работать...

Принужден был Андрей Иванович сделать привал на ночлег.

Опять задымились костры, повисли над ними чайники, котелки. Вокруг огня рабочие развесили свою промокшую обувь, одежду.

Я внимательно присматривался к своим спутникам. Это была самая разнокалиберная компания. Тут находились и молодые, и старые, и все с разных концов матушки Руси. Чуть не все губернии имели тут своих представителей. Большинство, конечно, были крестьяне, но имелся один попович, два мещанина, а один даже личный гражданин. И всё это спившийся, потерянный люд. Особенно типичным зимогором был Макаров, о котором я уже упоминал. Его история, похожая на историю других зимогоров, дает представление об этой категории людей.

Около шести лет тому назад Макаров прибыл на Кутимский завод в качестве рабочего. В первый год ему удалось скопить изрядную сумму, и он отослал на родину своей семье часть заработка. Ему и на родине жилось недурно, он там имел свое хозяйство, большую семью, но соблазнился заработками здешних заводов. Проработав год, он уже хотел ехать на родину, но на свою беду попал в Усть-Улс. Пьяная, разнузданная жизнь этого местечка втянула его, и он в несколько дней пропил свой годовой заработок. Опять пошел работать и на этот раз, сколотив несколько десятков рублей, прямо явился в развеселый Усть-Улс. Денег, конечно, хватило ненадолго, и несчастный быстро спился окончательно и превратился в заправского зимогора, то есть совсем в погибшего человека. Года через два к нему явилась жена со старшим сыном, парнем лет восемнадцати. Она, не получая вестей от пропавшего мужа, страшно встревожилась и из Нижегородской губернии решила ехать

в такую даль! Но не на радость она приехала! Нечего описывать ее отчаяние при виде спившегося мужика... А затем... затем усть-улсинский разврат втянул и ее, и вот теперь около четырех лет вся эта семейка пробивается в Усть-Улсе и все трое пьют отчаянно. Сын также вошел во вкус этой жизни и сделался тоже зимогором и теперь находится в нашей артели вместе со своим отцом, с которым они постоянно ругаются.

Обогревшись и обсушившись около костров, зимогоры принялись за ужин. Сытый желудок привел их в более веселое настроение духа, и они на время прекратили свои ругательства. Посыпались забористые бурлацкие шутки.

– А ты, Андрюха, котору зиму зимогоришь? – добродушно спрашивает один зимогор другого.

– Да третью ешшо. Всё хочу деньжонками подкрепиться, да пропиваю, лешак его возьми!..

Веселый хохот покрывает это признание.

Белая, холодная ночь тихо спустилась в долины; смолкли разговоры, все спали.

26 мая

Как неприятно просыпаться на свежем воздухе в холодное утро! Вылезаешь из-под теплой шубы, мокрой от росы, делаешь несколько отчаянных сальто-мортале и, дрожа, бежишь к костру, где уже толпятся продрогшие зимогоры. Сегодня они проснулись раньше. Один рассказывает про свой сон:

– Видал я, братцы, будто домой попал. А сынишка у меня уже подросток и спрашивает у меня: где это ты, тятка, шлялся столько лет? А я его как хвачу корчагой по башке – он и упал бездыханно!.. Я испугался и проснулся, давай скорей к огню греться!

Но зимогоры не обращают внимания на его сон, они мрачны. Один накинулся на молодого парня родом из Усолья.

– Ты, чертов сын, куды мой топор девал?

– Никакого лешаго я не видал. Убирайся!

– Ах ты усольский стриж! Да я тебя как хвачу!

– Да ты што ругашься здря! Сам ты чердынский векшоед!

– А, так я векшоед? – наступает он на парня.

– Знамо дело, векшоед! Все вы чердынцы векшой подавились, проклятые!

– А ты вот как! – и начинается драка; насилиу разняли...

В путь тронулись в десять часов; все прохладжались за чаем и не слушали упрашиваний Андрея Ивановича.

Вишера становится всё живописнее. Виден вдали Пропащий камень со снежной вершиной. На пути часто попадаются дамбы, устроенные инженером Великановым. Благодаря им русло реки углублено достаточно. Как бешено клокочет вода об эти дамбы!

Всё время параллельно реке в лесу проложена довольно обширная тропа.

– Это всё рабочие идут на золотые прииски, – объяснил мне Андрей Иванович, – они и проторили эту тропу. За лето-то их тут несколько тысяч пройдет.

Частенько попадали нам такие путники, большей частью татары. Идет такой бедняк, нагруженный как лошадь, идет сотни верст по пустынному

лесу и часто возвращается обратно ни с чем: рабочих на прииске много, и для него нет места!..

Сегодня зимогоры идут лучше, видимо, втягиваются в работу. Перед обедом им опять подали по стаканчику; опять они зашумели и начали требовать прибавки. Особенно настойчив Макаров.

– Ты нищему на паперти не подай, – умоляет он Андрея Ивановича, – а зимогору вина дай!

Во время обеда с соседней горы спустились два всадника; когда они подъехали к нам, Андрей Иванович узнал в них приисковых служащих, посланных для помощи нам.

– У вас тут лето, – удивлялись они, – вон травы какие, а там на прииске еще снегу в лесу не оберешься!

Наши бурлаки первым делом справились, есть ли на прииске зимогоры.

– Есть, есть! – с улыбкой отвечали вновь прибывшие. – Два человека: Яшка Пропаций да Сенька.

– Вот работают же наши, – рассуждали зимогоры, – может, и нас примут.

Андрей Иванович начал расспрашивать, как идет добыча золота.

– Да всё ешшо на настоящую точку напасть не могут. Хорошенько-то не принимались, торфа пока снимают.

В этот день прошли немного больше вчерашнего. На ночлег остановились в очень живописном уголке, у подножия скал. Около костров началась обычная суета, и долго воздух оглашался ругательствами. Наконец усталые рабочие погрузились в сон и всё смолкло.

Но я не могу спать в эти дивные белые ночи. Я влез на одну из прибрежных скал и стал любоваться раскинувшейся передо мной картиной. Вокруг громады гор высоко подымали свои вершины навстречу светло-голубому беззвездному небу. Внизу темнеет лес, и Вишера, журча на переборах, вьется белой лентой. Чудное зрелище! О великая мать-природа! Как часто, утомленный житейской борьбой и житейскими невзгодами, я прибегал к тебе расстроенный, мрачный, и в тебе одной черпал бодрость и силу для дальнейшей борьбы за существование!..

А вон у самого берега дымится огонек потухающего костра. Вокруг чернеют фигуры спящих зимогоров. Спите, дети несчастья и порока! Спите! Вам нужен сон, чтобы восстановить силы на завтрашнюю тяжелую работу... Я вижу, как некоторые из вас корчатся от холода под дырявыми зипунишками, другие о чём-то вскрикивают во сне, то

*Сны тяжелые витают
Над их беспутной головой!..*

Спите же спокойно! Хотя и погибшие вы создания, но всё же вы люди, вы мои братья! И много надо взять на себя, чтобы кинуть в вас камнем, чтобы с презрением от вас отвернуться. Пусть так поступают фарисеи, а я братски протягиваю вам свою руку, ибо уверен, что еще не окончательно погасла в вас искра Божия!

27 мая

Часто на пути нам встречаются громадные площади с выжженным лесом. Места эти поросли молодым березняком. Андрей Иванович передавал мне, что леса раньше жгли сами вишерцы, чтобы отогнать подальше кочующих инородцев, как соперников по охоте.

Заводская администрация старается захватить по Вишере все места с признаками рудорождений, и мы встретили на пути несколько разведочных партий. В более богатых рудорождениях завод поставил дома, к которым проведен телефон, всё время идущий по берегу вплоть до верхнего Чувала. Какая масса дров и леса зоготовлена заводом! Заботится завод также о приобретении лугов, и многие острова теперь очищаются под сенокосы.

Сегодня перед нашими взорами появилась знаменитая гора Юбрьшка. Словно киль гигантской лодки, высоко поднимает она свою круглую, совершенно лишенную растительности голову к небу. Сероватый цвет этого гиганта, с полосами снега, ярко выделяется на голубом фоне. Тут мы должны оставить красавицу Вишеру и продолжать путь по стремительному Вёлсу, при устье которого расположены постройки бывшего «Общества привишерских заводов», принадлежащие ныне французской компании. Общество, оказавшееся мертворожденным, думало начать эксплуатацию юбрьшкинской руды и с этой целью возвело много построек для будущего завода у подножия Юбрьшки; выбранное место по некоторым соображениям оказалось неподходящим, и завод думали основать при устье Вёлса, но, построив несколько жилых домов, амбаров, общество ликвидировало свои дела.

Теперь на вёлсинской пристани живут служащие французской компании – смотритель и телефонщик.

Мы с Андреем Ивановичем зашли к смотрителю. Дорогой я мог убедиться, как много здесь потрудились над местностью, чтобы сделать ее обитаемой. В скалистом берегу были вырублены ступени; несколько скал взорвано, а к Юбрьшке вела прекрасная дорога с канавами по обеим ее сторонам. По этой дороге и должна была доставляться руда к доменным печам, место для которых тоже было выбрано. Болото кругом осушено и был устроен прекрасный кирпичный сарай и распланирован весь завод. Но все замыслы рушились, и французы часть построек переплавили теперь на Вижаиху, а остальные разрушают время и непогоды. Кирпичный сарай сгорел, подожженный, говорят, подрядчиком, которому отказали в работе... И воцарилась здесь «мерзость запустения»...

Из окна смотрительского дома открывался чудный вид на окрестности. Внизу, отражая в себе солнечные лучи, змеилась Вишера среди скалистых берегов; на той стороне шли лесистые холмы, а на горизонте голубел хребет Берёзовского камня, весь покрытый белым, блестящим снегом. Картина была так чудно хороша, так величественна, что не хотелось от нее отрываться.

После чаю мы отправились осматривать знаменитую Вёлсинскую пещеру. Начинается она в долине, и вход в нее очень просторный. Когда мы зажгли свечи, то увидели такую картину: потолок, сажени в четыре вышиной, весь усеян кристаллами снега, который таял и каплями падал на пол, где опять замерзал, и образовывались громадные сталактиты льда. Весь

пол также был покрыт мокрым льдом, так что идти было опасно. Пещера углублялась ниже, и мы отправились дальше. Своды всё возвышались, и корридор становился шире. Дальше уж не было сырости и пол весь усеян обломками камней, а большею частью мелким известняком. Дойдя до середины пещеры, мы невольно залюбовались представившимся зрелищем: потолок в виде купола уходил далеко кверху; в некоторых местах спускались до самой земли каменные столбы; пол был чистый и сухой. Вся обстановка напоминала средневековый готический храм. Зрелище приняло еще более эффектный вид, когда мы зажгли факелы. Тысячи огоньков заблестели в сталактитах потолка... Дальше пещера поднималась выше, и мы скоро дошли до ее конца; тут образовалась небольшая комнатка с низким потолком, сплошь испещренным русскими и французскими фамилиями бывших здесь туристов. Тем же порядком вернулись мы на свет Божий, где нас сразу обдало и светом, и теплом. Длина пещеры имеет сто три сажени. Недалеко от нее для заводской надобности копали землю и нашли старинную кольчугу и шлем. Не служила ли эта пещера когда-нибудь убежищем для чуди?

Отдохнув немного на вёлсинской пристани, мы двинулись дальше. Продвигаться по Вёлсу было в тысячу раз тяжелее, чем по Вишере. Тут течение гораздо быстрее, а главное, всё дно усеяно камнями, столкновение с которыми грозит шитику большими опасностями. Но главная беда в том, что здесь нет бечевника, какой на Вишере. Кусты часто стоят у самой воды, и бедным зимогорам надо или перекидывать веревку через них, или идти по холодной, как лед, воде. Выбирая более удобные места, приходилось часто переправляться с одного берега на другой. При переправах нас быстро сносило вниз по течению, и опасность разбиться о камни была велика. Андрей Иванович совсем охрип от криков.

– Поддярживай! Поддярживай! – всё время без усталости кричит он.

Несчастные зимогоры совсем выбились из сил и только ругательствами отводят себе душу.

Промаявшись по Вёлсу версты две, расположились на ночлег. Опять костры, опять сушка одежды и опять звонкая ругань разносится в вечернем воздухе и эхом отдается в соседних горах. А сбоку на нас смотрит Юбрьшка, или, вернее, две Юбрьшки: одна большая, а другая малая, очень похожая строением своим на большую. Они, подобно хамелеонам, меняли в продолжение суток свои цвета: днем серые, вечером голубые и синие, синие при свете белой ночи...

28 мая

Какая холодная ночь! Погода хочет портиться. Показались тучи. Сегодня нас, кроме того, беспокоили комары.

Тяжело пришелся этот день для бедных зимогоров! Нынче мы сделали всего пять верст, да и то удивительно, как одолели это расстояние. Постоянно натыкались на мели, которыми богато низовье Вёlsa. Бурлаки должны были соскакивать прямо в воду и сталкивать шитик. Все страшно перезябли и вымокли до костей. Каждый шаг давался с бою. Без помощи лошадей едва

ли бы мы могли пройти. Бедные животные! Они всё время тянут бечевую и идут по колено в холодной воде!

К вечеру запахло дымом. Видимо, где-то лесной пожар.

Остановились в избушке сторожа, караулящего постройки Юбрышкинского завода. От этой избушки до горы Юбрышки около двух верст прямой, как стрела, дороги. Было еще не особенно поздно, и я решил сделать восхождение на знаменитую гору. Дорога до нее прекрасно утрамбована камнем, через болота перекинута мосты, теперь уже не поддерживаемые и разрушающиеся. Недешево, вероятно, обошлась эта дорожка!

Вот передо мной показались здания предполагаемого завода. Они расположены у самой подошвы горы. Вот обширный дом управляющего с проведенным к нему водопроводом, а вот десятка полтора домов для служащих, амбары, бараки. И мертвая тишина царит вокруг. Не видно ни одного живого существа. Мрачный хвойный лес обступил со всех сторон эти безжизненные жилища, да громада серой Юбрышки холодно и сурово смотрит на них...

С каким-то странным чувством безотчетного страха бродил я между мертвыми домами, и невольно в памяти моей воскресала сказка, читанная мною еще в детстве, о городе, в котором, по мановению волшебника, все живые существа сразу обратились в каменные статуи... И чудилось мне, что вот-вот я увижу окаменелых людей...

Но надо было торопиться с восхождением на Юбрышку. Перебрел сначала речку того же имени, каскадом низвергающуюся откуда-то с горы в долину, а затем начал по камням карабкаться вверх. Вся гора сплошь состоит из россыпи мелких камней и над уровнем Вёлса возвышается около трехсот сажен. Руда здесь настолько богата, что выступила на поверхность и все плиты издают металлический звук. Раньше до самой вершины здесь были устроены ступеньки, но потом, при динамитных взрывах, их разрушили, а потому подъем в настоящее время очень труден. Из-под моих ног часто обрывались камни и с шумом катились вниз. Во впадинах горы лежало много снега. В ложбинках росли карликовые кедры, сосны, березки. Ветер и холод делались чувствительнее. К сожалению, времени в моем распоряжении было мало, и я дошел всего до половины горы. Дым от лесного пожара скрыл от меня окрестности, и пришлось пуститься в обратный путь.

Юбрышкинскую руду французская компания в настоящее время не разрабатывает, так как она очень плохо поддается плавке и заключает в себе титанический железняк; пока у французов будет в распоряжении магнитный железняк, до тех пор юбрышкинская руда останется в резерве.

На сегодняшнюю ночь мы приютились в избушке сторожа и в первый раз за наше путешествие заснули не под открытым небом.

Перед сном сторож, весьма мрачный и сосредоточенный субъект, рассказал нам о тех ужасах, какие он испытал нынче во время весеннего половодья. Вода тогда сразу поднялась сажени на две, и льдины со страшной силой двинулись на прибрежные строения и своротили с основания амбар. Большая опасность угрожала и домику. Сторож с женой в испуге выскочили из дому, и так как была ночь, то не знали, что им предпринять. Грохот напиравших

льдин эхом разносился по соседним горам, и казалось, что тысячи орудий открыли канонаду...

– Вот она какова жисть-то тутока! – закончил наш хозяин свой рассказ.

29 мая

«Куда как упорен в труде человек!»

Да, удивительно упорен! Кажется, невозможно и в легкой лодке пробраться по этому шумящему водопаду – Вёлсу, а наши зимогоры между тем тянут шитик с двумястами пудами багажу! В час мы одолеваем не более версты. Идем на две бечевы. Одну тянут лошади, а другую зимогоры. Делаются частые остановки.

– Стой, ребята, покурим! – чуть не через каждые сто сажен раздается крик. Андрей Иванович возмущается:

– Да будет вам, этак мы во веки веков до места не доберемся.

– Мы ведь не скотины! – протестуют бурлаки. – Сам видишь: из сил выбиваемся! – останавливаются и курят.

Раз двадцать по крайней мере наскакивали мы на камни, и тогда вся артель с ругательствами лезла в воду.

Когда сделали привал для обеда, никто не хотел раскладывать огня: так все утомились. Но холод их пронимал в мокрой одежде, и некоторые зимогоры начали кричать на своих товарищей:

– Эй, вы, несогласна артиль, добывайте огонь, мерзнуть мы че ли будем?!

– А вы сами, варнаки, што не раскладываете? Кричать-то всяк умет!

Кое-как развели огонь и навесили чайники, котелки; тут же на прутьях стали сушить мокрую одежду. Когда выпили свою порцию вина, то окончательно озверели, и ругательства посыпались градом. Один зимогор имел неосторожность уронить в общий котел со щами свою портянку. Боже, какой поднялся шум!

– Ах ты, черт одноглазый! – наступали на него. – Да тебе и другой глаз надо выткнуть! Ведь ты шти наши испоганил! Ребята! Давайте бить его, стервеца!

Пришлось вмешаться Андрею Ивановичу. Но после обеда они опять пришли в благодушное настроение и начали шутить.

Сегодня сделали всего восемь верст и пораньше расположились на ночлег: надо было дать вздохнуть и людям, и животным.

К нашей стоянке подъехали на душегубке двое заводских рабочих. Они везут хлеб для разведочной партии, работающей по Вёлсу.

Река на наших глазах всё прибывает и прибывает; видимо, в верховьях идут дожди и тает снег.

30 мая

Утром мы были разбужены в четыре часа отчаянным криком. Когда я открыл глаза, то в первую минуту не мог сообразить, что такое творится вокруг меня. Во-первых, меня поразила белая пелена, покрывшая и землю, и все окружающие предметы, а во-вторых, какие-то крики там у реки. Когда я выскочил из-под шубы, то почувствовал страшный холод: за ночь напало

с вершок снегу. Скорее побежал к костру, где толпились несколько дрожащих зимогоров.

– Кто это так отчаянно кричал? – спросил я.

– Да вчерашние-то лодочники. Просто смеху подобно, что с ими случилось!

Оказывается, что лодочники были так беспечны, что ничем не прикрыли свои ковриги хлеба и не озаботились вытащить лодку подальше. За ночь река прибыла, и весь их хлеб смок. Все труды, которые они употребили на подъем, пропали даром. Они чуть не плакали, а вокруг зимогоры громким хохотом и насмешками выражали им свое сочувствие...

Трудности пути всё более и более увеличиваются. Сегодня отцепили от шитика большую лодку и сложили в нее часть багажа; лодку эту ведет отдельно одна лошадь.

Я всё время иду пешком, часто удаляясь в стороны в надежде встретить какую-нибудь дичь. Но птицы все теперь сидят на яйцах, и мои охотничьи рекогносцировки безуспешны. За всё время пути я застрелил только двух чирков!

Теперь мы делаем еще более частые остановки. Хорошо, что на пути часто встречаются избушки бывших вишерских охотников. К сожалению, большинство этих избушек предается зимогорами безжалостному истреблению. Их жгут вместо дров, а иногда и просто из удовольствия разрушения. Зимогоры сами в этом сознаются и глубоко возмущают Андрея Ивановича.

– Ведь выспится, обогреется, стервец, в такой избе, а потом запалит ее, а того не понимает, что самому еще может пригодиться...

Погода сегодня нас не баловала: холодно и моросит мелкий дождь.

31 мая

Прекрасное утро, прохладный солнечный день были нам наградой за вчерашнее непогодье. Но масса комаров отравляет впечатление хорошего дня.

Ну и путь! Подводные камни еще чаще, мели еще опаснее. Оказалось невозможным тащить тяжело нагруженный шитик, и мы часть багажа оставили на берегу, а потом вернемся за ним.

Зимогоры сегодня всё время почти работают в холодной воде, а потому расположение духа у них самое прескверное и ссоры на привалах становятся чаще и опаснее. Мне кажется, что еще дней пять такого пути – и дело без катастрофы не обойдется. Андрей Иванович положительно смучился с ними. Да, нелегко ему приходится. Я положительно удивляюсь, глядя на него: оказывается, что он прежде никогда не был лоцманом и в первый раз ведет посуду, да еще по таким рекам, и как умело ведет!

– Да как же вы решились взяться за такое дело, Андрей Иванович? – удивился я.

– Хозяева приказали, а слушаться нельзя.

– Вот она – удивительная приспособляемость русского человека! «Прикажут – завтра же будет акушером!» – припомнился мне рассказ нашего незабвенного сатирика...

1 июня

Наконец сегодня в десять часов дня добрались до устья речки Почмог (правого притока Вёлса), по которому пролегает наш дальнейший путь. Тут мы должны оставить шитик, и багаж будет перевозиться по частям в большой лодке при помощи лошадей.

Местность здесь очень красивая. Какие богатейшие луга тут можно расчистить.

Сделали привал и начали разбирать вещи.

Большинство наших бурлаков решило идти до прииска, где Андрей Иванович обещал им работу, а несколько человек, получив расчет (по одному рублю в день), мечтают об удовольствиях Усть-Улса и отправляются обратно.

– Что же вы, пешком пойдете? – спросил я.

– Пошто пешком-то! Мы вот из сухопостоя изладим плотик и поплывем, вниз-то хорошо!

Лесу здесь гибель, и такой способ передвижения практикуется очень часто.

От устья Почмога всего шесть верст до избышки Алина, и мы пешком отправились к ней. Путь пролегал живописной местностью. То мы шли прекрасным бором через холмы и скалы, то спускались к громко шумящему и пенящемуся Почмогу. На пути по берегу встречались старые чамьи, памятник былых охот вищерцев. Чамьи эти уже давно не видят оленьего мяса и постепенно разрушаются.

По Почмогу много разных рудорождений. Так, например, каменка Алинской избы сложена из прекрасного железного блеска, подобранного поблизости. Теперь на том месте сделаны заявки. Кроме того, Алины же окрыли здесь присутствие медной руды и намерены заняться ее разработкой. Вообще, эта река богатого будущего.

Сегодня позволили себе продолжительный отдых и ночуем в избе, от которой до прииска двенадцать верст сухого пути.

2 июня

Грустное пробуждение: ручьи воды текут сквозь худой потолок на наши грешные тела! Небо кругом окутано тучами, и дождь, видимо, зарядил надолго. Грустно. Но надо трогаться в путь. Андрей Иванович уехал верхом, он торопится попасть скорее на прииск. Зимогоры пока остаются в избе ждать прихода лодки. Я один отправляюсь в путь. Тут тропа одна и заблудиться трудно. К своему несчастью, я забыл в шитике кожаный плащ, и скоро на мне не было сухой нитки. Тропа шла сначала бором, а потом спустилась к Почмогу, который предстояло перейти вброд. Речка вздулась от дождя и страшно клочкотала. Я с палкой в руке пошел осторожно вперед. Быстрота и сила течения были так стремительны, что я с трудом устоял на ногах, но всё-таки переход совершил благополучно, только зачерпнул полные сапоги воды. Но на это не стоило обращать внимания. Я бодро двинулся дальше и через три часа, весь измокший, страшно усталый и голодный, достиг Алинского прииска, где был радушно принят управляющим господином В.

На золотых приисках

*...Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслу рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной...*

Некрасов

Золотопромышленное дело на чердынском Урале имеет за собой более древнюю историю, чем чугунолитейное. Как только в конце пятидесятых годов правительство открыло Урал для частной золотопромышленности, так тотчас же дело это здесь и развилось. В первое время оно вступило в фазис серьезного и солидного предприятия, но спустя несколько времени стало быстро падать и в настоящее время кое-как держится. Причин упадка его много. Одной из главных является отдаленность края, отсутствие рабочих и сопряженная с громадными хлопотами и затратами доставка на прииски съестных припасов.

Первые золотоискатели наткнулись на очень удачные россыпи, лежащие по речке Сайменке (львый приток реки Кутим), вершина которой пересекала богатую россыпь золотоносных песков. Прииском этим завладел крупный золотопромышленник Б. Добыча песка производилась им тремя способами: открытым разрезом торфа (глубины одна-две сажени), ортами из разреза и, наконец, посредством шахт. Золото было крупное, богатое. Б. сделал здесь себе большое состояние. Но потом у него вышли недоразумения с его управляющим К., и хозяин вздумал его расчитать, обвиняя в неблагоприятных поступках. К. не снес позора и застрелился под одним из громадных кедров, который вишерцы и в настоящее время показывают любопытным. Б, считая себя виновником смерти К., прекратил свое дело по Сайменке и навсегда удалился из чердынского края. После того другие золотопромышленники принимались было за разработку этого прииска, но неудачно: пески были потеряны, а для нахождения их требовались серьезные затраты, на что не имелось средств.

Но по речке же Сайменке нашлось золото и в других местах. Кроме того, найдено было золото в верховьях Кутима, а потом по притокам Вёlsa: Почмогу, Маржайке, Буртымке, Чурулу и Шудье. Во многих из этих мест золото было очень богатое. Но уже солидных предпринимателей не являлось, и разработка приисков производилась самыми безобразными способами. Большинство приисков не дало и десятой доли того, что могли бы они дать при разумно поставленных работах. И всё же, несмотря на это, в семидесятых годах в расцвет здешней золотопромышленности в чердынском Урале добывалось в год до шестнадцати пудов золота. Но потом прииски истощились и дело это быстро стало клониться к упадку. Новых разведок уже не производилось, и большинство разочарованных золотоискателей отхлынули из этих краев ни с чем.

В настоящее время в чердынском Урале работает всего пять-шесть золотоискателей, из которых некоторые занимаются перебивкой старых эфелей. В общем, золота добывается не больше пуда в год.

Но несомненно, что при развитии заводского дела, когда улучшатся пути сообщения и доставка предметов первой необходимости не будет сопряжена с такими затруднениями, золотопромышленность в чердынском Урале получит широкое развитие.

Алинский прииск, на который я прибыл, расположен по речке Буртымке в двух верстах от ее впадения в Почмог. Прииск этот в семидесятых годах принадлежал некоему Резанову, но был потом им заброшен из-за трагического обстоятельства. Дело в том, что в первый год он поставил здесь работы на лето, а с приближением зимы решил сам возвратиться домой по Вишере через Усть-Улс, а партию рабочих в количестве сорока человек отправил через Богословский завод, отстоящий от прииска на семьдесят – восемьдесят верст. Осенью эти рабочие, нагрузив двенадцать верховых лошадей, тронулись через тайгу и горы по направлению к Богословскому заводу. Но ни один из этих несчастных не достиг дома, и все они исчезли бесследно... Случай этот навел панику на золотопромышленников, и Резанов навсегда бросил свой прииск.

Года три-четыре тому назад несколько старателей начали здесь не без успеха производить свою хищническую работу. Слух о золоте распространился и, как водится, был сильно преувеличен молвой. Весть об этом достигла Алиных, и они вздумали начать эксплуатацию прииска. Эта фирма, видимо, решила поставить дело на разумных началах и первое время не скупится на затраты.

Неприветливый и в высшей степени мрачный и дикий вид имеет местоположение прииска. Лежит он в долине от поясового Урала верстах в шести. Со всех сторон обступили его высокие лесистые холмы. Болотистая почва, поросшая темным хвойным лесом, еще более усиливает мрачный колорит картины. Среди торчащих пней стоит несколько строений, носящих временный бивуачный характер. Домик управляющего, пекарня, два барака, контора, черная баня – вот и все постройки. Об эстетике заботиться здесь некогда, и кругом строений кучами валяются разные отбросы.

Работы на прииске пока заключаются в разведках и сосредоточены в двух местах долины по течению ключа; между верхними и нижними работами две с половиной версты расстояния. На первый, даже неопытный взгляд видно, что работы поставлены правильно и направляются опытной рукой. В верхнем конце прииска, недалеко от строений, пока работают на одном вашгерте, а в нижнем пока ставят бутару.

Работа на прииске отдается отрядами, рабочий может заработать в месяц от двадцати пяти до сорока рублей на своем содержании. Надо отдать полную справедливость Алиным – они не прижимают своих рабочих и цены на припасы, несмотря на дороговизну и трудность доставки, весьма умеренные: хлеб печеный один рубль пуд, масло коровье тридцать копеек фунт, сахар двадцать две копейки, просо пять копеек, крендели восемь копеек, рыба соленая тринадцать копеек.

Работает здесь, между прочим, несколько зимогоров, о которых управляющий господин В. отзывается очень плохо, как о негодных работниках.

– Неблагоденный это народ! – говорил В. – Постоянно с ним происходят неприятные столкновения, да и работают лениво. Ведь многие из них являются сюда чуть не в чём мать родила, даже зимой. Вот такого рабочего нужно одеть, потом он начинает в долг забирать припасы, а там вдруг придет ему блажь в голову, он и уходит; терять зимогору нечего. Они так всё время и проводят в путешествиях. Пропьется зимогор в Усть-Улсе, идет на Кутим; надоест там – к нам на прииски; здесь наскучит – на Чувал, а там на плотике в свой Усть-Улс сплывет...

Господин В. прекрасно изучил чердынский Урал и его кочующих инородцев. Он совершил путешествие по всем вершинам здешнего Урала и сделал массу интересных фотографических снимков местной природы и жизни. Есть у него снимки оленьих стад, чумов и инородцев: самоедов, остяков, вогулов.

– Остяков я хитростью снял, – рассказывал он, – а то они страшно суеверны и добровольно их снять ни в каком случае нельзя.

Инородцы частенько осенью и зимой являются на прииски, куда доставляют оленьё мясо, а взамен того берут предметы цивилизации: ситцы, сапоги, калачи, а главное – водку, до которой дикари так падки.

В. весьма обязательно показал мне все приисковые работы и объяснил их сущность. Рабочие помещаются в бараках; это здания до пяти сажен длины и три ширины, сложенные из бревен; по бокам, около стен, идут сплошные нары для сорока – пятидесяти человек; два окна у самого потолка освещают этот сарай. Посредине стоит громадный очаг, сплошь уставленный металлическими чайниками. Когда рабочие возвращаются с работ, то свое мокрое платье и обувь развешивают около очага для просушки. В одном бараке помещаются вместе русские и татары; последних преобладающее количество. Обе эти национальности, столь различные и по вере, и по темпераменту, уживаются прекрасно. По всей вероятности, этому способствует отсутствие на прииске спиртных напитков.

– Мирна живем! – говорили мне татары. – Вина нет – делить нам нечего. Только вина надо бы в неделю по сороковке, это пьяна никогда не делает...

– А Магомет-то что скажет?

– Эта работа бульна тяжела без вина. Магомет молчать будет.

А работа действительно нелегкая. Сначала снимается слой торфа, под которым лежит золотоносный песок. Торф встречается глубиной более сажени. После торфа копают пески, которые везут для промывки к вашгерту. Работать, особенно пески, приходится в сырых канавах, иногда по колено в воде. Тяжело достается также катание тяжелых тачек с песком. За куб снятого торфяника рабочий получает три рубля пятьдесят копеек, а за песок четыре рубля пятьдесят копеек. Двое сильных и умелых рабочих в день могут вынуть торфу один куб, а песков – две третьих куба.

У вашгерта большей частью работают женщины. Эти несчастные, я видал и беременных среди них, стоя чуть не по колено в холодной воде, целый день перебирают лопатами землю, подставляя ее под струю воды.

Работа на приисках начинается очень рано, часа в четыре-пять, а кончается в восемь вечера. Можно себе представить, до чего утомляются рабочие! Но все лихорадочно работают, все надеются наткнуться на самородок, за который выдается награда.

Каждый вечер господин В. делает «снимку» золота. Рабочие к этому времени обыкновенно кончают работу, и ему никто не мешает. На деревянной и наклонной доске, перегороженной планочками, лежит куча мелких галей – всё, что осталось от промывки, быть может, нескольких кубов земли. Среди этих-то галек и заключается золото. Его надо осторожно выделить. Пускается небольшая струя воды; гальки отодвигаются рукой и подставляются под струю. Песок уносится тихонько водой, а золото, вследствие своего удельного веса, остается внизу с более крупными гальками; кучка уменьшается до ничтожества: ее можно поместить в горсть. Но неопытный глаз всё еще не увидит золота, разве уж встретятся самородки золотника в два. Кучку эту надо еще промыть несколько раз. Наконец остается черный порошок – это шлихи, а среди него желтеют какие-то крупинки – это золото. В эту кучку кладется немного ртути, около которой группируются шлихи, а золото железной лопаточкой тихонько сгребается. Я был изумлен, когда увидал в первый раз такую ничтожную частицу «презренного металла». И для такой-то ничтожной кучки нужен каторжный труд чуть не ста человек, нужно перерыть несколько кубов торфа, песков!..

Так как работы на Алинском прииске пока имеют разведочный характер, то и золота добывается очень мало. Господин В. жаловался, что залегание песков здесь крайне беспокойное и идет валунами; но всё же он не теряет надежды наткнуться на более богатое золото.

Мы много говорили с ним о положении приисковых рабочих. Я выразил мысль, что для них было бы гораздо удобнее жить на хозяйском содержании, ибо на приготовление пищи у рабочего уходит много времени, располагать которым ему нельзя. Но В. восстал против моих слов:

– Я из личного опыта знаю, что хозяйское содержание повлечет за собой массу недоразумений, и недоразумений, могущих окончиться плохо. Судите сами: мы у себя пробовали кормить рабочих на свой счет. Тогда у меня было двадцать человек. И насмотрелся я тут безобразий. Например, варятся щи из свежего мяса, а в общий котел кладется его по полтора фунта на человека, навар прекрасный, но зимогорам что-то не понравилось, и они вылили щи тут же на пол казармы. Или пекут хлеб хороший, им покажется плох. Они плюют на ковриги, бросают их под нары, словом, бунт настоящий. Я велелстряпке подобрать хлеб, обтереть его и положить завтра к обеду. А потом спрашиваю: хорош ли хлеб? Они в один голос кричат: «Седни хороший, не то что вчера!» Вот и подите с ними. Нет, мы отказались навсегда кормить их на свой счет...

В пяти верстах от Алинского прииска по реке Мартайке расположен действующий прииск Н-на. Во время моего здесь пребывания явился к нам от Н-на фельдшер. На каждом прииске по закону должна быть аптечка и фельдшерский пункт. С этим фельдшером, весьма молчаливым и необ-

щительным субъектом, я отправился на Н-кий прииск. Тропа шла глухой пармой; в лесу, несмотря на июнь месяц, еще снегу было достаточно. Когда кончился лес, то перед моими глазами открылся чудный вид на Мартайский камень, один из числа самых значительных в чердынском Урале. Его серый массив, увенчанный белым, сверкающим снегом, как-то легко поднимался кверху и царил над окрестностью. Пониже начался лес, на крае которого и расположился прииск, около которого бурлила Мартайка, вливающая свои воды в Вёлс.

Н-н – один из старейших золотопромышленников в здешних местах. Кроме прииска у Мартайского камня, у него есть еще другие недалеко от Кутимского завода. Некоторые из своих приисков он сдал старателям, а сам занимается пока на одном. Нельзя сказать, что на его прииске работы поставлены образцово. Напротив, из всего видно, что хозяин старается затратить как можно меньше средств. Конечно, от этого он много теряет.

Хозяйские работы у Н-на ведутся на два небольших вашгерта, какие употребляются только при разводках. Видимо, что больше всего для него имеют значение старательские работы. Старатели моют золото на маленьких ручных станках. Мартайский прииск эксплуатируется давно и, по всей вероятности, истощится в недалеком будущем. В настоящее время он дает хозяину от двадцати до тридцати фунтов золота в год.

Постройки здесь более убогие, чем у Алина, и казармы рабочих едва ли удовлетворяют требованиям гигиены. Среди рабочих, которых во время моего посещения было сорок пять человек, много женщин и девушек. Служащих у Н-на немного – всего два человека: «смотритель» – бойкий мальчик лет восемнадцати, да молчаливый фельдшер, играющий роль запасчика. Видимо, здесь царит принцип как можно большего сбережения денег.

Сам Н-н помещается в убогой избе и бывает на своем прииске не больше двух месяцев в год. Я застал его за утренним чаем, после которого он отправился следить за работами, пригласив меня отобедать чем Бог послал. В моем распоряжении оказывалось свободных шесть часов, и я решил употребить их на восхождение на Мартайский камень. Пройдя версты две лесом и спугнув на пути рябчиков, я достиг подножия гиганта чердынского Урала. Вблизи он имеет еще более величественный вид.

Пепельного цвета каменные громады в виде отдельных сопок царят над окрестностью. У самого подножия камня бурлит речка Мартайка, которую мне с трудом удалось перейти.

Я начал восхождение. Сажень пятьдесят шел лес; как поздно наступает здесь лето! В долинах Вишеры, когда мы шли шитиком, всё цвело и благоухало, а тут еще только почки на березах распускаются, травы почти не поднялись, в каждой впадине снег. Лес кончился, и пошла обычная россыпь. При отсутствии инструментов я не могу с точностью указать высоту камня, но приблизительно над уровнем Вёлса он возвышается около версты. Как труден подъем! Главное, как обманчива эта гора! Вы поднимаетесь и видите перед собой вершину: сейчас конец, думаете вы, не тут-то было! Поднимаетесь на видимую высшую точку – и опять перед

вами вершина и опять тот же обман... Чем выше взбирался я, тем становилось холоднее, а ветер усиливался. Чтобы, по возможности, избежать острых камней, обсыпающихся с шумом за мною, я старался идти теми немногими площадями мха и снега, которые встречались на пути. Часа два длился этот трудный подъем. Сердцебиение усилилось, и я выбивался из сил, там более что с утра ничего не ел. Но вот еще несколько шагов – и я на высшей точке Мартайского камня... Чудное, не поддающееся описанию зрелище было мне наградой за мою настойчивость. Очарованный, словно заброшенный в сказочное царство, безмолвно созерцал я эту дивную картину... Я попал в самую середину гор. Вокруг меня со всех сторон стремились к далекому небу исполины Урала. Какие формы и очертания, какие краски и тона! То в виде круглых шапок, то острыми пиками, то конусами, то самыми фантастическими башнями все эти вершины выделялись на голубом фоне неба. Ближние из них были серого, пепельного цвета, более отдаленные – голубого, а еще более далекие совсем синего. В особенности сказочной красотой своей привлекал взоры Тулымский камень, с острой, в виде гребня, вершиной. Он почти весь покрыт белым снегом, отражающим лучи солнца. А в долинах чернели леса; казалось, что они взбегали на эти горы, но, не достигнув и половины их, поредев и измельчав, останавливали свой дерзкий бег... Отведя очарованный взор от гор, я начал рассматривать долины. С трудом нашел я игрушечные, крохотные строения Н-го прииска. Как ничтожны казались сверху эти серенькие пятнышки! Среди леса вилась тоненькая серебряная ленточка: то был Вёлс.

Поверхность Мартайского камня, состоящая из трех отдельных сопков, пересекаемых долинами, составляет площадь приблизительно в пятнадцать квадратных верст. Вся она поросла мхом, и кочевники нередко пасут здесь стада оленей.

Часа четыре бродил я по плато. Тут были и тундры, и сухие места. В одном месте приютилось небольшое озерко, с чистой, кристальной водою. Вокруг царило полнейшее безмолвие. Вдруг из-под моих ног вспорхнула белая куропатка и, усевшись в нескольких шагах, смотрела на меня с удивлением. Это было единственное живое существо, единственная обительница камня. Она показалась мне его таинственным духом и как будто спрашивала меня: «Дерзкий человек, зачем ты забрался в это царство снега и камня?»

Усталый и голодный, начал я спускаться с камня. Дело нелегкое. Я избрал себе лощину, сплошь покрытую снегом, и начал по ней свой спуск. Снег отвердел, и надо было его продавливать, чтобы не скатиться вниз с этой импровизированной катушки длиной сажень в пятьсот.

Солнце скрылось за горами, когда я возвратился под кров Н-на, обеспокоенного моим долгим отсутствием.

За ужином, где главную роль играли пельмени из солонины, у нас завязалась беседа о золотопромышленности. Н-н сильно жаловался на здешних рабочих, приписывая им главным образом упадок золотопромышленности.

– Неудивительно, что золотое дело в чердынском крае приходит в упадок, – говорил он, – с рабочими здесь возня большая. Старательские работы здесь невозможно поставить на правильную ногу, как в Среднем Урале. Там обыкновенно золотопромышленник объявляет на своем прииске такую-то площадь открытой для старательских работ и назначает известную цену за золотник. Сейчас же является масса желающих и начинается работа. Хозяину о рабочих заботиться нечего, его дело только принимать золото. Здесь же совсем другие условия. Сюда рабочий является чуть не нагишом, и его надо одеть да давать ему в долга припасы; он влезет у хозяина в долги и, таким образом, держит его в своих руках. А потом повздорит с ним и без всякого разговора уходит или на Чувал, или на Кутим, где повторяет ту же историю. А то еще такие вещи откальвают: наберется на прииске много рабочих, сбавишь им цену, вот те, которые похитрее, станут других смущать: «дескать, здесь плохо, а на заводе хорошо», дураки поверят и уходят, а оставшиеся бунтуют и требуют повышения заработка...

– А как у вас велик заработок рабочих?

– Дельный рабочий может исполнить свой урок, у меня здесь обыкновенно задаются уроки, часам к двум дня и заработать до рубля, а потом может заняться старательской промывкой и заработать столько же. За лето некоторым приходится до ста рублей. У меня несколько лет работает одна семья, состоящая из мужика, бабы и девки, и им в лето приходится до ста пятидесяти рублей; когда они благополучно минуют Усть-Улс, то все деньги приносят домой в камышловский уезд.

– А случается, что и не приносят?

– Да, бывает. Они в прошлом году застряли в Усть-Улсе и не утерпели: стали пить. В несколько дней прокутили и деньги, и одежду, какая была, и пришлось им на зиму вернуться опять на прииск. Много здесь таких случаев бывает.

Старателям Н-н платит за золотник два рубля пятьдесят копеек, между тем рядом, на Алинском прииске, за золотник объявлена цена три рубля пятьдесят копеек. Конечно, при таких условиях большую часть золота старатели укрывают и сбывают в Усть-Улсе, где уже завелись хищники. Да и рабочим невыгодно показывать много золота хозяину: добычное место он отнимет у старателя и поставит свои работы...

Между старателями есть специалисты в деле воровства золота. Мне на прииске господина Шайдурова (около Кутимского завода) показывали на одного хохла, про ловкость которого сложились целые легенды. Наружность этого знаменитого вора ничего особенного не представляет: старик лет шестидесяти, согнутый, с хмурым лицом и хитрыми, бегающими глазками, он не останавливает на себе внимания. А между тем это артист в воровстве золота. Масса рассказов ходит про его подвиги. Раз он верхом на лошади возвращался с прииска. У реки Лямы его нагоняет стражник с понятиями, чтобы секвестировать украденное золото. Начинают обыскивать. Но самый старательный обыск не приводит ни к каким результатам. Скопфуженный стражник отпускает хохла. Он спокойно переплывает шумя-

щую речку и на том берегу, на глазах своих преследователей поднимает хвост у лошади, показывает привязанный к хвосту мешочек с золотом и кричит:

– Что, взяли, дьяволы! – и ускакал.

В другой раз его стали обыскивать после дневных работ на прииске. Приказали ему раздеться. Он снял с себя фуражку и дает ее стражнику со словами:

– Подержи пока фуражку, да не изомни: новая.

Опять ничего на нём не нашли. Он оделся, взял из рук полицейского фуражку и удалился. Потом оказалось, что несколько золотников песку у него было спрятано в фуражке за околышем...

Один инженер, приехавший сюда для ревизии приисков, заинтересовался этим субъектом и, наблюдая его работу за вашгертом, спросил:

– Можешь ли ты украсть золота сейчас на моих глазах, чтобы я не заметил?

– С полным удовольствием, ваше высокородие!

Инженер обещал ему дать десять рублей, если тот украдет незаметно. Прошло минут пять, хохол отделял в это время золото от шлихов.

– Ну что, украл?

– Так точно! – и к великому изумлению инженера ловкий вор выплюнул изо рта несколько крупинок золота. Оказывается, что, отмахиваясь от комаров, он успел незаметно сунуть его в рот. Инженер пожал плечами и выдал свой проигрыш...

Так как на приисках работают женщины и девушки, то романы между рабочими здесь не редкость. Н-н передавал мне, что почти всегда, уходя с прииска, рабочий уводит с собой и предмет своей страсти, часто против воли последнего. Но в пустыне право на стороне сильного, и женщине приходится покоряться. Обыкновенно в таких случаях она тихонько говорит своим приятельницам:

– Вот дойду со своим варнаком до широкого места, да и убегу от подльца тамока!

Широким местом здесь зовется всякий населенный пункт, а главное – Усть-Улс. После дня каторжного труда, засыпая на жестких нарах, почти каждый рабочий мечтает об этом широком месте. В его воображении рисуется ряд заманчивых картин, ожидающих его с заработанными деньгами в Усть-Улсе, этом Эльдорадо пьяниц. «Уж попирую же я там, власть отдохну!» – и во имя этой мечты несчастный работает как вол, ведет жизнь полуголодную, мокнет под дождем, ежится от холода, дышит зловредным воздухом зловонного болота...

На оленях по Уралу

*По этим тундрам блуждают номады
со своими стадами оленей.*

О, прелестная, свободная жизнь!

*Когда захочется кочевнику, он расставит
палатки и соберет вокруг себя оленей,
а надоест – пойдет дальше.*

*Я почти завидовал ему: никакой цели,
никакой заботы, только живи!*

*Я почти желал пожить такой жизнью
номада, пожить в свое удовольствие,
не связанный ничем...*

Фритъоф Хансен

Как сам северный поясовый Урал, так и вершины его отрогов представляют из себя по большей части болотистую тундру, поросшую в изобилии ягелем. На этих-то вершинах кочующие инородцы Европы и Азии пасут свои стада северных оленей. В зимнее время эти возвышенные тундры представляют то преимущество, что на них животным легче отыскивать себе мох, чем в долинах, так как ветры выдувают здесь снег. Конечно, морозы в горах свирепствуют ужасные, но кочевники и их стада не боятся холодов. Собственно, в чердынском Урале вершин с большими тундрами немного, кочует здесь не больше семей десяти – пятнадцати инородцев, в состав которых вошли следующие племена: остяки, вогулы, самоеды и, в последнее время, ижемцы.

Желая увидеть вблизи жизнь чердынских кочевников, я еще на золотых приисках собирал о них сведения. Алинский управляющий В. сообщил мне, что в эту зиму в пяти верстах от его прииска, на самом поясовом Урале, кочевала семья остяков со стадом голов в пятьсот. Но остяки месяца два уже не являлись на прииск для продажи мяса и В. не знает, там ли они теперь. Видя мое страстное желание, он мне посоветовал сходить на Урал, попытать счастья: быть может, остяки еще не перекочевали в другое место.

– Я вам и проводника найду, а то так отыскать их кочевье трудно.

В тот же вечер в контору пришел рабочий Василий, уроженец Вишеры, которого любезный хозяин давал мне в проводники. Это был маленький, невзрачный мужичонка лет сорока, с небольшой бородкой, с угрюмым лицом, крайне неразговорчивый. Оригинально было его появление. Он вошел как-то боком и, устремив свой взор в стену, медленно и растягивая слова, спросил:

– А на што меня звали? – ему объяснили.

– А где таперя вогулов-то найдешь?

– Да ты скажи только, согласен ли вести на Урал, а там уж не твое дело, найдем мы их или нет.

Мужичонка смолк. В совершенном молчании простоял с четверть часа, повернулся и ушел, оставив нас в совершенном недоумении. Но на следующий день утром изъявил свое согласие быть проводником. Захватив чайник, топор и ружье, мы двинулись в путь.

Утро было прекрасное, солнечное. Сначала мы шли долиной реки Почмог, небольшими лугами, где уже распустились травы и пташки весело чирикали в кустах ивняка. Местами возвышались рощицы березы, осин, черемух. Затем начался хвойный лес, и дорога заметно пошла в гору. Через лес к Уралу ведет так называемая вогульская дорога, какими здесь перерезаны все леса.

Иностранцам часто приходится переходить со своими стадами оленей с одного камня на другой, и переходы эти приходится совершать через долины, поросшие дремучими лесами; с незапамятных времен через эти леса проложены ими дороги, известные у вишерцев под названием вогульских, так как вишерцы вообще всех иностранцев называют вогулами.

При слове «дорога» мы представляем себе вполне удобный путь, по которому можно проехать и на колесах. Но вогульские дороги ничего общего с нашими дорогами не имеют. Это просто просека среди дремучего леса, просека, на которой торчат пни срубленных деревьев и которая большей частью пролегает болотом, где оленям легче бежать. Не дай Бог цивилизованному человеку совершить летом путешествие на оленях по вогульской дороге! До сих пор мороз у меня пробегает по спине при одном воспоминании о прелестьях этой дороги, которые мне довелось испытать... Но я забегаю вперед. Предшественный мрачным, молчаливым проводником, шагал я по болотам, перепрыгивал через пни на вогульской дороге, поднимался на холмы, спускался с них. Пытался я заговорить со своим спутником, но безуспешно. Видимо, он не понимал цели, с какой я стремлюсь к «вогулам», и видел в этом одну пустую затею, а потому питал ко мне чувство самого глубочайшего презрения.

Наконец подошли мы к подножию Урала и начали подъем. Скоро кончилась полоса лесов и мы вступили в царство камня и мха. В этом месте поясо-вой Урал не особенно высок и представляет из себя плоскую возвышенность, поросшую мхом и местами темными пятнами низкорослого можжевельника. Во всех ложбинах лежит снег. По обе стороны Урала раскинулись долины с темнеющим хвойным лесом; отроги Урала поднимали свои увенчанные снегом вершины навстречу синему небу... Знакомый величественный вид... Находясь на середине кряжа, я стоял на рубеже Европы и Азии. По одну сторону расстилался Верхотурский уезд, а по другую – Чердынский.

Наверху дул ветер и было очень прохладно.

– Вогулы ушли! – сказал мой проводник.

– А ты как знаешь?

– Оленей нигде не видно, значит, их нету.

В самом деле, на всем пространстве тундры не виднелось ни одного животного. Я взлез на одну россыпь, более высокую, и с высоты ее убедился, что окрестность пуста. Но всюду на земле виднелись признаки недавнего присутствия здесь кочевников: валялись обрывки кожи, рогов, виднелись следы костров, но сами люди отсутствовали... С горя вздумал чайничать. Нарубили ветвей можжевельника и развели небольшой огонек; чайник набили снегом и повесили над огнем. Товарищ мой убийственно молчал. Я созерцал расстилавшуюся передо мной картину. Какое отсутствие жизни кругом! Серый мох, серые камни утомляли глаз своей монотонностью. Вон над долиной плывет облачко. Оно достигло Урала и замедлило свой бег. Белый туман на время

скрыл от меня окружающие предметы. Он медленно, как косматое чудовище, полз по земле, местами сгущаясь, местами просвечивая. Дунул ветерок, видение исчезло, и снова «даль голубая видна»...

– Вогулы едут! – даже испугал меня неожиданным возгласом Василий.

Я взглянул по направлению его указательного пальца и заметил вдали тундры шевелящиеся серые пятна. Надо было обладать хорошим, привычным зрением, чтобы угадать приближающихся вогулов. Но вот пятна становятся ближе, и я ясно вижу две четверки оленей, запряженных в двое саней, на которых с длинными палками в руках восседает по человеку. Люди одеты в совики. Теперь вся окружающая картина приняла осмысленный вид, она, так сказать, оживилась. Эти серые олени, серые совики на дикарях так гармонировали с серыми камнями с серым мхом и составляли со всей обстановкой одно целое. Только теперь мне стала понятна дикая красота уральских тундр...

Кочевники, конечно, давно заметили наш огонек и подъехали прямо к нам.

Это были два молодца, один лет тридцати, а другой двадцати, с лицами славянского типа, обрамленными небольшими бородками. Я сразу узнал в них ижемцев и не ошибся. Мы поздоровались. Я пригласил гостей почайничать, и вновь прибывшие привязали оленей кормиться мхом. Бедные животные, видимо, устали и тяжело переводили дыхание.

Старшего ижемца звали Изосимом; он был хозяином, а младший, Алексей, у него работником. Изосим с легким зырянским акцентом бойко объяснялся по-русски и показался мне человеком пронырливым и хитрым. Его глаза быстро бегали по сторонам и как-то недоверчиво выглядывали из-под бровей. Алексей почти не говорил по-русски и больше молчал. Его детское лицо, с самой простодушной детской улыбкой, свидетельствовало о мягком характере и незлобии.

Изосим объяснил мне, что его отец кочует на Пропащем камне со стадом в тысячу голов оленей, а сам он со своей семьей и с пятьюстами оленями перебрался на Чувальский камень.

– Куда же вы теперь едете?

– Мимо нас остяк шел с оленями, из моего стада пятнадцать штук пропало, остяк воровал. Еду к нему отнимать. Остяки нас грабят. Мы недавно здесь, они с нас дань просят, говорят, места ихняя. Приехало в прошлый месяц их двадцать человек, а нас четверо, и отняли у нас много шкур... Остяк тут должен быть, ты его не видал?

Я объяснил ему, что тоже отыскиваю остяков и не мог их найти.

– А тебе на что остяк? – спросил Изосим.

– Хочу проехать по Уралу.

– Найми меня. Я провезу по всем горам. Мне надо в свой чум ехать на Чувал. Свезу. Деньги дай.

Такому предложению я обрадовался, и мы с ним быстро условились. К вечеру он обещался заехать к «Владимиру» (господину В.) в «строение», как кочевники зовут все золотые прииски, и взять меня с собой.

– На Чувале у нас весело, – продолжал говорить Изосим, – тундра большой. А внизу под горой строение построили французские люди, железо

ковыряют. Я был у француза. Глупый человек: совсем по-русски не понимает, как остяк...

Напившись чаю, ижемцы быстро направили оленей, махнули палками и скрылись из виду отыскивать остяка.

Нам оставалось возвратиться домой. Возвращение было печальное: поднялся туман, крапал дождик; шли почти ощупью, рискуя заблудиться. На прииск пришли под вечер и промокли до нитки. Но я был доволен, что достиг своей цели, что увижу быт чердынских кочевников.

Вскоре после нас прибыли на прииск и ижемцы. Они не могли отыскать остяков.

Весь следующий день Изосим гостил у В. и делал разные закупки. Я между тем в подробности рассматривал экипаж, в котором мне надлежало совершить путешествие. Это были высокие сани длиной до двух аршин, а шириной аршин. От сиденья до земли было аршина полтора, чтобы можно было беспрепятственно ехать по пням. Упряжь оленей еще примитивнее: на шею надето подобие хомута из оленьей кожи и к этому хомуту привязаны ремни, по одному на каждого оленя. Ремни прикрепляются прямо к саням; вот и всё. Вместо плетки олени понужаются палкой длиной около сажени и носящей название «харей».

Олени поражали своей худобой: пищи теперь мало, да и большие переезды их истомили

К вечеру всё было готово. Наш багаж уложен в сани, крепко перетянут ремнями и покрыт сверху оленьей шкурой. Я распрощался с гостеприимным В. и уселся боком на задние сани. Но ко мне подошел Алексей и без церемонии перекинул мою ногу и усадил верхом. Сам он сел впереди меня с хареем в руках. Изосим тронул свою четверку. Алексей сделал какую-то манипуляцию хареем, и наша четверка рванулась вперед.

Моросил мелкий дождь. Плащ мой распахнулся; закрыть его было некогда: обеими руками я изо всей мочи держался за ремни, рискуя каждую минуту вылететь. Брызги грязи обдавали меня с ног до головы. Ноги от постоянного напряжения отекли совершенно. Сани наши, ударяясь о пни и кочки, подпрыгивали, как мячик. В болотах несчастные животные увязали по брюхо в грязи и кое-как выкарабкивались. В лесу было еще хуже: сани скакали в разные стороны и ударялись о деревья. Каждую минуту приходилось следить за целостью своих ног и прятать их... В моем измученном и напряженном мозгу зародилась зловещая мысль: не много ли я взял на себя? В состоянии ли я перенести эту пытку? Но стыд мешал мне заговорить об этом с ижемцами, которые бодро переносили дорожные невзгоды и были совершенно спокойны. Я призвал на помощь весь запас энергии, всю силу воли и твердо решил выйти победителем из этого положения.

Алексей частенько оборачивался ко мне и добродушной своей улыбкой старался поддержать во мне бодрость. Иногда Изосим с передних саней по-ижемски справлялся у Алексея, как я переносу путь, и оба они смеялись. Ломаным русским языком Алексей старался рассказать мне про свою жизнь.

– Моя отца в Ижме четыре ста оленей, – объяснял он, – моя мать пропадад, отец другая баба брала. Баба-то мне сказала: пошел! Я теперь работник. Плоко мне! – И всё это передавалось с самой детской, с самой чистой улыбкой без всякой злобы. Счастливое дитя!..

Но много разговаривать было нельзя: надо следить за дорогой. Дождик всё усиливался, но ночь была совершенно светлая. Наконец в одиннадцать часов наша пытка кончилась: мы достигли старой Алинской избушки на берегу Почмога и решили в ней заночевать. Когда я слез с саней, то в первую минуту прямо сел на мокрую землю: ноги отказались служить. Мои спутники смеялись надо мной и говорили, что это «ничего!». Кое-как добрался я до избушки. Там стояла железная печка. Изосим приказал своему работнику нарубить дров. Через минуту веселый огонек осветил закоптелые стены избушки и наполнил ее живительным теплом. Эта лесная грязная изба в настоящую минуту показалась мне краше всякого дворца. Не могу описать наслаждения, с каким я протянул на лавке свои усталые члены! Дрова весело трещали, печка накалилась докрасна, в чайнике бурлила вода... Алексей тем временем привязывал на ночь оленей и убирал сани от дождя.

Из дорожного мешка появился хлеб, и мы принялись за чаепитие, после которого моментально погрузились в сон.

На другой день утром веселые лучи солнышка приветствовали наше пробуждение. Я быстро вскочил со своей лавки; усталости как не бывало. Я растворил дверь избушки, и перед моими взорами предстала очаровательная картина проснувшегося безоблачного дня. Но следы вчерашнего дождя еще были налицо: на деревьях, на траве «повисли перлы дождевые». На лужайке паслось восемь оленей, привязанных ремнями к деревьям. Бедные животные! Как они плачевно выглядят!

От речки подымался туман и застилал собою темный хвойный лес, обступивший нас со всех сторон. Изосим и Алексей возились около саней: они сильно пострадали от вчерашней езды и требовали серьезной починки. Ижемцы добродушными улыбками приветствовали мое пробуждение.

– Чай будем пить! Сейчас печка затопим, – сказал Изосим, направляясь в избу.

Я пошел к речке умываться. Несмотря на солнце, было довольно прохладно. Прежде чем добрался я до воды, промок насквозь в сырой высокой траве. Но на такие пустыки в путешествиях нечего обращать внимание.

После чаю ижемцы запрягли оленей, и мы опять двинулись в путь. Дорога стала еще ужаснее. Через полчаса скачки по пням и корням я почувствовал себя окончательно разбитым. Особенно страдали ноги, которые ежеминутно подвергались опасности раздробиться, сплющиться о стволы деревьев. Только собрав всю свою силу воли, я не издавал стонов. Тучи комаров еще более ухудшали наше бедственное положение. Отмахиваться от них было некогда: обеими руками я крепко держался за ремни саней, и кровожадные варвары беспрепятственно сосали кровь на моем лице. Наши олени страшно устали. Они опустили головы к земле и тяжело, шумно дышали. Надо удивляться ловкости, с какой они лавировали своими ветвистыми головами среди свисшихся ветвей елей и сосен.

Наконец я не выдержал и предпочел идти пешком, увязая по колению в болоте. Всё-таки во время ходьбы хоть немного отдыхали ноги и возобновлялось в них кровообращение.

К полудню достигли подножия Мартайского камня и выехали на долину речки Мартайки, где сделали привал на берегу. Тут в изобилии рос ягель, и олени могли подкрепить свои силы. Несмотря на усталость, я не мог не любоваться видом окружающей природы. С одной стороны серел массив Мартайского камня с полосами снега; перед нами журчал ручей, за ним растянулось обширное болото, примыкающее к горам; хвойный лес и вершины снеговых камней на горизонте. Птахи весело распевают в кустах. В ложбинах долины еще лежит снег, хотя рядом с ним цветут цветы и поднимаются травы. Солнышко начало сильно пригревать.

С наслаждением валялись мы на мягком белом мху. Ижемцы расшались, как дети, и начали бороться, толкаться и бросать друг в друга камнями мокрого снега. Их задушевный смех эхом разносился над пустыней. Солнышко их согрело, они были сыты и всей душой отдались веселому настроению, не заботясь о завтрашнем дне... Счастливыцы!..

Когда олени насытились, мы двинулись дальше. Снова лес, снова попытка ужасной вогульской дороги!.. Вдруг Изосим с передних саней обернулся к нам, крикнул:

– Вон остяк с оленями!

И в самом деле, нам преградили путь две четверки оленей, стоящих в упряжи около саней. Животные подняли от земли свои ветвистые головы и в недоумении смотрели на нас. Через дорогу лежало упавшее дерево. Два остяка старались перерубить его и очистить путь. Мы остановились. Изосим быстро заговорил со старшим остяком на их гортанном языке. Я тем временем с любопытством рассматривал дикарей. Это были, видимо, отец и сын. Их одеяние состояло из облезлых совинок, подпоясанных кожаным поясом, на котором висел нож с ручкой из оленьего рога. На ногах надеты гамаша – род котов из оленьей кожи. Гамаша надеваются на шерстяные чулки, обвязанные до колен ремешком. Головы ничем не покрыты. Черные волосы заплетены в несколько косичек с красными лентами. На лице отца не было и признака растительности. Глаза с косым разрезом, маленький нос не придавали этим детям пустыни особенной красоты, а морщины, избороздившие даже лицо мальчика вдоль и поперек, делали их похожими на обезьян. По-русски они не знали ни одного слова.

– Зовут его Петром, – объяснил мне Изосим, – он пастухом служит. У него оленей восемьдесят голов и пасутся теперь на Молебном камне, весь мох поели, он хочет перевести стадо на Мартайский камень и дорогу чистит. Спрашивает, водки нет ли у тебя – оленя за водку отдаст.

Но мне пришлось разочаровать дикарей: водки у меня не было.

– Шибко остяк водка пьет, – продолжал Изосим, – всё за водку отдаст, отца родного.

Дикари между тем продолжали рубить дерево. Нельзя сказать, что они ловко действовали топорами, это не их специальность. Зато охотники они хорошие и не побоятся вступить в единоборство с медведем, а лыжами

управляют не хуже вишерцев. Но печать вырождения лежит уже на этих несчастных, а ворвавшаяся сюда цивилизация не замедлит стереть их с лица земли. С грустью смотрел я на этих «последних могижан» наших лесов. Дети двадцатого века уже не встретят человека в его первобытном состоянии...

Лес скоро кончился, кончилась и вогульская дорога. Перед нами вышала стена поясового Урала, по которому следовал дальнейший путь. «Слава Богу! – думал я. – Наконец-то поедем мы по ровному месту, и я хоть немного вздохну!»

– Теперь беда худой дорога будет! – и с этим сообщением Алексей обернулся ко мне с добродушной улыбкой на своем детском лице.

Да, я убедился, что именно тут-то и началась «худой дорога», перед которой беднеют ужасы вогульского пути. Мы скакали по россыпи мелких камней. Сани ежеминутно подпрыгивали и отскакивали в разные стороны. Не буду описывать, что я испытал... Но если плохо приходилось седокам, то не лучше было и бедным оленям. Ижемцы без пощады подбадривали их хареями. Несколько раз животные ложились на камни, тяжело переводя дух, но удары харея ставили их на ноги. К довершению несчастья разразилась гроза. Дождь потоками хлынул на нас. Мы ехали по гребню Урала, и тучи неслись низко над нами. Ежеминутно сверкали молнии и ужасный гром эхом перекатывался в горах. Но грозовое облако как быстро появилось, так же быстро исчезло, и вновь окрестность купается в лучах животворящего солнца. Какие ручьи образовались от дождя!

Мы спустились с Урала, и перед нами бурлил Вёлс, который мы должны переехать вброд. От дождя он сильно вздулся, и ижемцы в нерешительности остановились перед этим потоком. Но Изосим решил.

– Ничего! – сказал он, думая меня подбодрить.

Мы с ногами усадились на верх санок; я крепко старался держаться за ремни. Вот Изосим на передних санках крикнул на оленей, и бедные животные нерешительно ступили в холодный стремительный поток. Мы двинулись за Изосимом. Сани оказались недостаточно высокими, и я тотчас же ощутил холодную влагу. Вокруг нас бурлила, пенилась вода, ударяясь о камни и осыпая нас брызгами. Ижемцы громкими криками понуждали оленей. Насквозь промокшие, мы с трудом выбрались на противоположный берег. Развели огонь и немножко обсушились. Мне особенно было жаль ружья, сильно пострадавшего при переправе.

В дивную белую ночь достигли мы Пропащего камня, на тундре которого пасется тысяча оленей отца Изосима. Опять начался утомительный подъём, и скоро мы оказались в царстве камня, мха и снега, толстым пластом лежащего в каждой расселине. Два оленя из нашей четверки легли на землю и совершенно были неспособны продолжать дальнейший путь.

– Надо искать новый олень! – сказал, почесывая в затылке, Изосим.

– А где же ты теперь их найдешь? – спросил я.

– Тут у моего отца много. Вон сколько быков.

Действительно, между камнями показались ветвистые головы оленей. Изосим вынул из саней длинную веревку с петлей на конце – лассо и начал осторожно подходить к животным. Шагах в двадцати от одного быка он

быстро махнул своим лассо над головой, и веревка опутала рога оленя. Таким же образом был пойман и второй. Больных мы оставили на месте и продолжали дальнейший путь.

Вершина Пропащего камня громадна, я думаю, не менее тридцати квадратных верст, и представляет из себя настоящий хаос. Тут есть долины, есть россыпи, сопки, выветрившиеся столбы сланца... Никогда я не забуду одного места на этом камне. Мы въехали в расщелину, наполненную снегом и идущую горизонтально в середине отвесной скалы. Наклон был градусов в шестьдесят. Слева под нашими ногами зияла пропасть, а справа каменная стена. Я пешком ни за что бы не решился тут пройти, а олени мчали нас во весь мах. Один неверный шаг, небольшое пространство обледеневшего снега – и мы стремглав полетели бы в пропасть... На дне долины, среди кустиков можжевельника, можно было видеть группы пасущихся оленей. Наконец ужасный путь кончился и перед нами открылась обширная тундра, среди которой белел чум.

– Приехали! – радостно воскликнул Изосим.

Мы остановились. Картина была в высшей степени оригинальная и дикая. Кругом высились исполины Урала со своими снежными вершинами самых разнообразных форм. На обширной тундре сотни оленей, загоняемых людьми и собаками. Маленькие оленята с хрюканьем бегают за своими матерями, быки с великолепными ветвистыми рогами – все бегут от собак и попадают в круг. Люди в совиках забрасывают лассо на быков, а важенок и олешков выпускают из круга. Восемь оленей поймано, и охота прекращается.

Собаки, оставив оленей, кинулись приветствовать нас лаем. К нам подошел ижемец – отец Изосима. Его лицо с редкой растительностью очень красно, особенно нос. Он приветливо здоровается со мной за руку и приглашает в чум. По-русски говорит он очень хорошо. Зовут его Иваном Фотеичем, но по ижемскому обычаю из вежливости следует ставить отчество впереди собственного имени. Ижемцы очень хорошие семьянины и этим обычаем доказывают свое уважение к старшим.

Мы вошли в чум; он, как летнее помещение, сделан из бересты, искусно сшитой оленьими жилами, и имеет конусообразную форму. Посредине на камешках тлеет огонь. Сверху спускаются палки с крючками на концах, куда привешиваются чайники и котелки. Вокруг очага разостланы в изобилии оленьи шкуры и разложены подушки. Против входа на сундуке приделаны полочки, на которых стоит несколько икон.

Иван Фотеич любезно усадил меня на самое почетное место и придвинул ко мне сундук, долженствующий играть роль стола. Вся его многочисленная семья собралась в чум. Кроме Изосима, у него еще два сына, юноши-погодки, семнадцати-восемнадцати лет, крепкие, румяные, и две дочери-девицы, пятнадцати-шестнадцати лет. Жена его, еще свежая и довольно красивая женщина, всё время без умолку что-то говорила. Вслед за людьми в чум вползли собаки и, умильно помахивая хвостами, улеглись у входа. В котле готовился ужин – похлебка из соленой оленьятины. Для меня повесили чайник.

Ужин скоро поспел. Хозяйка перед всеми поставила деревянные миски и вилкой вынула из котла мясо, которое разделила на куски по числу при-

сутствующих; потом большой ложкой начала разливать по мискам серого цвета похлебку. Все ижемцы перед едой прочитали молитву. Похлебку начали пить прямо из чашек без помощи ложек. Я был очень голоден и последовал их примеру. Похлебка оказалась сильно приправлена мукой. Мясо ели прямо руками. Иван Фотеич начал со мной беседу:

– Волки нас нонича сильно беспокоят! Страсть как пакостят. Сегодня мы нарочно быков приготовили: хочу после ужина ехать караулить.

Надо заметить, что эти волки не местного происхождения, а большие белые волки северных тундр, откуда они прибыли сюда вслед за перегоняемыми стадами оленей.

– Нынешний год очень плохой, – продолжал мой хозяин, – медведи тоже нас одолели. Да вот еще орлы, эти разбойники прямо с неба налетают на маленьких олешат и заклевают их. Просто совсем житья не стало. Вот в этот месяц орлы у нас сорок олешат заклевали, а медведи да волки больше двадцати больших задавили. Всё приходится караулить, при человеке они не смеют близко к стадам подходить.

– Привольные у вас здесь места. Тундры большие, много оленей можно пасти, сказал я.

– Теперь нам здесь тесно становится. Остяки и самоеды выживают нас. Вот мои олени съедят на Пропащем мох, куда я пойду? Везде занято: на Чувале мой сын, на Мань Юру – остяк, на Урале – остяк, на Муравье – остяк, везде остяк...

– А остяки – хороший народ?

– Всякие есть. Есть один, Василий, он около Алинских строений на Урале – шибко худой: отца убил. Его спрашивают, зачем убил, а он говорит: «Стара была, куда (худа) была, водку пила!» Он, если спорить зачнет, ружьем стреляет. А мы его боимся. А вот самоеды – те лучше. Тут есть Арсений, у него нынче баба пропадала, вина опилась. Сюда вогулы приехали из Берёзовского уезда и водки привезли десять ведер, по рублю бутылку продавали и на оленей меняли. Арсений бочонок купил и всё пил, и баба пил. Арсению жалко стало, он лег спать и обнял бочонок, а дыру пальцем затыкал. А баба другой дыра вертел и всё тянул, всё тянул, тут и пропадал.

– А у остяков много оленей?

– Нет, мало! Оленей по восемьдесят бывает, им всё равно, сильно оленей не нужно. Они охотой живут, лосей стреляют, медведей, куниц. Один остяк в этот год убил пятьдесят лосей, три медведя, до восьмидесяти куниц. Деньги выручают да пропивают или шайтану отдают. Они хоть и крещение есть, а идолопоклонники. У них здесь, вон на том камне, Молебным зовется, моления бывают и идолы есть. Они купят в строении лошадь, надо чтобы пестрая или белая была, и заколют там. Нынче один русский из Алинского строения идола у них украл и в Чердынъ увез, они его убить хотят. В потайных местах они шайтану деньги кладут, золотые и серебряные, ижемцы находят эти места и берут деньги. Я сам сколько раз находил.

Тем временем чай поспел, и Иван Фотеевич принес мне топленого масла, до которого кочевники большие охотники и пьют его с чаем. Ласково угощал меня хозяин, приговаривая:

– Ю, ю (пей, пей)!

С особенным удовольствием принялся я уничтожать калачи, видимо сибирские: белые, рассыпчатые.

– По Ивделю в строении покупал их, – объяснил Иван Фотеевич.

Ему не хотелось самому ехать караулить стадо, и он с этой целью отрядил одного из своих сыновей, который тотчас и скрылся. Становилось поздно. Ижемцы стали готовить постели. Я зажег свечу и принялся за свой дневник. Иван Фотеич положил для меня несколько шкур, и получилось мягкое ложе. Перед сном опять все усердно молились. Скоро водворилась тишина: люди спали. Воздух в чуме без огня стал холоден, но под шкурами было тепло. Ночью несколько раз с меня слезала одеяльница, но добрый Иван Фотеевич укутывал меня снова.

Утром я был разбужен странным шумом: казалось, что возле меня кто-то сыпал дробь на деревянный пол, кроме того, раздавалось какое-то своеобразное хрюканье. Я вылез из чума и увидел стадо удаляющихся оленей. Они стучали копытами о камни и производили слышанный мною шум. Хрюкали же маленькие оленята. Я отправился за одну россыпь и стал умываться снегом. Чувствую, что по телу ползают какие-то насекомые. Когда я освидетельствовал белье, то оказалось, что оно сплошь покрыто паразитами, захваченными мною во время ночевки в чуме! Кое-как освободился от них.

Утро было великолепное, солнечное. Тундра Пропащего камня была видна вся как на ладони. С одной стороны высилась длинная россыпь, а с других шли скаты к долинам. Кругом высокие горы...

Скоро проснулись обитатели чума. Иван Фотеич первым долгом справился у меня, хорошо ли я спал. Я поблагодарил его, умолчавши о паразитах...

Началось чаепитие. Тут я имел случай наблюдать способ приготовления хлеба кочевниками. На дно большого чугуна, смазанного маслом, положили лепешкообразное тесто, приготовленное без дрожжей прямо из муки и воды, и котел подвесили недалеко от огня. Минуть через десять лепешку перевернули на другую сторону и хлеб был готов, пресный, низкий, закалистый.

Около чума стоит несколько саней с приделанными к ним ящиками в виде саней. В этих ящиках, запирающихся замками, заключается всё богатство кочевника, все его припасы. И чем богаче семья, тем больше таких саней вокруг чума. Ящики окрашены краской, по большей части охрой.

После чаю Изосим и Алексей запрягли две четверки оленей, и мы распростились с гостеприимным хозяином Иваном Фотеичем и его семейством.

Дорогой Изосим начал объяснять мне, что он недавно отделился от отца и что отец этим его поступком недоволен. Но Изосиму под началом жить не хочется.

– Только вот оленей у меня мало, – говорил он, – отец давал сто штук, обидел меня. Я хочу ехать к лопарям. Там, говорят, хорошо. Здесь тесно.

И он начал меня расспрашивать, как пробраться в Лапландию по железным дорогам и сколько это будет стоить. Он еще ни разу в жизни не видал города, даже в Чердыни не был.

Теперь ехали мы всё время по тундре, частью мхом, частью по снегу, и незаметно добрались до Чувала. У подножия его, с восточной стороны,

берет начало приток Вишеры речка Мойва, на берегу которой мы увидели остяцкую юрту. Я велел Изосиму приворотить к ней. Она теперь пуста: остяки тут живут зимой, когда охотятся на зверей. Юрта срублена из тонких бревен, кое-как проконопачена. Дверь высотой всего один аршин, и влезать туда надо на четвереньках. Внутри это помещение представляет из себя квадрат, сторона которого не более одной сажени. Два крохотных окошечка по четверти аршина; в одном углу первобытный очаг. Изба эта из себя представляет минимум человеческих потребностей. На полке я нашел две четвертных бутылки из-под водки. Этикетки на них гласили, что приобретены из казенных складов Пермской губернии.

Мы начали подниматься на Чувал. Снегу здесь очень много. Чувальская тундра необозрима и местами поросла карликовыми деревьями и темными, ровными кустиками можжевельника.

– Вон мои олени! – крикнул Изосим.

Едва рассмотрел я движущиеся фигуры животных. Подъезжаем к ним ближе. Около животных я вижу человеческую фигуру в совике, с ружьем в руках.

– Товарищ мой, – объяснил Изосим, – мы вместе с ним пасем, у него тоже штук сто есть оленшков.

Мы подъехали к нему. Это человек с длинной бородой, лет под сорок. Лицо его напоминает наших великорусских мужичков. Так и кажется, что это ряженный. Изосим остановил оленей и заговорил с товарищем по-ижемски, видимо, обмениваясь новостями.

Через несколько времени на большой равнине перед нами забелел чум Изосима с сундуками на санях вокруг. Несколько собак приветствовали нас лаем. Из чума выбежали два мальчика шести-семи лет и с радостными криками бросились к отцу.

– Тятя, вай каяч (Тятя, дай калач)! – звонкими голосами кричали они.

Изосим подхватил их на руки и принялся целовать. Это были здоровые, румяные ребятишки, оригинально выглядывающие из своих крохотных совичков. Скоро в их руках оказались калачи, и они с веселым щебетаньем скрылись в чуме. Вышла жена Изосима, молчаливая женщина с приветливым лицом, за ней показалась еще другая женщина с грудным ребенком на руках; это была жена товарища Изосима. В одном чуме здесь теснилось две семьи.

Мужчины распрягли оленей и отпустили их на волю. Женщины начали выгружать из санок покупки Изосима и прятали их в свои сундуки-сани. Изосим пригласил меня в чум, где весело горел огонек. Внутри чума было очень грязно, так как очень уж много народу в нём помещалось.

В чайник положили снегу и повесили над огнем. Вскоре послышался дробный стук копыт о камни и хрюканье молодых оленят: стадо пригнало к чуму, где оно и расположилось на ночлег. Так как у Изосима и его товарища стадо немногочисленно, то они его не оставляют без призора ни на минуту; ночью и днем, когда приходят обедать, стадо пригоняется к чуму, около которого и располагается. Собрать такое стадо при помощи собак очень нетрудно. Жизнь кочевника только и проходит в присмотре за оленями, и таким образом без особенного труда он ведет вполне обеспеченную, привольную жизнь. Я уже на столбцах «Пермских ведомостей» в очерках своих «Поездка

на Печору» объяснял, насколько выгодно оленеводство. Как это занятие, не требуя особенных трудов и расходов со стороны оленеводов, обеспечивает им материальное довольство и независимое существование...

Чай скоро поспел. Изосим называл меня гостем и, видимо, гордился перед товарищем, что принимает у себя в чуме жителя города. Милые ребятишки вертелись около меня, щупали мое платье, с изумлением смотрели на мой дорожный мешок. Когда же я оделил их калачами и сахаром, восторгу их не было границ. Они показывали подарки матерям и громко щебетали что-то на своем наречии. Милые дикарята!

Перед закуской нас всех рассмешил Алексей, вздумавший вслух прочитать молитву; он перекрестился и проговорил:

– Отца во имя и духа!

– Неладно говоришь! – поправил его Изосим, все весело засмеялись и окончательно сконфузили бедного Алексея.

За чаепитием застала нас ночь. Тихо спустилась она на горы, светлая, белая, беззвездная, холодная.

Из боязни паразитов я решил ночевать на открытом воздухе, хотя гостеприимные хозяева приготовили для меня заманчивое ложе. Недалеко от чума находились скалы, образовавшие из себя нечто вроде навеса. Я захватил с собой чайник, топор, одеяло и шубу. Эту ночь мне хотелось провести в совершенном уединении, лицом к лицу с природой.

В версте от чума я наметил сопку – высшую точку Чувала – и с высоты ее мне хотелось бросить взгляд окрест. Сложив свое имущество под навесом скалы, я зарядил ружье и направился к сопке. Тихо прошел мимо спящего чума, вокруг которого лежали олени, пережевывая жвачку. Собаки, уже ознакомившиеся со мной, приветливо махали мне хвостом. Я шел по тундре при волшебном освещении белой ночи. Расстояние оказалось гораздо больше, чем я предполагал. Но вот и россыпь. Громадные глыбы известняка в хаотическом беспорядке навалились друг на друга. С трудом взобрался я на вершину.

Светло-голубое небо обливает белым светом окрестность. Всюду высятся причудливые верхушки каменных гигантов. Снег на их вершинах теперь искрится голубоватым светом. Вон Тулымский камень, красавец чердынского Урала! Гребень его остроконечной вершины так рельефно выделяется на небе. Вон Мань Юру, или Молебный камень, камень священный для дикарей. Он, в виде пирамиды со снежной вершиной, одиноко стоит в стороне. Вон Муравей, вон Курыксор и десятки других великанов. А в долинах чернеют леса... Внизу под моими ногами тундра Чувала, на которой местами разбросаны темные пятна – то кустики можжевельника. В стороне белеет затерявшийся в этой пустыне чум; около него спящие олени. И тихо, тихо вокруг...

Боже! Из какой волшебной феерии взяты эти дивные декорации!.. Только одна всемогущая мать-природа могла подобрать эти краски и в чудной гармонии сочетать их с этой сказочно прекрасной обстановкой!..

И только в такой обстановке, перед лицом Всемогущего Бога, начинаешь проникаться сознанием, что жизнь не есть «дар напрасный, дар случайный» и что всякое явление, происходящее перед нашими глазами, имеет глубокое, разумное значение. И только при виде таких картин природы невольно

размягчаешься сердцем и становишься добрее, лучше. Недаром благороднейшие умы человечества всегда преклонялись перед красотой, и более цивилизованные народы возводили ее в культ...

Я был готов всю ночь простоять на россыпи, но холод заставил меня вернуться к моим скалам. Спать мне не хотелось. Я развел огонек и начал чайничать. К великому моему горю, со стороны Тулына поднялся туман, обратившийся в тучи, застлавшие собою небо. Начал накрапывать дождик. Я забрался под навес и скоро заснул на жестком ложе из камней.

В семь часов утра меня разбудил Изосим:

– Вставай чай пить!

Шел дождь, и мне не хотелось вылезать на холод из своей норы. Я лежал и следил за туманом, за его прихотливыми изменениями. Местами начало проглядывать голубое небо, обещающее хорошую погоду. Ребятишки подбежали ко мне и громкими голосами крикнули:

– Зонма, лок таче (Парень, иди сюда)!

Какие они здоровые, краснощекие!

Наконец небо прояснилось, и я направился к чуму, где для меня вскипятили чайник. Я стал пить чай на свежем воздухе. Опять ребятишки столпились около меня и с любопытством дикарей следили за каждым моим движением. Олени подходили ко мне и обнюхивали меня. Я стал кормить их хлебом. Ребятишки последовали моему примеру. Как грациозны эти животные! Быки с великолепными рогами степенно щипали мох, важенки с маленькими рожками играли друг с другом, становились на задние ноги, брыкались перед ними, рядом с ними резвились малютки оленята в своих светло-коричневых шубках. Нельзя было не залюбоваться на эту идиллию тундры.

Из чума вышли насытившийся Изосим и его товарищ. В руках они держали лассо.

– Сейчас быков станем ловить.

Ижемцы стали осторожно ходить среди стада, держа лассо наготове. Олени отбегали от них. Иногда им удавалось близко подойти к намеченному быку, они вертели веревку над головой и она падала на ветвистую голову оленя, которого тотчас привязывали к саням. Иногда бывали промахи, и вообще, ловля оленей требует навыка и ловкости. Ребятишки подражали старшим и играли в ловлю оленей: у них в руках было по маленькой веревке и они накидывали их на оленят и друг на друга.

Через несколько времени две четверки запряженных оленей уносили нас от гостеприимного чума. Дорога была хороша; мы ехали по мягкому мху, а местами по снегу. К вечеру достигли конца Чувальской тундры. Камень кончался здесь обрывом, по которому предстояло спуститься до рудников пешком.

Внизу извивалась серебристая ленточка воды между лесистых холмов, то была Вишера. Среди леса можно было рассмотреть, точно игрушечные, домики Чувальского рудника. Тонкими струйками вился дымок. Там копошился человек, там цивилизация покоряла природу.

Я бросил прощальный взгляд на горы. Прямо против Чувала высился массив Мартайского камня. Как жалки, как ничтожны казались затеи людей

перед лицом этих двух каменных гигантов, в безмолвии стоящих друг против друга. Невольно пришло мне на память прелестное Тургеневское стихотворение в прозе «Разговор». Помните, читатель? «Среди Альп высятся две громады: Юнгфрау и Финстерааргорн, и спрашивает Юнгфрау соседа: что нового? Проходят тысячелетия: одна минута и грохочет Финстерааргорн соседу: “Чернеют леса, среди них копошатся козявки-двуножки, люди”. Опять летят тысячелетия: одна минута. “А теперь?” – спрашивает Юнгфрау. Грохочет великан: «Лесов стало меньше, козявок больше!»... Еще минута: тысячелетия. – “А теперь?” – “Теперь хорошо, опрятно стало, бело везде, везде снег, куда ни глянь. Опрятно, хорошо. Ну, заболтались мы с тобой, вздремнем”. Спят громадные горы, спит зеленое светлое небо над всегда замолкшей землей»...

И вы смолкнете, ничтожные козявки – люди, гордые в своем самомнении, вы, настроившие там внизу здания и дымом закоптившие девственную чистоту горного воздуха. Вы с молотом в руках дерзко прокладываете путь к сердцу Чувала, но знайте, что все ваши деяния ничто перед вечностью, и настанет время, когда исчезнут с лица земли ваши дела, исчезнете вы сами, а Чувал по-прежнему будет гордо выситься над землей, белой и чистой под снежным покрывалом!..

По Вишере

Ф. А. Мейер

21 августа 189... я выехал из Чердыни. Под горой вилась река Колва, вдали верст за тридцать темнел красный Полюдов камень, напоминающий постамент памятника Петру I в Петербурге; верстах в пяти виднелось село Покча. Стояло чудное теплое утро... Минут через двадцать пять мы уже ехали через Покчу, и мимо мелькали среди лачужек каменные и деревянные хоромы покчинских магнатов – этих царьков печорского края, у которых по торговле, или, скорее, по обмену жизненных продуктов: хлеба, соли, чаю, сахару, вина, табаку и других, на семгу, сизи, рябчики и пушной товар, население Печоры чуть не в крепостном праве. У них разделена Печора, у каждого свои селения, куда уже другой покчинец, а также и чердынец не смеет проникнуть, где торгует и ведет мену только облюбовавший эту местность. От Чердыни идет прелестно содержимый тракт, по обеим сторонам которого от Покчи вплоть до села Вильгорт, на расстоянии верст десяти, тянется хвойный лес. В двух верстах от Вильгорта в селе Камгорт перевоз через реку Колву, и опять вплоть до села Искор, верст четырнадцать, хвойный лес с той же чудной дорогой. На половине пути переправа через небольшую нарядную речку Низьву, с чистой, прозрачной водой, с окаймленными лесом и кустарниками берегами. От Иско-ра до деревни Бахари идет на протяжении верст тридцати пяти прескверная проселочная дорога. Около Бахарей, верстах в шести от дороги, стоит могучим великаном Полюд; здесь он менее красив: покрытый весь лесом, он напоми-

нает мохнатую шапку Машука, у подножия которого раскинулся Пятигорск. В Бахари я приехал, когда уже стало темно. Я вышел на берег полюбоваться Вишерой. На противоположном берегу ее через густившуюся темноту еще виднелись покрытые лесом очертания холмистых возвышенностей, и в расположенных на них деревушках светились огоньки. В местах четырех по реке лучили рыбу; горящие в лодке смолистые корни далеко по воде отбрасывали яркие снопы света, которые то удалялись, то приближались, смотря по движению лодки... Теплая, темная ночь. Кругом полная тишина, изредка прерываемая плеском остроги у лодки... Что-то чарующее было в этой картине, я долго любовался ею.... По возвращении меня ждала уха из вишерских рыб – харюза и линя, очень вкусных и нежных.

Часов в шесть утра мне подали пару лошадей в тележке, и я с одним из ближнего селения крестьянином отправился на вершину Полюда. Дорога всё идет в гору, версты через две делается невозможной для передвижения: всюду пни, корни, в низменных, болотистых местах выбоины, наполненные грязью и водой, в которых тонут лошади и колеса по ступицу. Лес становится гуще, началась парма, по местному выражению. Наконец останавливаемся; ямщик выпрягает лошадей и, разведя костер, оставляем их под охраной сестры ямщика, девочки лет пятнадцати. Сами втроем отправляемся на вершину. Подъем не особенно крут; только версты через две, у самой вершины Полюда, он делается значительно круче. Лес к вершине редет и делается низкорослым. Вот и вершина Полюда, небольшая площадка с нагроможденными на ней камнями, с одной стороны она совершенно отвесна. Но что за дивный вид! Далеко-далеко вьется узкой лентой Вишера; отчетливо видны камни Ветлан и Говорливый, село Говорливое и другие селения, ютящиеся по берегам Вишеры; внизу синеют на далекое пространство вековые леса; Чердынь с ее семью церквями вся на виду; затем Покча, Вильгорт, Искор, Ныроб, а там еще дальше, верст за десять, высятся вершины других великанов Урала... Спутники мои рассказывали, что в Полюде есть пещера, в которой находится окаменелый богатырь, и каждому, дошедшему до него, дает полную горсть золота, но только возвращаясь обратно, нужно не оглядываться, иначе также обратишься в окаменелость! Входа же в пещеру не могли указать.... Между Чердынью и Полюдом набежала небольшая тучка, пошел мелкий дождик, и Чердынь занавесилась от нас, как кисей...

Часов в двенадцать дня я отправился дальше. От Бахарей Вишера принимает характер горной реки, и вследствие быстроты движения поднимаются уже не на веслах, а на шестах; один с шестом становится в корме, а другой, для легкости обыкновенно женщина, в носовой части лодки, нужно в ней сидеть или лежать спокойно, особенно не двигаясь. Случается, что вишерцы целые дни, за небольшим отдыхом, простаивают в лодке, подымаясь по течению. И с какой ловкостью они управляют ею: вот кажется, лодка так и заденет, наткнется на торчащие из воды камни, разобьется; но один верный взмах шеста – и послушная лодка проходит там, где ей следует, лавируя между камнями, в нескольких вершках от них... В двух верстах от Бахарей на значительном протяжении зубчатыми стенами тянется камень Ветлан. Чем дальше, тем берега, покрытые хвойным и лиственным лесом, гористые

и крутые, переходя часто в совершенно отвесные скалы, уступы, делаются всё живописнее и живописнее; изредка, где берега более пологие, открываются холмистые дали, с раскинутыми в них селениями. На дне реки через светлую, совершенно прозрачную воду виден каждый камешек... Местами часть реки для ловли рыбы запружена камнями, лесом, хворостом; по средине таких запрудов оставлен проход для воды, где она шумно и быстро мчится. Такие запруды способствуют к засорению фарватера и мешают передвижению лодок... Полюд, как грозный страж, сопровождает нас; на одном из поворотов реки он виден чуть не весь, от подошвы до вершины. Вот он, могучий седовласый старец, мимо которого пролетели тысячелетия, хмуро смотрит на нас и как будто шепчет: «Что вы, пигмеи, сравнительно с теми народами, которые прошли мимо меня... более богатыми и промышленными, чем вы. Плыли мимо меня лодочки и суденышки чуди, бесследно исчезнувшей в пучине времени... Здесь, кругом меня, было целое царство Биармия... Чердынь вашу, теперь небольшой глухой городишко, я знал когда-то богатой, ведущей торговое сношение с Грецией, Персией, Индией и другими странами... Я видел дивные, горевшие золотом и драгоценными камнями храмы, воздвигнутые в честь бога Юмалы... Теперь же от бывшего величия остались только одни безмолвные курганы да городища!» Впереди на смену Полюду уж выступают другие стражи Урала, а Полюд, окончивши свою сторожевую службу, скрывается от взоров...

* * *

Вдали, на горе, показалась небольшая деревянная церковь села Говорливского и невзрачные лачужки обитателей села. Село расположено на Говорливском камне, который тянется над самой рекой отвесными, гладкими, слоистыми стенами. Я нигде не слышал такого замечательного эхо, как здесь. Как бы слово ни было сказано, тихо ли, громко ли, эхо передает внятно каждый слог слова, сохраняя до мельчайшей точности самый тембр голоса, слышишь положительно повторение своего собственного голоса. В стороне от Говорливого камня выступает вдали новый страж Урала – Помянённый камень со своими многочисленными вершинами-уступами. Очертания берегов принимают разные причудливые формы: то из скал и уступов созидаются развалины замков и башен, то из них группируются разные фантастические фигуры каких-то громадных зверей, птиц, чудовищных голов с разинутыми пастьями, черными впадинами вместо глаз. Чаше попадаются перекаты, «переборы», как их здесь называют, где Вишера бурлит, шумит, волнуется, пенится. Вот у самого берега выдается в воду громадный камень, вода около него шумит, кружится; ход лодки от быстроты течения замедляется; лодочники уже не медленно забрасывают шесты, а вертят их колесом, чтобы чаще концами шеста упираться о дно реки и тем скорее миновать быстрое течение... Стемнело... Вдали показались два огонька – красный и синий – и целый фейерверк искр, в скором времени мимо проплыл небольшой пароходик «Вёлс». Взошла луна. Красавица Вишера сделалась еще величавее. Гул воды на переборах и рыбных запорах далеко разносится в ночном воздухе по реке. Вода серебрится. Утесы и камни, облитые лунным светом, отдают матовым

блеском в местах, не покрытых растительностью. Где-то там, в лесу, гогочет филин своим резким неприятным звуком... Августовская ночь обдает летним теплом, пронизывая только изредка влажной, холодной струей... На горе мелькнули огоньки. Мы подъехали к деревне Велгур. Звонко слышится в деревне лай собак, перекатываясь эхом в соседних горах, как будто во всех уголках окружающих Велгур гор разбросаны целые стаи собак...

Рано утром мы поплыли дальше. Недалеко от Велгура Дыроватый камень, отвесно стоящий над водой и весь испещренный узкими отверстиями, входами; под ними Вишера очень быстра. Затем, дальше, верстах в пяти от камня, у самой реки, расположено несколько каменных глыб, колонн (столбов, как их здесь называют), у деревни Сыпучи открывается чудный горизонт, справа возвышаются горы Гремячева и Сыпучинская, а там впереди, далеко, горделивый страж Урала – Золотой камень, окутанный дымкой тумана. За деревней Сыпучи около деревни Писаной тянется такими же отвесными стенами, как Говорливый и Ветланский, Писанный камень, который получил свое название от надписей, находящихся на одной из его стен. Эти надписи в настоящее время представляют какие-то очертания, что-то вроде человеческих фигур, голов, оленей, нарисованных каким-то темно-красным веществом. Я слышал предположение, что эти надписи сделаны кочующими здесь ранее вогулами и означают извещение одного вогула другому о том, что он с товарищами на оленях отправился на охоту. Вишерцы дают более поэтическое толкование, что эти надписи – письма древних вишерских царей. В деревне Акчим и заночевал...

Раннее утро. Река окутана туманом. Белые известковые скалы напротив Акчима, на противоположном берегу Вишеры, как покрытые саваном привидения, выглядывают из-за тумана... Лодка давно уже оставила позади себя Акчим... Фон реки несколько меняется. Уклоны на переборах круче, вода на них, набегая на находящиеся в реке камни, волнуется, бурлит, бьет каскадами. Лодка с трудом поднимается. Берега делаются менее крутыми, горизонты расширяются; и недалеко покрытые лесом горы, при освещении их солнцем, принимают разные оттенки окрасок, только что ярко-зеленая полоса леса уже от набежавшего на солнце облачка кажется темной, черной; а там опять новые тона окрасок... Давно уже миновали Ябурский камень. Вишера по-прежнему гудит и воеет среди камней на переборах. Вдали опять показался покрытый дымчатой пеленой Золотой камень. Ветерок делается свежее, даль туманится, заволакивается тучами. С левой стороны надвигается камень Боец. Здесь большой перекат. Вода бурлит, пенится. Весной это место очень опасно для сплава судов с чугуном, течение наносит суда прямо на камень, и вода, ударяясь об него, громадными волами разбегается по реке, дробясь на более мелкие валы среди русла реки. Напротив Бойца впадает речка Золотиха, она бешено рвется, воды почти не видно, одна только пена несется в Вишеру. Тут же недалеко от устья Золотихи стоит разбитая барка, а на берегу сложен вынутый из воды чугун. Солнце скрылось, даль потемнела, грозные тучи всё больше и больше хмурятся, ветер крепчает и препятствует движению лодки, гул леса сливается с шумом реки... Часу в первом дня мы были как раз на половине пути до Усть-Улса, проплыли двадцать две версты,

и лодочники изъявили желание отдохнуть. У берега стоят две большие закрытые лодки; на берегу устроена из кольев и бересты небольшая палатка, в которой помещается сколоченный из досок стол, с трех сторон лавки, над палаткой на шесте развивается казенный флаг. Оказалось, что мы остановились на месте расчистки фарватера реки. Около палатки я встретил заведовавшего работами по расчистке молодым человеком – одним из служащих. Я проголодался, и мы мигом устроили в палатке завтрак: у меня нашлись жареные цыплята, курица, а у них рябчики... Часа через два, когда лодочник с дочерью отдохнули, я тронулся в дальнейший путь. Потянулись мимо меня один за другим Гостиный, Ваинский, Ерёминский, Ветренный и другие камни. Под вечер показались новенькие домики пристани Кутимского завода с целым караваном вновь выстроенных судов для сплава чугуна. Самый же завод находится верстах в тридцати пяти от реки. Слышится свисток, и небольшой, как игрушка, локомотивчик ходко бежит по берегу Вишеры по направлению к лесу. На противоположном берегу против заводской пристани раскинулась на горе невзрачная деревушка Усть-Улс. Из деревни, сверху горы, открывается красивая панорама: кругом ютятся горы, вдали хорошо видны на одной из вершин Кваркуша два столба – «уши», как их здесь называют. Чутко прислушивается ими седовласый Урал, как новая промышленная жизнь начинает бить могучим ключом в этих дебрях, рассекая кайлой и динамитом недра его... Деревня Усть-Улс населена русскими и вогулами, совершенно уже обрусевшими и оседлыми. Кочующие вогулы появляются у Чувала; в это время, как мне передавали, в верстах тридцати от Чувала находилось кочевье вогула Степана... Небольшие пароходы доходят до Усть-Улса только весной и то после спада большой воды, во время которой они не могут совладать с течением по быстроте его; летом же движению пароходов препятствует мелководье и камни на перекатах. Впрочем, теперь фарватер реки исправляется, и река делается более судоходной.

На следующий день я отправился в Кутимский завод по конно-железной дороге. Мне подали маленький вагончик, запряженный одной лошадью. Посредине вагончика устроен диван на четыре места, два спереди и два сзади, последние занял я и ехавший так же в Кутимский завод, на одном из передних поместился кучер, на другом наш багаж. С боков и сверху вагончик был обтянут рогожами. При встречах с рабочими поездами, с дровами и лесом, наш вагончик, опрокидывая набок, мигом сбрасывали с рельсов и по проходе поезда мигом опять ставили на путь. День был пасмурный, дул холодный ветер, пронизывая насквозь в плохо защищенном вагончике. Дорога шла вблизи реки Улс, среди леса, гор и скал. Вот вагончик делает крутой поворот, и мы едем по расчищенному динамитом горному уступу; над нами стоит отвесная скала, внизу обрыв, а там, на дне его, бешено ревет и скачет с камня на камень весь покрытый белой пеной Улс. У самого завода протекает речка Кутим, от которой завод и получает свое название. Кругом завода горы, из них по своей величине и высоте выдается Кваркуш, вершина которого белела от выпавшего там в то время снега... Кутимский завод основан лет восемь тому назад, но уже представляет довольно порядочное селение, состоящее из небольших новеньких деревянных домиков, преимущественно

казарм для рабочих и квартир для служащих. Местного населения здесь нет, всё это пришлое, в большинстве из других губерний, постоянно меняющееся. Для выплава чугуна устроены две доменные печи. Руда очень богатая по своему содержанию.

* * *

С постройкой Кутимского завода жизнь населения вишерского края совершенно изменилась. Ранее единственным промыслом населения этого края было звероловство и охота, но промысел этот не давал хорошего заработка населению, так как находился в руках нескольких крупных чердынских капиталистов, которые, снабжая охотников под продукты охоты весьма необходимым: хлебом, свинцом, порохом, дробью – ставили всё это по весьма высокой цене, а при получении от охотников убитых зверей и птиц, напротив, давали за них крайне низкие цены. Теперь уже немногие из вишерцев занимаются охотой. Большинство из них заняты работами при заводе, доставкой грузов водой на завод и сплавом по Вишере чугуна. Хлебопашеством же, как ранее, так и теперь, особенно жители сыпучинской волости по неплодородию почвы и суровости климата почти вовсе не занимаются.

В тот же день вечером я выехал из завода обратно с тем же пассажиром, с которым ехал вперед. Ночь была темная, осенняя. Добравшись до полустанка, на половине пути, мы узнаем, что навстречу нам с пристани только что вышел локомотивчик. Ехать навстречу ему с тем, чтобы заблаговременно очистить путь для прохода его, сбросив вагончик с рельсов, мы опасались, так как за темнотой и шумом от движения вагончика боялись не усмотреть где-нибудь на повороте своевременно приближение локомотива, который тогда может нас и смять, и опрокинуть куда-нибудь в обрыв или же испугать лошадь, которая, бросившись в сторону, сама может опрокинуть вагончик. Ожидать прибытия локомотивчика на полустанке пришлось бы долго, так как они, делая еще только маневры (в это время заводоуправление только что намеревалось заменить конное движение паровым), ходили очень медленно; да, наконец, он мог и не дойти до полустанка, вернуться обратно и нам пришлось бы пробыть всю ночь. Мы сообщили о своем затруднении по телефону заводской администрации. Последовал ответ, что сделано распоряжение о возвращении локомотивчика обратно. Но пока эта процедура продолжалась, нам пришлось просидеть на полустанке часа два и уже поздно ночью возвратиться в Усть-Улс. Деревня еще не спала, галдение пьяных ватаг далеко разносилось в ночной тишине. С повышением вследствие хороших заработков материального благосостояния населения в последнее время развилось и сильное пьянство по деревням, особенно в деревне Усть-Улс, где всегда скопляется и живет много пришлого люда.

Я встал часов в шесть утра. Моросил, как из сита, мелкий осенний дождь. Окружающие деревню горы скрылись во мгле. Пока пили чай и приготавливали лодку плыть далее, на Белые Мхи, дождик перестал; и, когда я садился в лодку, солнце уже выглядывало из-за морока. Немного выше деревни в Вишеру впадает Улс. Здесь Вишера делает крутой поворот на север, до сего ее течение было с северо-востока на юго-запад... Берега по-прежнему живописны.

Красивыми отвесными уступами повисли над водой Палковский, Крымский, Федоскин камни. Вдали синееет вершина какой-то горы. Уклоны на перекатах еще больше, и вода уже изрядными валами мчится по ним. Часов в двенадцать, на половине пути, привернули к шалашу вогул, вышедших на деревню Усть-Улс для уборки сена. У шалаша был разложен огонь, и грели медный чайник с водой. В шалаше был старик, три его сына и две молодухи – жены сыновей, они добродушно и приветливо приняли нас. Отдохнувши часа полтора, напившись, чаю и поблагодаривши хозяев за любезное гостеприимство, поплыли дальше. Пошел дождь, и даль покрылась мглой. В сумерках были на Белых Мхах... Как приятно было после долгих скитаний в лодке и ночевки в лачугах вишерских деревень отдохнуть в теплой, просторной, светлой, уютно мебелированной комнате в доме заведующего рудником, за чайным столом с шипящим самоваром, среди небольшого общества, и уснуть, не опасаясь нашествия клопов.

Утром я отправился на одну из ближайших скал, «чурок», как по Вишере называют вообще все скалы, полюбоваться двумя стражами Урала – Юбрьшкиным и Чувальским камнями, на которых будет добываться железная руда для предполагаемых к постройке на Белых Мхах и Чувале заводов; но, к моему сожалению, оба камня были в тумане; только подножие Юбрьшкина камня еще было несколько видно... На Белых Мхах со мной случайно съехались земский начальник, податной инспектор, и мы все, в том числе и наш хозяин, после завтрака поплыли на Чувал... Шел дождик... Наконец после камня Пропащего показался величавый Чувал; по нему лохмотьями ползли дождевые облака, вершина была в тумане. Но небо скоро прояснилось, и Чувал предстал во всем своем величии с круглой, как голова, и голой, без всякой растительности, вершиной. Вдали виднелся красивый по своим очертаниям Курыксарский камень, над ним нависли красно-багровые от заходящего солнца облака. Река, как зеркало, отражает густой тенью растущий на крутых берегах лес. Даль и лес темнеют. Вода принимает разные оттенки красок, посередине реки идет еще светлая полоса от заката... Перебор... Река шумит, пенится, волны идут от одного берега до другого. Берега, горы, леса от надвигающейся темноты принимают неопределенные очертания. Вода чернеет. Голая голова Чувала, как шапкой, покрылась темнотой. Курыксарский камень тучей навис впереди. Где-то в лесу шумит горный поток. Вдали светятся приветливо огоньки... Через полчаса нас радушно принимает заведующий Чувальским рудником. Также приятно было после дневного переезда отдохнуть за чайным столом, в теплом уютном уголке. Хозяин, большой любитель винта, раскинул столпки. И хмурый Чувал своей лысой головой в первый раз еще внимал непонятным ему словам: «пас», «два пика», «без козырей», «пять бубен», «малый шлем в червах»...

Утро следующего дня было ясное, совершенно летнее, так что мы в одних сюртуках пили утренний чай на террасе, выходящей на высокий берег Вишеры. Роскошный вид открывается с террасы: с одной стороны ее стоит грозным великаном Чувал, с другой вдали высится красивый Курыксарский камень, внизу хрустальные воды Вишеры, на противоположном берегу, высоком и гористом, вековые леса. Так и не хочется оторваться от этой чудной, но суровой по тону картины... На рудниках всего два небольших домика, в одном

из них помещается заведующий рудником, а в другом человека три-четыре рабочих. Добыча руды и никаких других работ на руднике, как и на Белых Мхах, пока не производится... В полдень я выехал обратно; осень давала себя чувствовать, опять моросил мелкий дождик, который и мочил меня весь обратный путь. Стражей Урала – Золотого, Помянённого и других камней – из-за тумана и мглы не было видно. Только Писанный, Говорливый, Ветлан неприветливо смотрели своими мокрыми отвесными стенами в воды Вишеры. По высоким берегам ее стлался туман. В воздухе было холодно и сыро. Я, закрытый брезентом, в непромокаемом плаще, неподвижно сидел в лодке, шибко мчавшейся по быстрому течению реки и управляемой теперь уже веслами.

В глуши

Ф. А. Мейер

Мне нужно было отправиться в три волости северо-западной части Чердынского уезда – Юксенскую, Гаинскую и Аннинскую. Выехал я из Чердыни на пароходе Ржевина «Вильгорец» утром 8 сентября 1893 года. С парохода открывается красивая панорама на город Чердынь: белеются на высокой горе многочисленные церкви, напоминая скорее монастырь, чем город; вдали, верст за сорок от Чердыни, горделиво возвышается отрог Уральского хребта Полюдов камень, по своему внешнему контуру имеющий большое сходство с постаментом памятника Петру Великому. Полюдов камень, в свою очередь, барометр для «чердаков»: отлично виден в ясную погоду, при малейшей перемене ее к ненастью он, как флером, окутывается туманом и исчезает из глаз. Пароход весело бежит и чуть не касается берегов небольшой и неширокой реки Колвы, на противоположном берегу которой тянутся покосные места, а за ними, вплоть до Полюдова камня, синеют вековые леса. Через полчаса пароход уже был в Вишере, в одном из главных притоков многоводной Камы. С юга дул ветерок, и пароход плавно рассекал белые гребешки волн. Три часа спустя мимо парохода мелькали берега самой Камы. Но вот продолжительный свисток, и пароход остановился, и я высадившись на поданную с берега лодку. В этом месте Каму пересекает земский тракт. Через полтора часа, пока мне подавали лошадей из ближайшей деревушки, находящейся на расстоянии четырех верст от берега, я был уже по дороге в глушь чердынского края. Потянулись бесконечные лесные пространства, лишь изредка прерываемые деревнями и селами. Случались станции, где на протяжении двадцати пяти верст и более не попадалось ни одного поселка; только великаны ели да сосны, шумя по сторонам, как бы ведут между собой разговор о пережитых ими многих годах и событиях этой лесной глуши. Иногда бывает, что «косолапые мишки» – обитатели этих дебрей – невзначай выбегают на проезжающих, повергая последних своим неожиданным появлением в неопишумый ужас.

Но вот лесные великаны меняют свой вид: вместо могучих и полных зелени начинают встречаться какие-то обдерганные, серые, со слезшей хвоей; по бокам тракта тянутся кучи хвороста, в некоторых местах совершенно обгоревшие. Я невольно обращаюсь к ямщику за разъяснением этого явления.

– Это, видишь, – начал он, – трактир расширяли, а срубленный лес не убирают. Мы, было, хотели взять его на дрова, полагая, что отдадут задешево, но лесничий дорожится, просит за него дорого, так, что нам не под стать. Теперь, видишь, он подсох, начал гореть. Летом лес как порох: идет кто-то, бросит цыгарку – зашаает, а потом огнем возьмется, иной же и нарочно подпалит. Да Бог как-то милует: огонь или сам потухнет, или кто из прохожих тушит, а нежели он доберется до стоялого леса, такая лиминация произойдет, что на самой макушке Чердыни будет светло, да, широко будет гореть! Вон, смотри, стоящий лес тоже почать сохнет, от этой самой чащи жигулица появляется и поедает кору у дерева; сначала, видишь, лысина становится серой, потом иглы станут падать, а затем и сама посохнет. Эта жигулица перебирается с одного дерева на другое и уже туда, в леса, далеко ушла, в самую тайгу, в Сибирь, почать, уйдет, потом с годами не лес, а одни сушины торчать будут.

Стояла уже осенняя пора, и дорога была неудобной для передвижения, вследствие чего до села Юксева около ста пятидесяти верст я тащился почти двое суток. Юксево – очень небольшое село; при самом въезде находится площадь, на середине которой находится каменная церковь, кругом же площади находятся дома духовенства, волостное правление, училище, так что в этой части село производит приятное впечатление; проточной воды и вовсе нет, одни только колодцы. По прибытии на земскую станцию ко мне зашли старшина и волостной писарь. Старшина из иногородцев пермяков, малоподвижный, неграмотный, говорящий только «Слушаюсь, исполню»; но на деле, как мне потом пришлось убедиться, если и делал что-нибудь, то только для вида, мирволя во всём населению. Писарь, приписавшийся к Юксеевской волости крестьянин, вместе с тем и гласный Чердынского земства, красивый блондин, подвижный, юркий. «Ждем вот новое начальство – земского начальника, – говорил он. – Не знаю, что как и будет, но прежнее начальство меня любило, на лете схватывал каждое приказание...». «Новые птицы, новые песни, – подумалось мне, – будешь ли годеи». Действительно, впоследствии он был уволен. Юксеевская волость поголовно населена пермяками. Пермяки живут крайне неопратно и бедно, нередко встречаются избы, где вместе с людьми помещается и мелкий скот: овцы, свиньи, телята. Зимой же пермяки никогда не доят своих коров в хлеве. «Холодно, пальцы-де мерзнут», – объясняют они, а загоняют коров непременно в избу, иногда бывает, что вовсе не доят их всю зиму, что, впрочем, случается скорее за ничтожностью получаемого удоя по отсутствию кормов.

Любимый хмельной напиток пермяков – брага, приготовляемая из овса. Брагу пьет поголовно всё население, не исключая детей и женщин. Характер пермяка очень сварливый, упрямый и мстительный, так что от излишнего употребления браги праздничные попойки обычно заканчиваются драками, иногда до перелома костей и убийства. Язык беден, вместо женского рода употребляется мужской и наоборот, как, например, «Мой баба поехал», –

говорит пермяк про свою жену. Пермяки вполне обрусели и почти каждый говорит по-русски. Беспечность также является одной из отличительных черт характера пермяка. Бывает, что пермяк посеет хлеб и не оградит его и скот вытопчет у него весь посев. Церковь пермяки посещают неохотно, в школу отдают детей тоже неохотно. Телега в Юксеевской волости и других закамских волостях является роскошью. Только в селениях, расположенных по тракту, имеются еще и телеги, служа преимущественно для перевозки проезжающих; для хозяйственных и полевых работ употребляются сани во всякое время года. Традиционную лучину можно встретить почти в каждом доме, а также пузырь в окнах вместо стекол. Население волости занимается исключительно хлебопашеством, но последнее начинает постепенно падать, вследствие обесцениения почвы, которая, за исключением удворных пашен, ничем не удобряется за недостатком наезмов, по малочисленности скота и за отдаленностью пашен от места жительства. Расчистка новин и шутемов, что несколько сохранило почву от истощения, ныне крестьянам запрещена. Предприимчивости в населении нет никакой. Отхожими промыслами никто не занимается по непривычке к ним. К отбыванию повинностей и платежу податей население относится крайне нерадиво и требует энергических мер понуждения. Благодаря материальной необеспеченности, некоторые из крестьян находятся безвыходно в срочных работах у более зажиточных домохозяев, нанимаясь преимущественно по осени, чтобы задаточными деньгами уплатить часть податей. Духовенство в общем, как в Юксеевской, так и в других волостях: Гайнской и Аннинской, производит приятное впечатление; не слышно в его среде ни пьянства, ни безобразий, которые не так давно в закамском крае были обычным явлением, порождая тем в местном населении стремление к расколу и отчуждению от церкви.

Дня через два я отправился в село Гайны. Первая станция Иванчино, ни одной деревни на пути. Здесь земство не расширяло тракта и могучие великаны-ели стояли в своем красивом зеленом наряде. Верст пять тракт тянется по берегу речки Лолог, что несколько оживляет однообразный лесной пейзаж. Версты за четыре до Гайн небольшое село, расположенное на берегу Камы. Убогая маленькая лачужка, деревянная церковь, производит впечатление крайней бедности и нищеты. По прибытии я зашел к священнику отцу Михаилу. Своим смирением, кротостью и добротой отец Михаил располагает к себе всякого, его бескорыстие и постоянная готовность помочь ближнему не только нравственно, но и материально снискали ему в приходе общее уважение. Рассказывают, что из собранной по приходу руги он редко привозит что-нибудь домой, обыкновенно дорогой же всё раздает неимущим. Жаль, что отец Михаил не обладает хорошим здоровьем, между тем приход его большой, пути сообщения неудобны: приходится ездить преимущественно верхом и в лодке и делать концы верст сорок, пятьдесят во всякую погоду.

Гайнская волость населена наполовину пермяками и русскими. Хлебопашество развито уже много менее, чем в Юксеевской. Главным промыслом населения является заготовка солеваренных дров на соляные промыслы: усольские, дедюхинские, ленвенские и др. Труд нелегкий, нужно вырубить лес, свезти его на кладбище, связать в плоты и сплавить до соляных промыслов;

впоследствии неусошности сплава всецело лежат на крестьянах; вообще, условия, заключаемые лесопромышленниками с крестьянами, не из легких. Большую часть зимы занимающиеся рубкой дров проводят в лесу, спят в курных лесных избушках, причем в каждой на пространстве не более десяти квадратных аршин помещается человек двадцать и двадцать пять. Нетрудно себе представить, каким воздухом приходится дышать этой усталой кучке людей, когда тут же сушатся и промокшие за день платье и обувь. Эти курные избушки, как мне передал фельдшер, не раз доставляли заболевших тифом. Этот промысел дает населению средства к скудному существованию и уплате податей и повинностей. Насколько малозажиточное население Гайнской волости, об этом можно судить по тому, что у большинства крестьян нет даже меховой одежды; в самые сильные морозы какие-нибудь рваные армячишки окутывают тщедушное тело гайнского обывателя; что же касается женщин, то не надевают армяка, а закутывают голову какой-либо тряпичей, разгуливают по селу в одних сарафанах. У большинства крестьян своего хлеба не хватает для продовольствия. Так и в проведенную мной зиму в Гайнах некоторые стали покупать хлеб еще и до Рождества и, несмотря на существование в это время повсеместно низких цен, платили за хлеб в Гайнах до рубля за пуд, благодаря тому, что весь подвозный хлеб обыкновенно скупается местными кулаками, которые и пользуются своей монополией, продавая его вдвое дороже того, во что он им обошелся при покупке.

Из Гайн я поехал в Аннинскую волость. Последняя находится в верховьях Камы, на границе Вологодской и Вятской губерний. Других дорог, кроме верховой или на лодке, здесь нет. Я предпочел ехать в лодке. Снарядили длинную и узкую лодку, в которой кроме меня поместились еще двое для управления лодкой. Я выехал из Гайн рано утром; слегка морозило. Лодка плыла быстро, мимо тянулись низменные, поросшие лесом берега Камы. Здесь Кама довольно широка, но встречаются частые перекаты, почему постоянного судоходства не существует и лишь весной в половодье прибегают сюда пароходы для сплава плотов с солеваренными дровами. Пустынно и тихо, только равномерный плеск весел нарушает царящую кругом тишину. Однообразие картины и тихий плеск воды невольно погрузили меня в дремоту, но вот сквозь сон слышится какой-то гул и усиленный плеск воды, раскрываю глаза и вижу целую флотилию лодок. «Что это, не удалая вольница времен Степки Разина?» – подумалось мне вначале. «Зыряне вдруг на заработки из Вологодской губернии», – отозвался на мой вопрос рулевой. Каждую осень, в конце сентября, проходят несколько таких флотилий с зырянами, ведущие в Чердынский, Соликамский и другие уезды, где они расходятся по селениям и, переходя из дома в дом, занимаются в течение зимы изделием валяной обуви и портняжеством. Первая деревня от Гайн вверх по Каме Усть-Чикурья на расстоянии верст тридцати. Не доезжая верст двух до деревни, мы пристали к берегу. Здесь Кама делает извилину, и если продолжить путь до деревни водой, то пришлось бы делать лишних версты три. Я предпочел пройти пешком прямым путем. В деревне Усть-Чикурья считается двадцать дворов, в ней же находится и волостное правление, помещающееся в небольшой избе. Через два часа я уже направился в село Монастырь. Для меня запрягли

пару лошадей в единственную по всей волости телегу; были еще телеги у зажиточного крестьянина Л. в деревне Пашино, но во время недавнего пожара сгорели. Не часто, надо полагать, приходится здешним лошадям бывать в упряжке, так как грохот телеги перепугал их, видимо, и они понесли что было силы. Дороги между тем нет – с кочки на кочку, с пня на пень, а вблизи по бокам изгородь; опасность вылететь из экипажа и разбиться об изгородь была на каждом шагу. Проехали деревни Плёсы, Пашня. Лошади, освоясь со своим положением, пошли намного тише. В деревне Пашня видны следы недавнего пожара. «Два дома сгорело с надворными постройками, – заявил мне словоохотливый ямщик, молодой парень лет шестнадцати, – поджег беглый острожник понасерке. Этот острожник – здешний крестьянин, вот тут недалеко живет от деревни, осужден судом за убийство, да убежал из чердынского острога и скрывается у своих домашних. Крестьянин, которого он поджо, показал в пользу его на суде». «Почему же его не ловят?» – спросил я. «Стерегутся; если словят и выдадут, так отец и братья его, пожалуй, спалят всю деревню. Негодящая семья! Делали облавы; урядник приезжал, но он скроется на это время в лесу, дом-то, видишь, стоит на один, чуть чего – сейчас и в лес; дома хоронятся в голбце; некоторые из общественников встречали его». Через час в сумерках я приехал в монастырь и заехал прямо к священнику. Меня встретил высокий, лет шестидесяти старец, седой как лунь. «Кого это Бог шлет, давненько гостей не видывал», – приветствовал он меня. Обстановка отшельническая: просторная комната, несколько простых деревянных стульев, кровать, стол с церковными книгами, на одной из стен висит художественно выполненная картина – изображение старца Серафима, такого же старого и седого, как и сам хозяин. Немного спустя в келью отца Дмитрия пришел сельский староста и один из «умственных» крестьян. Разговор коснулся злобы дня – выбора судей в состав нового волостного суда. Приятно было видеть, с каким сознанием необходимости выбора хороших людей начали перечислять намеченных в судьи кандидатов, давая каждому из них подробные характеристики. «Этот и ничего мужик, умный, грамотный, да вот иногда о праздниках зашибает малость, пожалуй, не годится в судьи».

Я был очевидцем преобразования волостных судов в названных волостях чердынского края. Всё, что было лучшее в населении, было призвано в состав суда. С первого же раза судьи зарекомендовали себя среди населения хорошо, не было слышно нареканий на действия их, и самый состав суда был признан важностью возложенных на него обязанностей.

Мне рассказывал один из священников, что предназначенный на должность председателя волостного суда пермяк пришел к нему и со слезами говорил, что он не знает, что делать, что его беспокоит то, что если он как ошибется да рассудит, где несправедливо, и обвинит невиновного, – поэтому он не спит ночи и думает ходатайствовать об освобождении его от должности председателя. Еле удалось священнику успокоить будущего председателя. Часов в одиннадцать, после небольшой закуски, которой я, не евший целый день с семи часов утра, с удовольствием подкрепил свои силы, мы с отцом Дмитрием легли спать, и мне невольно припомнилось только что оставленный мной большой губернский город и его жизнь. Какой контраст в сравнении

с этой аскетической обстановкой кельи отца Дмитрия и безыскусственной речью окружающих!..

Утром встали часов в шесть и пошли осматривать местность. Село маленькое, тридцать семь дворов, расположенных на высоком берегу Камы. В просторной церковной ограде отца Дмитрия посажены кедры, так что со временем тут будет прекрасная кедровая рощица. Прелестный вид открывается отсюда на Каму; последняя здесь уже не широка, но убранные кустарниками и деревьями берега ее так же живописны, как и в среднем и нижнем течении. В ограде сохранился, между прочим, пошатнувшийся остов старинной деревянной церкви, внутри которой ни иконостаса, ни утвари уже нет. Часов в девять утра мы вместе с отцом Дмитрием отплыли из монастыря: я – в Гайны, а он – в Усть-Чикурью и далее, с требой, до деревни Бадьи, замечательной, между прочим, своим весьма рослым населением.

В Аннинской волости полторы тысячи душ обоего пола, три общества, земля недоброкачественная, наделы малы; в двух обществах всё еще занимаются хлебопашеством, в третьем же, Давыдовском, уже не сеют по негодности почвы. Лесной и рыбный промыслы составляют единственное подспорье к существованию. В дебрях Аннинской и Гайнской волостей в прежнее время существовали да, вероятно, и теперь существуют скиты, где нередко попадаются и беглые каторжники, пользующееся здесь полными правами гражданства, а непрошенного посетителя может встретить и шальная пуля из-за дерева.

Оставил я закамский край в январе 1894 года. В ясное морозное тридцатипятиградусное утро меня уносила пара обывательских лошадей из этой глуши по проложенной по реке Каме, уже крепко сплоченной льдом дороге опять в многолюдный, полный суеты губернский город Пермь. Я уже стал свыкаться с глушью этого далекого края, мне уже жаль было расставаться с этим бедным, детски развитым населением...

До Верхотурья

Ф. А. Мейер

Мне нужно было отправиться в Верхотурье и по делам заехать в Нейво-Шайтанский завод Верхотурского уезда. Я справился с картой. Оказалось, что завод находится в южной части уезда, недалеко от заштатного города Алапаевска. Но как проехать? Одни из моих знакомых советуют ехать через Кушву, другие через Нижний Тагил, третьи через Невьянск, а там, далее, указания проезда были крайне сбивчивы и неточны. Соображаясь с местностью, я поехал на Невьянск. 14 апреля 189* года, вечером, с поездом железной дороги отправился из Перми. В вагоне второго класса, кроме меня, помещался какой-то желчный субъект и в особом отдалении – дама.

– Не знаете ли Нейво-Шайтанского завода? – спрашиваю у сумрачного субъекта.

– Нет, не знаю! – отрезал он. – Вот железнодорожную станцию Шайтанку знаю, бывал!..

В скором времени я лег спать. Проснулся рано. Поезд только что остановился у станции Бисер. За ночь прибавилось несколько человек пассажиров. По вагону мечется сторож со станции.

– Да я же вам говорю, что эти вещи мои, зачем вы их тащите?! – сердится полусонный пассажир.

– Где же вещи доктора? – возражает сторож. – Он говорил, что здесь их оставил.

Сторож всё рыщет по вагону, подлетает ко мне и начинает будить, спрашивая, чьи это вещи лежат против меня. Я умышленно молчу, не открывая глаз, ожидая, что дальше будет. Это вещи, должно быть, доктора, решает сторож, схватывает и тащит к выходу. Я протестую... Поезд отошел. Мимо окон вагона мелькают сосны, елки, оголенные ветви берез и осины, черные проталины, освободившиеся от снега земли... Вот небольшая станция. Вокзал построен где-то в ложбине, тогда как кругом его раскинулась возвышенная сухая местность. Я высказываю удивление о постройке вокзала на неподходящем месте.

– С целью-с, чтобы ремонт почаще производить! – ехидно, улыбаясь, говорит желчный субъект.

Промелькнул раскинувшийся на значительном пространстве громадный Нижнетагильский завод... Наконец показался Невьянск.

– Что это за башня торчит? – спрашиваю везущего меня с вокзала извозчика.

– Это не башня, а каланча!.. Демидов тут монету свою чеканил; подземные ходы были устроены, всюду вода была проведена; чуть чего, сейчас это водою и затопят всё производство, и следом конец, – повествует извозчик.

– Блаженный век!.. – невольно думается мне и вспоминается мной где-то читаное: «Это твои деньги, твоей чеканки?» – спрашивает Демидова императрица Екатерина, играя с ним в карты. «Какие мои, матушка? Мы твои, и деньги наши твои же!»...

На станции не знают, где Нейво-Шахтинский завод.

– По дороге в Алапаевск есть вот Петрокаменский, Сусанский заводы, – заявляют мне ямщики.

Еду на Алапаевск. Кругом сухо, пыль. В Перми же я оставил еще грязь и изрядное количество снега на улицах. Проехал Петрокаменский завод. О существовании Нейво-Шайтанского завода всё еще ничего не слышно. Подъезжаю к Башкарке. На станции собралась значительная толпа, обсуждают, как меня везти: на санях ли или на телеге и по какой дороге.

По тракту нельзя, зимой не ездили – снег еще не растаял; по зимней дороге тоже нельзя, там мост снесло; есть еще дорога, да там речка играет в ложке, воды аршина на два прибыло, не проедешь, утонешь – доносятся до меня суждения экспертов.

Наконец эксперты-ямщики решили везти меня на санях. Едем где-то не по дороге, по полям, напрямик. Ложки полны водой. Только и смотришь, где бы не зачерпнуть в кошевку воды и не искупаться. Ямщик попался залихватский.

– Э, барин, это последний ложок, дальше не будет! – кричит он, погоняя лошадей.

Но таких последних ложек миновали еще чуть не десять. Проехали Мурзинку – месторождение самоцветных камней. Подъезжаем к Сусанскому заводу. Завод производит приятное впечатление шириной, правильностью и безукоризненной чистотой своих улиц. Встречается полицейский сотский.

– Далеко ли до Нейво-Шайтанского завода? – спрашиваю представителя полиции.

– Да вы в Нейво-Шайтанском заводе, – говорит он, удивленно смотря на меня.

Оказывается, что местное название Нейво-Шайтанского завода Сусанский, под каким он и слывет всюду, даже некоторые из заводских обывателей не знают, что их Сусан именуется еще Нейво-Шайтаном. Я пробыл в заводе два дня. В первую же ночь на земской квартире я был разбужен каким-то гудением, шумом, гамом, лаем собак, выстрелами. Из окна виднелись в темноте силуэты бегущих врассыпную людей. Уж не японцы ли, пробравшись через Сибирь, осаждают завод – мерещится мне со сна.

– Да так, заводская молодежь балуется, партия на партию нашла, и учинили драку, проломил некоторым головы, другим нанесли раны топорами, – повествует на другой день полицейский урядник о ночной баталии.

– Это еще что, цветочки, а ягодки впереди! – заявляют заводские обыватели. – Вот заводоуправление устраивает ежегодно праздник для рабочих и выдает каждому рабочему по двенадцать копеек на руки; к этим двенадцати

копейкам рабочие добавляют свои, и в конце концов получается поголовное пьянство. Раньше еще хуже было. Выкатывались прямо бочки с водкой. Каждому рабочему предназначался хороший бокал. Большинство не ограничивалось одним бокалом, а, выпивши его, ухитрялось подобраться другими ходами и снова подойти выпить, что некоторым удавалось проделывать несколько раз. Затем, если всё еще казалось мало, заканчивали выпивку уже за свой счет.

Нейво-Шайтанский завод, чугуноплавильный и железоделательный, выделяет кровельное листовое железо. Принадлежит наследникам Яковлева. Благодаря заводской администрации я осмотрел производство завода. Сначала я направился к доменной печи и присутствовал при высыпке руды, которая, вместе с древесным углем и камнем, служащими для сдобривания получаемого из руды чугуна, засыпается в громадную чашу, находящуюся над самой доменной печью. Несколько лошадей постоянно подвозят руду, уголь и камень. Лошади, как в цирке, уже приучены, что без всякого управления знают, когда, во сколько и в какую сторону нужно повернуть, сколько сделать назад шагов, чтобы в меру спятиться. Но вот чаша полна, рабочие приводят в движение механизм, из жерла домны появляется пламя, чаша несколько приподнимается, и всё содержимое в ней, охваченное целым скопом огня, проваливается во внутренность домны. Лошади всё время стоят спокойно, ни огонь, ни шум от провала их нисколько не пугает, только умные глаза, озаренные отблеском пламени, блестят ещё ярче. Я спустился книзу. Шел выпуск чугуна. Фонтаном, рассыпая кругом огненные брызги, била из доменной печи расплавленная добела масса чугуна, освещающая фантастическим светом темноту обширного здания, и широким потоком текла к резервуару, предназначенному для охлаждения ее. Затем я отправился в заводские корпуса с множеством печей, в которых охлажденные массы чугуна снова растапливаются. Всюду снуют небольшие двухколесные тележки с комьями расплавленного в печах металла, которые тут же под молотами, приводимыми в движение паровыми машинами, превращаются в бесформенные массы, а затем, под станками, в разной величины полосы и в конце концов в кровельные листы, которые сейчас же, еще красные и раскаленные, обрезаются и ровняются. Рабочие ловко подхватывают железными щипцами с тележек, наковален, станков раскаленные, мягкие, как воск, комья металла. Каждое движение, каждый шаг заранее рассчитан; малейшая неосторожность, неверность движения грозит опасностью обжечься самому и обжечь товарищей. Рабочие, с черными от сажи лицами, на которых только рельефно выделяются белые глаза, с закоптелой одеждой, с наброшенными на лица сетками, предохраняющими глаза от брызг расплавленного железа, напоминают служителей Вельзевула, а самое помещение, потонувшее в темноте, которую только прерывает свет от раскаленных масс металла, – его жилище, ад в миниатюре. Всё это здание-чудовище дышит, сопит, пыхтит, гудит, стонет, грохочет, громыкает, всюду лязг, бряцание, визг!..

Окрестности завода очень красивы. С трех сторон охватывает завод золотоносная Нейва, на которой всюду виднеются станки для промывки золота. Быстрая речка Сусанка делит завод на две части. Напротив завода впадает в Нейву шумная, бурливая Мостовка, протекая в живописной ложбине, покры-

той хвойным лесом. В версте от завода, на берегу Нейвы, красиво тянется ряд отвесных скал.

Я направился в Алапаевск через сёла Мироновское, Арамашенское, расположенные в живописной долине реки Режи; особенно эффектно выдается на берегу реки скала с построенным на ней храмом в селе Арамашевском. Наконец показался Алапаевск, раскинувшись на широкое пространство своими постройками и фабричными зданиями. В тот же день с одним милым и любезным обывателем Алапаевска, но очень тучным субъектом, я был по дороге в Верхотурье. Ехали в летнем экипаже, дорога была не из гладких. Мой компаньон при каждом толчке только стонал и охал. К ночи приехали на станцию Топорково, за которой нужно было переправиться через реку Тагил. Послали узнать, в каком положении река. Утром на другой день дали нам крайне неутешительные сведения, что Тагил пожелтел, почернел, посинел, но еще переходят по доскам.

– Мне, что, душу, что ли, свою губить?! Не пойду дальше, вернусь обратно! – слышу восклицание моего компаньона.

Однако оторвались. Тагил действительно принял невозможные оттенки окрасок. Кое-как перебрались по доскам, набросанным по льду. Затем реку Салду переплыли в лодке. Подъезжаем к Верхотурью. Недалеко от города переправа через реку Туру. Посередине реки стоит еще лед, у берегов же вода очистилась. Перевозчики садятся с того берега в лодку, доплывают до середины реки, выходят из лодки на лед и тащат ее за собой. Затем лодку опять спускают в воду и подъезжают к нам. Мы садимся, доплываем до льда, я выхожу и иду вперед. Вдруг слышу за собой шум. Ну, думаю, провалился мой спутник! Оглядываюсь: перевозчики бегут и тащат по льду лодку с чинно восседающим в ней моим компаньоном.

Верхотурье – небольшой городок с грязными, без тротуара, улицами. На крутом берегу Туры, в центре города, стоят остатки каменных крепостных стен, тут же присутственные места и изящной архитектуры собор. За городом над Турой возвышаются две скалы с отчетливым эхом – Кликуны, как зовут их местные жители.

– Кто соблазнил Адама? Кто сорвал плод с дерева? – вопрошают верхотурцы.

– Дама и Ева, – отвечает эхо к удовольствию обывателей.

Я зашел в монастырь к вечерне. В одной из монастырских церквей покоятся мощи святого Симеона в богатой серебряной раке. Тут же у раки стоял высокого роста монах. Он как бы застыл в своей позе, прерывая ее только изредка крестным знамением с поясным поклоном. Строгое лицо его смотрело сурово. Богомольцев, по случаю распутицы, было немного, человек до десятка, все из простого сословия, на каждом из них была надета белая рубаха и во всём одеянии их была заметна тщательная чистота. Лица серьезные, с выражением полного спокойствия и довольства: подвиг совершен, обет исполнен, преодолены все трудности, пройдены сотни верст – и они перед ликом угодника, сподобились высказать ему свои скорби, прегрешения, просить его и молиться ему!.. Рядом со мной всю вечерню стоит на коленях крестьянин лет тридцати пяти, с лицом, обращенным к раке праведника;

вся фигура и взор молящегося – одна глубокая вера; он совершенно забыл о внешности, об окружающих, уста его с экстазом шепчут ни молитву, ни просьбу угоднику, а одно слово: «Господи! Господи!..», прерываемое учащенными земными поклонами... Стройное пение, торжественность богослужения, масса теплящихся лампад у раки угодника, монахи в своих черных одеяниях, послушники, бесшумно скользящие по церкви, еще сильнее увеличивали религиозное настроение молящихся... Вечерня кончалась. Из алтаря вышел с исхудалым, изможденным лицом старец-монах.

– Кто желает исповедоваться, подходите! – заявляет он.

Я вышел из церкви. Крестьянин всё стоял на коленях у раки святого и молился...

От Перми до Тагила и от Тагила до Алапаевска

А. Н. Скугарев

Всякий раз, когда я являюсь к поезду железной дороги, чтобы куда-нибудь ехать, я стараюсь сделаться тише воды, ниже травы и przygotowляюсь трепетать перед железнодорожным начальством, начиная с кондуктора, памятуя, что у нас не железные дороги существуют для публики, а, наоборот, публика – для железных дорог. Советую это помнить всем и каждому, кто ездит по железным дорогам без протекции, хотя бы со стороны того же прокурора.

В четверг на страстной неделе пришлось мне ехать из Перми с товаро-пассажирским поездом или, говоря языком железнодорожного начальства, «с номером двадцать шестым».

Логически, кажется, ясно, что раз вам продали билет на право проезда до известной станции, то вы должны иметь возможность приткнуться где-нибудь и занять хоть одно место, за которое заплатили деньги. На деле же не то, и не надо быть особенно глубокомысленным, чтобы допустить, что на наших железных дорогах билеты на места в поезде продает одно учреждение, а допускает занять эти места – совершенно другое и что оба эти учреждения не имеют между собой никакой связи. Короче, билет дает вам право только ехать от и до, а как вы поедете, будет ли вам место – это зависит от вашей опытности и ловкости, от случая и от протекции.

Вся разница между пассажирами, едущими с билетами и едущими без билетов, заключается только в том, что первые платят деньги в кассу той или иной дороги, платят государственный сбор в казну, платят пяточки – в пользу Красного Креста и, в большинстве случаев, особо платят за протекцию; тогда как вторые платят только за протекцию и освобождаются от платы в пользу дороги, от платы государственного сбора и от платы на Красный Крест. Конечно, пассажиры второй категории, именуемые, в отличие от первых, «зайцами», платят за протекцию несколько больше, но зато о безопасности

и удобстве их проезда заботится протезирующее им начальство, которое в случае надобности снабжает их и билетами на один, на два перегона, пока производится контроль поезда.

Итак, я взял билет, чтобы занять место в вагоне. Но, увы, это было неисполнимо, ибо единственная половина вагона второго класса была битком набита пассажирами. Отправляюсь к начальству, которое заявляет, что «по числу проданных билетов мест должно хватить».

– Но, однако, не хватает! – пробую возразить я.

– Это не наше дело: обратитесь к кондуктору.

Обращаюсь к кондуктору, который утешает меня тем, что «вагон занят служащими», которые перед праздниками наезжали в город. Так как это сообщение меня не радует, то я всё-таки продолжаю ходатайствовать о месте.

– А сзади какой вагон? – спрашивает кондуктора другой пассажир, тоже ищущий места.

– Это служебный.

– Кто едет?

– Да он порожний... В Екатеринбург «под начальство идет»*.

– Так нельзя ли там поместиться? Пусть нам продадут билеты первого класса, уж если этого нельзя с билетами второго класса.

– А может быть, и разрешат.

Опять идем ходатайствовать «по начальству», но оказывается, что в служебный вагон нельзя сесть и билеты первого класса на этот поезд не продаются.

– Так пересадите в служебный вагон служащих, а нам дайте место в вагоне второго класса! – взывают «безместные» пассажиры, которых уже становится четыре человека.

– Нет, и этого нельзя!

В конце концов кто-то из начальства смилостивился и уже перед третьим звонком к поезду прицепили вагон-микст второго и третьего классов.

Пассажиры вздохнули с облегчением, и мы поехали, призывая благословение на голову милосердного начальства, давшего нам возможность сесть (хотя бы и за свои же деньги).

Жара в вагоне была нестерпимая, так что можно было назвать его «вагон-баня». Дышать нечем. Несмотря на теплую, даже жаркую погоду, все окна вагона были закупорены в двойные рамы. Кондуктор утешил парящихся в «вагоне-бане» пассажиров тем, что обещал сказать истопнику, чтобы тот больше не топил.

С места же в карьер пассажиры обратили внимание на какое-то особенное постукивание колес вагона. Я даже сходил в другой вагон и убедился, что там этого постукивания нет. Один из служащих дороги, ехавший в Мотовилиху, вступил в разговор и разъяснил, что вагон, по всей вероятности, «больной»*.

– Бандажи, кажется, обшоркались... выбоины есть... ну и стучит.

Прошлое удовольствоваться этим разъяснением, хотя одна дама тотчас же решила, что на обшорканных бандажах ехать не стоит, и перешла в другой вагон. С выбоин и обшорканных бандажей разговор перешел на крушения.

– А в каком вагоне безопаснее всего ехать на случай крушения? – спросил какой-то любознательный пассажир.

– Конечно, в самом заднем! – авторитетно ответил железнодорожный чин.

– Не потому ли ваше начальство всегда и ездит в хвосте поезда?

– А это уж их дело!..

Разговор оборвался.

Крепко памятуя, что мы, публика, созданы для железных дорог, и зная, что незнанием законов отговариваться нельзя, я обратился к изучению правил, распоряжений, объявлений и т. п., украшавших стены вагона. Тут были: «правила о билетах для проезда пассажиров по железным дорогам и о перевозке багажа», «извлечение из общего устава Российских железных дорог», объявление о том, чтобы не выходить из вагона до полной остановки поезда, «объявление для сведения родителей, отправляющих несовершеннолетних детей по железным дорогам без провожатых», объявление о температуре внутри вагона, «такса взыскания за недостатки и повреждения в пассажирских вагонах» и т. д. Ознакомившись с этими объявлениями, я узнал, что большинство пунктов и параграфов не исполняются ни железными дорогами, ни пассажирами, а некоторые пункты и параграфы устарели и потеряли всякий смысл.

Из «таксы» я узнал, что удовольствие разбить оконное стекло стоит всего один рубль семьдесят пять копеек, пепельница стоит тридцать копеек, термометр – один рубль и т. д. Я уже готов был разбить два стекла (в летней и в зимней рамах), чтобы получить возможность дышать и не изнемогать от жары, считая, что заплатить за это три рубля пятьдесят копеек вовсе не так уж дорого, но одна из дам испугалась сквозняка, и мы продолжили париться.

Из краткого, но выразительного объявления о температуре внутри вагона я узнал, что температура должна быть не ниже девяти и не выше пятнадцати градусов. (Висевший рядом с этим объявлением термометр был очень непоплушен и показывал целых девятнадцать градусов).

На одной из станций, выйдя на платформу, я обратил внимание на четвертый класс. Что делалось в этих вагонах – о том могли судить только сидевшие в них, но даже не сидевшие, а набитые, как сельди в бочонке. Я пришел в ужас и поделился впечатлением от четвертого класса с одним из соседей, принадлежавших к числу служащих по движению.

– Ну, батенька, с этой публикой мы не церемонимся, – ответил он. – Не хотите ли я вам расскажу случай из практики перевозки по четвертому классу?

– Пожалуйста!

– Пришлось как-то «нагрузить» в товарный вагон, приспособленный под четвертый класс, сорок пять человек. Дело было летом: жара, ну, конечно, те и давай протестовать. На одной из станций прямо скандал учинили. Что было делать? Вызываю из вагона грамотного. «Читай», – говорю. «Со-рок че-ло-век. Во-семь ло-ша-дей», – читает мужичок. «А вас сколько?» – спрашиваю. «Сорок пять». «Ну так вот что: если еще будете шуметь, так я пять человек уберу от вас, а поставлю к вам восемь лошадей. Понял?» – «Понял!» – говорит. И успокоились... Им только дай волю, – закончил рассказчик.

Полюбопытствовав, я узнал, на какие станции в котором часу придет поезд, и вспомнил, что в каждом вагоне полагается быть расписанию. Обошел весь вагон – нет расписания. На одной из станций купил расписание и повесил его в вагоне, снабдив такой надписью: «Управлению пермской дороги жертвовано одним из пассажиров».

Публика в вагоне всё редела и редела, а на станции Чусовской наш вагон совсем опустел, и пассажиры с комфортом могли бы быть размещены в других вагонах, а лишний вагон можно было бы отцепить, но это, очевидно, не практикуется, чему мы (четверо, кажется, пассажиров) были очень рады.

Кстати, о Чусовской станции. Здесь прекрасный буфет – по общим отзывам, лучший на всей линии, и я удивляюсь, как здесь могла иметь место «история с подвязкой», о которой у нас сообщалось со слов одного случайного корреспондента. Весьма возможно, что газету ввели в заблуждение.

Путь мой лежал в Алапаевск, куда обыкновенно ездят так: до Невьянска по железной дороге, а от Невьянска на лошадях. Но стояла такая пора, что по тракту от Невьянска ехать не было возможности, так как «река разыгралась», и пришлось выбрать другой путь: от Тагила через Салду трактом.

До Тагила по железной дороге доехал благополучно, но затем и начались мытарства, перед которыми поездка в четвертом классе показалась бы раем.

Поездка от Тагила до Нижнесалдинского завода (шестнадцать верст) в распутицу сопряжена с некоторыми (выражаясь мягко) неудобствами, но все эти неудобства положительно бледнеют, тушуются перед прелестями езды по земскому тракту от Салды до Алапаевска (семьдесят три версты).

Попробую описать эти «прелести», хотя заранее чувствую, что описать подобный, или, правильнее, «бесподобный», тракт почти невозможно.

Несколько первых верст от Салды дорога сносная. Правда, вас тут будет потряхивать весьма изрядно, будет кидать из стороны в сторону, но всё-таки ехать можно. Но вот ямщик поехал шагом, а затем свернул с тракта в болото в полном смысле этого слова. Маленький коробок (в настоящих ямских экипажах ямщики не возят, да в них и не проехать) пустился «в плавание» пренеприятное, небезопасное и весьма медленное. Скажу для пояснения, что один перегон в двадцать шесть верст (от Талой до Ясашной) можно было проехать только в пять часов, то есть ямщик мчался со скоростью пять верст в час.

Проехав по такому, с позволения сказать, тракту, вы невольно задумаетесь над вопросом, для чего же существуют эти тракты. По-видимому, для того, чтобы по ним ездить. Но попробуйте проехать, и вы ответите: нет, не для этого! Я полагаю, что этот тракт существует для того, чтобы числиться на карте и вводить в смущение неопытных путников.

Всем известно, что чем больше по тракту езды, тем больше он портится. И вот, чтобы предохранить тракт от порчи, остроумные, расчетливые верхотурские земцы решили устроить на нём баррикады. Наняли рабочих и заставили их возить щебень да сваливать его с таким расчетом, чтобы кучи щебня заняли как раз середину полотна тракта, которое шириной не более сажени. И ведь как верно рассчитали: куча за кучей тянутся вдоль тракта и нигде щебень не просыпан в придорожные канавы. Вы, может быть,

подразумеваете под щебнем мелкий камень? Ошибаетесь: верхотурское земство считает щебнем и такие «камешки», которые могут пойти не на замощение, а на фундамент для Вавилонской башни.

И вот тракт забаррикадирован кучами щебня. Проезжающие ныряют по канавам, перебираются вброд через ручьи, превратившиеся в бурные потоки, вязнут в болоте, купаются в жидкой грязи и, вообще, испытывают миллион терзаний. А рядом красуется тракт, на устройство которого затрачены десятки, может быть, сотни тысяч. И властной волей верхотурских земств тракт закрыт для проезда; а так как одного распоряжения о закрытии тракта могло оказаться мало, то земцы соорудили вдоль тракта ряд баррикад!

По словам ямщика, окрестные жители о таком состоянии тракта знают и им почти не пользуются. Движение грузов по тракту волей-неволей остановилось совершенно. Налегке еще можно проехать, хотя бы и пять верст в час, а проехать с грузом нечего и рисковать. Таким образом, изобретательные земцы достигли цели, и знаменитый тракт этот остается «втуне лежащим», а потому и не портится.

Какое дело земству, что ямщики на их тракте калечат лошадей, ломают и портят экипажи, наконец, ездят «стороной», нередко портят покосы и пашни*?

Ямщик выехал на только что исправленную часть тракта, и мы поехали по полотну из неукатанного щебня. Можно было ехать только шагом, и то очень тихим. В щебне уже образовались колеи.

Судя по такому исправлению, можно вывести два закона: 1) подобное исправление тракта закончится не ранее половины лета; 2) подобное исправление тракта ничуть не исправит, а только уничтожит баррикады. И за то спасибо!

В некоторых местах «стороной» ехать было совершенно невозможно и приходилось забираться (именно забираться, и с трудом) на тракт и брать приступом каждую баррикаду. Лошади взбирались на кучу щебня, а тарантас застревал. Начинались возбуждающие лошадей возгласы ямщика, взмахи и удары кнутом, пока наконец лошади не соберутся с силами и не рванут, да так, что только держись. Коробок заезжал на кучу, валился направо или налево, а потом съезжал с препятствия и сию же минуту останавливался перед новым. И так на каждой баррикаде.

Наконец, не помню, на какой версте, баррикады прекратились и кучи щебня красовались в стороне от тракта. Можно было ехать трактом.

Почему, на каком основании дорога от Салды до Алапаевска называется трактом? Это не тракт, а что-то невозможное, по крайней мере, в той его части, которая не забаррикадирована и по которой меня повезли. Тут только я понял, что верхотурские земцы умно сделали, закрыв тракт для проезда и устроив на нём баррикады. Но им надо было быть последовательными и продолжить баррикады по всему тракту, и тогда никто бы не узнал, что это за тракт!

Лучше бы и мне не знать, что это за тракт!

Когда меня везли «стороной», когда мы «брали баррикады», я всё утешался тем, что будет же конец мученьям, что починят же когда-нибудь тракт, что ведь всё это неудобства временного характера. Но когда меня повезли неза-

баррикадированным трактом, этих утешений не стало. «Стороной» ехать было и неудобно, и небезопасно, но мягко, и хотя шагом, но можно было плестись; когда приходилось «брать баррикады», то можно было выйти и пройти пешком, но езда по тракту ни с чем не сравнима. Что тут выделяли колеса, весь тарантас и сидящие в нём – не поддается описанию, а потому я не буду стараться описать неопишуемое, а попрошу читателя представить себе нечто елико возможно ужасное из области дорог.

Я уверен, что если бы наш край покорили немцы, то они немедленно объявили бы этот тракт неприкосновенным, огородили бы его, провели бы вдоль его железную дорогу и возили бы туристов со всех концов света показывать им, по какой дороге ездили «русские варвары». Красоты Крыма, Кавказа, Швейцарии затмила бы неприступная верхотурская дорога.

Испытав описанную поездку на себе, убедившись в невозможно безобразном состоянии тракта, видевав воочию до смешного нелепый способ исправления его, поверив, что действительно по этому тракту в настоящее время езда с грузом невозможна, немислима, я невольно задаюсь вопросом: для чего же земство содержит этот достопримечательный тракт и тратит на него десятки тысяч рублей, если временами тракт делается негодным для проезда.

А чего стоят самый способ исправления тракта – эти баррикады? Ведь не позволят же вам запрудить судоходную реку и сделать ее непригодной для судоходства? Ведь есть же какой-нибудь закон, запрещающий заграждать пути сообщения, предназначенные для общего пользования? А если есть, тогда на каком же основании верхотурское земство устраивает на тракте искусственные баррикады и делает его непроездным в самую горячую пору, в распутицу, когда по тракту от Невьянска проезда нет?

Ведь есть же смотритель тракта, есть члены управы, есть председатель управы: неужели никто из них не хочет обратить внимание на этот тракт? Затем, есть ревизионная комиссия: она-то неужели сквозь пальцы смотрит на это дело?

И неужели никто не обратил внимания, никто не захотел знать, никто не вступился?

Грустно приходиться к такому заключению, а приходится.

По новой дороге

С. С. Геммельман

В пяти верстах от села Кикус с земского тракта сворачивает казенная дорога на реку Берёзовую. Прорубленная в безграничных лесах вишеро-колвинской дачи, она идет всё время точно по широкой аллее. Война помешала оборудовать ее окончательно. Нешоссированная по недостатку средств, мало объезженная, заросшая по бокам густой и высокой травой, она представляет довольно мало удобств для проезжающих, но всё-таки много сокращает путь

сравнительно с тем, что было раньше. До ее проведения попасть на реку Берёзовую можно было только на лодке. Построена она главным образом для лесопромышленников, работающих по зимам в казенной даче. Летом движение редкое, так как на реке Берёзовой стоят всего только две деревни да два небольших выселка.

Грудь легко, с наслаждением вдыхает здоровый лесной воздух, напитанный запахом цветущих трав и хвойного леса, но всё удовольствие отравляется бесчисленным количеством комаров, мошек, слепней, оводов и тому подобного гнуса, целыми тучами летающего и над лошадьми, и над тарантасом. Мелкая мошкара лезет в глаза, в нос, в уши, и устаешь отгонять ее от лица. Глаза скоро утомляются полным однообразием лесной аллеи, закрывающей горизонт, дорога кажется бесконечной, и вздыхаешь облегченно, когда наконец с горы открывается вид на деревню Берёзовую. Вся деревня стоит на камнях. Оголенные камни выдались причудливыми зубцами из земли и со всех сторон стесняют деревню. Наверху, на горе, всё-таки зеленеют поля. Внизу течет быстрая, светлая, как хрусталь, шумная река Берёзовая. Здесь перерыв дороги, три версты надо ехать вверх по реке на лодке, а дальше опять идет еще на четырнадцать верст дорога до последнего выселка Трубаниха. Там дорога оканчивается совершенно, так как дальше по реке нет уже никакого жилья. Жизнь там бывает только зимой, во время заготовок леса, который сплавляется вниз при весеннем разливе.

Мои вещи нагрузили на длинную узкую лодочку, качающуюся при малейшем неосторожном движении, так что необходимо всё время чутко сохранять равновесие, чтобы не зачерпнуть воды. Ехать всё время надо на шестах, упираясь в каменистое дно, так как веслами никак нельзя справиться с быстрым течением. Река мелкая, и лодка, подгоняемая шестами, идет довольно быстро.

В выселке Булдырья, откуда снова можно было ехать сухим путем, я достал телегу и лошадь только благодаря счастливой случайности.

Сначала меня обрадовали известием, что лошадей нет.

– Как? Во всей деревне ни одной лошади? – удивился я.

– Да они у нас на воле пасутся.

– Можно поймать.

– Нешто найдешь? Они у нас верстов за двадцать, а то и боле уходят.

– Как же вы сами-то ездите?

– Когда нужно, так иной по неделе коней-то ищет. Летом-то мы на конях, почитай, никуда и не ездим. У нас во всей деревне и телега только одна у Микиты.

– Так как же мне?

– Коли не добудем, на лодке придется.

– А на лодке далеко?

– Верстов двадцать пять.

Перспектива не из приятных, так как при таком быстром течении ехать двадцать пять верст пришлось бы часов двенадцать. Однако, на мое счастье, после наведения справок какой-то «Сёмка видел Сидорову кобылу на Матюхиных гарях». Нашлись охотники ее привести, и через три часа «Сидорова кобыла» была налицо. Теперь дело стало за «Микитиной телегой», которая

вся оказалась в разобранном виде, и при сборе выяснилось, что одной оглобли недостает. Съездили на лодке в Берёзовку за оглоблей, и когда наконец лошадь была с трудом запряжена, то меня обступили и Сидор, и Митюха, и еще несколько человек. Оказалось, что я должен был расплатиться с каждым отдельно: одному за лошадь, другому за телегу, третьему за оглоблю и, наконец, своему вознице особо, так как он ни к лошади, ни к телеге, ни к оглобле не причастен. Пришлось покориться участи и за четырнадцативерстное расстояние заплатить около трех рублей. Когда расчеты были окончены, Сидорова кобыла заупрячилась и, несмотря на старания всех окружающих, только пятилась назад.

- Она от роду в телеге-то не хаживала, – хладнокровно заметил Сидор.
- Так как же ехать-то?
- Ничаво. Не сумлевайтесь. Обойдется.

Действительно, понемногу лошадь «обошлась», и я выехал, сопровождаемый сочувственными пожеланиями всей деревни.

На Богословской дороге

С. С. Геммельман

Медленно, осторожно, точно ощупью тронулся поезд от станции Кушвы по Богословской дороге. Новенькие чистенькие вагоны, прекрасно отделанные, последней конструкции, на пультмановских тележках, производили самое хорошее впечатление, так что постепенно сгладилось мое неудовольствие, вызванное тем, что с меня содрали какую-то невероятную четвертную плату за багаж. На дороге пока еще временное движение, и поэтому такса на провоз груза и багажа установлена самая произвольная. Вряд ли железная дорога выигрывает от этого, так как грузы продолжают возить на лошадях, находя это гораздо более выгодным. Разница в провозной плате на лошадях и по железной дороге получается действительно большая, не оправдываемая даже скоростью перевозки. Получается впечатление, что дорога проведена исключительно для Надеждинского завода.

По мере того как поезд прибавлял ходу, всё больше чувствовалось, что путь еще новый, недостаточно балластированный. Вагоны качались неимоверно, упруго приседая на рессорах, и начинала кружиться голова. У некоторых пассажиров это мерное качание вызывало тошноту, только до морской болезни пока дело не доходило, хотя для лиц, легко подвергающихся ей, оно было бы неудивительно.

Как всегда, в вагоне все очень скоро перезнакомились и разговорились. Местные интересы сводились главным образом к железу, меди и золоту. Впрочем, о золоте говорили не так охотно: оказалось, что многие из моих собеседников обожгли на нём руки и самое упоминание о золоте наводит их на грустные размышления.

– Дело гадательное, – говорят все в один голос. – Кому пофартит – хорошо, а больше только деньги даром в землю зарывают. Конечно, много его есть в этом крае, да только не всякому в руки дается. Кому какое счастье.

– У нас годами эта золотая лихорадка бывает, – пояснял мне мой сосед, горный инженер. – То всё спокойно, а вдруг в один прекрасный год точно всех какая-то бешеная муха укусит. Заявок сделают целую тысячу, и пошла писать губерния.

Молчаливой свидетельницей присутствия золота была река Тура, катившая свои грязные, желтые воды, взбаламученные искателями. Эта желтая муть красноречиво говорила о присутствии где-то недалеко драги.

На станции в Верхотурье в графинах такая же желтая, мутная, отвратительная вода и чай, похожий на помои.

Вся дорога идет по девственному лесу, местами выжженному постоянными пожарами, местами зеленому, дикому и запущенному. Но вот лес начинает редеть, всё больше и больше вырубленных пространств – и наконец открывается огромная, ровная площадь, на которой не осталось ни одного деревца, а только торчат из земли голые пни, а вдали виднеется громадный Надеждинский завод и широко раскинувшийся поселок. Большинство домиков чистенькие, похожие друг на друга, как родные братья. Громадные трубы с клубами черного дыма, высокие домны, выбрасывающие снопы пламени, – всё это господствует над окружающей местностью.

С каким удовольствием я наконец почувствовал под ногами твердую почву, когда вышел из качающегося вагона совершенно разбитый и усталый, точно ехал не полсуток, а полмесяца.

По узкоколейке

С. С. Геммельман

Маленькие, точно игрушечные, немецкие паровозики суетливо бегают по разным направлениям около здания Надеждинского рельсопрокатного завода. Они пищат тоненькими детскими голосами. Такой же паровозик бегают по запасным путям, составляя длиннейший поезд на станции. Странно смотреть, когда этакая игрушечка, торопливо попыхивая, бойко тащит длинный тяжелый поезд. Большинство вагонов – товарные, некрытые, старые и грязные, пропитанные красноватой ржавой пылью железной руды. Пассажирские вагоны похожи на обыкновенные конки, на миниатюрных пудмановских тележках, с двумя длинными скамейками вдоль окон внутри.

Наконец, поезд составлен, паровозик пищит, и мы трогаемся. Каково же мое удивление, когда этот пигмей, по величине втрое меньше каждого вагона, потащил длинный поезд со скоростью, которой могла бы позавидовать не одна самая настоящая ширококолейная дорога.

Не проехали и семи верст – остановка для нагрузки дров на паровоз. Эта нагрузка производится здесь совсем по-домашнему. Является кондуктор в третий класс и приглашает пассажиров «задать коню корма». Пассажиры ворчат, что «деньги платили», однако отправляются. Нагрузка продолжается несколько минут, так как достаточно каждому пассажиру принести пять-шесть поленьев, и паровоз-лилипут обеспечен кормом до самого Богословского завода.

Чуть-чуть подпрыгивая, «накормленный конь» хорошей иноходью направляется дальше по широкой лесной аллее. Путь балластирован идеально. К сожалению, такой великолепный балласт в других местах и достать нельзя. Здесь вместо песку насыпан медный шлак, отчего весь путь кажется сделанным из каменного угля. Этот балласт имеет еще и то преимущество, что шпалы выдерживают в нём почти вдвое дольше, чем в обыкновенном песке. Таким образом, негодные отбросы сослужили здесь прекрасную службу.

Погода отвратительная. Всё небо заволокли сплошные серые тучи, и моросит без перерыва мелкий холодный дождь. Оконные стёкла мокрые, слезающиеся. Лес точно закрыт дымкой тумана.

Проезжаем железный рудник, где видны только горы насыпанной желтой земли. Наконец и Турьинские медные шахты – цель моего путешествия.

Выйдя из вагона, первые минуты я ровно ничего не вижу: всё заволокло густым белым дымом, пропитанным удушливым едким запахом сернистого газа. Из-за сырой погоды этот дым стелется по земле, окутывая все строения. Ест глаза, першит в горле. Наконец из дыма вырастает фигура посланного за мной земского ямщика. Я, кашляя, даваясь едким дымом, тороплюсь скорее нагрузить вещи, чтобы выбраться из этой ужасной атмосферы. Какую надо иметь железную грудь, чтобы быть в состоянии дышать подобным воздухом? Недаром работающие на медных рудниках имеют такой болезненный испитой вид, и во время набора новобранцев только и слышится однообразный приговор: «не годен».

Наконец лошади готовы, и, проехав с четверть версты, я с наслаждением вдыхаю чистый воздух, пахнувший свежим сеном, но еще долго в груди чувствуется неприятный серный осадок.

По Тобольскому тракту

С. С. Геммельман

Громким названием «Тобольский тракт» местные крестьяне именуют самый обыкновенный зимник, идущий от Надеждинского завода в Тобольскую губернию и представляющий из себя летом какую-то медвежью тропу. Трактом эту дорогу можно было назвать только в насмешку. Правда, зимой на ней существует довольно порядочное движение. В Тобольскую губернию по ней везут «соликамы» соль и всякие товары, а обратно двигаются обозы, нагруженные рыбой. Летом же только местные крестьяне пользуются этой

дорогой за неимением других, да и то очень редко, так как по ней можно только идти пешком. Необходимость заставила меня познакомиться с этим «трактом». Далеко друг от друга расположены на нем зимовья в один, два дома, и в одно из этих зимовий, находящееся от реки Сосьвы в двадцати четырех верстах, мне надо было попасть.

Кое-как добравшись по Сосьве на лодке до деревни Масловой, я мечтал проехать отсюда верхом, но моим мечтам очень скоро было суждено разбиться. Когда я спросил, могу ли я достать верховую лошадь, спрошенный долго чесал в затылке, а потом сообщил:

– Оно, конечно, можно, только ежели ты, барин, за лошадь-то полную цену вперед уплатишь.

– То есть как это полную цену?

– А сколько лошадь стоит. Чай, каждому своей скотины жалко, а ты ее в первом болоте утопишь. Может, версты три проедешь, а там всё одно пешком пойдешь. У нас здесь никогда на лошадях не ездят. Осенью, когда снег выпадет, болото подмерзает, да и то иной раз лошадь по брюхо вязнет.

Приходилось подчиниться обстоятельствам и двигаться пешком. Половину багажа пришлось оставить в Масловой и взять с собой только самое необходимое, но и нести остальное я едва-едва за хорошую цену нашел желающих. В мою экспедицию попала самая разношерстная компания: один вогул, один зырянин и один русский. Но мои вогул и зырянин были совершенно обрусевшими, носили высокие сапоги, картузы, «спиджаки», а на жилете вогула даже красовалась часовая цепочка. Вологодский зырянин хоть не забыл своего родного языка, но вогул, несмотря на то что его отец еще недавно принадлежал к числу ясачных, не понимал ни слова по-вогульски и кроме русского языка не знал никакого.

Так как долго пришлось искать желающих, то двинулись мы из Масловой, когда солнце стояло довольно высоко и уже становилось жарко. На мой вопрос, не надо ли взять на дорогу какого-нибудь питья, меня утешили, что по дороге будет очень много речек.

– Межевая речка, потом Малый Пасынок, Большой Пасынок – чего другого, а воды – сколько угодно.

Я имел неосторожность поверить на слово, но все эти речки оказались просто болотными бочагами с отвратительной, коричневой, вонючей водой, пить которую даже при самой сильной жажде было затруднительно. Положим, мои спутники пили, но они в этих местах уже привыкли к болотной воде, а в Малом Пасынке нашли даже то, что вода «скусная, только наземом* пахнет». На вкус и цвет товарищей нет.

Сначала, версты две, тропинка шла сухая, хорошая, но затем всё чаще стали попадаться болотца, чем дальше, тем хуже, пока наконец вся дорога не превратилась в сплошное болото с редкими сухими пригорками – веретийками. На сухих местах гигантские кедры, сосны и ели закрывали от глаз голубое небо своими густыми, темными кронами. Множество душистой сочной княженики зрело у самой тропинки, но останавливаться и собирать ее было некогда, так как, при всем старании, нам удавалось идти по болотам со скоростью полторы-две версты в час. Болота были моховые с кочками.

Нога тонула в мягком густом мху и иногда проваливалась по колено сквозь моховой покров в болотную грязь. Тогда приходилось с трудом вытаскивать завязшую ногу и прыгать дальше с кочки на кочку, с гнилой колоды на колоду. Меня утешали, что я попал в самое благоприятное время: давно стояла засуха, и болото значительно высохло. Утешение было довольно слабое, так как и теперь пробираться было довольно трудно.

Низкорослые, жалкие, чахлые, торчали сосенки по сторонам, покрытые редкими пучками коротких игл. В жарком воздухе разливался одуряющий, сладковатый запах багульника, в изобилии целыми зарослями раскиданного по болоту. Тропинки уже никакой не было, и только просвет просеки указывал дорогу. Когда-то, при проведении дороги, были зарублены мерительные знаки, но, должно быть, большинство таких деревьев или срублено, или выворочено ветрами, так как на всём расстоянии попало всего три или четыре таких отметки.

– Зададут вам комарики трепку! – предупреждали меня, и, действительно, такого количества этих надоедливых насекомых мне нигде не приходилось видеть. Положившись на русское авось, я отверг предложенную мне дымоккурку, какие местные жители носят на поясе, и даже отказался завязать голову платком, но скоро пришлось пожалеть об этом. Бесчисленные полчища комаров всё время провожали нас, лезли в глаза, в рот, в уши, и невозможно было отбиться от этой кровожадной стаи.

Парило. Где-то далеко гремел гром. С запада поднималась темная туча. Всё притихло. Мы с радостью смотрели на эту тучу как на избавительницу и от жары, и от комаров. Как-то сразу потянул холодный ветер, закачались и заскрипели сосны, но туча свернула в сторону и бросила на нас только несколько крупных и тяжелых капель. Попритихшие было, комары набросились на нас с новым ожесточением.

Одолевала усталость. Эти двадцать четыре версты казались бесконечными. Всё чаще и чаще мы присаживались отдыхать на высокие кочки. Наконец, когда уже стало темнеть и ноги подкашивались от усталости, издали, в просвете просеки, показалось открытое поле. Потянуло приятным запахом цветущей ржи. Одинокая изба с несколькими надворными постройками сиротливо стояла на поляне. Далеко тянулся слоистый дым от костра, разложенного под навесом для защиты скота от насекомых. Оглянувшись назад, я с ужасом подумал, что через день или два мне снова предстоит обратное путешествие по этому же «тракту», так как другой дороги нет.

Самородок

С. С. Геммельман

С Хузей Ибраевым я познакомился случайно. В одной башкирской деревне у меня сломалась походная кровать, патентованная, а потому довольно мудреного устройства, и я не знал, кому отдать ее исправить. Обратился за помощью к хозяину дома, в котором остановился, но никак не мог объяснить, что мне нужно, так как степенный башкир очень плохо понимал по-русски, а в моей записной книжке совершенно не находилось подходящих татарских слов, так как там были записаны только самые необходимые для разговоров об еде. Башкир внимательно и долго со всех сторон осматривал мою походную кровать и наконец скорее догадался, чем понял, что я ему говорю. Тогда его лицо расплылось в улыбку, он закивал головой и быстро заговорил, но из всей его длинной филиппики я понял только, что есть какой-то Хузя Ибраев, который часы чинит.

– Ну, зови своего Хузю Ибраева.

Хотя между походной кроватью и часами очень мало общего, но зато являлась надежда, что деревенский часовщик если и не возьмется починить кровать, то, по крайней мере, хоть поймет меня и посоветует, к кому обратиться.

Через несколько времени ко мне вошел высокий худой башкир лет тридцати пяти, поклонился и заговорил довольно чисто по-русски с небольшим татарским акцентом.

– Хозяин говорит, кровать у вас сломалась.

Эти первые слова вошедшего сразу меня поразили: во-первых, чистотой выговора, а во-вторых, обращением на «вы», что так редко не только среди башкир, но и среди русских крестьян.

– Да... Вы Хузя Ибраев?

– Вот-вот... Покажите, где сломали.

Хузя долго рассматривал кровать, я продемонстрировал ему, как она складывается и раскладывается, и он был в восторге.

– Ловко придумано.

– Можно починить?

– Могу.

– Мне хозяин сказал, что вы часовщик.

– И часы чиню, и столярничаю, и слесарничаю... Всё могу... Починить что из одежды или новую сшить. Сапоги тоже умею... Всё могу. Белья у вас

стирать нет ли – мне отдавайте. Здесь в деревне никто кроме меня не умеет мылом стирать.

– И белье сами стираете? – удивился я.

– Нет. Хозяйка стирать будет, только ее я же обучил.

– Где же вы научились стольким ремеслам?

– Нигде. Сам дошел. Наука нетрудная.

– Ну а часы чинить учились?

– Нет. Части разные, колесики, волоски и прочее из Аршавы выписываю, а чинить дело нетрудное.

– А в Варшаве были?

– Нет. Дальше Осы никуда не ездил, да и в Осе, пожалуй, за всю жизнь раз пять был – мочалу возил... А кровать исправлю в лучшем виде. Сегодня понедельник – в среду к утру готова будет.

– Ладно, чините.

Башкир сложил кровать, бережно уложил ее в брезентовый мешок и унес.

В среду утром, когда я еще умывался, явился Хузя Ибраев с кроватью под мышкой.

– Готова? – спросил я.

– Исправил. Посмотрите.

Он расставил кровать, и всё оказалось исправленным так искусно, что трудно было даже узнать, какие части были заменены новыми, и их выдавала только свежесть лака.

– Хорошо? – спросил Хузя таким тоном, по которому ясно было, что он ждет одобрения даже больше, чем платы за работу, и когда я вполне искренно похвалил, то лицо его расплылось в довольную улыбку. Затем Хузя полез в карман, вытащил оттуда аккуратно сложенный лист бумаги, развернул его и молча и торжествующе положил передо мной. На листе оказался подробный чертеж кровати, сделанный очень тщательно и искусно, со всеми деталями и с множеством цифр, указывающих все размеры частей. Чертеж был составлен в вертикальной проекции и в плане. Я был поражен, а Хузя торжествовал, видя мое удивление.

– Теперь я сам такие кровати могу делать. Больно хорошо. А сколько, к примеру, такая кровать стоит?

– Семнадцать рублей.

Хузя даже руками всплеснул от удивления. Действительно, цена была несоразмерно высокая, как на всякую патентованную вещь.

– Ой-ой-ой! Да если за шесть рублей сделаю, так и то хорошо будет. Только продавать здесь некому. Я для себя смастерю. Больно хорошо.

Я рассчитался с Хузей, но тот всё стоял в дверях, и видно было, что он хочет что-то сказать. Наконец, собравшись с духом, он спросил:

– Скрипку, барин, не надо ли?

– Я не играю. А откуда она к вам попала?

– Я сам делаю.

– Что? Скрипки?

– Сколько угодно. Сами в праздник извольте послушать – кругом во всех деревнях на моих скрипках играют.

– Где же вы научились?

– Один солдат со службы пришел, с собой скрипку принес. Вот я у него посмотрел и давай мастерить. Сначала не выходило, а потом ловко стал делать. Теперь и не сочтешь, сколько я этих самых скрипок продал.

Ибраев помолчал немного, как бы сделал паузу, чтобы еще больше поразить меня, и сказал с достоинством:

– Теперь орган орудую.

– Какой?

– На манер шарманки, только больше. С духовыми голосами. Всё смастерил, только валы не выходят, больно трудно колки на места набить, чтобы хорошо выходило. Только я добьюсь.

По лицу башкира было видно, что действительно он добьется.

Я обещал Ибраеву зайти к нему посмотреть его работы, но, к сожалению, мне скоро пришлось уехать из этой деревни, чтобы не возвращаться в нее более, так что более я его не видал.

Часто мне приходилось слышать, как по вечерней заре, когда звуки особенно резко и далеко разносятся в тихом воздухе, над какой-нибудь заброшенной маленькой башкирской деревушкой льются и плачут звуки скрипки. Музыкант старательно выводит тягучий и бесконечный восточный мотив, полный грусти и своеобразной красоты. Деревня уже успокоилась и заснула, а мечтательный башкир сидит у себя на крыльчке, с чувством водит смычком по струнам, весь отдаваясь музыке. И если подойти к такому музыканту и спросить его, откуда у него скрипка, то всегда услышишь в ответ одно и то же имя:

– Хузя Ибраев.

И часто, сидя у окна в летний вечер и слушая эти звуки, думаешь о судьбе этого несомненно способного и талантливого человека, который до всего доходит сам, без посторонней помощи.

Торжество

С. С. Геммельман

Между высоких холмов, у берегов извилистой лесной речушки притаилась башкирская деревня. Только когда подъедешь к ней вплоть, с горы сразу она видна вся, разбросанная в беспорядке по долине. Вся она с первого взгляда кажется беленькой и чистенькой, но эта чистота дорого обошлась жителям, и заборы из обуглившихся досок да кое-где торчащие обгорелые деревья красноречиво говорят, что здесь не так давно хозяйничал страшный бич наших деревень – огонь. Теперь деревня уже снова отстроилась, и от новеньких изб приятно пахнет свежим лесом. Пожар, как и в большинстве таких случаев, произошел от неизвестной причины, и от всей деревни уцелела каким-то чудом только одна старая курная баня, черные, закоптелые бревна которой

теперь так резко выделяются и так не гармонируют с остальными белыми, новыми избами.

– Праздник был, – поясняет мне башкир, говоря о пожаре, – арака (водки) много пили, брага пили... Богатый деревня была... Пьяны мало-мало были...

Некоторые избы еще стоят непокрытые, без печей, но в них уже живут, о чём свидетельствуют традиционные кумганы (кувшины для умывания), стоящие на каждом крылечке.

Сегодня в деревне большое торжество: на новую мечеть поднимают багану (столб-стояк, на котором держится деревянный минарет мечети). На площади у нового, только что отстроенного здания мечети, блестящего на солнце смолистыми бревнами, огромная толпа народа; сюда сошлись помогать башкиры из всех окрестных деревень, и между ними кучками толкуются русские, пришедшие поглазеть из любопытства. Огромное, тридцатитрехаршинное, толстое бревно лежит еще на земле, обвязанное веревками. Общий говор толпы сливается в несмолкаемый нестройный шум.

У дороги на стуле, покрытом пестрым полотенцем, стоит тарелочка для сбора пожертвований, и медные, и серебряные монеты падают на нее со звоном. Сюда же башкиры приносят домотканые разноцветные полотенца с замысловатыми узорами, а старый мулла записывает на клочке бумаги имена жертвователей.

Но вот наступает самый торжественный момент. Башкиры уселись на земле и на бревнах, мулла раскрывает старую, пожелтевшую от времени книгу, и всё смолкло. Наступила такая тишина, что казалось, будто на площади не было ни души, стало слышно, как вдали вода шумит на мельнице, как в вышине щебечут ласточки и гулко жужжат мухи и пчелы, носясь в горячем дрожащем воздухе. С голубого безоблачного неба солнце яркими золотыми лучами освещает пеструю картину.

Русские тоже присели в отдалении и примолкли, как бы чувствуя торжественность минуты и боясь оскорбить чужое религиозное чувство. И в тишине дрожащий, но звонкий раздаётся голос муллы, читающего молитву. Читает он нараспев, грустной восточной мелодией, и голос вибрирует и дрожит, то повышаясь, то понижаясь. Башкиры слушали – кто опустив голову, кто подняв ее, глядя в высокое голубое небо.

Молитва кончена, и сразу всё ожило, зашевелилось и заговорило. Несколько башкир с ловкостью и проворством обезьян забрались на крышу и оттуда по вертикально поставленным бревнам к блоку, чтобы перекинуть через него толстую веревку. К самой вершине стояка привязали разноцветные пожертвованные полотенца, и работа началась. Весь народ разделился на две группы: одна тянула веревки по другую сторону мечети, а другая с дружным уханьем непосредственно поднимала бревно. Многие, однако, толкались без дела, только поощряя работавших гортанными возгласами, другие, напротив, старались особенно усердно, обливаясь потом. Старик-подрядчик стоял наверху и властно командовал. Деревянный блок отчаянно скрипел и визжал, и казалось, что он не выдержит такой тяжести. Но вот бревно нижним концом дошло до крыши, веревки переправили выше, еще несколько усилий – и багана встала вертикально, вошла в приготовленное гнездо, осела и встала

неподвижно. Веревки опустили, и все заговорили оживленно, отирая пот, обильно струившийся с усталых покрасневших лиц. Но теперь для башкир предстояло впереди еще самое любопытное зрелище. На вершине столба на головокружительной высоте развевались пестрые полотенца, и теперь подрядчику надо было влезть туда и снять их в награду за свои труды. Старик несколько раз взглянул в вышину, как бы примериваясь, туго обмотал вокруг поясницы веревку, другой конец которой был перекинут через блок на вершине, обхватил руками и ногами толстое бревно и начал подниматься, или, вернее, его стали поднимать на веревке. Собственно, влезть на такую высокую мачту без всяких приспособлений было бы невозможно, но даже и при помощи веревки требовались незаурядная сила и ловкость. Все стояли с поднятыми головами, затаив дыхание, любясь, как старик добрался до конца, быстро и ловко отвязал пук полотенца, взял его в зубы и медленно стал спускаться обратно, но посреди дороги он остановился, вынул полотенца из зубов и бросил их вниз; видимо, силы его стали истощаться, что и неудивительно, так как полотенца было тридцать восемь штук, больших и тяжелых, из домотканого, плотного холста, и связка весила около пуда. Он спустился с видом победителя, сияющий и возбужденный, и стал оделять полотенцами своих постоянных рабочих.

Торжество было кончено, и народ стал расходиться кучками, чувствуя себя по-праздничному и предвкушая удовольствие выпить хмельной медовой браги или арака (водки), к которой башкиры чувствуют непреодолимую склонность и не прочь выпить при всяком удобном случае.

На Уралѣ.

№ 216. Чердынъ. Берегъ рѣки Колвы.

Чердынъ. Берег реки Колвы. Почтовая открытка начала XX века

Вид на Чердынъ с противоположного берега Колвы. 1890 год

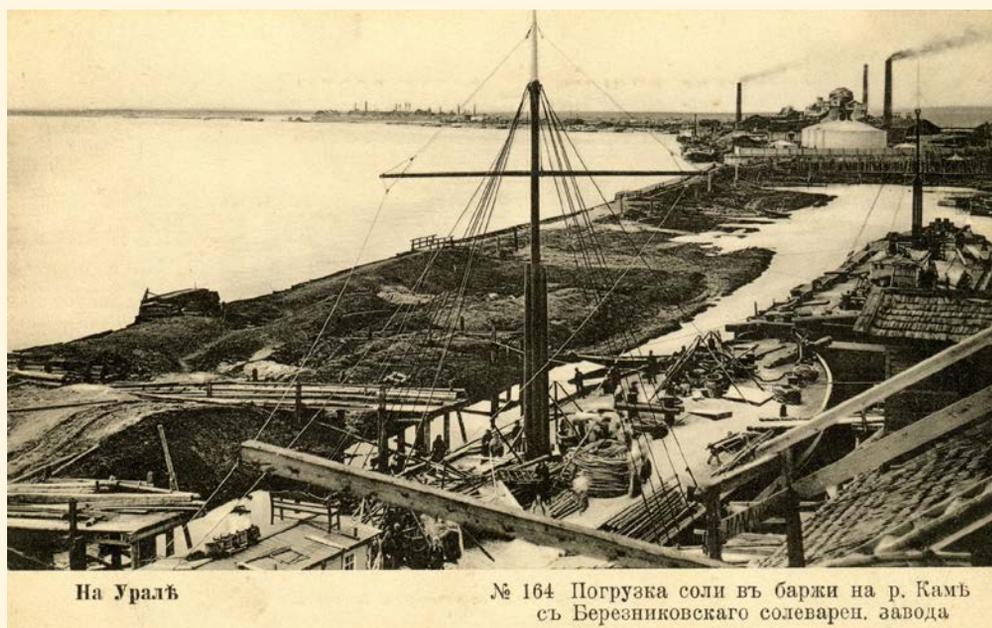
Село Ныроб. Долина реки Колвы в 7 км от Ныроба.
Почтовая открытка начала XX века

Село Ныроб. Колокольня и церковь Святого Николая.
Почтовая открытка начала XX века

Село Ныроб. Часовня на месте заточения Михаила Никитича Романова.
Почтовая открытка начала XX века

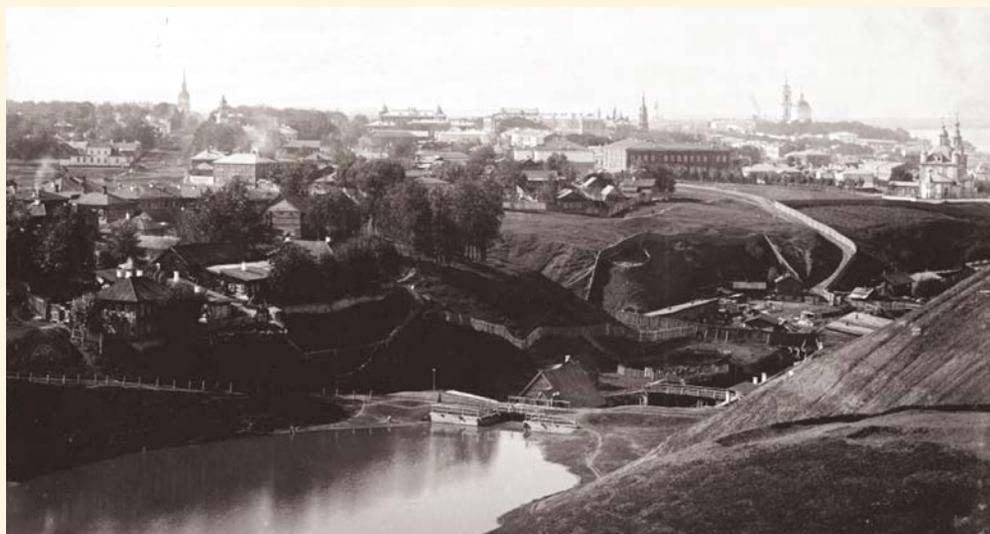
В. Л. Метенков. Погрузка соли в баржи на реке Каме с Березниковского
солеваренного завода. Почтовая открытка начала XX века

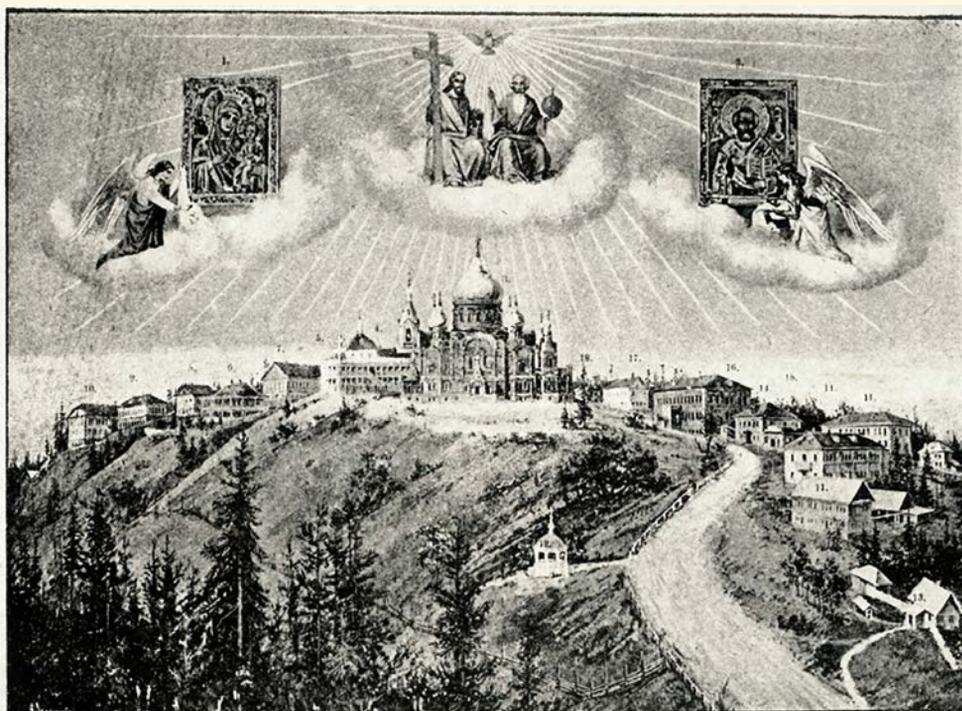
Вид на город Пермь с Камы. Почтовая открытка начала XX века

Пермь. Дворянский клуб. Почтовая открытка начала XX века

Разгуляй. Егошихинский завод. Конец XIX – начало XX века

Бѣлогорскій Свято-Николаевскій правосл.-мисіонер монастырь.

1. Образъ Иверской Божіей Матери.	7. Настоятельскій корпусъ.	13. Кузница.
2. " " св. Николая Чудотворца.	8. Школа.	14. Книжная } лавки.
3. Новый Соборъ.	9. Больница.	15. Хлѣбная } лавки.
4. Иверскій храмъ.	10. Живописная мастерская.	16. Братскій корпусъ.
5. Царскій Крестъ.	11. Страннопримный домъ.	17. Экономика, Руглядская.
6. Архіерейскій домъ.	12. Горданы.	18. Профорія. Сапожная.

Николаевский Белогорский монастырь.
Из журнала «Свѣточ и дневник писателя»

В. Л. Метенков. Вид реки Чусовой. Камень Переволочный. Барки.
Почтовая открытка начала XX века

Пароход на Вишере и лодки-душегубки. Начало XX века

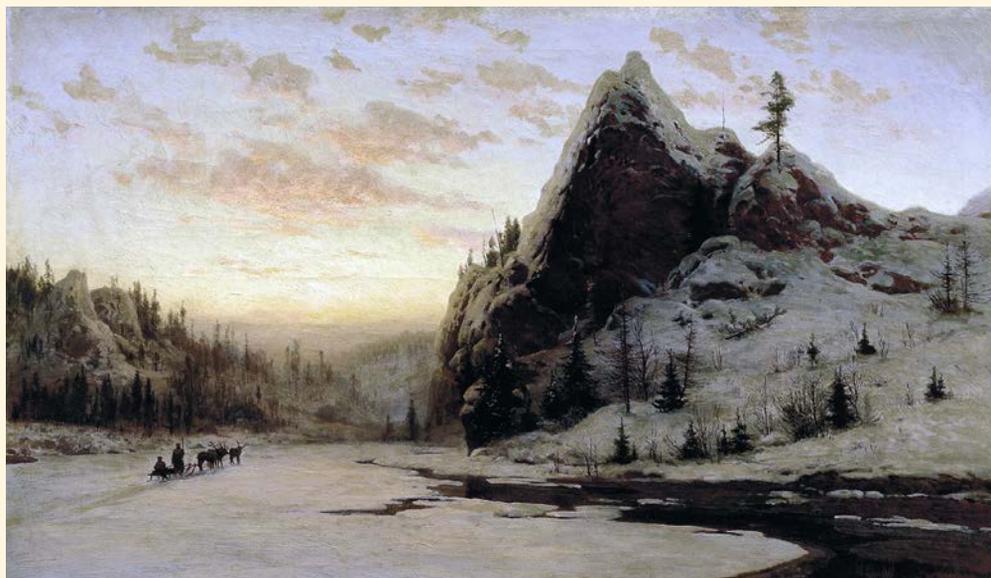
Александровский рудник Кутимского завода. Начало XX века

Река Вишера. Акчимская пристань. Почтовая открытка начала XX века

Вогулы в верховьях Вишеры. Начало XX века

В. Г. Казанцев. На Урале. Холст, масло. 1888 год

Пермь. Станция Пермь I. Конец XIX – начало XX века

Станция Чусовская. Альбом «Участок Уральской железной дороги от Перми до Екатеринбурга и Луньевская ветвь. Постройка 1874–1879 годов»

Станция Надежинский завод. Начало XX века

Башкиры. Конец XIX – начало XX века

Комментарии

Издание представляет путевые очерки уральских авторов, которые печатались в газетах и журналах конца XIX – начала XX века. Большинство из этих публикаций до сих пор не были доступны широкому читателю. В ходе работы над текстами очерков и подготовки предметного комментария были выявлены отдельные особенности воспроизведения топонимов, фамилий, событий. Все подобные случаи отмечены в комментариях. В текст книги исправления вносились в случае очевидной опечатки. Написание диалектизмов, просторечий и устаревших слов в основном сохранено. Расшифровка значения таких слов давалась в случае затруднительного понимания. Примечания авторов очерков включены в раздел «Комментарии», при этом прокомментированные авторами слова или фрагменты отмечены звездочкой. Орфография первоисточников приведена к современным нормам, синтаксис исправлялся только в случаях очевидного несоответствия с актуальными нормами.

Выражаем благодарность старшему преподавателю кафедры журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ З. С. Антипиной и зам. директора ПГКУБ им. А. М. Горького С. В. Пигалевой за помощь в подготовке издания.

КАМА

Кама. А. А. Городков

Городков А. А. (Макк А. А.) – пермский писатель, журналист, постоянный автор «Пермских губернских ведомостей». Писал рассказы и очерки. Цикл очерков «Кама» в журнале «Светоч и дневник писателя» в 1913 году: Кама: (От Чердыни до Перми). Путевые впечатления, № 3, С. 55–77, № 5/6, С. 3–25, № 7/9, С. 38–55; По Каме, № 11, С. 5–19, № 12, С. 18–34.

Подпись – А. А. Макк.

Чердынь

Круглов Александр Васильевич (1852–1915) – русский писатель, поэт и журналист, издатель. Родился в Великом Устюге, отец его был зырянин. Значительную часть своих произведений посвятил народности коми. Являлся издателем и редактором журнала «Светоч и дневник писателя», в котором публиковались очерки А. А. Городкова.

Чердак – жители Чердыни сами себя зовут не чердынцами, а чердаками (*прим. автора*).

Полюд, или Полюдов камень – так называется южная оконечность Полюдова кряжа, который начинается на правом берегу реки Вишеры у деревни Бахари. Высота Полюда достигает 527 м.

«Так вы с парохода вещей не берите, а отправьтесь налегке, завтра к утру вернетесь и с ним же обратно побежите». – На Каме говорят не ехать на пароходе или плыть, а бежать (*прим. автора*).

...серебристая, светлая лента капризно извивающейся меж крутых берегов реки Колвы. – Река Колва впадает в Вишеру, приток Камы, шестью верстами ниже Чердыни (*прим. автора*).

Плетушка – плетёный кузов повозки.

Дроги – длинная телега без кузова, состоящая из передка и задка, соединенных длинными продольными брусьями.

Иоанно-Богословская церковь возведена в 1705–1718 годах. Помощь в строительстве храма оказал сибирский губернатор М. П. Гагарин. В 1704 году он проезжал

через Чердынь и, узнав о том, что монастырские церкви сгорели в пожаре 1700 года, дал обещание построить новую церковь взамен сгоревших.

Святитель Иона был пятым епископом Пермским, преемником святителя Питирима. В 1462 году святитель Иона обратил в христианство жителей Великой Перми.

Святитель Стефан Пермский – просветитель Перми, апостол зырян. Первая часовня была поставлена им в зырянском селении Пырос (сегодня – Котлас). Поднимаясь дальше по Вычегде, где жили зыряне, Стефан ставил церкви, часовни, основал несколько монастырей. Для просвещения зырян составил азбуку их языка и перевел на него несколько церковных книг. Был поставлен епископом Малой Перми (Пермь Вычегодская) в 1383 году. Сегодня это – территория современной Республики Коми и Архангельской области.

Иоанно-Богословский монастырь основан святым Ионою, просветителем всего Чердынского края. История просвещения пермяков светом Христова учения относится к XV веку. Святой Стефан Великопермский... – Архимандрит Макарий. Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского (*прим. автора*).

Спасо-Ульяновская пустынь основана Стефаном Пермским в верховьях Вычегды. Была разорена вогулами, несколько раз сгорала и восстанавливалась заново. В XVII веке была закрыта, основной храм был передан поселению Ульяново. Монастырь возобновлен в 1860 году иноками Соловецкого монастыря. В начале XX века входил в десятку самых известных российских обителей. Сегодня носит название Троице-Стефано-Ульяновского мужского монастыря.

Троицкий монастырь основан во время правления епископа Исаакия (1398–1416) у впадения Мылвы в Печору. Монастырь существовал до 1707 года.

Вогулы – прежнее название народности манси, малочисленного финно-угорского народа в России, коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа.

Епископ Питирим (умер в 1455 году) – епископ Русской церкви, преемник святого Герасима. Был убит вогулами во время одного из молебнов, как и Герасим.

Асыка – «большой князь» вогулов. Спротивлялся продвижению московских войск в свои владения, простиравшиеся от предгорий Северного Урала до Оби.

«Лета 6970 Иона, архиепископ Пермский, крести Великую Пермь и князя их, и церкви постави, и игумены, и попы» – цитируется «Типографская летопись» конца XV – начала XVI века.

Вся Москва прославила подвиг св. Ионы. Устюжане и Новгородцы поспешили выразить ему любовь свою богатыми дарами, и слава просвятителя Великой Перми пронеслась по земле Русской, ибо он довершил подвиг св. Стефана. Память св. Герасима, Питирима и Ионы – 29 января. – Жития святых Российской церкви. Январь (*прим. автора*).

«И вы б, Чердынцы, Богословского монастыря строителя игумена Варлаама с братиею от пермских наместников и от их тиунов и доводчиков берегли во всем, чтоб им и их крестьянам обид и насильств не чинили. Чтоб Богословский монастырь не запустел и наше богомолье не оскудело». – А. А. Дмитриев. Пермская старина (*прим. автора*).

Богоявленская церковь была построена в Ныробе в 1736 году на месте первого захоронения Михаила Романова. Составляла единый ансамбль с летним Никольским храмом. Была закрыта в 1930-х годах. Сегодня не действует.

Михаил Ермолаевич (умер в 1481 году) – князь Перми Великой. Стал таковым в 1451 году, когда великий князь Василий Тёмный сделал своими наместниками

в Перми Вычегодской князя Ермолая и его сына Василия, а другой сын Ермолая – Михаил – стал вассальным правителем Перми Великой.

Князь Матвей – последний князь Перми Великой. Попал в немилость Ивана III, был смещен с княжения. Вместо него в Пермь Великую был направлен русский наместник – князь В. А. Ковров.

«Страшный пожар, истребивший городок и его укрепления, заставил снова перенести административный центр в Чердынь». – Речь идет о пожаре в городе Покче 1535 года, после которого управление Пермью Великой было перенесено в Чердынь.

Ворвань – устаревшее название жира морских млекопитающих и некоторых рыб.

Лунегова Анна Александровна – вдова купца-пароходчика Г. М. Лунегова, пожертвовала крупную сумму на строительство водопроводной башни в Чердыни.

Якшинская торговая пристань располагалась в поселке Якша, населенном пункте на реке Печоре. С XVI века здесь пролегал торговый путь с Камы на Печору.

Часовня во имя Образа Спаса Нерукотворного, которая находится на территории Чердыни, была построена в память о восьмидесяти пяти героях, павших в бою около деревни Кондратьева слобода при отражении набега нагайской орды в 547 году. Павшие в этом бою причислены к лику святых. Икона с их изображением хранится в Чердынском краеведческом музее.

Агаряне – арабские племена, родоначальником которых считается Измаил, сын Агари. С течением времени это название закрепилось за всеми мусульманами, отсюда – неверные агаряне.

Поездка в Ныроб

Романов Михаил Никитич – дядя первого русского царя Михаила Фёдоровича Романова, был сослан Борисом Годуновым в Ныроб в 1601 году. Здесь он был заточен в глубокой яме, где принял мученическую смерть. После воцарения на престол рода Романовых в 1613 году ныробские места были объявлены святыми.

Урос – древний город Великопермского княжества; упоминается в летописях в связи с походом Фёдора Пестрого в 1472 году, когда произошло окончательное присоединение Перми Великой и Чердыни к Московскому княжеству. Местоположение и происхождение названия города точно не установлены.

Турчевич Александр Бонавентурович (1855–1909) – пермский архитектор. В 1886 открыл в Перми первое на Урале частное проектно-сметное бюро. По проектам Турчевича на Урале построено более ста пятидесяти зданий, в том числе жилые дома Н. В. Мешкова, С. М. Грибушина, Е. И. Любимовой, здания казенной палаты и епархиального училища в Перми.

Дмитриев Александр Алексеевич (1854–1902) – историк, краевед, редактор и автор периодического сборника исторических статей и материалов «Пермская старина» (восемь выпусков). Являлся действительным членом Пермского губернского статистического комитета, членом многих научных обществ. Был одним из основателей и председателем Пермской ученой архивной комиссии и редактором ее «Трудов». Разработал периодизацию русской колонизации Урала.

«место подкаменное, студеное, хлеб не родится, побивает мороз по вся годы» – цитата из «Царской грамоты в Пермь Великую о приписке Обвинского и Ильинского станов к Чердыни по денежным доходам и Сибирским отпускам», которая была опубликована в «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией» (1841 год).

Среди чащи вдруг открывается поляна, блеснула под обрывом река Вильгорт... – Видимо, речь идет о реке Цыдовке, которая впадает в Колву. В этом

месте находится село Вильгорт, основанное в XVI веке. В переводе с коми-пермяцкого «вильгорт» – «новая деревня».

Николай Мирликийский – Николай Чудотворец был архиепископом в городе Миры Ликийские.

Песьеголовец – святой Христофор, мученик, живший в III веке. Почитается православной и католической церквями. В православии Христофор часто изображается посолавым, что считается указанием на его языческое прошлое.

В житии святого мученика сказано: «Сей от страны человекоядец». Эти слова, обнаруженные на иконописном изображении XVII века, упоминаются в эссе Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», вышедшем с 1900 по 1902 год в журнале «Мир искусства».

Протоиерей Савелий Туберозов – благочинный округа и настоятель собора в вымышленном провинциальном городке Старгороде, герой романа-хроники «Соборяне» Н. С. Лескова. Впервые был опубликован в 1867 году в «Отечественных записках».

«Храм строился, по преданию, передаваемому местными старожилыми, мастерами, неизвестно откуда пришедшими, неизвестно кем нанятыми. Когда постройка была почти окончена, мастера внезапно скрылись...» – немного перестроенная цитата из брошюры И. В. Попова «Село Ныроб и его достопримечательности» (Пермь, 1896).

Святой Прокопий – с каких пор чердынцы стали столь сильно почитать Прокопия Устюжского, неизвестно, по крайней мере, не позднее начала XVI века. Главной причиной особого почитания чердынцами святого Прокопия, возможно, было то, что происходил он из купеческого сословия и в бытность свою в Великом Устюге часто молился за плавающих, сидя на берегу реки Сухоны. Большинство жителей Чердыни было связано с торговлей, а реки служили тогда основными путями сообщения и перевозки товаров.

«...В новоустроенной церкви, в память Михаила Никитича, устроена была гробница, покрытая сукном, на котором был вышит крест». – Боярин Михаил Никитич Романов и место его заточения с. Ныроб. Историческое описание диакона В. Попова. Пермь, 1880 г. (прим. автора). Очерк В. Е. Попова «Боярин Михаил Романов и место его заточения село Ныроб» был опубликован в «Пермских епархиальных ведомостях» в 1880 году.

«Положиша мя в рове преисподнем и в темных сени смертной и аз к Тебе, Господи, воззвах» – надпись воспроизводится неточно. Это строки из псалма 87: «Положиша мя в рове преисподнем, в темных и сени смертной. ... И аз к тебе, Господи, воззвах». Н. П. Белдыцкий в книге «Ныробский узник. Древности и окрестности села Ныроба Чердынского уезда Пермской губернии» (1912) процитировал эту надпись ближе к тексту псалма: «Внутри балдахина изображено: «Положи мя в рове преисподнем, в темных и сени смертной, и аз к тебе, Господи, воззвах»».

«Прислание боярина Михаила Никитича Романова в Ныроб в 7109 году...» – передано неточно. Вот точный текст: «Прислание боярина Михаила Никитича Романова в Ныроб; в 7109 году, прислан был из Москвы царем Борисом Годуновым, за стражею Романом Тушиным, с командою, в летнее время в глухой кибитке; окован железами в Пермь Великую в Чердынский уезд в погост Ныроб, в заточение. Блаженные памяти, государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея Руси самодержец, был дядя родной, а святейшему Патриарху Филарету Никитичу брат родной; в погосте Ныробе, в заточение в землянной темнице сидел год, и представился в 7110 году, на той темнице построена часовня деревянная, и погребен был у церкви отца Николая Чудотворца, подле алтарь на северной дороге и где тело Эго, лежало. Построена была церковь и в ней гробница покрыта сукном и крест вышит; и повеле-

нием Государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Росси самодержца, тело эго по представлении в пятое; лето из земли взято ничем невредимо только от руки от перста некоторый член земля взяла; и свезено к Москве, и положено в монастыре у Спаса на Новом, и где прежде тело лежало то гробница и все строение от пожару сгорело, и после по указу преосвященного, и Ионы архиепископа Вятского и Великопермского, такожде часовня. В ней Гробница построена покрыта сукном красным и крест вышит; и в 7237 года, деревянная церковь и часовня, Грех ради наших Божьим поущением паки сгорела; а ныне на том месте построена каменная церковь и в ней Гробница покрыта сукном зеленым и крест вышит; также и на сем месте построена сия каменная часовня единственно в воспоминание зде представшагося страдальца боярина Михаила Никитича Романова».

«Прислание боярина Михаила Никитича Романова в Ныроб в 7109 году... также и на семь месте построена сия каменная часовня...» – надпись целиком списана с надгробного списка в часовне над темницей, где находился узник (прим. автора).

Аршин – старая мера длины, примерно 71,12 см.

«Схоронили его близ села Ныроба в месте пустынном, где над могилою выросли два кедра» – цитата из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (Том XI. Глава II).

От Чердыни до Усолья

Пассажирский *пароход «Лунегов»* был построен пароходчиком Д. Е. Ржевным в память о дяде Г. М. Лунегове, который оставил племяннику в наследство весь свой капитал.

Наметка – измерение глубины реки.

Волжско-Вишерское горное и металлургическое общество было учреждено в 1897 году несколькими французскими промышленными фирмами и банками. В активе общества находилось девять пароходов, Кутимский, Вижахинский, Вёлсовский и Акчимский заводы, а также два с половиной десятка месторождений железных руд. Обществом была построена сеть узкоколеек. В производстве использовались современные технические достижения. В Кутиме строились дома для рабочих, был открыт театр, действовал телефон. В 1907 году по решению правительства Кутимский завод был закрыт, французские собственники вывезли оборудование, разобрали узкоколейки и взорвали печи.

...на Ижму поехал.* – Приток Печоры и одноименное село, населенное зырянами-оленеводами (прим. автора).

Лопари – старинное наименование восточных саамов.

Каюк – лодка для перевозки товаров на Печору (частью волоком), благодаря которым чердынцев зовут каютчиками (прим. автора). Представляет собой плоскодонку с двумя веслами.

Выть – еда (прим. автора).

Шти – щи, капустная похлебка.

Лоньсь – прошлый год (прим. автора).

Лопать, лопатина – одежда (прим. автора). Так называли часто плохую одежду.

Чугунка, устар. – железная дорога.

Баланец, простреч. – баланс.

Пермяки – народ финно-угорской группы, проживавший на северных территориях Вятской и Пермской губерний. Занимались рыболовством и охотой, во время русской колонизации освоили пашенное земледелие и животноводство. Приняли христианство.

Парма, финно-угор. – плосковершинные возвышенности и хребты на Северном Урале, покрытые елово-пихтовыми лесами

Начетчик – в старообрядчестве богослов, знаток религиозной литературы.

Скитник – монах или старообрядец, живший в скиту.

Шаньга – так называли на Урале выпечку в виде ватрушки с творогом, мятым картофелем, кашей или сдобной лепешки.

Проходя с плотами мимо деревни Амбора и села Пянтежского, молятся: «Спаси, честной Амбор!» «Спаси, Пянтег, праведный!»*. – Материалы по изучению Пермского края. Изд. Перм. науч. пром. музея (*прим. автора*). На самом деле впервые эти сведения были представлены в статье Н. Н. Новокрещенных «Археологические исследования в западной части Пермской губернии (Дневник раскопок и разведок)», опубликованной в издании «Труды Пермской ученой архивной комиссии» (Вып. 4. Пермь, 1901. С. 107–141).

Вежливец, диалект. – колдун на свадьбе, который часто являлся ее распорядителем.

Вершок – старая мера длины, равная 4,4 см.

Строгановы – русские купцы и промышленники, известные своей деятельностью по колонизации Урала и Сибири, затем крупные землевладельцы и государственные деятели XVI – начала XX веков. 4 апреля 1558 года Строгановым была пожалована первая царская грамота на уральские земли, в ней царь Иван Васильевич разрешает Григорию Строганову от устья речки Лысьвы и от «Пызновской курьи» и до реки Чусовой поставить городок, а также искать рассол и, если таковой окажется, приступить к варке соли. Кроме солеварения, они стали развивать земледелие, рыбные, охотничьи и рудные промыслы. Строили крепости и города, первый из них – Пыскор.

Шабур, диалект. – верхняя крестьянская одежда в виде легкого кафтана из домотканой материи.

Дубас, диалект. – особого покроя сарафан из холста.

Шамшура, диалект. – головной убор замужних женщин.

Запон, диалект. – передник, фартук.

Пельмени являлись традиционным блюдом коми-пермяков и других северо-восточных народностей европейской части России: коми, удмуртов, марийцев (черемисов) и др. В русскую кухню перешли в конце XIV – начале XV века на Урале.

Село **Усть-Боровое** было основано в XVI веке. В 1870-х годах А. В. Рязанцев основал здесь солеваренный завод. Сегодня село – часть Соликамска.

Рязанцевы – один из древнейших северорусских родов, богатейший род на Вятке и в Соликамске. В XVII веке сильно разветвился: одни представители рода были предпринимателями, другие стали священниками, третьи находились на общественной и царской службе. Рязанцев Степан Родионович обосновался вместе с семьей в Соликамской, приобрел там варницу и занялся солеварением.

Касаткины – соликамские купцы, известный представитель рода – Григорий Максимович Касаткин (1831–1911) – занимался соледобычей, владел Рождественским солеваренным заводом.

Пуд – старая мера веса, равен примерно 16,4 кг.

Новгородские купцы братья **Калинниковы** первыми в 1430 году построили соляные варницы на реке Усолке. Позднее здесь возникло поселение Соль Камская – будущий Соликамск.

«1793 г. января 31-го на 1-е число февраля в полночь в Соликамском городе ставропигиального монастыря настоятеля Иакинфа Далматского убили воровской партии Сенька Бурцов с товарищи и зверски умучен был». – Летопись Прядыльщикова (*прим. автора*). Летопись была опубликована дважды:

сначала в «Пермских губернских ведомостях» в 1874 году, затем в «Календаре Пермской губернии на 1884 год».

На юру, устар. – на открытом возвышенном месте.

«В 1756 году, сентября 13, шайка разбойников пыталась овладеть монастырем, и архимандрит Иуст Колотский едва успел спасти как сокровища обители, так и собственную жизнь». – Летопись Прядильщикова (прим. автора).

«В 1772 году, мая 23-го, разбойники вторично покушались овладеть монастырем и поджигали святыню, но не могли вторгнуться во внутрь хорошо укрепленной обители». – Летопись Прядильщикова (прим. автора).

«Больше сея любви никто же имат, да кто душу свою положит за други своя...» – неточная цитата из Евангелия от Иоанна, 15:13.

По указу Петра I с 1705 года продажа соли стала монополией государства. Продажа соли из казны осуществлялась по ценам, вдвое выше тех цен, по которым покупалась у подрядчиков. Купленную в казне соль продавать запрещалось.

Манифест «Об открытии с 1812 года вольной продажи соли» был утвержден Александром I 5 ноября 1811 года.

Указ 1880 года – об отмене соляного акциза.

Пермянка – так называлась соль, вываренная в районе Соликамска и Березников, на территории бывшей Перми Великой. В XVII веке в Соликамске производилось до 70 % всего объема производства соли в России.

Балашовы, Шуваловы, Голицыны – известные русские дворянские и графские роды, представители которых были владельцами различных предприятий, в том числе и соляных промыслов на Урале.

Пыскорский Спасо-Преображенский мужской монастырь был основан в первой соляной столице Строгановых – Пыскоре – в 1560 году. Простоял здесь около двухсот лет, а после был разобран и перевезен в Пермь, послужив основой для Спасо-Преображенского кафедрального собора.

Кокорев Василий Александрович (1817–1889) – один из самых известных российских предпринимателей и меценатов XIX века, который построил свой капитал на винной торговле.

Любимов Иван Иванович (1838–1899) – пермский купец 1-й гильдии, меценат и общественный деятель.

Касаткин Григорий Максимович (1831–1911) – купец мануфактурных и галантерейных товаров, директор Соликамского общественного Черкасова банка с 1872 года.

Дедюхинская артель солеваров. – Трудовая артель, объединившая сто рабочих, была создана в 1908 году. Артель взяла в аренду полуразрушенный Дедюхинский солеваренный завод на двадцать пять лет. Завод был заново отстроен, и к концу первого года работы артель выпустила около полумиллиона пудов соли высокого качества.

Церковь Владимирской Божией Матери (Богородице-Владимирская церковь, Рубежская) построена в 1757–1791 годах в Усолье. В настоящее время церковь разрушена.

Воронихин Андрей Никифорович (1759–1814). Знаменитый русский архитектор родился в Новом Усолье в семье дворового крепостного. Его творческий путь начался с учебы в одном из художественных училищ, основанных на Урале Строгановыми.

Соколов Иван – балахнинский купец, который основал соляные промыслы на реке Ленве, в двух верстах от Нового Усолья по левому берегу Камы, около 1610 года.

Князя *Абамелик-Лазаревы*, считавшиеся одним из самых богатых княжеских родов России, владели Кизеловским (основан в 1788 году), Полазнинским (1797), Хохловским (1755) и Чёрмозским (1766) заводами, а также соляными промыслами.

Сольве и Ко – имеется в виду учрежденное Иваном Ивановичем Любимовым и бельгийским ученым-химиком Эрнестом Сольве в 1887 году общество «Любимов, Сольве и Ко», которое торговало солью, содой, хлебом, а также каменным углем, коксом и антрацитом.

Баварский образец соляных варниц, или белые варницы – усовершенствованный тип солеварения, разработанный в 60-х годах XIX века. Белые варницы имели вместо ямы-топки по цреном печь из кирпича и дымовую трубу. Благодаря такому устройству были существенно снижены затраты дров и улучшилось качество вывариваемой соли.

От Усолья до Перми

Озеро Чёрное расположено в поселке Орёл, недалеко от деревни Огурдино.

«4-го апреля 1558 г. Царь Иоанн Васильевич Грозный пожаловал Григорию Строганову места пустые, леса черные, речки и озера дикие, а всего пустого места 146 верст». – Здесь и следующий фрагмент – неточные цитаты из «Жалованной грамоты царя Ивана Васильевича Григорию Строганову о финансовых, судебных и торговых льготах на пустые места по реке Каме, 1558 г. апреля 4».

Дмитриев подробно писал об истории Строгановских владений на Урале в первом выпуске «Пермской старины». В выпуске «Древности бывшей Перми Великой» (1889) «Пермской старины» было опубликовано несколько статей А. Дмитриева о Строгановых – «Полюбовное соглашение братьев Строгановых в 1749 году», «Раздел вотчинного имения и соляных промыслов братьев Строгановых в 1747 и 1749 г.г.» и т. д. Также Строгановым был посвящен четвертый выпуск – «Строгановы и Ермак» (1892).

Соль Качаловская – земля в Воднокурской волости, сейчас это территория Котласского района.

Джилъс (Джайлс) Флетчер – английский поэт и дипломат, автор описания Русского царства в XVI веке. Был отправлен в Москву с дипломатической миссией в 1588 году.

Пуадебар, что коноводку изобрел. – Первые коноводки на Каме пошли в 1816 году (Летопись Прядыльщикова). Конноводки – особые баржи, где на огромный ворот, запряженный не одним десятком лошадей, навивался канат от завезенного вперед якоря. В то время, когда судно подтягивалось к якорю, на лодке-забегке завозили другой якорь и к нему подтягивалось судно, когда кончался первый канат. Караван баржей с коноводкой шел очень медленно, хотя нес значительные грузы (*прим. автора*).

Пуадебар Жан-Батист (фр. Jean-Baptiste Poidebard), в России известен был также как Иван Иванович Пуадебард – французский священник и инженер-механик, прославившийся в России сооружением вóрота для коноводных машин на Каме.

На конторку – так называют обыкновенно баржу-дебаркадер пристани (*прим. автора*).

Кулибин Иван Петрович (1735–1818) – выдающийся русский изобретатель. Он сделал первый ножной протез, первый лифт, оптический телеграф, «водоход», машины для добычи соли, мельницы, водяные колеса, геодезические и акустические приборы, подзорные трубы, солнечные и иные часы, точные весы и пр. Фамилия Кулибина стала нарицательной: так называют мастеров-самоучек, добившихся больших успехов в своем ремесле.

Князь **Львов Сергей Евгеньевич** (1859–1937) – предприниматель, владелец и глава фирмы «Пожевские заводы князя С. Е. Львова». В состав фирмы «Пожевские заводы» входили Пожевской железодельный, Елизавето-Пожевской прокатный и Лукьяновский чугуноплавильный заводы.

Всеволожские, владевшие с конца XVIII века огромными активами на Урале (Пожва, Александровск, Всеволодо-Вильва, Кизел и др.), в том числе заводами, копиями, золотыми приисками, не смогли сделать свою империю устойчивой. Широкая столичная жизнь, которую они вели, требовала больших расходов. Заводы копили долги, имение несколько раз делилось между наследниками. После отмены крепостного права положение на заводах окончательно пошатнулось. К концу XIX века Всеволожские распродали свои земли и заводы на Урале.

«В 1769 году шайка разбойников врывалась в Пожевской и Майкорские горные заводы, ограбила кабаки и приказчиков. Из них пожевского Митяина варварски умертвили в глазах всех жителей». – Немного отредактированная цитата из «Очерков из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года» А. А. Дмитриева (Пермь, 1889).

«В 1776 году, 1 и 2 чисел мая, среди белого дня, ограблены злодеями села Слудское и Усть-Косьвенское... На Слудке, по наущению обывателей, убит управляющий господским хозяйством, немец неизвестной фамилии». – Летопись Прядильщикова (прим. автора).

Самая первая у нас по грузообороту пристань, – говорит мне капитан, спускаясь вниз на конторку. – Так называют обыкновенно баржу-дебаркадер пристани (прим. автора).

Лбов Александр Михайлович (1876–1908) – мотовилихинский рабочий, революционер, экспроприатор. Лидер группы боевиков, которая получила название «Лесные братья». Был одним из руководителей мотовилихинского вооруженного восстания 1905 года.

Усть-Косьва – бывшее село в Ильинском районе на реке Каме, находилось напротив устья Косьвы, к северу от Чёрмоза. Известно с 1623–1624 годов. Село было затоплено во время образования Камского водохранилища.

«Миг один – и нет волшебной сказки» – неточное цитирование стихотворения А. Фета «Фантазия». Строка звучит так: «Миг еще – и нет волшебной сказки».

Королёвский затон был оборудован для стоянки казенных землечерпательных машин, пароходов и других судов около деревни Королёвой, которая располагалась на Каме между деревнями Городище и Кулигино (ныне Краснослудское сельское поселение).

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (наст. фамилия Мамин) – уральский писатель. Описанию Чусовой, бойцов и слава железных караванов были посвящены первые большие очерки писателя «В камнях» («Дело», 1883), «Бойцы» («Отечественные записки», 1883).

«Здесь Строгановы снарядили Ермака к походу в Сибирь...» – Решающая роль Строгановых в сибирском походе Ермака утверждалась Строгановской летописью, и следом за ней Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьёвым и многими другими, в том числе местными краеведами и историками. В то же время Есиповская и Ремизовская летописи говорили о вынужденном участии Строгановых в снабжении отряда. Сегодня этот вопрос остается по-прежнему дискуссионным.

Нобелевский склад – склад нефти «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель», основанного в 1879 году. Первая в российской истории нефтяная компания, имевшая полный технологический цикл от разведки до сбыта, создала собственную транспортную и сбытовую сеть, включавшую нефтепроводы, танкеры, вагоны-цистерны и нефтебазы с причалами и железнодорожными ветками, в том числе на Волге и Каме.

Уральская горнозаводская железная дорога – первая железная дорога на Урале, построена в 1878 году. Изначально автономная, с 1896 года соединена с основной железнодорожной сетью страны

Верхняя Курья – дачный поселок на правом берегу Камы, напротив Мотовилихинских заводов. Здесь отдыхали небогатые горожане. Очевидно, автор иронично назвал его Голицыным, который считался самым знаменитым дачным пригородом Москвы.

Лёгость, или лёгкость, спец. – небольшой мешочек, сплетенный из шнура, размером с кулак, наполненный песком. Служит грузом у бросательного конца для его подачи.

Пермь

Ломовики, или ломовые извозчики, устар. – извозчики, занимавшиеся перевозкой тяжелых грузов.

Коромыслова башня – круглая башня Нижегородского кремля.

«Мы не любопытны», – *совершенно справедливо заметил Гончаров*. – Слова «Мы ленивы и нелюбопытны...» принадлежат А. С. Пушкину («Путешествие в Арзрум»).

«Велико незнание России посреди России». – Слова Н. В. Гоголя из публицистического сборника «Выбранные места из переписки с друзьями», вышедшего в 1847 году.

Бечевник – полоса берега, предназначенная для людей или лошадей, тянущих судно на бечеве.

Дом Мешкова строил известный в Перми архитектор А. Б. Турчевич (*прим. автора*). Особняк в историческом центре Перми, памятник архитектуры. Название получил в честь пермского предпринимателя и мецената Н. В. Мешкова, который выкупил пустующий дом у городской казны и перестроил его по проекту А. Б. Турчевича. Дом считался одним из самых красивых зданий Перми. Сейчас здесь располагается Пермский краеведческий музей.

Обвинская улица – улица 25 Октября.

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – русский общественный и государственный деятель, реформатор, законодворец. Его реформы по созданию конституционной монархии угрожали положению правящего класса. В результате многочисленных доносов Александр I отстранил Сперанского от дел и выслал сначала в Нижний Новгород, потом – в Пермь, где он находился под административным надзором до 1814 года.

«Козий загон» – неофициальное название пермского городского сквера, расположенного на высоком берегу Камы, в начале главной улицы города – Сибирской. Сейчас это сквер имени Решетникова.

Немирович-Данченко Василий Иванович (1845–1936) – русский писатель, путешественник и журналист. Летом 1875 года он путешествовал по Уралу, впечатления от этой поездки нашли отражение в серии путевых очерков, которые сначала публиковались в журналах и газетах («Дело», «Русская речь», «Исторический вестник», «Русские ведомости»), а позже были собраны в книгу «Кама и Урал (очерки и впечатления)» (СПб., 1890).

Дом Любимовой – особняк на улице Екатерининской, перестроенный вдовой известного пермского купца И. И. Любимова Е. И. Любимовой в 1899–1900 годах. Автором проекта являлся А. Б. Турчевич. Сейчас здесь находится Пермский ТЮЗ.

Благородное собрание – здание клуба для высшего общества Перми было построено в 1837 году по проекту И. И. Свиязева. Здесь проводились балы, концерты, благотворительные вечера. Находится на углу улиц Луначарского (раньше – Вознесенская) и Сибирской.

Воскресенская церковь – храм во имя Воскресения Христова и святого благоверного князя Александра Невского был построен в 1869 году на старой Сенной

площади (сейчас здесь находится сквер перед Авиационным техникумом имени А. Д. Швецова). Была взорвана в 1940 году.

Старая слободка (Солдатская слободка) – жилой район дореволюционной Перми между Солдатской (Красноармейской) и Офицерской (Мальшева) улицами. Здесь располагался воинский гарнизон, казармы стояли на месте гипермаркета «Семья».

Владимирский тракт (в просторечии – Владимирка) – название дороги из Москвы на Владимир, известной тем, что по ней везли ссыльных в Сибирь. Название использовалось как нарицательное по отношению ко всему Московско-Сибирскому тракту. Пермский пересыльный замок был поставлен на Сибирском тракте и служил транзитным пунктом для арестантских обозов. После открытия железной дороги арестантов начали перевозить на поезде.

Казанский тракт – часть Московско-Сибирского тракта в пределах Пермской губернии через село Верхние Муллы до Перми.

Александровская земская больница (сейчас это Пермская инфекционная больница на улице Пушкина) была построена в 1833 году на народные средства. Больница занимала целый квартал, представляла собой тщательно спланированный комплекс зданий, между которыми был разбит сквер. Автором проекта был известный пермский архитектор И. И. Связев. Названа в память о посещении Перми императором Александром I в 1824 году.

Красноуфимская улица – улица Куйбышева, проходила от Набережной до Большой Ямской.

Сенной рынок находился на месте Октябрьской площади.

Чёрный рынок – крупный торговый центр, действовавший в городе Перми в XIX – начале XX века. Его называли также Хлебным рынком. В настоящее время часть территории бывшего рынка – это сквер Уральских добровольцев.

Единоверческая церковь – это церковь Троицы Живоначальной на Сенной площади. Была построена в 1835–1843 годах по проекту И. И. Связева. Закрыта и снесена в 1930-х годах. Сейчас на этом месте главный корпус Пермского государственного технического университета.

...по свидетельству одного из бытописателей Перми Смышляева... – Из прошлого. О старых временах и людях (прим. автора). Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828–1893) – российский земский деятель, краевед и историк Пермского края, Почетный член Императорского православного палестинского общества. Очерк был опубликован в «Пермских губернских ведомостях» и отдельной брошюрой в 1885 году.

Борноволоков Иван Михайлович – пермский вице-губернатор, первый прокурор Пермской губернии.

Российский государственный художественно-промышленный университет имени С. Г. Строганова. Основан в 1825 году, ликвидирован в 1918 и воссоздан в 1945 году.

Угрюмов Григорий Иванович (1764–1823), **Боровиковский Владимир Лукич** (1757–1825), **Витберг Александр Лаврентьевич** (1787–1855), **Егоров Алексей Егорович** (1776–1851) – известные русские художники, мастера религиозного жанра.

Кунгурская улица – сейчас Комсомольский проспект.

Торговая улица – сейчас улица Советская.

Часовня и братство во имя Святителя Стефана, Епископа Пермского, и его преемников Герасима, Питирима и Ионы – часовня в Перми, построенная в честь Стефана Пермского. Расположена на углу Петропавловской улицы и Комсомольского проспекта. В настоящее время в здании работает часовня, а в пристрое – православный паломнический центр.

«И попове его, – пишет Епифаний Премудрый, составивший житие св. Стефана Великопермского, – пермским языком служаху обедню, заутреню же и вечерню, и канонархи его по пермским книгам канонархаша, певцы же всякое пение Пермски возглашаху». – Архимандрит Макарий. «Сказание о жизни и трудах св. Стефана, еп. Пермского» (прим. автора).

Епифаний Премудрый (умер около 1420 года) – православный святой, агиограф. Известен как составитель житий преподобного Сергия Радонежского и Стефана Пермского.

Григорьевский монастырь – Григорьевский затвор, первое духовное училище и первое учебное заведение на Руси. Был открыт в ярославском Спасском монастыре, потом переведен в Ростов, став домовым монастырем ростовских архиепископов. В училище существовала библиотека, скрипторий, изучался греческий и другие языки, велось летописание. Назван в честь Григория Богослова. Считается, что его выпускниками были Епифаний Премудрый, Стефан Пермский, Сергей Радонежский.

Дуб в городе Додона – по шелесту листья этого мифологического дерева предсказывали судьбу, как и по журчанию источника, текшего у корней дерева.

Пам – верховный жрец древних пермян, главный противник Стефана Пермского в его миссионерской деятельности.

Вольница, устар. – группы населения из различных общественных слоев, преимущественно беглые крепостные, оседавшие на окраинах Московского государства и притязавшие на независимость.

Ушкуйники – участники военных походов, предпринимавшихся жителями Новгородской республики в XIV – начале XV веков. Термин происходит от слова «ушкуй» (ускуй, скул, вушкул), обозначавшего вид гребного судна для плавания по большим рекам.

Собор Спаса Преображения на Бору построен Иваном Калитой в 1330 году как часть великокняжеского монастыря на территории Московского Кремля. Название «на Бору» произошло от окружавших храм хвойных лесов, давших название и самому Боровицкому холму. Был разрушен в 1933 году.

Общество к поддержанию чистоты нравов в народе по духу православной Церкви, организованное протоиреем отцом Евгением Поповым – созданная в 1881 году протоиреем, писателем-богословом Евгением Поповым (1824–1888) религиозно-общественная организация. В 1888 году изменилось название общества на «Братство во имя Св. Стефана, епископа Пермского». Общество занималось просветительской и благотворительной деятельностью. Члены общества заведовали церковно-приходскими школами, содействовали открытию церковных библиотек и книжных складов, организации церковного пения в сельских храмах.

Пермский научно-промышленный музей открылся в конце 1890 года по инициативе общественного деятеля и доктора медицины Павла Николаевича Серебренникова (1848–1917). Находился по адресу Петропавловская, 38.

Театральный сад благоустроен в 1883 году по инициативе губернатора Пермской губернии А. К. Анастасьева (1837–1900). В то время сад был поделен улицей Петропавловской на два сквера, на площади стояло каменное здание гостиного двора.

Русское музыкальное общество – российское музыкально-просветительское общество, действовавшее со второй половины XIX века и до 1917 года.

Обор, диалект. – отбросы, остатки чего-либо. В Перми так говорили о чём-либо недоброкачественном, малопригодном.

Петропавловский собор был построен в 1724 году. Первоначально – из дерева, в 1764 году был сооружен каменный собор, первое каменное здание города. В 1970-е годы собор был на реставрации, в нём планировалось разместить научно-

реставрационные мастерские, но в 1990-х годах он был возвращен православной церкви. Сейчас в нём проходят службы.

«Лета от сотворение мира 7231, от воплощение же Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1723, по открытии в здешних местах медных руд...» – немного измененная цитата из Летописи Сапожникова. Впервые летопись города Перми Гавриила Сапожникова была опубликована инспектором Пермской мужской гимназии А. Д. Крупениным в «Памятной книжке Пермской губернии на 1863 год». В 1880 и 1915 годах полный текст летописи был напечатан в «Пермских епархиальных ведомостях».

Князь Мещерский Платон Степанович (1713–1799) – генерал-аншеф, казанский губернатор и генерал-губернатор. При нём в Казанской губернии была проведена областная реформа.

Егошихинский медеплавильный завод – один из самых больших заводов на территории Прикамья в XVIII веке. Был построен Василием Татищевым (1686–1750) и Вильгельмом де Генниным (1676–1750). Он проработал с 1723 по 1788 год.

Пермский пушечный завод

Деревня Горки по Соликамскому тракту – сейчас это микрорайон Городские Горки в Перми.

Царь-молот – пятидесятитонный молот, который был запущен в эксплуатацию в 1873 году на Пермских пушечных заводах (ныне ПАО «Мотовилихинские заводы»). Предназначался дляковки стальных заготовок крупных орудийных стволов. В проектировании и постройке молота принимали участие горные инженеры братья Воронцовы – Николай и Владимир.

Полуардены – это лошади-полукровки, в роду которых были лошади Арденской породы – одной из старейших пород тяговых лошадей, центром возникновения которой является область Арденнских гор в Бельгии, Люксембурге и Франции.

Вагранки – топливная печь шахтного типа (вертикальная), служащая для переплавки чугуна. Топливом служит преимущественно кокс или антрацит, высокая температура при сжигании которых достигается посредством дутья.

Антрацит – наиболее глубоко прогревавшийся среди известных человеку ископаемых углей. Он же характеризуется высочайшей степенью углефикации, увеличенной плотностью, выраженным блеском.

Шилонов Иван Алексеевич (умер до 1895 года). Пермский мастеровой-механик, конструктор нескольких оригинальных станков и машин. Работая под руководством Н. В. Воронцова на Пермских литейных заводах (1864–1866), спроектировал два оригинальных вентилятора.

Пароход «Гражданин» – грузо-пассажирский пароход «Общества пароходства по Волге».

Компаунд (англ. compound – составной) – паровая машина двойного расширения пара.

Зевеке Альфонс Александрович (1822–1887) – русский купец, судовладелец. Служил в «Камско-Волжском пароходном обществе». Построил первый в России пароход «Амазонка», имевший заднеколесный привод.

Печь Мартена – плавильная печь для переработки передельного чугуна и лома черных металлов в сталь нужного химического состава и качества. Название произошло от фамилии французского инженера и металлурга Мартена Пьера Эмиля (1824–1915), создавшего первую печь такого образца в 1864 году.

Печи Сименса – регенеративные печи, в работе которых использовался принцип регенерации тепла продуктов горения. Название произошло от фамилии немец-

кого и британского инженера К. В. Сименса (1823–1883), который разработал ее в 1856 году.

После этого колосса остальные три молота – двенадцати-, восьми- и пятитонный – 744, 496 и 310 пудов (прим. автора).

Воронцов Николай Васильевич (1833–1893) – горный инженер, механик, металлург, один из организаторов сталепушечного и сталелитейного производства в России. Был назначен горным начальником Пермских пушечных заводов в 1871 году.

Маленькая приходская церковь близ Каменного моста... – Речь идет о часовне Николая Чудотворца у Каменного моста в Москве.

Славянов Николай Гаврилович (1854–1897) – русский инженер, изобретатель электрической дуговой сварки металлов. С декабря 1883 года и до конца жизни работал на Пермских пушечных заводах, где и создал большую часть своих изобретений.

«Не могу не привести описания, как был починен первый колокол по способу Славянова в Мотовилихе 18 февраля 1893 года». – П. А. Вологдин. Об электрическом сплавлении металлов по способу г. Славянова (прим. автора).

Покоем, устар. – наречие, которое обозначает расположение в виде буквы «п», тремя сторонами четырехугольника.

Отъезд из Перми

Братья Алафузовы – Николай (1847–1918) и Иван (1837–1891) Алафузовы, казанские предприниматели, соучредители «Товарищества Казанского кожевенного завода» (1857). В 1858 году товарищество приобретает старейший кожевенный завод в Ягодной слободе. Впоследствии завод стал соответствовать европейским стандартам и производить продукцию высшего качества.

Дача Синакевича – возведенная в конце XIX века постройка в стиле «ропет» («псевдорусский стиль»). До революции в ней жила семья Александра Синакевича – общественного и театрального деятеля, главы Перми с 1893 года.

Нижние Курьи – район на правом берегу Камы, где в конце XIX века началось строительство дач богатых горожан, сейчас это микрорайон Перми.

Строительство **Храма Святого Князя Владимира** в Нижней Курье было освящено Епископом Пермским и Соликамским Иоанном (Алексеев) в 1904 году. Иоанн вошел в историю Пермской епархии как епископ, добившийся от Святейшего Синода ассигнований на постоянное жалованье в инородческие приходы.

Карболовая вода, или карболовая кислота – органическое соединение, возглавляющее класс фенолов. Пятипроцентный раствор в воде – антисептик, широко применявшийся в медицине в прошлом.

От Осы до Сарапула

А. С. Пушкин. История Пугачёвского бунта, гл. 6. – Здесь и далее цитируется неточно.

Михельсон Иван Иванович (1740–1807) – русский военачальник, генерал от кавалерии, известный прежде всего окончательной победой над Пугачёвым.

Пристань Усть-Речка была заложена в 1759 году на правом берегу Камы в 12 км от Камско-Воткинского завода. С окончанием строительства железной дороги Воткинск – Галёво в 1898 году пристань утратила свое значение.

Граф Шувалов Пётр Иванович (1711–1762) – глава русского правительства на исходе царствования Елизаветы Петровны, генерал-фельдмаршал, конференц-министр, камергер, сенатор, реформатор и изобретатель. В 1757 году получил разрешение императрицы Елизаветы на строительство Воткинского железодельного завода.

Венцель Фёдор Фёдорович – главный командир Гороблагодатских и Камских заводов 1773–1774 годов. Организатор ополчения Воткинского и Ижевских заводов во время Пугачёвского восстания. Казнен вместе с другими представителями администрации в Воткинске.

Чайковский Пётр Ильич (1840–1893) родился в дворянской семье в Воткинске Вятской губернии. Отец будущего композитора, горный инженер Илья Чайковский, был директором местного завода.

Узкий Костоватовский ход находился около деревни Костоваты между островом Костоватовским, затопленным при строительстве Воткинской ГЭС, и правым берегом Камы.

Фабрики Петровых и Евдокимова – ижевские оружейные фабрики Евдокимова Адриана Никандровича (1842–1917) и Петрова Ивана Фёдоровича (1850–1933), ижевских купцов-оружейников.

Сарапул и Николо-Берёзовка

«Прикамский Край» – общественно-политическая и литературная газета, принадлежала Колчину Иосафу Михайловичу (конец 1860-х – 1911), купцу, издателю книг по истории города и первой городской газеты «Сарапульский листок объявлений».

Кожевенный завод **Барбанова** – скорее всего, речь идет о кожевенном заводе известного сарапульского купца и мецената Ф. Д. Барбанщикова.

Старцева гора (гора Урал) – самое высокое место в районе Сарапула, поднимается на 50–70 м над Камой. Считается, что на этой горе началось основание города – со строительства сарапульской крепости.

Взлобок, диалект. – возвышенное место, крутой пригорок.

Фелонь – риза у священников.

Николо-Берёзовский монастырь – Камско-Берёзовский Богородицкий монастырь в селе Николо-Берёзовка. Монастырь учрежден в 1858 году на месте явления и обретения в 1550-х годах Берёзовской иконы святителя Николая Чудотворца.

Челны, Елабуга. Стахеевы

«Пароходство И. К. Савина» образовано Савиным Иваном Кондратьевичем в 1890 году, имело шесть товаро-пассажирских пароходов и осуществляло перевозки между Казанью и Чистополем.

Рухляк, мергель – осадочная горная порода, состоящая из глины и известняка.

Столбичи – отвесная стена на берегу Волги, сложенная опоками желтовато-серого цвета. В ходе экзогенных процессов разделена на десять высоких (высотой до 50–55 м) башен.

Елабужское городище (Чёртово городище) – остатки каменной башни X–XIV веков на месте болгарской крепости-мечети.

Шишкин Иван Васильевич (1792–1872) – основатель купеческого дела по торговле зерном и хлебом, разработал и построил в Елабуге систему городского водопровода, восстановил деревянную башню «Чёртово городище» – символ тысячелетия города. Серьёзно занимался археологией, участвовал в раскопках Ананьинского могильника. Отец известного художника И. И. Шишкина.

Сражения при Гутштадте и Фридланде – сражения, произошедшие в ходе Русско-пруско-французской войны 1806–1807 годов.

Танаевский курорт, кумысолечебное заведение доктора Кротова – кумысолечебница, расположенная в Танайском лесу близ Елабуги, была открыта в 1888 году. Принадлежала казанскому врачу М. В. Кроткову.

Постников Нестор Васильевич (1821–1913) и **Аннаев Егор Никитич** (1826–1903) – влиятельные жители Самары. Н. В. Постников известен строительством кумысолечебницы, Аннаев – финансированием строительства Церкви Святого Георга в Самаре, он также владел целым рядом доходных заведений.

Ушков Пётр Капитонович (1840–1898) – химический заводчик и промышленный деятель, пионер русской химической промышленности. В 1883 году учредил «Товарищество химических заводов П. К. Ушкова и Ко».

Контрексевиль (Contrexeville) – бальнеологический курорт во Франции, в департаменте Вогезы.

Купцы Стахеевы – знаменитая в Поволжье купеческая династия Стахеевых, торговавшая хлебом, чаем, мануфактурными товарами и нефтепродуктами. Также славились своей благотворительной деятельностью.

Соколки – Чистополь

Два больших острова, Котловский и Свиногорский – острова на Каме рядом с городом Нижнекамском.

Котлово – село называется Котловка. Находится на правом берегу Камы в 24 км от Елабуги.

В середине XVIII века село Богородское было куплено **графом Б. П. Шереметевым** у татарского хана.

Соколы Горы – возвышенность на правом берегу рек Вятки и Камы у места их слияния.

Гирбасов Фёдор Прохорович (около 1822–1899) – елабужский купец 1-й гильдии, один из крупнейших хлеботорговцев камского региона, благотворитель, потомственный почетный гражданин. С 1884 по 1891 год занимал должность городского головы Елабуги.

Лихачёвы – дворянский род, известный с начала XV века. Внесен в VI часть родословных книг Казанской, Тверской и Ярославской губерний.

Река Прость раньше впадала в Каму близ затона «Чистопольский» и имела длину 44,6 км. В настоящее время река потерялась на камской пойме, став частью водохранилища.

В низовьях Камы

Россия. Полное географическое описание нашего отечества под ред. В. П. Семёнова, т. 6. – Выше приводятся неточные цитаты из этого источника.

Томпак – сплав меди с цинком.

Донауров Иван Михайлович (1806–1849) – более известен С. И. Донауров, автор «Ожидания», «Тихо на дороге» и др. (*прим. автора*). Вице-губернатор Ярославской губернии, статский советник, камергер из дворянского рода Донауровых. Был любителем музыки, однако как композитор больше известен его сын Сергей Иванович Донауров.

Дон-Урай – деревня принадлежала Петру Михайловичу Донаурову. В источниках до 1917 года известна под названиями Донауровский Урай и Богородское.

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1751–1828), **Мерзляков Алексей Фёдорович** (1778–1830) – русские поэты, авторы текстов популярных романсов. **Титов Николай Алексеевич** (1800–1875), **Алябьев Александр Александрович** (1787–1851), **Булахов Пётр Петрович** (1822–1885) – русские композиторы, авторы популярных романсов.

Клотильда – стихотворение Ф. И. Тютчева «Я встретил Вас, и всё было...», ставшее одним из самых знаменитых русских романсов, сопровождалось посвя-

щением К. Б. По одной из версий за инициалами скрывается Клотильда фон Ботмер.

Об этом так трогательно рассказывается в «Воспоминаниях»... – Речь идет об автобиографическом романе С. Т. Аксакова «Воспоминания» (1856).

Нармацкой (Нармацкий) Андрей Петрович – помещик, потомок нормандских герцогов-рыцарей, владел обширными поместьями в Прикамье. По легендам, образовал вооруженный отряд, который грабил проходящие по Каме судна.

Бестужев Александр Александрович, также известный под псевдонимом Марлинский (1797–1837) – русский писатель, критик, публицист, происходивший из рода Бестужевых. Участник восстания декабристов. Роман «Латник» был написан в 1831 году.

Говорят, что когда-то здесь жил татарский князек Лаиш – одна из легенд об основании города. Город был основан как укрепленная крепость в 1555–1557 годах на месте древнего татаро-булгарского поселения Лаиш.

Караванная ярмарка в Лаишеве – на ярмарке торговали железом, доставленным на железных караванах с уральских заводов. Проходила в 1770–1914 годах.

Кареевские горы – скорее всего, речь идет о Богородских горах, которые находятся в районе Камского Устья. Иногда их называют Юрьевыми (Юрьевскими). Самой высокой точкой этих гор является гора Лобач.

Лобач – гора на правом берегу реки Волги, напротив места слияния с рекой Камой. Представляет собой останец высотой 136 м.

Старая Кама – водоток, левая протока в нижнем течении Камы.

Кама. Ф. А. Мейер

Мейер Фёдор Андреевич (1851, Шадринск, Пермская губ. – 1918, Пермь) – земский служащий, мировой судья, краевед и литератор. Потомственный дворянин. В 1882 году поступил на государственную службу. Сначала был секретарем Чердынского и Соликамского уездных по крестьянским делам присутствий, затем – в штате мировых судей Осинского уезда. С сентября 1893 года Мейер работал в Чердынском, Соликамском и Верхотурском уездных земствах, в том числе в 1895–1897 годах являлся членом Чердынской уездной земской управы. В 1898 году состоял в Управлении Уральской железной дороги и одновременно возглавлял Дворянскую опеку. Всегда интересовался историей края, собирал материалы, связанные с Пугачёвским бунтом. Начал печататься в «Пермских губернских ведомостях» с января 1898 года: в основном в жанре путевого очерка и рассказа. Печатался также в столичных изданиях, в частности в «Земщине». Награжден за службу двумя медалями. Публиковался под псевдонимами Ф. М-р, Ф. М., М. Опубликовано в газете «Пермские губернские ведомости» 6 июня 1899 года, подпись – Ф. М-р.

Биармия, или Бьярмия, или Бьярмаланд (норв. Vjarmeland) – известная по сагам историческая область на севере Восточной Европы, предположительно располагавшаяся на территории современной Архангельской области, в бассейне Северной Двины (существует и ряд иных версий, в соответствии с которыми Бьярмаланд мог располагаться в различных местах Севера Восточной Европы).

Пароход американского типа, заднеколесный пароход – пароход, движущийся при помощи колеса, расположенного за кормой.

Мое путешествие. А. Н. Скугарев

Скугарев Александр Николаевич (1872–1912, Санкт-Петербург) – профессиональный журналист, с 1897 по 1913 год жил в Перми, был секретарем редакции «Пермских губернских ведомостей», после служил в Пермском статистическом комитете. Писал статьи, фельетоны, очерки. Псевдонимы – А. Н. С., А. С., Герцог Мильковский, В. Гукс, Вера Гукс, Риголетто, Скупой Гальба. Опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» 4 июля 1906 года, подпись – Скупой Гальба.

«Есть речи – значенье темно иль ничтожно, но им без волненья внимать невозможно». – М. Ю. Лермонтов «Есть речи – значенье...».

«Ты можешь ли Левиафана на уде вытащить на берег?!» – неточная цитата из «Оды, выбранной из Иова» М. В. Ломоносова.

«Ты знаешь ли тот край, где так вкусны лепешки, где брага хороша, где сдобны кренделя?» – Видимо, авторский перепев знаменитого стихотворения И. Гете «Песня Миньоны».

Кульбик – съедобный гриб.

«Не плачь, не плачь, мое дитя! Не стоит он безумной муки... Он ласки дорого ценил – Но слез твоих он не оценит!» – строки из стихотворения М. Лермонтова «Не плачь, не плачь, мое дитя...».

Саянов Роман Сергеевич (наст. фамилия Пик) (1871–1946) – артист оперы и педагог.

Устье (Дальнее Устье) – бывшая историческая местность в Казани. Возникло и получило название в середине XIX века, когда город и устье Казанки были соединены через Адмиралтейскую слободу первой в городе Волжской дамбой, а все пристани были перенесены сюда и стали речным портом города.

Барабус – зимний вид казанского транспорта, существовавший во второй половине XIX – начале XX века. Представлял собой сани-розвальни, на которые был положен мягкий тюфяк, набитый сеном или соломой

Лядской сад – сад, ставший местом отдыха казанской знати, был разбит около усадьбы генерал-майора Алексея Петровича Лецкого (1725–1800) на улице, которая носила имя генерал-майора. Название Лецкой народом было изменено на Лядской.

Куртино кладбище (куртина – отдельная часть участка, сада) – старейший некрополь Казани, на планах города он значится с 1766 года. Сейчас это Арское кладбище.

Pruderie, фр. – показная добродетель, преувеличенная стыдливость, неприступность.

В пути. С. С. Геммельман

Геммельман Сергей Сергеевич (1877, Москва – 1938, Переяславль) – межевой инженер Пермского губернского правления в 1903–1906 годах, постоянный корреспондент «Пермских губернских ведомостей», автор путевых очерков и фельетонов, поэт и ученый-любитель. В ПГВ писал под псевдонимами Гамма, С. Г-н, С. Г. Опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» 25 июня 1906 года, подпись – С. Г-н.

Raison d'être – французское словосочетание, означающее смысл, смысл существования, разумное основание существования.

С «девятой пятницы». С. С. Геммельман

Опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» 25 июня 1906 года,
подпись – С. Г-н.

Девятая пятница, Параскева Пятница – православный праздник, отмечается, по календарю, в пятницу девятой недели, считая от Пасхи. Связан с почитанием святой Параскевы, прозванной Пятницей, которую считали покровительницей брака и женщин, охранительницей здоровья, помощницей в торговле.

Заводы Усть-Усолки – солеваренные заводы на Усолке. Один из них находился при впадении Усолки в Каму, два – в самом городе.

Солеварни Боровой – Усть-Боровской солеваренный завод, был основан на левом берегу реки Камы близ впадения в нее реки Боровой в 1878 году купцом Александром Рязанцевым. На постройку завода ушло четыре года. Позже здесь возник город Боровск, включенный в настоящее время в состав Соликамска.

Зипун (полукафтан) – вид верхней одежды у крестьян. Представляет собой кафтан или пальто без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна ярких цветов со швами, отделанными контрастными шнурами.

Чойно, диалект. – что это.

Цалковых, разг. – произношение слова «целковых». Целковый – название серебряной монеты достоинством в один рубль.

Давесь, диалект. – давно.

Даден, дадена, дадено, разг. – дан.

ЧУСОВАЯ И СЫЛВА

Поездка на Белую гору. Н. М. Чукмалдин

Чукмалдин Николай Мартемьянович (1836, д. Кулаково Тобольской губернии – 1901, Берлин) – русский купец, писатель, общественный деятель, просветитель, меценат. В 1870-х годах переехал в Москву, но постоянно участвовал в жизни малой родины. В Кулаково построил училище, каменную Николаевскую церковь, общественный банк, фабрику-школу коврового производства, хлебный магазин. Был основателем Тюменского краеведческого музея, помогал Александровскому реальному училищу в Тюмени. Печатался в провинциальных и столичных изданиях, таких как «Тобольские губернские ведомости», «Ирбитский ярмарочный листок», «Сибирская торговая газета» (Тюмень), «Екатеринбургская неделя» (затем – «Урал»), «Сибирский листок» (Тобольск), «Вестник промышленности» (Москва), «Санкт-Петербургские ведомости». Опубликовано в 1896 году сразу в трех изданиях: в газетах «Екатеринбургская неделя» (№ 25, С. 520–522; № 26, С. 539–540) и «Пермские епархиальные ведомости» (№ 16, С. 355–363), а также отдельной книгой (Екатеринбург, Тип. «Екатеринбург. недели»).

Торговый дом **«И. Зырянов с сыновьями»** – одна из самых крупных пароходных компаний Пермской губернии начала XX века. Имела несколько самостоятельных флотов.

Братья Каменские – Фёдор Козьмич (1810–1883) и Григорий Козьмич (1814–1893) – крупные пермские купцы, учредители «Товарищества пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. Братья Каменские»

Семёнов и К – буксирно-пассажирское пароходство, созданное в конце XIX века.
Пароход «Помощник» – железный колесный однопалубный буксирно-пассажирский пароход И. А. Зырянова.

Курбатов Устин Саввич (1827–1885) – купец, совладелец заводов и фабрик И. С. Колчина.

Демерджи-яйла – горный массив главной гряды Крымских гор в Алуштинском регионе Крыма.

Суксунская дача братьев Каменских – владения братьев Каменских в Суксуне. Братья купили здесь в 1893 году медеплавильный завод и прилегающие к нему земли у Демидовых.

Комель – нижняя, основная, прилегающая к корню часть (растения, волоса, пера, рога).

Вица – перекрученный древесный ствол или несколько скрученных вместе стволиков, применявшиеся для связки деталей деревянных судов.

Ворот – механизм по типу лебедки, применяемый для вытягивания на берег простых судов и других тяжестей.

«Губкина, Кузнецова и Грибушина...» – перечислены известные российские предприниматели, купцы, почетные жители Кунгура: Алексей Семёнович Губкин (1816–1883), Михаил Иванович Грибушин (1832–1889), Александр Григорьевич Кузнецов (1856–1895).

Ченстохова – город на юге Польши, главный духовный центр страны и место паломничества, связанное с чудотворной Ченстоховской иконой Богородицы.

Кимры – город в Тверской области России. Во времена правления Петра I одноименное село получило известность центра сапожного промысла в Российской империи. К концу XIX века село окончательно сложилось как экономический центр обувной промышленности.

Бродни, диалект. – мягкие кожаные сапоги на помочах с длинными, закрывающими бедро голенищами.

Голицы, диалект. – охотничьи лыжи.

Гать – настил из бревен или хвороста на топком участке дороги.

Луканин Стефан Александрович (1841–1904) – протоиерей, миссионер, основатель Белогорского Свято-Николаевского миссионерского мужского монастыря.

Малов Александр Константинович (1860 или 1861–1909) – русский художник, театральный декоратор, организатор художественно-ремесленного образования в Туле.

Фряжское письмо – приемы иконописи и стенописи, отличающиеся внешней достоверностью в передаче материального мира.

По реке Чусовой (Впечатления туриста). В. М.

Опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» 22 апреля 1909 года,
подпись – В. М.

Архиепископ Владимир (в миру Василий Григорьевич Соколовский-Автономов; 1852–1931) – епископ Русской православной церкви, архиепископ Екатеринославский.

Шитик, диалект. – вид плоскодонной речной лодки.

Коломенка – деревянное речное беспалубное грузовое судно легкой конструкции. Служит для перевозки хлеба и изделий металлургических заводов.

«...по Тихвинской и Мариинской системе...» – имеются в виду водные системы, соединяющие Волгу с Балтийским морем.

Водолив – старший рабочий на барке (коломенке), который следит за сохранностью груза и управляет артельным хозяйством.

Потеси – большое весло, служащее для управления плотами, барками.

«Коренная» вода – вода в реке в обыкновенное время года в противоположность половодью.

В зубок – то же, что «знать назубок».

«Кровля» – синдикат по продаже кровельного железа уральских металлургических заводов. Основан в 1906 году.

Макарий – имеется в виду Макарьевская ярмарка, которая находилась в Макарьево – в 90 км от Нижнего Новгорода.

Бойцы – так называли на Чусовой острые, высокие скалы, стоящие по берегам реки.

СЕВЕРНОЕ ПРИКАМЬЕ

В предгорьях Урала. Наброски карандашом. Н. Прус

Прус Н. – служащий из Чердыни, корреспондент «Пермских губернских ведомостей». Опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» 2, 6 и 9 июля 1906 года.

Бугров Николай Александрович (1837–1911) – российский купец, младший представитель нижегородских купцов-старообрядцев Бугровых; хлебопромышленник, финансист, домовладелец, меценат и крупный благотворитель Нижегородской губернии и один из крупнейших в России.

Пильвенское серебро – серебро, добытое на серебряных рудниках по реке Пильве.

«Ухожу от вас я в горы, Где живут простые люди...» – строка из стихотворения Г. Гейне, которым начинается очерк «Путешествие по Гарцу».

Борисов В. Л. – инспектор народных училищ Чердынского уезда.

Алины, Черных – крупные купеческие династии Чердыни.

Рябиновой перевоз (Рябининский) – так называлась переправа через реку Вишеру по Чердынскому тракту. Сейчас здесь находится поселок Рябиново (ранее Муромцево), который получил название по имени речки Рябиновки.

Имать, диалект. – брать, хватать, схватывать.

Паузок – речное судно, на которое перегружается груз из другого судна, не могущего перейти через пережат во время мелководья.

Лони – в прошлом году.

Помянённый (Колчимский) камень – одна из самых красивых вершин Северного Урала, расположенная в 25 км на восток от Красновишерска. На вершине расположены несколько останцев высотой до 30 м, напоминающие развалины крепости.

Баять, диалект. – говорить, болтать, рассказывать, разговаривать.

Мольем – способ сплава леса россыпью, не связывая в плот.

Матка соединяла до пяти рядов сцепленных друг с другом плотов, имела в длину более 50 м, на ней могли располагаться приспособления для управления воротом, рулем, якорем, лотом, избушки для проживания сплавщиков.

Семик – восточнославянский праздник весенне-летнего календарного периода, отмечается на седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Троицы. В этот день поминали умерших неестественной смертью и начинали подготовку к Троице.

Коты – теплая, преимущественно женская обувь, обычно на меху.
Бурак – свекла.
Ясник – хлеб из ячневой муки.
Причт – служители и певчие в православной церкви.
Ликося, диалект. – посмотри, гляди.
Баско, диалект. – красиво, хорошо, славно.
Могутный, диалект. – сильный, мощный, здоровый.
Варнак – бежавший с каторги.
Богатырь Анטיפа – герой коми-пермяцких народных сказок.
Бунчатъ, диалект. – говорить невнятно или шепотом; ворчать.
Кормчая книга – сборник церковных и светских законов, являвшихся руководством при управлении церковью и церковным судом в православии.
Чё-ко ино, диалект. – что еще.
Вологдин Владимир Александрович (род. в 1865 году в Кувинском заводе) – горный мастер, брат краеведа и горного инженера П. А. Вологодина. По заказу чердынского купца В. Н. Алина выполнял разведочные работы по поиску полезных ископаемых. В 1901 году Вологдиным было открыто золото в районе деревни Пудьи Чердынского уезда.

На север. С. С. Геммельман

Опубликовано в газете «Пермские губернские ведомости» 25 июня 1906 года, подпись – С. Г-н.

Галман, бран. – бестолковый.
Большой Кикус – село на левом берегу Колвы, в 27 км к северо-востоку от поселка Ныроб. Стоит на высоком холме. Деревянная церковь в честь святого Ильи Пророка была построена в 1897 году.

До Тулпана. Ф. А. Мейер

Опубликовано в газете «Пермские губернские ведомости» 2 августа 1898 года, подпись – Ф. М-р.

Тулпан – село на Колве, было основано в конце XVIII века старообрядцами, бежавшими от преследования властей. С 1867 года здесь находилось волостное правление. В 1896 году была построена православная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Вскоре открыта земская школа. Однако местные жители, большинство из которых были старообрядцами, придерживались канонов своей веры, поэтому в церковь не ходили и детей в школу не отпускали.

Патриарх Филарет (в миру Фёдор Никитич; около 1554–1633) – церковный и политический деятель, Патриарх Московский и всея Руси (1619–1633).

Прямица – прямая дорога.

Ветлан, Дивий, **Боец** – самые крупные скалы на реке Колве.

Фалетор – форейтор, возница, сидящий верхом на впереди запряженной лошади.

Корепино – село на Колве, известно с начала XVIII века. В XIX веке основным населением села были «обращенные» пермяки.

Гадья – деревня расположена на левом берегу реки Колвы, в 90 км на северо-северо-восток от Чердыни. Стояла на Екатерининском тракте, жители торговали пушниной и занимались извозом.

Тресья, диалект. – нечистая сила, черт.

Петрецово – поселок расположен на правом берегу реки Колвы при впадении в нее реки Визесьяв.

Очерки вишерского края. Н. П. Белдыцкий

Белдыцкий Николай Петрович (1869–1928) – краевед, журналист, писатель. Родился в Чердыни, работал учителем, потом – служащим в Пермском земстве, был основателем газеты «Пермская земская неделя» и редактором изданий Пермского научно-промышленного музея. Опубликовано в Перми в 1899 году в виде отдельного издания (Типография Губернского правления, 54 с.)

«По дну из камней разноцветных...» – строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Демон».

Пера – легендарный богатырь, персонаж коми-пермяцкого прозаического эпоса.

Кваркуш – горный хребет на Северном Урале. Расположен в бассейне реки Вишеры. Высшей точкой хребта является гора Вогульский камень – 1066 м над уровнем моря.

Тенета – охотничьи сети.

Не рвучия – нервущиеся.

Четверть – в старинной русской системе мер мера площади пахотных земель, определялась как 0,5 десятины, что составляет около 0,5 гектаров.

Нодья, пермяц. – костер промышленников в лесу, на ночлегах.

Западня, диалект. – подъемная дверь в погреб, подполье.

Душегубка, диалект. – узкая неустойчивая лодка, обычно выдалбливаемая из одного куска дерева.

Набои – доски, набиваемые на борт мелкого судна для увеличения его высоты.

Вандыш – рыбка *Osmerus*.

Сырп, пермяц. – рыболовная сеть в виде мешка с двумя тетивами.

Сак – большой мешок на полуобруче с шестом, для ловли рыбы.

Покров день – день в народном календаре восточных славян, приходящийся на 1 (14) октября. Означал завершение полевых работ и начало свадебного сезона.

Балаган – временная легкая жилая постройка в лесу, в поле; шалаш, шатер, землянка для различных надобностей.

Нимрод – в Библии упоминается как царь Вавилонии. Впоследствии с ним связываются легенды о строительстве Вавилонской башни, особой силе и богоборчестве.

Лузан, диалект. – мешкообразная верхняя одежда охотника (накидка, наплечник и т. п.) для защиты от сырости и холода, с двумя сумками (на спине и на груди) для продуктов и дичи.

Гуня – худая, ветхая, изношенная одежда.

Лабаз – небольшое строение в лесу на сваях или на деревьях, которое охотники используют как склад продуктов, шкур и т. п.

Чамья, диалект. – небольшая кладовая на высоком настиле.

Плаха – отрезок или обрубок дерева, расколотый пополам.

Николин день – праздник православного календаря в память христианского святого Николая Мирликийского.

Порубни, диалект. – голенища из тонкой кожи, которой обертывают ноги до колена и привязывают ремнем к «обуткам», чтобы предохранить ноги от грязи и снега.

Няры, пермяц. – валеные сапоги с подшитыми подошвами.

Прижду, диалект. – выждать.

Колды, инолды, диалект. – произношение слов «когда», «иногда».

«...**Берегись!** – сказал **Казбеку** // **Седовласый Шат...**» – строка из стихотворения М. Лермонтова «Спор» (1841).

Сайменка (Саменка, Каменка) – река в Красновишерском районе Пермского края. Устье реки находится по левому берегу реки Кутим. Длина реки составляет 12 км.

Щеголихин И. А. – горный мастер, предприниматель из Чердыни. В 1874 году при разведке на золото в северной части Чердынского уезда обнаружил выходы гематитовых руд (железного блеска). Впоследствии стал одним из собственников Кутимских железных рудников.

Леонид Попов в 1857–1859 годах нашел рудную залежь на ручье Безымянном, впадающем в реку Кутим. Считается одним из первооткрывателей Кутимского месторождения.

Севастьяновы – династия екатеринбургских предпринимателей, владевших фабриками, рудниками и золотыми приисками, в том числе в Чердынском районе. Известный представитель рода – Севастьянов Николай Иванович (1819–1883) – являлся членом-учредителем Уральского общества любителей естествознания.

Колчин Николай Иванович (1850–1870-е) – томский и мариинский купец 1-й гильдии, золотопромышленник, занимался ростовщичеством и виноторговлей.

Аносов Николай Павлович (1833–1890) – горный инженер, золотопромышленник, чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, камер-юнкер, член-корреспондент Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В 1892 году вместе с Колчиным и Щеголихиным обнаружил залежи железного блеска по реке Кутим, известные как железные прииски Колчина, Аносова и Щеголихина.

Овсянников Степан Тарасович (1802 – около 1882) – купец из Юрьева-Польского, затем петербургский купец 1-й гильдии. Составил капитал на торговле зерном и хлебом. Был сослан в Сибирь за организацию поджога мельницы конкурента в 1875 году. Кутимское месторождение было куплено сыном Овсянникова – Глебом Степановичем, который жил в Москве.

Шпис Эрнст Васильевич (1847–1917) – московский купец, в 1887 году выкупил Кутимское месторождение и в 1890 году на базе его руд организовал Кутимский чугуноплавильный завод.

Клейст Ф. Е. – московский купец 1-й гильдии, крупный предприниматель. В 1892 году приобрел большие рудные месторождения на Чувале и Юбрьшке и в 1894 году учредил акционерное общество «Клейстъ и Ко».

Габбро – магматическая горная порода, богатая железом и магнием. Часто содержит ценные количества хрома, никеля, кобальта, золота, серебра, платины и сульфидов меди.

Урочище **Белые Мхи** – скалы на реке Берёзовой. Представляют собой известняковые останцы, высотой 10–25 м, протянувшиеся вдоль реки на 200 м.

«**Общество привишерских горных заводов**» – полное название общества – «Общество Кутимского и привишерского горных заводов». Создано Э. В. Шписом в 1895 году.

«**Вишерско-Волжское акционерное общество металлургических заводов**» – «Волжско-Вишерское горное и металлургическое акционерное общество» создано в 1897 году в Париже французскими промышленными фирмами «Шнейдер и Ко», «Внуки Ф. Вендель и Ко», «Парижский и Нидерландский банк» и кредитное общество «Демаши и Сельер».

Посессионные заводы – горные заводы, построенные частными людьми, но получившие от правительства лес, землю, рабочих или рудники.

Ржевская пристань – пристань, принадлежащая крупному пароходоладельцу в Верхнекамье Д. Е. Ржевину

Браво – наемный убийца в Италии XVII–XVIII веков.

Эфтой – просторечное произношение слова «этой».

Дошлый, простореч. – хитрый, ловкий.

Великанов Иван Кириллович (Великанянец Иваннес Керопиан) (1850–1931) – инженер-самоучка, техник путей сообщения, краевед. С 1894 по 1901 год возглавлял работы по обследованию и улучшению судоходства на Вишере (подъем камней со дна, взрывы перекатов и т. д.). В навигацию 1898–1899 годов на Вишере появились буксирные и товаро-пассажирские пароходы. Преподавал в Пермском речном училище. Был одним из организаторов Пермского краеведческого музея.

Завод Любимова – в 1876 году Иваном Ивановичем Любимовым был куплен и реконструирован пароходостроительный завод в Перми.

Чердынский купец 2-й гильдии **Юрганов Иван Васильевич** (1831–1908) владел пароходами «Север», «Обвинец», они доставляли почту и товары в дальние селения по Печоре.

Говорливский, или Говорливый, камень – отвесная известняковая скала на правом берегу Вишеры. Длина скалы более 2 км, высота более 60 м. Скалы обладают удивительно звучным и отчетливым эхом.

Хайло, простореч. – горло, глотка.

Штегер – вариант произношения слова «штейгер». Штейгер – мастер, заведующий рудниковыми работами.

Vae victis!, лат. – горе побежденным, крылатое выражение.

«Направо – горы и река, Налево – темный лес...» – строка из поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины».

Легенда о происхождении чудского народа наивна, но в высшей степени цинична. – В те далекие времена, гласит эта легенда, в одном селении жила девица. Ее заторный образ жизни возмутил всех соседей, и решено было прогнать ее из селения. Стала она скитаться в лесу, где и родился у ней сын. Устроила она логово и укрывалась в нём от непогод и холода со своим незаконным детищем. Между тем сын растет не по дням, а по часам. Когда он подрос, она соорудила ему лук и стрелы, и стал сынок постреливать зверей и птиц и тем прокармливать себя с матерью. Мясо ели сырьем и совершенно озверели они. Людей сын и не видал ни разу. Когда он пришел в возраст, то матерью овладели похотливые вождения... И вот велела она своему сыну прийти в известное место, где он должен встретить еще невиданного им зверя, у которого будут две руки, две ноги, а тело черное. Стрелять в этого зверя она крепко-накрепко запретила, а, напротив, велела делать, что он прикажет. Сын послушался и пошел в указанное ему место, а мать вымазалась сажей, и явилась туда сама, и развратила своего сына... Через девять месяцев родила она громадное яйцо и велела сыну выстрелить в него из лука. Сын пустил стрелу, яйцо лопнуло, и высыпалось из него великое множество каких-то уродцев, быстро разбежавшихся по разным сторонам... Вот от этих-то поганных существ и произошел чудской народ, живший наподобие диких зверей (*прим. автора*).

Дойти до тюка, диалект. – умереть.

Тамока, диалект. – там.

Фатера, простореч. – квартира, помещенье, жилье.

Обуй – произношение слово «обувь».

Турить, диалект. – гнать или сгонять, пугать и прогонять.

Шайдуров Василий Иванович – верхотурский купец и золотопромышленник.

Кунчал, диалект. – кончился.

Ежиден, диалект. – каждый день.

«**Племенн молодого и незнакомого**» – цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Вновь я посетил...».

Фабрика Феникса – ярославская табачная фабрика «Феникс», принадлежащая Вахрамеевым.

Дискант – высокий детский голос.

Лачить, диалект. – пить.

Sic transit gloria mundi!.., лат. – так проходит мирская слава, крылатое выражение.

Четверть, устар. – посуда (обычно бутылка) емкостью три литра.

Допрежь, диалект. – прежде.

Гумага, простореч. – бумага.

Визитки – однобортный короткий сюртук с закругленными, расходящимися спереди полами. Предназначался для утренних визитов.

Тюря – самая простая еда: хлеб или сухари, корки, покрошенные в воде с солью.

Она вся переполнена анахронизмами: помечено, что писана в 1775 году, а обращена к государям Иоанну, Петру Алексеевичам и Софии Алексеевне (!?). – Все перечисленные правители России умерли до написания данного документа: Пётр II Алексеевич (1715–1730), Софья Алексеевна (1657–1704), Иоанн (Иван) V Алексеевич (1666–1696).

Однако, брат, насчет сквернословия-то у вас здесь свободно! – обращаюсь я к одному из обозчиков. /– От самого Селижарова и вплоть до Астрахани у нас эта речь идет!– И понимаете друг друга?– В лучшем виде!.. / Н. Щедрин. – Цитата из «Благонамеренных речей» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Золоторотцы, простореч. – арестант, босяк, оборванец. Золотой ротой первоначально называли роту дворцовых гренадер, впоследствии это выражение приобрело переносный и бранный смысл.

Одеяльница, диалект. – меховое, чаще из овчины, одеяло.

Зашаять, диалект. – загореться без пламени.

Векшоед, диалект. – прозвище человека, употребляющего в пищу белок.

Пропащий камень, или Пропащая гора – гора на левом берегу Вишеры, прилегающая с юга к хребту Чувальский камень.

Сны тяжелые витают / Над их беспутной головой!.. – неточная цитата из «Братьев разбойников» А. С. Пушкина: «И сны зловещие летают / Над их преступной головой».

Берёзовский камень, или Березовский камень – горный хребет на Северном Урале.

Две Юбрышки – примерно в 12–13 км от посёлка Вёлс находится гора Южная Юбрышка (854 м). Северной частью через седловину она соединяется с горой Северная Юбрышка (795 м).

«**Куда как упорен в труде человек!**» – строка из стихотворения И. С. Аксакова «Бродяга».

«**Прикажут – завтра же будет акушером!**» – слова русского поэта Н. В. Кукольника (1809–1868), которые приводятся в воспоминаниях композитора М. И. Глинки.

«**...Сюда-то жадный человек // За золотом идет! // Оно лежит по руслу рек...**» – строки из поэмы Некрасова Н. А. «Русские женщины».

Орта – горизонтальная подземная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на поверхность.

Почмогу, Маржайке, Чурулу – сейчас эти реки называют Посьмак, Мартайка, Чурал.

Эфель, эфеля – мелкая и легкая фракция горной породы, выносимая водой при промывке россыпного или при обработке рудного золота.

Резановы (после 1846 года – Рязановы) – екатеринбургские купцы-старообрядцы, золотопромышленники.

Богословский завод – Богословский медеплавильный завод, сейчас город Карпинск.

Вашигерд – деревянный ящик, используемый для промывки руд.

Бутара – приспособление для промывки песков россыпных месторождений золота, платины и т. п., применявшееся на мелких промыслах.

Бульна, диалект. – сильно.

Шлихи – отмытый осадок на промывальном станке.

Мартайский камень – гора Мартай, расположена в Красновишерском районе Пермского края.

Тулымский камень – горный хребет на Северном Урале. Длина хребта составляет 35 км. Самая высокая точка хребта 1469 м (гора Острая).

Ижемцы, или коми-ижемцы – финно-угорская этническая группа коми. Получили свое название по реке Ижме, притоку Печоры.

Таперя, диалект. – теперь.

«...даль голубая видна...» – строка из стихотворения А. Н. Майкова «Весна! Выставляется первая рама...»

Харей, диалект. – палка, которую погоняют оленей.

«повисли перлы дождевые» – строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза».

Совики – вид самоедской шубы из оленьего меха.

Гамаши – теплые чулки от ступни до колена.

Молебный камень (от мансийского названия Ялпинг-нёр, Молебный, или Священный камень) – горный хребет, расположенный с юга на север от истоков рек Большая Тошемка и Вижай (правых притоков реки Лозьва) до истоков реки Вёлс. Длина хребта 22 км, высшая точка – гора Ойкачахл (1322,4 м).

Важенки (от саамского *важд*) – местное название самки северного оленя.

Лапландия – название расположенного в Северной Европе (в северной части Фенноскандии) культурного региона, который традиционно населяют саамы (устаревшие названия – лопари, лапландцы).

Очерк «Поездка на Печору» Н. П. Белдыцкого опубликован в «Пермских губернских ведомостях», в № 16 за 1898 год.

Муравьиный камень и Курыксар – горные хребты, расположенные в Пермском крае.

«дар напрасный, дар случайный» – строка из стихотворения А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...».

Невольно пришло мне на память прелестное Тургеневское стихотворение в прозе «Разговор». Помните, читатель? «Среди Альп высятся две громады...» – неточная цитата.

По Вишере. Ф. А. Мейер

Очерк «По Вишере (Из путевых набросков)» был опубликован в «Пермских губернских ведомостях» 8, 9, 10 января 1898 года, подпись – В. М-р.

Сиг – северная промысловая рыба из семейства лососевых.

Гремячева гора (Гремячев камень) – гора между деревнями Потаскуевой и Голосковой на правом берегу реки Вишеры. Название свое камень получил от того, что река протекает здесь с большим шумом по каменистому перебору.

Гостинов (Гостиновский) камень – гора на левой стороне реки Вишеры, между деревней Акчим и Усть-Улсом. Тянется на протяжении 2 км.

В глуши. Ф. А. Мейер

Очерк «В глуши (Из путевых набросков)» опубликован в «Пермских губернских ведомостях» 21 марта 1895 года, подпись – М.

Зашать, диалект. – затлеть, загореться без пламени.

Лиминация, простореч. – иллюминация.

Почать, диалект. – начинать.

Мирволя, простореч. – давать поблажку, попустительствовать кому-либо.

Новь, новина – непаханая земля.

Шутем – земля из-под пашни.

Руга – церковная земля или особая плата на содержание причта.

Курные избушки – черная изба, помещение, топившееся печью без дымохода.

Армяк – старинная крестьянская верхняя распашная одежда из толстого сукна в виде халата или прямого кафтана.

Понасерке, диалект. – вариант произношения слова «понасердке» – по злобе.

ЗАУРАЛЬЕ

До Верхотурья. Ф. А. Мейер

Очерк «До Верхотурья (Из путевых заметок)» опубликован в «Пермских губернских ведомостях» 27 октября 1898 года, подпись – Ф. М-р.

Каланча – дозорная башня в крепости или на сторожевом посту для наблюдений за передвижением врага.

Демидовы – род богатейших русских предпринимателей (заводчиков и землевладельцев), выдвинувшийся при Петре I благодаря созданию оружейных и горнодобывающих предприятий в Туле и на Урале. Основатели многих уральских городов.

Яковлев (Собакин) Савва Яковлевич (1713–1784) – предприниматель, заводчик, меценат, один из богатейших людей своего времени. С 1766 по 1779 год купил шестнадцать и построил шесть чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных заводов на Урале. Принимал активное участие в управлении заводами, лично назначал управляющих, но ни разу сам не посетил свои предприятия, давая письменные указания из Петербурга.

Спятиться, диалект. – медленно отступить назад.

Кликун-камень – скала на правом берегу реки Туры около города Верхотурья вблизи реки Неремка.

Симеон Верхотурский (Симеон Меркушинский) (1607–1642) – святой Русской православной церкви, почитается в лике праведных, считается покровителем уральской земли. Известен как праведник, совершивший подвиг «опрощения». Жил в селе Меркушино около Верхотурья, крестил вогулов.

Рака – ковчег с мощами святых, изготавливаемый обычно в форме гроба.

От Перми до Тагила и от Тагила до Алапаевска.

А. Н. Скугарев.

Очерк «Путевые впечатления (От Перми до Тагила и от Тагила до Алапаевска)» опубликован 17 апреля 1901 в «Пермских губернских ведомостях», подпись – А. Ск-в.

Красный Крест – общероссийская общественная благотворительная организация «Российский Красный Крест» осуществляет свою деятельность с 1867 года.

«Под начальство идет» – должно быть, техническое выражение (прим. автора).

«Больной» – опять, должно быть, техническое выражение (прим. автора).

Бандаж – металлический обод, пояс, надеваемый на отдельные части машины, железнодорожные колеса и т. п. для увеличения их прочности или уменьшения износа.

Обшоркались, диалект. – обтерлись.

Втуне лежащим – напрасно, зря.

Какое дело земству, что ящики на их тракте калечат лошадей, ломают и портят экипажи, наконец, ездят «стороной», нередко портят покосы и пашни? – Когда я ехал обратно (в конце пасхальной недели), то в двух местах тракта было приступлено к работам. В одном месте шесть человек парней рассыпали щебень из куч на тракт, а в другом месте четыре девочки раскалывали крупные куски уже рассыпанного щебня. Укатывания, по-видимому, производить не предполагается (прим. автора).

Елико возможно, разг. – насколько возможно, по мере сил.

По новой дороге. С. С. Геммельман

Опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» 1906 года, подпись – С. Г-н.

На Богословской дороге. С. С. Геммельман

Опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» 20 июля 1906 года, подпись – С. Г-н.

Богословская железная дорога – железная дорога, построенная на средства частного капитала – Богословского горнозаводского акционерного общества. В настоящее время линия относится к Свердловской железной дороге.

Пульмановские тележки – спальный железнодорожный вагон по имени американского предпринимателя Дж. Пульмана (1831–1897), основавшего компанию по производству комфортабельных пассажирских вагонов.

Надеждинский металлургический завод – металлургический и рельсопрокатный завод, основан и построен А. А. Половцевым в 1896 году для строительства Транссибирской магистрали.

По узкоколейке. С. С. Геммельман

Опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» 20 июля 1906 года,
подпись – С. Г-н.

Турьинские медные шахты разрабатывали крупное месторождение медных и железных руд на реке Туре, которое было открыто в 1760-х годах.

По Тобольскому тракту. С. С. Геммельман

Опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» 28 июля 1906 года,
подпись – С. Г-н.

Тобольский тракт – часть Сибирского тракта от Тюмени на Тобольск.

Наземом – навозом (*прим. автора*).

Веретийка, диалект. – холмик, горка.

Княженика – многолетнее травянистое растение с яркими красными ягодами. Известна под названиями арктическая малина, поленика, хохлушка, костянка, мамура.

ПЕРМСКАЯ БАШКИРИЯ

Самородок. С. С. Геммельман

Опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» 14 октября 1907 года в рубрике «Маленький фельетон. Очерки Пермской Башкирии»,
подпись – С. Г-н.

Аршава, разг. – Варшава.

Торжество. С. С. Геммельман

Опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» 12 октября 1907 года в рубрике «Маленький фельетон. Очерки Пермской Башкирии»,
подпись – С. Г-н.

Арака – крепкий алкогольный напиток, приготовленный путем перегонки из кумыса.

Кумган – металлический азиатский рукомошник, кувшин с носиком, ручкой и крышкой.

Багана – палка, жердь, шест, дреколье.

Содержание

«Мы склонны больше изучать чужие земли...»	3
КАМА	11
Кама. А. А. <i>Городков</i>	11
Кама. Ф. А. <i>Мейер</i>	76
Мое путешествие. А. Н. <i>Скугарев</i>	78
В пути. С. С. <i>Геммельман</i>	81
С «девятой пятницы». С. С. <i>Геммельман</i>	83
ЧУСОВАЯ И СЫЛВА	86
Поездка на Белую гору. Н. М. <i>Чукмалдин</i>	86
По реке Чусовой (Впечатления туриста). В. М.	93
СЕВЕРНОЕ ПРИКАМЬЕ	99
В предгорьях Урала. Наброски карандашом. Н. <i>Прус</i>	99
На север. С. С. <i>Геммельман</i>	113
До Тулпана. Ф. А. <i>Мейер</i>	114
Очерки вишерского края. Н. П. <i>Белдыцкий</i>	118
По Вишере. Ф. А. <i>Мейер</i>	185
В глуши. Ф. А. <i>Мейер</i>	192
ЗАУРАЛЬЕ	198
До Верхотурья. Ф. А. <i>Мейер</i>	198
От Перми до Тагила и от Тагила до Алапаевска. А. Н. <i>Скугарев</i>	202
По новой дороге. С. С. <i>Геммельман</i>	207
На Богословской дороге. С. С. <i>Геммельман</i>	209
По узкоколейке. С. С. <i>Геммельман</i>	210
По Тобольскому тракту. С. С. <i>Геммельман</i>	211
ПЕРМСКАЯ БАШКИРИЯ	214
Самородок. С. С. <i>Геммельман</i>	214
Торжество. С. С. <i>Геммельман</i>	216
Комментарии	229

Литературное издание

**ПО ПРЕДГОРЬЯМ УРАЛА:
путевые очерки конца XIX –
начала XX века**

Материалы Лаборатории политики культурного наследия.

ВЫПУСК 11

Редактор и автор предисловия *Е. Г. Власова*
Составление, комментарии *Е. Г. Власова, Е. С. Кризьская*

Обложка – *С. П. Зеленина*
Компьютерная верстка – *Л. В. Черных*
Корректурa – *В. В. Мальцева*

*Книга издана при поддержке
Министерства культуры Пермского края
в рамках программы «Пермская библиотека»*

Подписано в публикацию 12.10.2023.
Формат 70x100 1/16.

Издательство «Маматов»
190068, г. Санкт-Петербург, Вознесенский пр., 55а